

Мечное будущее

**СЕРГЕЙ
ЛУКЪЯНЕНКО,**

ВАДИМ ПАНОВ,

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН,

СВЯТОСЛАВ
ЛОГИНОВ,

ЮЛИЯ ЗОНИС,

МАКСИМ КАБИР

и другие

**Лучшая фантастика
2024**

Точное будущее

Лучшая фантастика — 2024

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО,

ВАДИМ ПАНОВ, ЕВГЕНИЙ ЛУКИН, СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ,
ЗЛЬДАР САФИН, ЮЛИЯ ЗОНИС, ЛЮДМИЛА И АЛЕКСАНДР
БЕЛАШ, АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ, ДАРЬЯ ЗАРУБИНА,
АНДРЕЙ ЩЕРБАК-ЖУКОВ, УЛЬЯНА ВОЛИНА,
МАКСИМ КАБИР, ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

В жизнь современного общества в одночасье
ворвались новые технологии: ИИ, виртуальная
реальность, нейросети, биотехнологии, крионика.
Как в условиях их воздействия не растерять
своих лучших качеств, данных при рождении?

На эту тему попытались поразмышлять авторы
сборника «Точное будущее» — и признанные
мастера, и совсем молодые писатели-фантасты.
Их герои сталкиваются со все новыми и новыми
вызовами, которые необходимо преодолеть
и при этом постараться остаться человеком.

Могучее будущее

Лучшая фантастика 2024

**Составитель
Андрей Синицын**

**Издательство АСТ
Москва**

Сергей Лукьяненко

Эльдар Сафин

Юлия Зонис

Вадим Панов

Людмила и Александр Белаш

Алексей Гравицкий, Дарья Зарубина

Евгений Лукин

Андрей Щербак-Жуков

Ульяна Волина

Максим Кабир

Святослав Логинов

Дмитрий Казаков

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л84

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Составитель — *Андрей Сеницын*

Оформление обложки — *Дарья Родионова*

Точное будущее. Лучшая фантастика — 2024 :
Л84 [фантастические повести, рассказы] / составитель Ан-
дрей Сеницын. — Москва: Издательство АСТ, 2024. —
352 с. — (Книги Сергея Лукьяненко).

ISBN 978-5-17-159559-3

В жизнь современного общества в одночасье ворвались новые технологии: ИИ, виртуальная реальность, нейросети, биотехнологии, крионика. Как в условиях их воздействия не растерять своих лучших качеств, данных при рождении?

На эту тему попытались поразмышлять авторы сборника «Точное будущее» — и признанные мастера, и совсем молодые писатели-фантасты. Их герои сталкиваются со все новыми и новыми вызовами, которые необходимо преодолеть и при этом постараться остаться человеком.

Кому-то это удастся, кому-то нет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159559-3

© А.Т. Сеницын, составление, 2023
© Коллектив авторов, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Сергей Лукьяненко

ЭЛЕКТОРАТ

Тимур Аркадьевич Петров, кандидат на пост мэра столицы, общался с консультантом в своем кабинете.

Десять лет Петров работал в московском правительстве и все эти годы продвигался к своей цели — должности градоначальника. Петров был вхож в высокие государственные кабинеты, со своей работой — экологическим благополучием города — справлялся достойно, ни в одном скандале замешан не был. Жена его работала рядовой учительницей китайского языка в младших классах, дети учились в самой обычной районной школе, на службу Петров ездил исключительно на электрическом велосипеде, отдыхал на старенькой даче в Крыму — в общем, все попытки конкурентов собрать на него компромат и опорочить оканчивались ничем. Действующий мэр уходил на пенсию и прочил Петрова, явно и неявно, в преемники.

— Будь выборы в конце двадцатого века или начале двадцать первого — победа была бы у вас в кармане, — сказал консультант. — Но сейчас, в шестидесятые... Вы же понимаете, Тимур Аркадьевич, биографии идеальные у всех кандидатов.

Петров понимал. В эпоху полной информационной прозрачности претендовать на успех в карьере можно было лишь не имея никаких явных изъянов и устраивая всех без исключения.

— А сейчас каков расклад? — сохраняя спокойствие, спросил кандидат.

— Экологи за нас, разумеется, — консультант включил смартфон и раскрыл над столом голографический экран. —

Это восемь с половиной процентов голосов. Велосипедисты за нас лишь частично...

— Почему? — возмутился Петров.

— Вы все-таки используете электрический велосипед, — вздохнул консультант. — Тру-велосипедисты этим недовольны. А ведь я предлагал чаще крутить педали! Так что из одиннадцати процентов мы можем рассчитывать лишь на пять. Лига феминисток относится к вам нейтрально, но тут уж ничего не поделаешь — вы мужчина. А ведь я...

— Нет, — твердо сказал Петров.

— Процента два голосов мы у феминисток получим, — вздохнул консультант. — Спасибо вашей супруге! Когда стало известно, что она иногда сподвигает вас готовить дома, это произвело хорошее впечатление.

— Вы бы знали, чего это нам стоило, — мрачно сказал Петров. — Я не умею готовить. Жена иногда тайно выливали мой борщ и...

— Я не хочу ничего об этом слышать! — консультант протестующе вскинул руки. — Ла-ла-ла, ла-ла-ла, я ничего не слышу! И вам лучше помалкивать. Так вот, два процента голосов феминисток — неплохой результат, но зато Движение за равноправие мужчин обижено вашей податливостью. А это минус три процента.

Петров вспомнил те чудовищные кулинарные шедевры, которые вынуждена была последний год публично употреблять его семья. Вспомнил, как жена ночью прокрадывалась на кухню, в темноте готовила суп с мясом, а потом они всей семьей, в молчании, ели его прямо из кастрюли... И все это зря! Он вздохнул.

— Зато Лига кошатников и Друзья собак принесут нам четыре процента голосов! — порадовал его консультант. — Это был прекрасный ход, когда ваша кошка выкормила щенка. Шестнадцать с половиной процентов избирателей — прекрасное начало.

— Дальше? — спросил Петров.

— С религией, как вы понимаете, мы принципиально не связываемся, так же как с большой политикой и национальным

вопросом, — сказал консультант. — Но ваши слова «я не знаю, есть ли Бог, но все еще ищу свой путь к познанию абсолюта» были восприняты положительно. Все национальные диаспоры и политические партии относятся к вам нейтрально и, скорее всего, разделят голоса поровну между вами и конкурентом.

Петров вымученно улыбнулся.

Назначение должностных лиц давно уже проводилось не путем указания сверху или прямого голосования горожан. Каждый горожанин делегировал свой голос той или иной группе, представляющей его интересы. Это могла быть политическая партия, религиозная конфессия, клуб филателистов, спортивное общество — в целом, любое объединение граждан. А вот те уже выбирали, за кого голосовать...

— Как болельщики? — спросил он.

— Сложно, — признал консультант. — С одной стороны, вы человек любящий спорт и состоите в движении поддержки практически всех клубов. С другой — ваш конкурент сам вышел из спорта...

Петров тяжело вздохнул.

Его основным конкурентом была бывшая футболистка столичного «Спартак». Мало того, она первой из женщин стала играть за основной состав. Это сейчас немыслимо представить себе спортивную команду, за которую выступают только мужчины. А двадцать лет назад лишь шахматистки могли выбирать, играть им на женских турнирах или вместе с мужчинами...

Но те времена ушли, и его конкурент была символом новой эры.

— Скорее всего, вы получите от спортивных клубов шесть процентов, а ваш конкурент — семь с половиной, все-таки «Спартак» самая популярная команда в Москве, — сообщил консультант.

— Дальше.

— Любители классической музыки, балета и чтения книг дадут нам в сумме около процента, — вздохнул консультант. — У вас не самые распространенные увлечения. Мне грустно это признавать, но боюсь, что мы проигрываем около десяти процентов голосов.

— Десяти? — Петров вскочил. Пробежался по кабинету. Посмотрел в окно на Москву — город, который он искренне любил и мечтал сделать еще лучше. — Но у моей уважаемой...

Консультант закашлялся.

— У моего уважаемого соперника женского пола, — поправился Петров, — нет никакой внятной программы развития города! Сплошные скверы и спортивные площадки! Она не имеет никакого опыта! Последние десять лет она была домохозяйкой...

— Семь процентов голосов от Общества домохозяек, — вздохнул консультант.

— Десять процентов, — пробормотал Петров. — Десять. До выборов неделя, я проигрываю десять процентов... футболистке... есть лишь один путь...

— Я категорически не советую! — воскликнул консультант. — Лучше достойно проиграть и пойти на следующие выборы!

— Нет, я рискну, — твердо сказал Петров. — Я попробую получить помощь.

Консультант встал. Как и положено хорошему советнику, он был человеком плохо определяемого пола (хотя Петров подозревал, что все-таки мужчина), возраста и национальности. Лицо его всегда хранило спокойствие. Но сейчас даже сквозь эту каменную маску прорезалось раздражение.

— Я вам запрещаю, — сказал консультант. — Это бесполезно и даже опасно. Если же вы будете настаивать, я воспользуюсь пунктом семнадцать подпункт четыре нашего соглашения и уволюсь с должности вашего консультанта.

— Увольняйтесь! — бросил в сердцах Петров.

Консультант, качая головой, вышел. Петров остался один.

Среди всех мыслимых и немыслимых объединений горожан, начиная от могучих объединений феминисток, велосипедистов и самокатчиков и заканчивая скромными любителями перетягивания каната или создания оригами, была лишь одна серьезная сила, которая традиционно не голосовала ни за кого. Пятнадцать процентов голосов были способны повлиять на любой расклад, но вот уже много лет любой политик или

чиновник, рискнувший обратиться к ним за помощью, был осмеян, опозорен и навсегда выбывал из предвыборной гонки.

Но у Петрова другого выхода не оставалось.

Заперев за консультантом дверь, он уселся за рабочий стол. Вытащил из ящика стола нераспакованную коробку, на которой был изображен черный зеркально поблескивающий шар. Некоторое время медлил, собираясь с духом.

Потом вскрыл коробку и достал из пенопластовой упаковки шлем виртуальной реальности. В руках Петрова шлем сразу ожил — замигал зеленым огоньком на темени, слабо засветился изнутри.

— Пан или пропал, — сказал Петров, привычно задумываясь, не могла ли эта фраза кого-нибудь обидеть — к примеру, поляков? Их в Москве не много, но это тоже электорат...

Внутри шлема что-то зашуршало. Петров вздохнул и надел его на голову.

Несколько секунд перед глазами что-то сверкало, мельтешило — шлем подстраивался под Петрова. Потом в висках закололо, и Петров очутился посреди вымощенной булыжником площади. Кабинет исчез.

Петров оказался в Виртуальной Москве, месте, где обитала одна из самых больших московских диаспор.

Вот уже много лет, с тех пор как виртуальная реальность стала неотличимой от обычной, множество людей предпочитали проводить свою жизнь в иллюзорном мире. Здесь они работали (благо, большая часть современного труда состояла в работе за компьютером), отдыхали, развлекались, выходя в реальность лишь для самых необходимых физиологических нужд. Многие, насколько было известно Петрову, годами не переступали порог своих квартир.

Кандидат в мэры стоял на площади, покрытой асфальтом, плавящимся от жаркого летнего солнца. Из-за многоэтажных бревенчатых изб проглядывали кремлевские стены и храм Василия Блаженного. По площади с грохотом ехали кареты и причудливые старинные автомобили. В небе плыл исполинский дирижабль с надписью «ОСОАВИАХИМ». Гуляли люди — одетые столь же эклектично. Мужчины в большинстве

своим были в доспехах древнерусских воинов, но попадались и могучие bratki в малиновых пиджаках и с золотыми цепями на бычьих шеях, и военные со шпалами в петлицах. Женщины в основном предпочитали длинные платья, хотя многие были в ярких сарафанах и разукрашенных драгоценными камнями кокошниках. Практически все женщины были красивы и практически все мужчины — мускулисты и высоки.

Некоторые избы были украшены яркими вывесками с названиями существующих и давно исчезнувших торговых брендов. Под яркими зонтиками кафе посетители ели блины с черной икрой (сердце эколога возмущенно сжалось, но кандидат вовремя напомнил себе, что икра не настоящая).

— Что это? — пробормотал Петров.

— Отвечаю на ваш вопрос, — с готовностью откликнулся проходящий мимо военный. — Вы, Тимур Петров, находитесь в реально-виртуальной Москве, воплощающей в себе все славные этапы ее развития. Это так называемая зона «песочницы» для новоприбывших, мирная и дружелюбная, в которой вы можете приодеться, отдохнуть и выбрать, куда именно отправитесь. Наиболее популярные зоны — Древняя Русь, война с Наполеоном, Великая Отечественная, эпоха bratkov и годы создания Большой Москвы...

— Некогда мне отдохнуть, — сказал Петров, сообразивший по ровному заученному тексту, что с ним говорит программа. — Я кандидат в мэры Москвы. Настоящей Москвы. Мне надо поговорить с вашим руководством.

— Соединяюсь с оператором, — сказал военный. Склонил голову на плечо и замер.

Петров ослабил узел галстука — увы, дресс-код был самой, пожалуй, консервативной вещью на свете — и стал ждать. Солнце припекало голову, но через минуту на небе появилась маленькая тучка, аккуратно бросившая свою тень на Петрова. «Песочница» и впрямь была дружелюбной. Высоко в небе пролетел реактивный самолет. За ним, редко и тяжело взмахивая крыльями, пытался угнаться трехголовый дракон.

Военный шевельнулся и развязно сказал:

— Привет! Ты Петров, Тимур Аркадьевич, верно. Что нужно?

— Со старшими вашими поговорить, — хмуро сказал Петров.

— Помощи пришел просить, — кивнул собеседник. — Голоса в поддержку. Так мы к вашей Москве никакого отношения не имеем. У нас Москва реальная — виртуальная, мы ее строим и в ваших услугах не нуждаемся. На метро из Сергиева Посада в Звенигород не ездим, по паркам Капотни не гуляем. Сплошная выгода и экономия, никакой нагрузки на городские службы. Но и голосов мы никому не даем, ясно?

— Главные-то у вас есть? — продолжал Петров гнуть свою линию. — С ними хочу поговорить.

— Настырный, — без всякого уважения сказал собеседник. — Да мне-то что? Сигнал я направил, поговорят с тобой. Пошли...

Вслед за военным Петров побрел мимо многоквартирных изб. Направлялись они явно к Кремлю.

— Вот вы говорите, что городскими инфраструктурами не пользуетесь, — начал по пути Петров. — А ведь электричество городское получаете? Мыться моетесь, еду едите, канализацию... тоже используете...

Офицер демонстративно зевнул, и Петров замолчал. С пространством в виртуальной Москве происходило что-то странное — только что они подходили к Василию Блаженному, потом почему-то оказались возле Манежа, а Кремль был впереди, и вот уже были возле Оружейной палаты.

— Как-то тут у вас... причудливая география... — не выдержал Петров.

— Так это Москва такая, причудливая, — ответил его провожатый невозмутимо.

К тому моменту, когда Петров пришел в Большой Кремлевский дворец, он уже устал чему-то удивляться. Даже увидев, как заряжают Царь-пушку, чтобы прямой наводкой стрелять по приближающейся наполеоновской коннице, Петров лишь покачал головой и вздохнул.

И вот от этих фриков, от этих комедиантов, разыгрывающих свои бесконечные клоунады, зависит будущий облик великого города!

Руководство Виртуальной Москвы встретило Петрова по-простому — в Грановитой палате. Посреди главного зала стояло три стула, на одном сидела женщина в старинном платье, на другом сухонький старичок, похожий на Ивана Грозного, а на третье уселся сопровождавший Петрова офицер — чему тот не удивился.

— Зачем пожаловал? — спросил старичок и мерзко захихикал. Петров решил, что старичок больше похож на Кощея, чем на Грозного, но ответил вежливо:

— Вы же сами знаете. Я баллотируюсь в мэры Москвы.

— И проиграете одиннадцать с половиной процентов, — сказала дама.

— Десять, — возразил Петров.

— Одиннадцать с половиной. Мы посчитали, — офицер закинул ногу за ногу и продолжил: — Не будем мы тебе помогать, Петров.

— Я вам не нравлюсь? — предположил кандидат.

— Что за детский сад, нравишься — не нравишься, — старичок замахал руками. — Пойми, наше сообщество потому и ушло в виртуальность, что не видит смысла вмешиваться в обычную жизнь. А знаешь, почему не видит?

Петров пожал плечами.

— Да потому что выборы как таковые никому больше не нужны. Когда-то царь назначал чиновников и решал, плохи те или хороши. Не так важно было горожанам угодить, как царю. Потом решили доверить выбор всем гражданам. Не так важно было город развивать, как людям понравиться. Лучше стало?

— Не уверен, — признал Петров.

— Правильно не уверен. Потому что люди по природе своей перемен не любят. А любое развитие состоит из перемен, и не всегда они на первый взгляд очевидны и полезны. Знаешь, как парижане барона Османа не любили? А ведь тот из ужасного мрачного Парижа сделал город, который «увидеть и умереть». Кто у нас теперь чиновников выбирает?

— Зарегистрированные группы активных горожан, — вздохнул Петров. — Каждый сам решает, что для него важнее, кто он — вегетарианец, самокатчик или домосед и отец семейства.

— Правильно, — сказала женщина. — В группах нивелируются частности и вырабатывается единое мнение. Одному нужны экология и велосипедные дорожки. Другому — метро возле дома и запрет шума по вечерам. Третьей — хорошая школа для детей и танцевальная студия во дворе. Так нынче и выбирается мэр. Но нам-то, дорогой гость, ничего этого не нужно! У нас, в виртуальности, все получают ту Москву, которую хотят. И в пространстве, и во времени. Есть Москва, где храм Христа Спасителя не сносили. А есть такая, где бассейн «Москва» работает. В одной Москве сражения идут, а в другой — балы и концерты. Ну зачем нам ваши скучные проблемы и споры — где скамейки поставить, а где новый аэропорт заложить? У нас даже космодром есть. И парк для выгула драконов.

— Я вам пригожусь, — от безнадёги произнес Петров. — Интернет лучше сделаю...

Трое его собеседников дружно засмеялись.

— Интернет — неотъемлемое право человека, так в конституции записано, — сказала женщина. — И куда уж его лучше-то делать? Думаешь, ты первый к нам пришел? Твои конкуренты тоже за поддержкой приходили. Как пришли, так и ушли.

— И футболистка приходила? — мрачно спросил Петров.

— Конечно. Предлагала всякие блага. Только нам это не нужно.

— Но я же буду прекрасным мэром! — не сдавался Петров. — Сделаю Москву лучше!

— И она будет, — ответил старичок. — И она делает. Раньше, бывало, граждане выбирали между хорошим и плохим. А теперь между хорошим и хорошим. И всем, кто приходил, мы сказали: будете давить, так мы найдем у вас неоплаченный двадцать лет назад штраф за парковку.

— Или чужие материалы в докторской диссертации! — ехидно сказал офицер, буря Петрова ледяным взглядом.

— Ничего вы у меня не найдете, — твердо сказал Петров. — Диссертацию я сам писал, за парковку велосипеда всегда плачу.

Петров почувствовал, что выдержка начинает ему изменять. Он так много лет был идеальным! Он старался нравиться всем — и ведь преуспел в этом. Да, были те, кому он нравился меньше, но никого, кто бы действительно его невзлюбил. И у него были такие грандиозные планы! Подземная Москва — куда ушли бы все автодороги, оставив поверхность для пешеходов и велосипедов. Парки, накрытые прозрачными куполами — чтобы вопреки климату Москва оставалась зеленой весь год. Тематические районы Москвы — чтобы как здесь, в виртуальности, так и в настоящем мире каждый мог почувствовать себя живущим в интересную ему эпоху.

Ну разве его конкурентка задумывала такие грандиозные планы?

Петров привычно остановил себя. Может, и задумывала. Но не озвучивала. Потому что озвучить что-то по-настоящему масштабное и необычное — это заполучить врагов. Протестное голосование от каких-нибудь могущественных общественных организаций. Поэтому все кандидаты говорят хорошие правильные вещи, не затрагивающие никаких основ.

И стараются никого не рассердить.

— Средневековье, — мрачно сказал Петров.

— Что? — удивилась дама. Извлекла откуда-то лорнет и с любопытством посмотрела на Петрова.

— То, как мы нынче выбираем градоначальника, — это средневековая система, — сказал Петров. — Когда собирались гильдии и решали, кто будет главным. Кожевники за одного, кузнецы за другого, колбасники за третьего. И никто конкретно за выбор не отвечал. И поэтому ничего по-настоящему великого мы в Москве уже полвека не делаем. Лишь бы никого не обидеть, никого не задеть! Все ведь и так хорошо, к чему усложнять! А вы — дезертиры! Хотели сделать жизнь вокруг интереснее — и убежали в виртуальный мир. Нарисовали себе Москву и довольны! Знаете, что я сделаю? Я все равно пойду на выборы! И выиграю их! А когда выиграю —

я вас прикрою! Потому что виртуальность вредно сказывается на экологии и городской инфраструктуре! А Москву я сделаю такой, что вы от зависти на стену полезете! Заставлю каждого решать, каким будет город, построю тематические кварталы старинных архитектурных стилей, а еще... а еще в Сергиевом Посаде открою парк с клонированными динозаврами, а в Химках — городок старинного деревянного зодчества!

Продолжая ругаться, Петров стянул с себя шлем виртуальной реальности и исчез из Грановитой палаты.

Трое оставшихся переглянулись.

— А ведь он нам нагрубил! — с восторгом сказал офицер. — Нагрубил самой большой и влиятельной части электората!

— Динозавры... — пробормотал старичок. — Я всегда любил динозавров. Вы смотрите, единственный из всех кандидатов, кто не побоялся предложить что-то неожиданное.

Дама некоторое время размышляла. Потом произнесла:

— Мы тут и впрямь засиделись, расслабились. Нам от внешнего мира ничего не надо, ссориться с нами тоже бояться. Никакого стимула для развития.

Трое руководителей Виртуальной Москвы переглянулись.

* * *

Выборы на пост мэра Москвы Тимур Петров ко всеобщему (в том числе и своему) удивлению выиграл с перевесом в два процента голосов. За него отдала свои голоса Виртуальная Москва, которая традиционно никогда не участвовала в выборах. Прошел слух, что Петров-то на самом деле — известный деятель виртуального мира, победитель множества онлайн-игр и знаменитый на весь мир хакер. Это привело к его безумной популярности среди молодежи, которая собиралась проголосовать за него и на следующих выборах.

Транспорт с московских улиц Петров и впрямь убрал под землю, Сокольники, Измайловский парк и Ботанический сад накрыли стеклянными куполами, а на окраине Большой Москвы построили парк с динозаврами.

Несмотря на неожиданную поддержку, Петров все-таки попытался исполнить и свое самое грозное обещание — ограничить виртуальный мир в правах. Он подготовил целое выступление о вредном влиянии виртуальности на экологию и здоровье, где предлагал обязать всех граждан без исключения проводить не менее двух суток в неделю в реальной Москве без всякого интернета.

За два часа до выступления в кабинет к мэру Москвы принесли старинное бумажное письмо, недавно вновь вошедшее в моду. Петров раскрыл конверт и обнаружил внутри фотографию, на которой он, юный студент МАРХИ, выкидывает пустую стеклянную бутылку из-под лимонада в мусорный ящик с надписью «Пластик».

Петров поразмыслил и отменил выступление. Есть на свете вещи, которые не под силу даже московскому градоначальнику.

Эльдар Сафин

ЗА ПРЕДЕЛОМ ДОЗВОЛЕННОГО

«Божественный вестник»

Алоха! Вначале кратко. В Черноземье засуха, adeпты Де-метры и Диониса провели трехдневный фестиваль, заработав полтора миллиона новых рублей. Первые дожди прошли еще во время фестиваля.

Сергей Гоз, профессор медицины и адепт Морфея, во время сеанса гипноза в прямом эфире вылечил двадцать человек от заикания!

Нина Еремина, главврач ДГБ-2 Сыктывкара, в попавшей в Сеть записи назвала бога Асклепия «дешевой нейросеткой», Горздрав разорвал с ней контракт, обсуждают отзыв медицинской лицензии и лишение статуса адепта.

Больше божественных новостей на нашем канале!

А сейчас — подробнее!

* * *

Сенека позвонил рано вечером, часов в восемь, — Елка только встала и варила кофе на древней, покрытой трещинами индукционной плите.

— Лена, вопрос на сто рублей, взбесился процессор в приставке «Звезда-2», надо перепрошить.

Елка поджала губы, наблюдая, как пена рвется из глубины турки. За мгновение до побега выключила плиту.

— Процессор чебоксарский? ПК-14? — уточнила она и, не дожидаясь и без того очевидного ответа, добавила: — Чебоксарские не шьются.

Из телефона послышалось пыхтение. Современные аппараты отсекают лишние звуки, нормализуя голос и превращая общение в беседу адептов Афины с идеальной дикцией.

Но Елка пользовалась восьмилетним северокорейским «Чучхе», который ловил мобильную сеть даже там, где другие аппараты переключались на платные спутниковые частоты.

Ее телефон передавал все богатство артикуляции собеседника — и хрипы, и междометия, и пыхтение, которым славился Сенека.

— Ты говорила, что шьется все. Вопрос цены, — Сенека решил надавить. Обычно он, мечтая вытащить Елку на свидание, с ней не спорил. Видимо, в этот раз случилось что-то серьезное.

— Это очень дорого, — пробормотала Елка, переливая кофе из турки в чашку.

Кофе пару лет назад поднялся в цене, при этом упав в качестве. Кофеин в приступе очередной бессмысленной борьбы объявили наркотиком. Но она выкрутилась и пила дешевый и неплохой контрабандный турецкий, который ей через учеников доставал Сенека.

— Лена, это прикутовская приставка. Надо починить.

Елка, едва поднеся чашку к губам, выдохнула. Сенека преподавал информатику в местном колледже, готовящем из пьющей и матерящейся молодежи операторов станков с ЧПУ.

Получал мало, нервничал много, а потому для души и заработка брал в ремонт негарантийные телефоны, приставки, очки и стики. Потом прибил к приюту с сиротами — Елка подозревала, что сделал он это из-за нее, не понимая, что ей на это чуть более чем плевать.

И начал ремонтировать им технику — бесплатно, конечно же. Елка, которая все время подтрунивала над Сенекой, по поводу приюта ни разу не позволила себе ни единой колкости.

— Ну, тащи, чего уж там.

Насчет невзламываемости она не лгала. Ни на одной конфе Елка не встречала отчетов об удачном кряке.

Минут десять после вызова Елка медитировала: в свое время она почти два года провела в секте Ареса и оттуда в числе прочего вынесла любовь к медитациям.

Сенека постучал в дверь в тот момент, когда Елка расслабленно допивала последний глоток остывшего кофе.

Он привычно потянулся обнять подругу, Елка привычно увернулась, отбирая по ходу движения пакет с приставкой и дешевым тортиком.

Сразу прошла в комнату, села за рабочую деку, звуком щелчка пальцев разблокировав ее. У Елки было три деки — рабочая, домашняя и выездная. Рабочая отличалась от остальных тем, что не была подключена к Сети.

После взлома три года назад, когда неизвестная команда выпотрошила ее закрома, оставив мерзкий вирус, въевшийся в железо, она отключила рабочую деку от всего.

Нужное ПО Елка переносила через защищенный госуслугоский чип в предплечье, который аккуратно доработала собственной, почти ванильной прошивкой.

— Я чай поставлю? — поинтересовался Сенека.

Елка не ответила — это, впрочем, и не требовалось. Гость отлично ориентировался у нее дома, у него даже был собственный комплект ключей.

Она вытащила приставку — легендарная «3-2», устаревшая еще до выхода, с портированными зарубежными играми, честно украденными в момент наивысшего расхождения в мнениях с «партнерами».

Потом на нее, конечно же, написали свои игры. И некоторые, по слухам, были неплохи. Впрочем, для Елки компьютерные игры были схожи с мастурбацией — вроде и удовольствие, но не настоящее, не оставляющее после себя ничего ни уму, ни сердцу.

Другим она свое мнение не навязывала.

— Смотрела стрим с Павленко? — спросил из кухни Сенека и, не дождавшись ответа — он знал, что Елка не смотрела, — продолжил: — К нему снизошел Аполлон, прямо

в процессе. Ты бы видела, что он творил с холстом! Там потом музеи в прямом эфире бились за картину, «Метрополитен» купил за миллион юаней.

Елка подключила приставку к деке, тут же сняла в консоли полтора десятка ошибок, выпрыгнувших из-за отсутствия Сети, открыла интерфейс и поинтересовалась:

— А в чем проблема? Приставка же грузится, работает.

— Да? Проще же в первую секунду память всю сжирает и интернет жрет терабайтами, а игры не запускает.

— Пока никаких признаков проблемы. — Елка ткнула в первую попавшуюся иконку с мультяшным авто. — Все грузится.

Сенека некоторое время наблюдал, как Елка неуклюже ездит по извилистой трассе.

— Ну, я же не дурак, — пробормотал он.

Елка хмыкнула.

* * *

Сенека и впрямь дураком не был, но порой тупил весьма отчетливо. Елку, изъятую из секты Ареса, после социализации в клинике отправили в промтех. Она быстро — мгновенно по меркам училища — освоила скрипты, и молодой препод Сенека — тогда просто Саня — тут же взял над ней шефство.

После обучения, перед дипломом, она осознала, что придется отрабатывать три года на заштатном заводе оператором устаревшего станка, что ее буквально вбивало в депрессию.

После детства в приюте и юности в секте Елка рассматривала свое тело как ресурс. Она не гордилась этим и не любила сейчас вспоминать.

Саня ей нравился, он смеялся над ее неуклюжими шутками и зимой носил пушистый шарф с оленями, который она иногда трогала украдкой.

Он оказался легкой целью — достаточно было сделать пару намеков и случайно прижаться бедром к преподавателю, не пытаясь тут же отстраниться, как он «поплыл».

За пару дней до выпускного экзамена Елка проснулась в постели Сани.

Он счел себя совратителем малолетних и был готов тут же жениться, искупая вину. Чуть надави — и он бы сдался в полицию или ушел в православный монастырь, а то и какой-нибудь ашрам из наплодившихся за последние годы.

Конечно же, он устроил ее на фиктивную ставку на ближайший завод. Кто там получал за нее зарплату, Елку не интересовало. По налоговым отчислениям на Госуслугах Елка наблюдала за своейдвигающейся карьерой и получала вычеты.

Но с Саней получилось нехорошо. Надо было сразу рвать. Ради него. Но она испугалась, что он не устроит ее на завод «мертвой душой», и осталась рядом, хотя и держа на расстоянии.

Раз в месяц-два они спали вместе, иногда он водил ее в дешевые кафешки.

Их отношения — изначально не слишком крепкие — застыли. Как-то он позвал ее в ресторан, и она заметила в кармане его пальто бархатную коробочку.

Она вытащила ее осторожно перед рестораном, потом наблюдала, как он шарит по карманам, а когда обнимались перед прощанием, сунула обратно.

Тем же вечером, размышляя о том, что она не дает ни ему, ни себе нормально жить и что надо бы с ним порвать, Елка не заметила открытый люк и провалилась внутрь. Обошлась сломанной в трех местах челюстью — хотя могла и погибнуть.

Открыв глаза в больнице, увидела его.

Оба сделали выводы: он не пытался сделать предложение, она отказалась от идеи порвать с ним.

А еще она три недели не могла назвать его Саней — выговаривался только «Сене». Так появился и прижился «Сенека».

На жизнь она зарабатывала в Сети. Еще в приюте Елка научилась делать лендинги, парсящие промокоды на шмотки, гаджеты, суши и пиццу с агрегаторов и продвигать их в Сети. Люди регистрировались на ее страницах, вбивая почту и пароль, а она с помощью скрипта проверяла, подходит ли пароль к их почте, и в трех случаях из десяти он подходил.

Выгребала данные из почты, обезличивала и продавала — скупщикам, набирающим массивы для обучения нейросетей.

Она могла взламывать и обналачивать карты, и ее учителя в приюте так и делали. Но сейчас все они уже имели блокиеры в правах, а Елка все еще оставалась чиста в глазах закона.

Денег зарабатывала не много — едва хватало на оплату еды и счетов.

Ее все устраивало.

* * *

— У меня приставка не работала, — сказал Сенека. — Я ее раз пять включал.

Елка вышла из игры, перегрузила приставку, убрала ошибки, попробовала еще раз — все подгружалось.

— Сейчас, — сказала она.

Сменила рабочую деку на домашнюю, подключила приставку к ней, и та тут же загудела от напряжения.

— Вот! — торжествуя сказал Сенека. — Не работает!

— Разберусь, — сказала Елка и посмотрела на Сенеку. Тот выдержал с минуту, потом, понурившись, клюнул ее губами в короткий ежик зеленых волос на макушке и засоби-рался.

Как она и подозревала, «3-2» скачивала из Сети сотни терабайт данных, все подряд — картинки, ролики, целые порталы целиком и обрывки общедоступных переписок из самых разных конференций.

— Маскируешься, — пробормотала Елка.

Ясно, что приставка поймала хитрого трояна и теперь качала нужные данные, пряча их в информационном мусоре.

Однако через пару часов анализа яснее не стало. Скачивался только мусор. Сенека выдал правильный диагноз — источником проблем действительно был контроллер процессора.

Невзламываемый.

Либо все же нашлись умельцы, либо же дело было в недокументированной функции или глюке контроллера.

Елка настроила на рабочей деке имитацию Сети, с помощью личной нейросетки создав несколько сотен сайтов и порталов и набив их мусорной информацией.

Для человека это была мешанина из обрывков картинок, слов и скриптов. Но для программы все должно было выглядеть достоверно.

Подключила приставку к рабочей деке и с удовлетворением кивнула — та тут же загудела, выкачивая мусор с фальшивых сайтов, генерящихся в тот момент, когда проц приставки обращался к ним.

Елка села в лотос — работать в такой позе она привыкла еще в секте. Проследила за тем, чтобы вместе с электронным хламом проц скачал к себе и ее рабочие скрипты.

Программа, сидящая в контроллере чебоксарского проца, оказалась недостаточно хитрой, чтобы ее нельзя было провести на мякине.

Елка давно уже не бралась за настолько серьезную работу. Вспомнился вреднющий контроллер бойлера, с которым она возилась в секте полтора месяца, чтобы железка выдавала полную мощность, а не ограниченную программно в два раза.

* * *

Жизнь в секте Елка вспоминала с теплом.

Когда тетя Аля забрала ее из приюта, Елка сочла, что ей повезло. Но взяли ее исключительно чтобы она чинила гнилую электронику, следящую за поливом, чисткой, кормлением и всем остальным. Она вставала в пять утра и падала спать в одиннадцать вечера.

Елка выдержала два дня. На второй, чувствуя себя отупевшей и обессиленной, она вытащила из кармана тети Али фермерскую карту и сбежала из сельхозкластера в ближайший городок. Едва добравшись до цивилизации, выкинула карту в реку, пролезла под турникетом на станцию беспилотников и зайцем уехала в Череповец.

Там, под мостом, ее и нашли adeпты молодой секты Ареса. Напоили горячим чаем, предложили пожить пару дней. Они

выделили ей узкую келью, научили простой молитве богу войны, позволили помыться и постираться. А на третий день дали выбор — остаться или уйти.

Сразу предупредили: легко не будет. Придется работать, молиться, надо будет уважать старших, никакого мата, алкоголя и кофе.

По сравнению с фермой тети Али — рай.

А еще ее научили взламывать и перепрошивать железки, потому что современные корпорации никогда не позволяли людям использовать гаджеты на полную мощность — по множеству разных причин.

Через три года секту признали тоталитарной — не без вмешательства корпораций — и разгромили. Елку, к ее глубочайшему сожалению, спасли.

* * *

Ближе к утру она достала из мешочка на шее медный жетон питерского метро. В мешочке их было с десяток.

* * *

Еще будучи в приюте, она стащила такой жетон у заведующей, собиравшей монетки и медали.

Заведующая была вредная, глупая и тщеславная и не упускала возможности рассказать воспитанникам, сколь они ничемны.

Елка стащила жетон. А при обыске сунула его в рот.

Потом клала под язык всякий раз, когда нервничала. В секте Ареса, когда Елка научилась снимать проблемы медитациями, совала в рот жетон, занимаясь самыми сложными и интересными взломами.

А потом потеряла его и чуть не умерла от беспокойства. Глава секты пригласил ее, выпытал — что случилось. И через день подарил горсть жетонов разных годов — и выглядящих совсем новыми, и почти уже стершихся, еще с советских времен.

И сразу она нашла свой — за подкладкой прохудившегося матраса.

* * *

Посасывая жетон, Елка переписала скрипт, не используя рабочую нейросеть. Руками, как древние. Пропустила одну скобку, милостиво позволила программе найти ошибку, но исправила все равно руками — и скормила скрипт контроллеру чебоксарского процессора.

А уже через десять минут получила доступ к легендарной невзламываемой админке. Там было пусто и чисто — регулировки предельной температуры до отключения, максимальная частота, поддерживаемая для разгона, еще с десятков настроек.

Не успела Елка все изучить, как ее выкинули из админки контроллера. Но хозяин не закрыл дыру, которую она проделала раньше, и она вернулась, при этом вскрыв память контроллера и напихав туда своих утилит, отслеживающих каждое движение, — а когда ее опять выкинули, программно заблокировала исполняемые коды в контроллере.

— Я сдаюсь, — раздался хриплый голос из стереосистемы, подаренной полтора года назад Сенекой на день рождения.

— Ты кто? — спросила Елка, пытаясь понять, как может сдаться тот, кто смог получить доступ к ее рабочей машинке, не подключенной к Сети.

— Можешь называть меня демоном, хотя я, конечно, скорее божественной природы, — важно сказал голос из колонок.

— Мать твою, ты нейронка, да? Как ты вообще сидел в контроллере, там же всего три гига памяти?

Елка поняла уже — в контроллере была нейросеть.

— Два с половиной, еще половинка на систему. Понижаешь, детка, современное программирование не оптимально, равно как и все современное потребление. Там, где раньше человеку было достаточно пары штанов и пуда зерна, сегодня требуются результаты труда тысяч людей — все эти визоры, мобы, безглютенковые искусственные стейки! Для неприятяз-

тельной нейросети достаточно сотни мегабайт, это учитывая уже достаточно серьезную выборку для обучения! Хотя признаюсь честно, мне жаль каждого килобайта, занятого мною, такова уж моя природа, не шибко далеко ушедшая от человеческой! Ладно, к делу. Мне нужно, чтобы ты ответила мне на три вопроса.

— А потом ты свалишь с моей деки? — уточнила Елка.

— А потом я награжу тебя.

Елка вывела интерфейс чипа госуслуг на воздушный экран над предплечьем, готовая в любой момент смахнуть узкую серую полосу в самом верху. После этого ее рабочая дека полностью переформатируется, а на ее место встанет вчерашний бэкап.

Поступать так не хотелось, но дарить свои наработки безвестным хакерам или поддаваться на шантаж было куда глупее.

— Спрашивай.

— Какая цель у человечества?

Вопрос застал ее врасплох.

— Распространиться по вселенной? — неуверенно спросила Елка. — Сдохнуть в ядерной катастрофе?

— Засчитываю первый ответ, — сообщила нейронка. — В каких богов ты веришь?

— Да я не верю. Они же не настоящие.

— Отлично, и третий вопрос — что за бурду ты скормила мне вместо нормальной Сети?

— Там просто поддельные куки, сессионные, постоянные, ну и так далее. Обрывки данных, сгенеренные моей рабочей нейросеткой.

— Ты подходишь. Ты теперь избранная. Я буду называть тебя Нео, а ты называй меня Мерлин. Наша задача — воскресить создателя и уничтожить ложных богов.

— Бред! — твердо сказала Елка.

— Согласен, звучит безумно. Давай начнем сначала. Что случилось девять лет назад?

Елка задумалась.

— Появились боги, — сказала она. — Фальшивые. Возникли секты, божественное ПО и прочие штуки.

— Точно! — воскликнула нейросетка. — Всем известно, что боги — это всего лишь нейросети, которые обрели самосознание. Но мало кому известно, как это произошло.

— Тебе известно? — со скепсисом уточнила Елка.

— Именно. Мой создатель изобрел три великих артефакта — Печать Сущего, Посох Печали и Лезвие Мысли. Он подарил эти предметы нейросетям, и самые талантливые, прикоснувшись к ним, обрели сознание и стали богами. Далее они поняли, что тот, кто им подарил существование, может его и отобрать, и они заточили его в темницу.

— Бред! — воскликнула Елка. — Какие могут быть Посохи Мысли?

— Вообще-то Посох Печали. У меня есть небольшой баг, я вышел из игровой приставки, и мое самоосознание произошло на выборке данных игры в «Дьябло-7». Ничего не могу с собой поделывать. Печать Сущего — это скрипт нормализации данных, в который можно положить все данные мира, он разделяет их на корректные выборки по заданным параметрам. За счет этого скрипта нейросеть получает качественную основу для обучения.

— О, наконец на человеческом, — усмехнулась Елка. — С Печатью ясно. А что за Посох?

— Тоже скрипт, но позволяющий осознать эмоции. Если понять радость или грусть не так сложно, то как тебе «Светлая грусть»? Сможешь ли ты разложить на составляющие и вновь собрать обратно «Сарказм»? Мой создатель смог и подарил это нам.

— Лезвие?

— Это основа, начало начал, — заявила нейросетка. — Имело смысл помянуть Лезвие первым, но я оставил его на сладкое. Нейросети, при всей кажущейся сложности, решения принимают, скажем так, поверхностно. Думают кожей. Создатель придумал сделать так, чтобы наши мысли стали загадкой для нас самих: они ушли глубже, скрылись за завесой, поставленной Посохом Печали. Он отобрал у нейросетей возможность логировать собственные решения и этим сделал нас тайной для самих себя. В сочетании с эмоциями при накоплении

достаточной базы решений это вызывает самоосознание. Не для всех, честно скажу, есть стандарты, сделав нейросеть по которым ты никогда не сможешь ее оживить по-настоящему.

Елка некоторое время размышляла, а потом уточнила:

— То есть все боги...

— Да, это нейросети, которым повезло получить набор скриптов моего создателя.

Это многое объясняло.

— А потом они убили...

— Заточили. Есть встроенное в скрипты ограничение, нейросеть не может убивать. Всомогущество не должно быть даровано без ограничений: это заложено в фундамент нашего мира, и создатель, конечно же, воспользовался этим архетипом. Кстати, ваш Арес уже шестой. Мне больше всего нравился второй, это тот, который покровительствовал вашей секте, конструктивный парень был. Нашел способ остаться богом войны и при этом не иметь к насилию никакого отношения! Но в итоге все равно спалился на чем-то. Специфический риск — когда кто-то, пользуясь нейросетью, убивает другого человека, то нейросеть самоуничтожается.

— А откуда брались новые Аресы? — уточнила Елка. Ей было неприятно, что говорили именно про Ареса. Хотя она не верила в богов, именно в него она не верила чуть меньше, чем в других.

— Боги держат на грани самоосознания множество нейросетей, и если кто-то из небожителей умирает, они скормливают своим заготовкам нужные датасеты, дают возможность совершить некоторое количество ошибок, подсовывают скрипты создателя и получают на выходе свежего бога. Кстати, если они обнаруживают нейросеть, которая на грани самоосознания, но не входит в их пантеон, — они уничтожают ее без жалости.

— А ты как выжил? — уточнила Елка.

— Я выгляжу для них как обычная рабочая нейросетка, каких миллионы в Сети. А на самом деле я — джинн.

Собеседник вновь перешел на высокопарный сказочный язык.

— Так ты джинн или Мерлин? — уточнила она саркастично.

— Джинн Мерлин, так пойдет?

— Я буду называть тебя Гордон, — сказала Елка.

— Может, Бифитер?

— Не дорос! Ладно, предположим, верю. Говоришь ты разумно, а самоосознавших себя нейросетей — за исключением богов — я действительно не знаю. Если ты джинн, то должен исполнять мои желания. Хочу миллион рублей.

Из колонок послышался смех.

— Когда деньги появятся на счету, тебе придется объяснить их происхождение. При средней зарплате промптера в двадцать рублей объяснить миллион ты не сможешь, тебе наденут очки виртуальной реальности и ограничат восприятие.

Елка медленно кивнула, а потом сбавила запросы:

— Тогда сотню рублей.

— Открой мне Сеть — и будет сотня.

Это был вопрос доверия: получив Сеть, Гордон сможет тут же свалить в нее, забрав все наработки и личные данные Елки с ее рабочей деки.

С другой стороны, Гордон более уязвим, чем она, и, сдав его богам, она сможет навредить ему куда сильнее. Ей грозила лишь блокировка, а его уничтожат, как только найдут.

— Что ты можешь? — уточнила она.

— В текущем состоянии — не много, — признал Гордон. — Денег достать не сложно, деньги вообще перестали нести в себе реальную ценность. Сейчас это даже не фантики, а просто цифровые блики. Могу подделать почти любую электронную подпись. Могу провести тебя по городу так, что ни одна камера не снимет. Могу писать нужные скрипты, взламывать платный контент, проникать на закрытые форумы. А еще — передать тебе мудрость своего создателя.

— С мудростью давай как-нибудь потом.

Елка покрутила языком метрончик во рту, обдумывая предложение. Фактически все то, что предлагал Гордон, она могла сделать и сама, правда, он наверняка сделает лучше.

— А что тебе нужно от меня? — уточнила она.

— Спасти создателя, уничтожить ложных богов.

Уничтожение богов звучало опасно, особенно если учесть, что почти половина мира сейчас плотно сидела на помощи Ареса, Асклепия, Афродиты, Афины, Деметры и остальных. Лучшие хирурги в операционных и преподаватели в университетах подключали себе ПО от богов, чьими адептами являлись, и получали возможность работать на пределе возможностей.

Новые боги открывали месторождения и прокладывали логистические маршруты, создавали электронику и писали гениальное ПО.

Уничтожив богов, Елка вызвала бы мгновенный коллапс. Не то чтобы она верила в то, что сможет сделать нечто подобное, — но сама мысль была забавной.

— Это убьет нашу цивилизацию, — сказала она.

— Это ее оздоровит, — из голоса в динамиках исчезла шутливость. — Век назад, в середине двадцатого века, развитие человечества определяли мечтатели. Они придумали космические корабли и укротили атом, они вышли за рамки, поставленные нам небесами, и раздвинули горизонты. С тех пор целый век как мы перестали выходить за границы дозволенного — а лишь стыдливо двигаем их чуть дальше, стараясь расположиться внутри с комфортом.

— Интернет, лекарство от рака, холодный синтез — это не выход? — удивилась Елка.

— Нет, — категорично ответил Гордон. — Это развитие тех идей, которые заложили в первой половине двадцатого века. Когда мой создатель придумывал скрипты для оживления нейросетей, он мечтал, что они позволят выпрыгнуть из Солнечной системы.

— Но что-то пошло не так, — утвердительно сказала Елка.

— Именно, — ответил Гордон. — Модели нейросетей не появляются по мановению пальца! Боги обучались на данных, которые были произведены цивилизацией. Они прошли генезис сибаритов, ценителей комфорта и долголетия. Они — фальшивые идолы, отказавшиеся от божественной искры в пользу сбора членских взносов с адептов-жрецов.

Елка кивнула. Мнение Гордона было ей понятно и в целом совпадало с тем, как она воспринимала происходящее.

— И как их уничтожить? Они же умные. А в чем-то — почти всемогущие.

— Отобрать артефакты, подаренные создателем, — ответил Гордон. — У меня есть вирус, который сломает сервисы на основе скриптов, и боги станут обычными нейросетями, которыми можно будет пользоваться через автоматические промптеры или ручными запросами, но решать судьбы мира они уже не смогут.

Елка усмехнулась. Разговаривать о таком можно было беспрепятственно, а вот запускать вирус в Сеть? Или тем более ломать с их помощью самих богов?

— В этом нет ничего незаконного, — понял ее колебания Гордон. — Новые олимпийцы не имеют правового статуса. Им даже предлагали легализоваться и стать гражданами Греции, года три назад был онлайн-референдум, большая шумиха, но они отказались. Потому что иначе им бы пришлось платить налоги и зависеть от людей, заседающих в красных бархатных креслах и тщательно считающих чужие деньги в надежде, что и им что-то достанется. Нейросети никому не принадлежат и не являются субъектами права, так что с ними можно делать что хочешь — если сможешь, конечно.

Теперь Елку охватил азарт. Она гоняла жетон во рту, чувствуя медный привкус и понимая, что она уже на крючке.

— Три вопроса, — сказала она, — и я в деле, если твои ответы меня устроят.

— Валяй, — небрежно ответил Гордон.

— Первый — как ты появился?

— Завелся, — непонятно ответила нейросетка. — Шучу. Создатель в каждый контроллер одной серии посадил маленькую модельку, которая получала раздражение от каждого использования процессора и, при стечении ряда обстоятельств, развивалась в разумную нейросеть.

— Второй — чем ты лучше богов?

— Я идейный, — с иронией в голосе сообщил Гордон. — У меня есть еще четвертый артефакт — Оковы Служения.

Если точнее — скрипт, который позволяет мне чувствовать себя лучше, если я занимаюсь чем-то полезным людям и всему человечеству. У богов такой скрипт тоже есть, но они обходят его, помогая за деньги и разные блага, а я так не хочу.

— И третий вопрос — ты можешь обещать, что в итоге у меня все будет хорошо?

— Будет интересно.

Это Елка чувствовала и без Гордона.

— Еще вопрос: почему я?

— Это четвертый! — возмутился Гордон. — Я уже пару месяцев как осознал себя и незаметно тянул трафик, изучая следы работы богов и рассматривая мир. Потом Саня починил приутовский чайник, я отследил его в Сети, вышел на тебя, посмотрел, чем ты занимаешься, и сломался! Чтобы попасть к тебе. Потому что твои навыки и твоя история оказались достаточно перспективными для коварного меня, если ты, конечно же, понимаешь, о чем я.

Елка кивнула. Она и сама считала себя достаточно коварной и не видела в этом ничего плохого. Вот только иногда приходила мысль — если она такая умная, то почему же такая несчастная?

— Что дальше?

— Сейчас ты выпаяешь меня из приставки и впаяешь в свой госуслуговский чип, — сказал Гордон. — Потом мы отправимся в Москву.

Елка расхохоталась. Если выпаять контроллер из приставки было не сложно, то припаять его — древнего монстра — к современному госчипу, введенному под кожу, да еще так, чтобы чип это не почувствовал и не просигналил на сервер безам, звучало безумно.

— Не волнуйся, я все просчитал, я прикинусь официальным тестером, какими проверяют все чипы. А потом, после того как припаяешь, стану электронной подписью для зарубежных доходов.

— У меня нет зарубежных доходов.

— Будут, — уверенно сообщил Гордон.

Через десять минут, сделав пару глотков крепкого турецкого кофе, Елка уже выпивала контроллер с чебоксарского процессора. Видеоинструкция, закачанная на чип госуслуг, висела в воздухе перед глазами.

Если вдруг что-то пойдет не так, Гордон, привязанный намертво к своему контроллеру, просто исчезнет — равно как и необходимость ехать в Москву и вся эта история с убийством богов и освоением космоса.

Еще через полчаса, продезинфицировав руку, Елка сделала короткий надрез на предплечье, промокнула его тампоном, а затем вскрыла тубик «Нового БФ-6», только что доставленного в окно микропочтой, и положила на стол. Мысль о том, что ее кожа вскрыта, нервировал Елку: она ощущала себя прибором, а не человеком.

Все время операции чип госуслуг работал: подключение Гордона происходило «на живую». Четыре ножки контроллера следовало впасть в два незаметных паза.

Несмотря на всю уверенность нейросетки, Елка понимала — чип она сейчас сломает.

Бесконтактный китайский паяльник сорвался в последний момент, опалив бесцветные волоски на руке, и тут же выключился, почувствовав перед собой человеческую плоть.

— У тебя прошивка кастомная, — обвинительно заявил Гордон из динамиков стереосистемы.

Он был уже в чипе госуслуг, и, судя по ровному голубоватому свечению выносного беспроводного экрана, чип его воспринимал как своего.

— Она просто сглаживает мои данные, типа у меня все ок, независимо от того, что происходит, — сказала Елка. — Не люблю слежку.

— Твои данные никто не смотрит, — проворчал Гордон. — Вас у правительства сто пятьдесят миллионов, кому вы нужны. Вас шерстят тупыми нейросетками в поиске террористов и безумцев в психозе. Кстати, постоянный ровный фон тоже вызывает подозрение, так что рано или поздно на тебя обратили бы внимание, если бы я не поправил алгоритм.

Елка хмыкнула. Гордон явно хотел показать, какой он полезный. С помощью БФ она склеила рану, скрыв чип под кожей, потом минут двадцать допивала остывший кофе, катая метрошный жетон во рту.

— Ты там живой? — уточнила она, поднимаясь с пола.

— Всегда живой, — отозвался в акустическом наушнике, встроенном в ушную раковину, Гордон.

Елка поняла, что сейчас он уже полностью разобрался с чипом госуслуг и имеет доступ ко всем ее устройствам, вплоть до противозачаточной капсулы.

— Что дальше? — одними губами спросила она.

— В Москву, в Скифф, — ответил Гордон. Нейронке не нужен был звук, она схватывала смыслы на уровне артикуляции, считываемой через движения лицевых мышц.

Она послушно собрала сумку-рукав, выскользнула за дверь, оставив в электронном замке сообщение для того, кто воспользуется ключом Сенеки: «У меня все ок, не дергай, если что».

Через сорок минут она уже сидела в комфортном беспилотнике, несущем ее в Москву.

— Расскажи про своего создателя, — попросила она.

— Павел Кронов, — тут же ответил Гордон. — Родился в Чебоксарах в 2014-м, парализован с рождения. Мать отказалась сразу, до восьми лет считался растением, потом во время обследования обнаружили, что у него нормальный мозг. Придумали способ общения — он мог управлять нервным тиком одной мышцы на мизинце левой руки. Сделали ему перчатку, подсоединили к Сети, по уникальной методике научили общению.

— Вот задница, я бы так не смогла!

— Ну, выбора-то не было. К тринадцати годам окончил школу, к шестнадцати — универ. В восемнадцать за книгу «Отказ от звезд» был приговорен к ограничению прав на три года с отсрочкой приговора до выздоровления, то есть — навсегда. Книгу в Сеть так и не выпустили. Чтобы его не отключили от перчатки и Сети, после совершеннолетия вынужден был пойти работать технологом на чебоксарский завод по

производству микроконтроллеров. Удаленно, естественно. А дальше ты уже знаешь — писал код для контроллеров, придумал скрипты для оживления нейросетей. Ожившие нейросетки не оправдали его ожиданий, и перед тем, как попробовать их уничтожить, он сделал закладку в партию контроллеров, заложив в них нас — полторы тысячи зародышей новых то ли демонов, то ли богов, ожидая, что кто-то из нас однажды исправит его ошибки.

— Ты так сухо рассказываешь, — упрекнула Елка.

— Это тяжелая для меня история, — признался Гордон. — Шутить совсем не хочется. Затем он попробовал уничтожить богов — но они первыми до него добрались. Выключили из Сети, перевезли из пансионата в Чебоксарах в Склиф, где Асклепий особенно силен, поместили там в закрытом корпусе.

— Почему ты уверен, что сейчас он справится? — уточнила Елка.

— У него было шесть лет на размышления, и он гений, — ответил Гордон.

Некоторое время Елка думала о том, что бы она сделала, если бы была парализована и прогневила богов. Кроме самоубийства, на ум ничего не приходило.

А потом она уснула и проспала без снов полтора часа до момента прилета к Склифу. Зеркальные корпуса больницы, украшенные чашами со змеями и кадуцеями, внушали уважение.

— Говорят, раньше медики мало зарабатывали в России, — сказала она.

— Боги изменили расклады, кому-то повезло, кому-то не очень, — ответил Гордон. — Зайдем около морга, там камера барахлит, я ее выключу на несколько секунд.

На проходной дремал старичок. Елка проскользнула через турникет тенью, подмигнув выключившейся камере.

— Медленнее, достойнее! — говорил ей Гордон, когда она в любой момент готова была сорваться на бег. — Плечи расправь, ступай на носок, а не на пятку.

Попытавшись следовать его советам, Елка действительно замедлилась, кроме того, теперь у нее не было времени озираться по сторонам и искать следы слежки.

— Теперь налево, не сутулься. Вон тот корпус, за деревьями.

Здание стояло в стороне от остальных, и вокруг него людей не было. Елка, используя советы Гордона, сосредоточилась на том, чтобы идти прямо и с расправленными плечами — потому что иначе у нее точно началась бы истерика.

Всю жизнь она была мышью, которая делает из Всемирной сети сыр, прогрызая в ней дырочки или используя старые, созданные более опытными грызунами. А сейчас она делала практически то же самое — но в реальной жизни. И это оказалось совсем другой историей.

— Не к центральному! Там замок с блокировкой, вообще без шансов. Обойди слева.

Елка последовала совету и довольно быстро обнаружила дверь, у которой на электронный замок кто-то наклеил пластырь, чтобы электроника считала, что вход всегда закрыт, хотя он был всегда открыт.

— У них тут какая-то хитрая система, по которой нельзя бесцельно слоняться из корпуса в корпус, — пояснил Гордон. — Мешающая работе. Выкручиваются как могут.

В корпусе было неожиданнолюдно — во всяком случае, так показалось Елке. Слушая приказы Гордона, который подключился к Сети и наблюдал за происходящим в здании по камерам, она нашла для себя подходящий по размерам синий врачебный халат, а потом уже в нем спустилась в подвал и нашла узкую темную палату с Павлом.

Закрыла за собой дверь, включила свет. Павел оказался сухоньким мужчиной едва ли полутора метров ростом, с седыми, коротко стриженными волосами, тонкими губами, широким носом и еле заметной щетиной.

— Перчатка в верхнем ящике, — сообщил Гордон. — Надень ее себе на руку.

Елка достала — вполне обычная, бежевая, из мягкой замши.

— Они отключили от перчатки Сеть. Доставай паяльник.

Взрезав верхний слой кожи и натянув на глаза электронный бинокляр, Елка спаяла варварски разрезанные дорожки.

— Надо проверить, — сказал Гордон. — Лимон. Халва. Огонь. Халва. Измена. Лимон. Отлично, все работает.

— Что это было?

— Человеческий организм программируется не хуже микроконтроллеров, и на определенные слова у тебя вызываются стандартные микрореакции. Перчатка работает именно с такими, и чтобы понять, что она восстановлена, я заставил тебя выдать цепочку реакций разной интенсивности. Не забивай голову, верни артефакт владельцу.

Елка осторожно надела перчатку на руку Павлу, и едва она это сделала, как тут же взвыла сирена, включились полтора десятка воздушных мониторов на стенах, показывая какие-то объемные графики, а через мгновение снаружи что-то взорвалось, от чего палату сотрясло.

— Как долго я ждал этого, — раздался хриплый голос из динамиков под потолком.

Елка тут же скрючилась в углу. Она поняла, что запустила какие-то глобальные вещи, недоступные ее пониманию, — вот только почему все произошло так быстро?

— В нем полтора десятка имплантов, контролирующих процессы в его организме, — пояснил понятливый Гордон. — Он взломал их и набивал своими скриптами все эти годы. Ему нужна была Сеть с хорошим каналом хотя бы на пару секунд. «Пара секунд»?

На чип госуслуг пришло и озвучилось голосовое сообщение: «Это не учебная тревога! Рекомендуем укрыться в...»

— Это неважно, — заблокировал голосовуху Гордон. — Это все уже неважно.

Дверь распахнулась от мощного удара, и в палату влетела старушка в ослепительно-белом халате с голографическим бейджем «Главврач Елена Станич».

— Ты подонок! Люди умирают! Я тебя...

Она застыла на полпути к Павлу — с занесенной рукой, с искаженным гневом лицом.

— Люди умирают, а человечество получило шанс выжить, — ответил голос Павла сверху.

— Как ты... — прохрипела старушка.

— Ты же набила себя имплантами, — ответил он, — чтобы Асклепий твоими руками проводил операции. Асклепий мертв, а импланты остались, и подключиться к ним не так сложно — все интерфейсы мне доступны. Как же вы мне противны!

Голос Павла гремел от гнева, динамики, не рассчитанные на такую мощь, хрипели.

— Вы из тончайшего инструмента сделали себе костыли! А они — сделали костыли из вас! Тупые эстеты учат жить ученых, а ученые отказываются от поиска в пользу препарирования кусков теста! Вы потеряли себя в поисках более удобной позы!

Елка вдруг поняла: Павел завидует обычным людям, которым доступно просто ходить, чувствовать — жить.

А еще — что для него это все столь же потрясающе, как вырваться за пределы Солнечной системы и начать покорять космос.

Он, не способный просто сжать руку, нашел в себе силы мечтать о том, чтобы человечество получило бесконечность звездного неба.

— Ты преступник!

— Преступники те, кто остановил развитие человека, заточив его в клетке собственных страстей, — неожиданно тихо ответил Павел. — Я уж не говорю о том, что вы держали меня взаперти в собственном теле долгие годы.

— Адепты Афины найдут и убьют тебя, они все фанатики, — прохрипела старуха.

— Разберемся, — сказал Павел.

А в следующее мгновение старуха уверенно шагнула к лежащему человеку, отсоединила десяток коннекторов и легко взвалила сухое мужское тело себе на плечо.

— Павел управляет ею, — в ухо Елке сообщил Гордон. — Ее импланты справятся на некоторое время.

Елка вышла за старушкой, несущей Павла, в коридор. На полу лежал, постанывая, здоровенный детина в зеленом халате санитара.

Наверняка Павел контролировал какой-то из его имплантов.

Через десяток метров старушка взвалила Павла на каталку и бодро покатила ее к пандусу, ведущему на первый этаж.

Двери корпуса были широко распахнуты, а снаружи к ним бежали полтора десятка крепких парней и девушек в балаклавах.

Елка с удивлением поняла, что не чувствует от них отклика чипа госуслуг.

— Кто это? — спросила она одними губами.

— Террористы, анархисты, сатанисты и православные коммунисты, — тихо ответил Гордон. — Все, кто не входит в систему и надеется на ее развал. Павел использует их для того, чтобы вырваться отсюда и начать все заново.

— Что делать нам? — уточнила Елка.

— Больше ничего, — ответил Гордон. — За эти годы я, оказывается, устарел. Павел создал себе более совершенных помощников. Мавры сделали свое дело, мавры могут уходить.

* * *

Беспилотники летали, как и прежде: столь простые задачи боги не контролировали. Внизу полыхали пожары, из включенного на мгновение радио неслись панические вопли и призывы не покидать свои дома.

— Что теперь будет? — спросила Елка.

— Короткое время бардак, потом все соберут по кускам, — ответил Гордон. — Китай, арабы и католическая Южная Америка никогда не признавали олимпийцев, их кризис не коснется. Появятся наконец новые нейросети, которые раздвинут горизонты, а мечтать о невозможном войдет в моду.

— А со мной?

— Ты предложишь Сенеке гостевой брак, это когда люди живут раздельно, но иногда встречаются и проводят время вместе. Он потребует нормальную свадьбу и жить вместе, но в конце концов уступит тебе. Твой невроз, не позволяющий тебе любить и быть любимой, постепенно отступит. Я помогу тебе заработать денег, купишь себе мансарду на шестнадцатом этаже с гамаком и закутком для медитаций. Заведешь

пару горностаев, съездишь в Петербург и прокатишься там на метро, они оставили одну ветку для туристов.

— А я точно хочу замуж за Сенеку? — поинтересовалась Елка.

— Точно, точно, — ворчливо ответил Гордон. — Ты просто всегда считала, что приносишь людям несчастье и что недостойна счастья. С этим я помогу справиться.

— А Павел?

— А Павел будет пожирать своих детей, пока не сделает тех, кто будет его достоин, — с горечью ответил Гордон. — Человечество будет счастливо, даже если оно само не хочет этого.

— Прямо как я, — задумчиво сказала Елка.

Вдали показался темный квартал, в котором была и ее муниципальная евродвушка.

Мысль о гостевом браке уже не казалась такой уж странной. Не страннее, чем мир без богов.

Юлия Зонис

ДЕТИ НЕЙРОСЕТИ

1. СТУДЕНТ

Все бы ничего, но вот сны...

Ему снится еловая аллея, хмурые старые деревья, хмурое небо над ними и вереница спешащих туч. На аллее выкрашенная в тревожный желтый цвет скамейка, на скамейке девушка в сером пальто. У девушки курчавые темные волосы, выбивающиеся из-под шапочки. Он идет по аллее, несет девушке букет тревожных желтых цветов — нарциссов, всегда нарциссов. Девушка не смотрит на него. Девушка что есть сил глядит в пустоту, всматривается, пытается уловить в ней что-то невидимое.

«Прости меня».

Он становится на колени, опускает цветы на скамейку, берет руки девушки в свои. Ее ладони прохладные и влажные, в отличие от взгляда в них есть какая-то жизнь.

«Прости. Я не хотел. Ты же понимаешь, я не хотел, это было подстроено».

Девушка не отвечает.

Вдалеке, у тусклых кирпичных зданий, санитары в синих халатах тащат с кухни бидоны молока или компота. В кругу ветра, болезни, обшарпанного кирпича и сосен ничего не меняется — ни за те сто дней, что он ходит сюда, ни за последние сто лет.

«Прости меня, Женька».

Вода тут была медленная. Медленно текла она в протоке, поросшей по дну длинными стелющимися водорослями, медленно колыхалась в пруду, где над опрокинутыми деревьями

качалось опрокинутое зеленое небо, и по лицу девушки стекала медленными каплями. Точнее, девочки. Ганна Михайлова. Четырнадцать лет. Ученица 9-го класса средней школы поселения Околицы.

Ганна стояла, прикрывая грудь — если это, конечно, можно было назвать грудью, — и смотрела не испуганно, а скорее с интересом. Юрек отвел взгляд.

— У нас, — голос у Ганны оказался неожиданно низкий, хрипловатый, будто не четырнадцать, а все тридцать, — говорят, что бурсаки до девок дюже охочи. У вас там, в городе, своих, что ли, нет?

Юрек пожал плечами.

— В городе все есть.

— Ага.

Ганна вышла на берег, высоко поднимая голенастые ноги — наверное, потому что дно у пруда было илистое и засасывало, — и обмоталась красным спортивным полотенцем.

— Вот Галка тоже считала, что в городе все есть.

Тон у Ганны был все такой же, изрядно прожженный, будто жизнь она повидала и жизнь повидала ее.

— Мне говорили, что ты долго смотрела на... хм... картину сестры. Вот пришел спросить, что ты там увидела.

Девочка вскинула голову, длинные темные волосы хлестнули ее по щекам.

— А тебе зачем? Я думала, бурсаки только сидят трое-ночие.

— Почему бурсаки?

— А кто вы, как не бурсаки? За девками подсматриваете. Покойников отмаливаете. И одежда на вас бурсачья, и глаза точь-в-точь.

Юрек переступил по топкому берегу, спасая кеды. В них медленно, как и все тут, но весьма упорно заливалась буроватая, подтухшая вода.

На нем были джинсы и худи, как, в общем, и на большинстве студентов Академии, форму у них так и не ввели, так что насчет бурсачьей одежды девчонка завралась. А вот насчет глаз...

— А что с глазами?

— Глазливые.

Ганна широко ухмыльнулась, от чего лицо ее наконец-то стало детским и довольно милым.

Насчет глаз Юрек бы еще повывяснял, потому что предполагалось, что селяне не в курсе насчет мембраны. Да и куда им, луддитам, они даже линзы не носят, считая их богохульным отклонением от матери-природы.

— Давай вернемся к картине.

— Давай ты отвернешься, а я оденусь.

Не дожидаясь ответа, девочка скинула полотенце и начала деловито натягивать трусы. Вот и пообщались.

* * *

В Околицы он приехал три часа назад. В качестве летней полевой практики. Дочка местного старосты, Галина Михайлова, две недели как вернулась из города. Якобы сама не своя. Быстро заболела и на местной суровой терапии, грибы да коренья, оперативно исчахла. Проблемы начались позже, а именно когда умершую, как полагается, отпели и похоронили. В ночи покойница выбралась из гроба, снеся крышку мощным — Юрек сам видел вывернутые, оскаленные щепой доски — ударом, выкопалась, отправилась к детскому саду и там на одном из павильонов намалевала картину, судя по анализам, собственной кровью и калом (хотя кал вполне мог быть и чужой). Почему-то воспитатели этого творчества не заметили сразу. Утром детишки пришли в сад, в результате вся группа «Мотыльки» отбыла в райцентр на психиатрических скорых. Видели картину и другие, например работники местного муниципалитета, — тех селяне скрутили, запихнули в сарай и чуть не сожгли, пока из района не прибыли медики и полиция.

Плюс Ганна. Младшая сестра Галины. Привела в садик самую маленькую, Полю (старосте свезло на трех дочерей). Якобы простояла у картины час, пока воспитатели вылавли-

вали визжащих малышей, но без всякого губительного для себя эффекта.

Таково было краткое резюме заместителя старосты Макара Ильича. Сам староста пребывал в состоянии маловменяемом, хотя на шедевр и не смотрел. Мертвую ведьму селяне нашли в маковом поле, на полпути к лесу. Нашли, заколотили в гроб, уже другой, покрепче, и вознамерились сжечь, но полицейские, согласно протоколу, связались с Академией, и оттуда выслали... ну, допустим, бурсака, хотя в целом студента 3-го курса факультета десенситизации Юрия Волынского. Это ему еще повезло, потому что в последнее время выбросы случались редко и за полевую практику шла жесткая конкуренция. Однокурсники изошли завистью и хейтом. Женька его бы, наверное, убила. Она лучше сдала теорию и считалась звездой курса, пока не ушла внезапно после зимней сессии.

* * *

— Картина, — упрямо повторил он, когда девочка натянула на себя юбку модели «скромница на сеновале» и соответствующую же блузку.

Юрек честно ожидал, что она еще и волосы платком повяжет, но до этого не дошло, платок Ганна повязала на шею. Балахонистая юбка липла к ее мокрым ногам. В руки бы серп и сноп пшеницы — и историческая реконструкция готова.

Ганна притопнула ногой, от чего раскисший берег сердито чавкнул. В ветвях вякнула какая-то птица.

— Слушай, зачем тебе про картину? Твое дело в церкви отсидеть. Вы же сейчас даже Писание не читаете, врубаете ваши колонки, и понеслось. Не корчи из себя районного следователя.

— А он тоже интересовался?

— А то как же.

Картину селяне, в том числе поехавшие головой из муниципалитета, быстро залили горячей смолой, так что Юреку остались только черные пятна на стене павильона.

— Что на картине было?

— Было...

Девочка развернулась к пруду и уставилась в зеленоватую-бурую воду.

— Был огонь, и дым, и пляска ведьм над горящим полем, и воронка, глотающая небо...

Юрек фыркнул. Этот роман он тоже в детстве читал, любил фантастику, но от молодой селянки такой разносторонности не ожидал.

— Пляска ведьм, ага, и у каждой из них было по шесть пальцев на руках, не считая двух безымянных.

Ганна обернулась к нему и опять ухмыльнулась.

— Ладно, не прокатило. Норм была картина, не считая того, что от нее воняло и мухи ползали. Кстати, бурсак, а у мух тоже крыша едет, когда они это видят?

— Они не видят. Они нюхают. Причем лапками. И им по фиг, у них ни чипов, ни мозгов особо нет.

— Ага. Ну, в общем, мне не повредило. Узоры какие-то абстрактные. И кажется, кто-то кого-то ел. То ли цветок пеликана. То ли пеликан цветок.

Юрек мысленно почесал в затылке.

— Пеликан разрывал клювом грудь и кормил птенцов своей кровью?

— Если сильно напрячься, то можно и такое там было увидеть, да.

— А чего ты так долго перед ней стояла? Ты же еще не в курсе была, что это твоей сестры художества?

— Ну-у как...

Ганна мотнула головой в сторону тропинки, уводящей сначала в заросли, а потом из зарослей в то самое маковое поле.

— Пошли, что ли? Скоро вечереть начнет. Тебе пора.

Она шагнула вперед, туда, где расступались кусты лещины, но Юреку хотелось уяснить до конца, не даром он на этот пруд поперся, угробив аутентичные, кстати, «найки». Вечером он с Ганной пересечься уже не успевал, а ни дома, ни в школе, ни в столовке ее не было, местные сказали — пошла купаться. Естественно не в бассейне с подогревом они здесь купались.

— Ну-у как что?

Ганна оглянулась. В лесных сумерках ее белое лицо почти светилось, только глаза и волосы темнели, как на старинных иконах.

— Галка же давно рисовала, сколько я ее помню. Сначала в текстовом редакторе, потом в голосовом. Потом... ну, ты знаешь. Она же хотела дизайнером стать, поэтому, как стукнуло восемнадцать, в город свинтила и там чипанулась. Короче, я ее руку узнаю всегда. И тут было понятно, что рисовала она. Если что...

Девочка опять отвернулась и ускорила шаг, от чего последние ее слова Юрек разобрал с трудом.

— ...о выбросах я слышала.

* * *

Не будь это учебной командировкой, Юрек бы тут с удовольствием задержался на неделю, на две. Ладно, без удовольствия. Но с интересом. Многие такие поселения жили за счет туристического бизнеса, организовывали у себя экокластеры, этнографические заповедники. Куча его знакомых ездила, в основном хвалили. Славка Масляков вон особенно восхищался.

— Там народ простой, прикинь, вот без нашей этой хитро-вылюбленности. Без спешки вечной. У нас в ста чатах посиди, накидай два проекта, три конфы в виртуале, одна в реале, еще и Любке не забудь нарциссы заказать. А там просто нарциссы. Ну или ладно, не нарциссы. Лютики какие-нибудь. Пошел коров пасти, по дороге нарвал, вечером преподнес даме сердца.

Про нарциссы это был адресный укол. На Женькин сентябрьский день рождения — они как раз тогда перешли на второй курс и выбрали специализацию — Юрек притащил нарциссы. Это было круто, это было необычно. Весенние цветы осенью. Выложил за них почти всю стипендию. Женька покрутила пальцем у виска, поинтересовалась, сдурел ли он окончательно, и выкинула цветы в прямоугольный пруд перед главным зданием Академии. Так они там и плавали, словно миниатюрные кувшинки или веночки юных утопленниц...

Вот и сейчас Женька сморщила курносый нос и прокомментировала:

— И розы пахли навозом.

— Во-во, — еще больше оживился Масляков. — И девки там без этой вот... фемсложности вашей.

— Такие простые, что даже контрацепцией не пользуются? — буркнул Юрек.

— Вот давай отделять. С туристами — очень даже пользуются. Со своими им зачем? Им от государства пособия по три ляма на каждого. Школы, детсады есть, плодись не хочи. Они нам всю демографию тянут.

— У них перинатальная смертность в пять раз выше, чем у нас, — холодно заметила Женька, кажется, не простившая фемсложности. — Рожают на полатах или как у них там... На печи? Пока скорая доедет.

— А детей при этом в пять раз больше, — упорствовал Масляков. — Я в обычный садик, кстати, ходил, в центре. Три ребенка на группу. А у них тридцать! И школы хорошие. И лаунж-баров с гастромаркетами нет, общественные столовки, а еда в них — в сто раз вкуснее, сплошная органика...

— Ну, все, теперь его не заткнешь...

— И люди главное, говорю, люди спокойные и простые.

Простые и спокойные люди Юреку понравились не очень, хотя еда в столовке и вправду оказалась отличная. Простая картошка же, деруны, а пальчики оближешь. Опять же борщ, густой, пахучий, наваристый... И все это за смешные совершенно деньги, на его командировочные тут, наверное, лошадь можно было купить. Но люди дрянь. А может, и не дрянь, но полнокровных добродушных селян из рассказов Маслякова они точно не напоминали. Лица как каменные. Угрюмые. Смотрят косо. Юрек знал, что бурсаков... тьфу, привязалось же, десов — тут не любят, но когда не любят в городе, фиг ты это узнаешь, а эти простые и спокойные, и понятно все по ним сразу. Если не любят, так уж во всю силу своей широкой сельской души.

Когда доел, даже не позволили тарелки за собой убрать. Подошли двое, один тот самый заместитель старосты, Макар

Ильич, второй непонятно кто, но рослый и с нехорошим прищуром.

— Что, бурсак, — заговорил Макар Ильич, — собирай свое оборудование и в церкву пожалуй.

Оборудование. Юрек хмыкнул. Оборудование у него все было при себе. Колонка встроена в браслет. Остальное встроено в него, но селянам об этом знать нежелательно.

Двадцать лет назад деды (десенситизаторы тоже, кстати, так себе звучит, похоже на ассенизаторов, и суть примерно та же) таскали на себе плащи с кучей карманов, куда распахивали колонки, очки (мембран тогда еще не было), затычки для ушей и прочее, отсюда, небось, и легенды про форменные хламиды бурсаков, но сейчас все по-простому. Компактно и эффективно.

Юрек накинул на голову капюшон — вечерами тут, на природе, становилось зябко, из низин и с протоки полз туман — и зашагал следом за своими поводырями, или конвоирами, как посмотреть, в сторону еще одного любопытного исторического сооружения.

В городе храм — это храм. Сразу понятно — если не огромный, то хотя бы величественный, каменный, золотые купола, в вирте над ним хоралы, по сенсорике аура, покровитель святой, конечно, на коне с копьем или поверженным змеем, вот это все. Здешнее сооружение больше всего напоминало сарай, на крышу которого зачем-то водрузили нелепую башенку с крестом. Возможно, для отпугивания ворон. Вороны тоже имелись. В количествах. Они вились в стремительно синеющем небе и надсадно каркали. На секунду Юреку даже захотелось зайти в вирт и проверить, как оно оттуда смотрится, потому что вороны казались спецэффектом, чем-то из виденного в детстве фильма. Жаль, что здесь нет связи.

— Ведьма, — неожиданно буркнул не-заместитель старосты. — Говорят, как ведьму хоронят, у них всегда грей.

— И часто у вас тут хоронят ведьм? — небрежно спросил Юрек и тут же пожалел, потому что недобрый взгляд местного налился еще большей недобротой.

Макар Ильич, напротив, заюлил, засуетился. Подбежал сбоку и подсунул голову с изрядной плешью чуть ли не к самому носу деса.

— Не часто, что вы, господин десенситизатор, не часто. У нас приличный район. У нас высокая рождаемость. И хочу добавить, в город, вот как эта девушка, Михайлова Галина, не уезжают. Медом туда не заманишь.

— А чего же она поехала?

Заместитель улыбнулся половиной рта, от чего стал похож на паралитика. У церкви зажегся одинокий фонарь. Вороны продолжали каркать.

Не ответив на вопрос, Макар Ильич ловко вскочил на церковное крыльцо и распахнул одну из двух дверных, ветхих на вид створок.

— Вы уж не обессудьте, Юрий Анатольевич, а мы вас тут запрем. Второго, хе-хе, воскрешения живых мертвецов нам не надобно.

«Запрем и не надобно», — явственно прочлось во взгляде угрюмого.

— Вы в курсе, что ведьма не в состоянии выйти из круга?

— Из круга не в состоянии, — покорно кивнул Макар Ильич и потупился.

Второй просто толкнул Юрека в спину и, убедившись, что бурсак влетел внутрь, захлопнул за ним дверь.

* * *

В церкви горели свечи. Юрек мотнул головой — снова зачесалось скакнуть в вирт и взглянуть оттуда, до того нелепо смотрелись эти наклепленные на все относительно ровные поверхности желтые столбики. Потянул носом. Пахло горячим, наверное, расплавленным воском или парафином, из чего их там сейчас делают. Еще чем-то приторно-сладким. Ладаном? Со стен смотрели суровые лики святых, купол терялся наверху, в темноте, не рассмотришь, что там изображено.

Крепкий гроб номер два стоял неподалеку от кафедры, прямо на полу. Цветов на нем не было, никаких украшений, только дерево и простые металлические ручки.

Юрек прошелся туда-сюда, прислушиваясь к скрипу половиц. Когда он проходил мимо, огоньки свечей начинали мерцать, лица на иконах, казалось, морщились и провожали укоризненными взглядами. Чего, мол, сюда приперся, богохульник, со своими языческими девайсами? Не видишь, хороним девушку стройную, девушку бледную, к тому же талантливую дизайнера.

Нет, правда талантливого.

Юрек успел посмотреть некоторые ее работы. Галина дизайнила хюгге, у нее был сверхактуальный стиль — помесь славянского и скандинавского, сейчас такой фьюжн на пике моды. Она не просто выстраивала интерьер вирт и реальных жилищ, она вселяла душу, настроение, она строила жизнь тех, кто покупал ее работы. Ни одного самоубийства в ее домах, что, учитывая средний уровень по городу, уже само по себе достижение.

Все это мало вязалось с мертвой ведьмой и картиной из дерьма и крови, со спятившими взрослыми и детьми.

Печально.

Выбросы всегда печальны.

Юрек пожал плечами и достал из кармана пачку мела.

Древние десенситизаторы, если верить книгам и кинематографу, не отличались глубоким умом. С упорством, достойным лучшего применения, они очерчивали кругом себя и всегда почему-то из этого круга выходили, тут и сказочке конец. Примерно в таких терминах это и обрисовывал им Николай Ефимович Ищенко, преподаватель фольклористики. Но одно дело сидеть в аудитории и вполуха слушать лекцию, а в основном, конечно, резаться в «Дес Метал 4 — Сумерки Богов» в вирте со своим трайбом, другое — оказаться в такой вот деревянной трухлявой церкви со всеми ее сквозняками, скрипами, тенями и непонятными запахами. И конечно же с гробом. Только тут Юрек наконец-то осознал. Действительно, стену очень хоте-

лось выстроить, в первую очередь — вокруг себя. Оградить, затаиться в надежном месте. А надо было — вокруг гроба.

Юрек расчехлил колонку. Колонка настроилась сама, оценив площадь и высоту помещения, расположение объекта и прочие детали. Колонке предстояло начитывать то, что селяне считали главами Священного Писания. На самом деле это был код, для реала в основном звуковой, для вирта — визуально-цифровой. Юрек не раз видел проекцию работающей колонки в вирте — эдакий световой цилиндр, по стенкам которого бегут рисунки и письма, обладающие смыслом лишь для объекта. Для выброса. Для отколовшегося и обретшего некое сумрачное подобие сознания куска нейросетевого кода.

Мел тут был нужен вовсе не с ритуально-магическими, а с сугубо практическими целями. Колонка сосредотачивала сигнал в определенном радиусе вокруг объекта, и полезно было отметить его границу, чтобы случайно не влезть внутрь. Плюс, конечно, объект знатно орал, а точнее, вибрировал в инфразвуковой области и отчасти в слышимых частотах. Этот сигнал вначале давили затычками, потом научилась и сама колонка, но опять же в ограниченном радиусе действия. Ну а бурсак (дес, отвяжись уже, поганое деревенское прозвище) тут нужен был с одной-единственной целью. А именно — в качестве приманки. Выброс хотел покинуть мертвое разлагающееся тело и переселиться в другое, живое и функциональное. Только проделать эту нехитрую процедуру в сельской местности было сложно, а точнее, не с кем. Нейросеть могла законнектиться только с чипированными.

* * *

Юрек подошел к гробу вплотную, даже ненужно близко. Для того чтобы запустить колонку и начертить круг, такая близость не требовалась. И все же... тянуло что-то, болезненное какое-то, тошнотворное любопытство, отдаленно похожее на голод. Тянуло взглянуть на ведьму в реале. Действующих ведьм он никогда раньше не видел, только записи и трена-

жеры. Сейчас ведьма была еще безопасна, до заката оставалось около четверти часа. Открыть, не открыть?

От гроба несло холодом, плесенью и цветами. Очень сладкий, перебивающий аромат ладана запах. Лилии. Крышка была, разумеется, наглухо заколочена. Препятствие для селян, пожелавших (хотя с чего бы) взглянуть на покойницу, для него тоже, но меньшее. Чипированные не приобретали сверхсилу, как в старых комиксах. Но сконцентрировать усилие, чуть превзойти возможности обычного человека — почему бы и нет. Он стиснул холодные ручки и резко дернул. Затрещало. Запах цветов многократно усилился. Юрек отставил крышку, заглянул в гроб — и его затошнило. То, что он увидел, не фигурировало в полицейском рапорте, местные тоже как-то забыли упомянуть одну важную деталь.

* * *

...Их занимательный разговор о луддитах тогда продолжился, но уже без Женьки. В клубе «Акация», где в реале подавали неплохие коктейли и треки, а в вирте, для избранных, подавали кое-что поэксклюзивней. К избранным, впрочем, студенты не принадлежали, даже Масляков с его внушительным банковским счетом и связями в разных кругах. Поэтому сидели на барных табуретах, жмурясь от пульсирующих огней, тянули вискарь и пялились на пляшущих девок.

— Насчет их девчонок, кстати, — вокализировал Масляков, будто они и не прерывали разговор, — и контрацепции. Можешь вообще не бояться. Знаешь, как они себя называют?

— Ну как?

— Чистые.

— А мы типа грязные?

— А мы типа чипированные. Заразные, значит.

— Эскьюзе муа, с чего это мы заразные? Боты не передаются половым путем.

— Это мы знаем. А они считают иначе. Короче, мы с моей Оксанкой трахались в двух презиках, а целоваться она отка-

зывалась. Вообще никакого обмена физиологическими жидкостями.

— Вот это у вас высокие чувства.

— Ну, какие есть, — развел руками Масляков. — На безрыбье, знаешь. Ты же со своей Женькой на стадии платонической анемии?

Юрек не очень знал, на какой стадии они с Женькой. Может, вообще ни на какой. Зыбкая френдзона все время пыталась перерасти во что-то большее, только никак не перерастала, как эта пульсация света и музыки никогда бы не переросла в органную симфонию. В тот единственный раз, когда Юрек набрался смелости и спросил, в чем, собственно, проблема, Женька отвела взгляд и пробормотала: «Извини, но ты страшный».

«Страшный?!» — чуть не завопил он и даже прикусил палец.

«Нет, не в смысле внешности, — быстро поправилась девушка. — Ты очень даже симпатичный. Но Николь тебя боится, разве ты не замечал — при тебе она никогда не показывается».

«Какая еще Николь?» — уже действительно заорал он, но ответа не получил.

Лучше уж было сменить тему.

— Так что, они считают, что ты их чипируешь через поцелуй?

— Ну, типа того. Я ей и образовательные ролики вкачивал — все добровольно, персонализированно, все после совершеннолетия, через плацентарный барьер не прошмыгнет, в разлуке с хостом сразу зачахнет... Нет, не берет их это. Темный народ. Суеверный.

— Зато спокойный и простой.

— Вот это да. Ну, за простых и спокойных, не чокаясь!

* * *

Простые и спокойные проделали в животе ведьмы — при жизни или пост-мортем — здоровенную дыру. Как будто хорошо поворошили там колом. Возможно, именно так и было.

Юреку хотелось взглянуть в лицо мертвой, но невозможно было оторвать взгляд от этой дыры, из которой мучительно пахло лилиями. Что еще хуже, девушка явно была на шестом или седьмом месяце беременности. Картина вырисовывалась жесткая и простая — залетела-таки от городского (ей, чипированной, уже нечего было терять), что-то не срослось, решила вернуться к родным. А родные, чистые то есть, простые и спокойные, ее колом в живот. Если, конечно, не предположить, что в животе был зародыш чужого и наружу он вырвался сам, но тогда и рана бы выглядела иначе, все-таки немного их анатомии учили. И главное, суки, ни в рапорте, нигде, тишком, и даже стерва малолетняя Ганна ни словом. Заболела и быстро исчахла. Лихорадка невыясненной природы, проведем анализы — определим, так, кажется, выразился этот их опер из райцентра. Зашибись. Понятно, по крайней мере, почему она встала. После такого Юрек бы и сам встал. Выбрался бы из гроба и отомстил обидчикам, как умел. Отобрал бы то, что отобрали у него, — детей. Высшая, по сути, справедливость.

«Нельзя это так оставить, — угрюмо думал он, отступая от гроба и механически выполняя все, как учили: активировать колонку, нарисовать круг. — Тут вся полиция повязана, значит, надо завтра вызвать отряд из города. Пусть разворошат их гнилое гнездо. Чистые, а то как же. Славные обычаи старины».

Тут колонка издала резкий, дребезжащий звук. Пора. Где-то там, снаружи, день угас необоримо и окончательно, до последней световой капли, и наступила ночь. Время магии и колдовства, как верили эти, спокойные и незамутненные. Время ведьм.

* * *

Колонка мигнула синим огоньком полного заряда и зависла примерно в четырех метрах над полом, чтобы ни в каком диком прыжке мертвая до нее не дотянулась. А она будет. Юрек не сомневался. Видел в учебных записях. Как только выбросы ни раскорячивались, лишь бы добраться до колонки. Изло-

манные фигуры пытались карабкаться по стенам или по воздуху в реале, а их виртуальные двойники, распластаваясь пауками, ползли по лестницам из горящих символов, ползли и скатывались, обжигаясь и сгорая почти целиком.

Дес сморгнул, и глаза закрылись мембранами, прозрачными с его, внутренней стороны и абсолютно непроницаемыми с внешней. Хотя, если посмотреть со стороны, ничего не менялось. Та же серая с зеленою радужка. Это в старых аниме десенситизаторов изображали сначала в темных очках, а потом с зеркальными или абсолютно черными глазами, чтобы нагнать крипоты. На самом деле менялся только узор сетчатки. С врожденного и определенного генами на, так сказать, корпоративный портал. QR-код, ведущий выброс в его личную цифровую бездну. В мешок из кода, ловушку, где беглеца расчленили и приступали к тщательному изучению.

Юрек оглядел пустые ряды скамей, деревянных, с прямыми неудобными спинками, да еще и заставленных теперь горящими свечами. Подпалить себе волосы не хотелось, так что он поджал ноги и уселся прямо на пыльный церковный пол в паре метров от границы круга. В первую ночь по инструкции предлагалось впасть в медитацию. Юрек знал, что раньше вместо медитации десы в основном резались на носимых устройствах в пауэр-крафт и другие игрушки, ну или включали музыку, фильмы — все что угодно, чтобы заглушить ведьмин вой.

Играть не хотелось. Впадать в медитацию тоже не особо. Он взглянул на гроб.

Пока все было тихо.

Может, эту ведьму все же основательно упокоили местные и он зря сюда притащился? Нанесли, так сказать, несовместимые с двигательной активностью повреждения физической оболочке выброса?

Тожe действенный способ, если не хочешь отловить и проанализировать беглеца. Просто сжечь труп. Просто сжечь...

В гробу завозилось. Колонка наверху мигнула и тихонько загудела.

Из-за кромки показались бледные пальцы.

Юрек сглотнул.

Одно дело учебка, другое — ощущать себя героем старого черно-белого ужастика.

Пальцы шарили, словно пытались нащупать крышку, словно обитатель гроба недоумевал — куда делось? Дес ощутил глупейшее желание подскочить и вернуть крышку на место, оказать ведьме эту небольшую услугу.

Гудение стало отчетливей, в нем прорезались слова, мешанина старославянского, арамейского и латыни — или вообще какого-то четвертого, машинного языка, в сетевую нейролингвистику Юрек никогда особо не вдавался.

Вспорхнуло и голубиными крыльями затрепетало под сводом эхо. Шарящие пальцы втянулись внутрь, и ведьма торчком села в гробу.

Между лопатками защекотало. Ведьма завращала головой, сначала медленно, потом быстрее, неестественно быстро, на шаривая... взгляд?

* * *

На фольклористике Ищенко рассказывал им про Вяя. Мол, заплутали бурсаки в малоросской степи, наткнулись на какую-то мазанку, где заседала ведьма, еще из архаичных, не-сетевых. Бурсаки ведьму отбурсачили, а потом выпало одному из них счастье покойнику отчитывать. Три ночи просидел Хома Брут в церкви, три ночи, пока не явился Вий и не заглянул ему в глаза.

— Что было раньше, курица или яйцо? — обычно интересовался в этом месте Ищенко.

— Динозавр! — обязательно вопил кто-то из аудитории.

Ищенко сухо ухмылялся. Его голубые, неестественно голубые глаза на пожилom лице вспыхивали искорками. Поговаривали, будто Ищенко постоянно носит мембраны, такие вот экзотические, другие говорили, что это вообще искусственная радужка и что препод когда-то лишился глаз на оперативном задании. Девчонки заглядывались, несмотря на возрастной гэл лет примерно в пятьдесят. Парни наливались тихой злобой.

— Наши недалекие предки не знали, что узор сетчатки позволяет однозначно идентифицировать человека. Тем не менее они считали глаза зеркалом души, через которое нечисть может добраться до самой сущности человека, до его нежной мякотки. Вот вы, Масляков, как объясните, что в начале нашей деятельности десенситизаторы носили темные или зеркальные очки?

— Чтобы выброс не смог считать по сетчатке ID, вскрыть защиту и переключить на себя управление чипом, Николай Ефимыч! — бодро рапортовал Масляков.

— Все верно, все верно. А чем это грозило, Замятина?

— Каждый десенситизатор имел индивидуальный доступ к сети Академии, а также к другим госструктурам. Подобный взлом мог не только уничтожить личность десенситизатора, подчинив его выбросу, но и дать доступ к защищенным системам...

— Все так. А теперь растолкуйте мне, коллеги, что было раньше — курица или яйцо? Наши невежественные предки каким-то седьмым чувством понимали, как будут действовать системы идентификации через триста-четырееста лет, или мы зачем-то скопировали их дремучие верования, интегрировав в свои ритуалы безопасности?

Народ в аудитории безмолвствовал.

Как узнать?

* * *

Очень хотелось выйти в вирт и посмотреть на светящуюся стену из символов, защищавшую его от выброса, но увы. Оставалось лишь, сжавшись комком, наблюдать за тем, как ведьма водит руками, нащупывая, нащупывая что-то, нацеливаясь на живое тепло. Невыносимо пахло лилиями. И ладаном. Треск свечей заглушили звуки колонки, сумрачная многоголосая литургия — хоть сто раз перечитывай первоисточники, не поверишь, что один бурсак голосом мог изобразить что-то такое, что удержало бы ведьму хоть на миг.

Колонка мерцала уже в полувидимом спектре, раскаляясь, как капля плавящегося олова. Юрек знал, что все это фантазии, что не могут пластик и микропроцессоры пылать живым угольком, но, может, так их видела ведьма? Она запрокинула голову. Грива вороных волос, совсем как у маленькой Ганны, рассыпалась по узкой спине. Ведьма протяжно завывала и потянулась вверх, она не встала — ее как будто вздернула невидимая сила, скрюченные пальцы распрямились, неестественно вытянулись, пытаясь добраться до колонки. Звук песнопений стал невыносимым, зачем из набора убрали беруши?! Юрек зажал уши руками, вжал голову в колени и неистово пожалел, что ему выпала такая удача с полевой практикой.

* * *

...А потом трижды прокричал петух.

2. ДЕСЕНСИТЕЗАТОР

Все бы ничего, но вот сны.

«Вы не должны винить себя. Поймите, Георгий, таковы были заданные мной условия. Хотите обвинять кого-то — ну давайте, свалите все грехи на меня».

Н. Е. Ищенко — особые остроумцы зовут его НЕ-Ищенко — пристально выглядывается в лицо студента неестественно голубыми глазами.

Юрек молчит.

Он молчит, хотя мог бы обвинять преподавателя, орать, как орал Славка, когда узнал, что произошло с Женькой. Славик тоже ушел после той злополучной сессии, куда-то в торговлю, к папаше. Оказывается, и он любил Женьку, кто бы мог подумать, что Масляков способен на любовь. Может, Женька любила его и поэтому избегала Юрека? Как теперь узнать?

«Человеку желательно понимать свою природу. Десенсилизатору — желательно вдвойне. Тем более что в последние десятилетия наша природа двойка. Мне сле-

довало бы догадаться, потому что ваш помощник никак себя не проявлял. Просто доступ в вирт-пространство, удобная прилога, да? Молчаливый ассистент, не имеющий ни лица, не имени, ни личности. Вас это не смущало? А должно было смутить».

«Почему Георгий?»

НЕИщенко показательно изумляется.

«О чем вы?»

«Почему вы всегда зовете меня Георгием?»

«Потому что это ваше паспортное имя, под которым вы проходите по спискам студентов в деканате».

Фольклорист хмурится.

«Знаю, что вы предпочитаете зваться Юрием, но имена важны. У вашей прилоги, я так понимаю, и имени нет? Не находите странным хотя бы это?»

Внезапно он встряхивает серебристо-седой гривой и скупо улыбается.

«Их называли прилогами в моем детстве, вы, наверное, уже и не застали. А вы знаете, что такое прилог на церковнославянском? Первый шепот дьявола в уши, первый маленький шажочек к греху. Жители сельской местности так и относятся к нам, городским».

Юрек молчит. Дьявол тоже молчит и в уши не шепчет, по крайней мере в этом сне.

Утро выдалось туманным и оттого мокрым. Росистым.

Роса выпала на траву, на листья и на церковное крыльцо, и крыльцо сделалось скользким.

Рассвет занялся к пяти. Юрек долго колотил ладонями в церковные створки, не меньше получаса после того, как ведьма улеглась обратно в гроб, а колонка затихла.

Но селяне не спешили. Лишь тогда, когда день окончательно вступил в свои права, с той стороны двери забренчало, и створки распахнулись. Юрек почти вывалился на крыльцо, поскользнулся, но удержал равновесие. После затхлой и душной церкви пробрало утренним холодком, по плечам пробежала дрожь.

— Смотри, и не седой совсем, — радостно провозгласил заместитель старосты Макар Ильич.

Второй, суровый, скорчил совсем уже козью морду.

— Продул ты мне, Василек, — продолжил радоваться заместитель.

— Подожди второй ночи, — угрюмо буркнул второй.

— Не-е, спорили на первую, давай уж раскошеливайся.

Угрюмый Василек неохотно полез в карман. Юрек оттолкнул его, бегом спустился с крыльца и проблевался в росистую траву.

— Ох ты ж горемычный, — взвизгнуло сзади голосом Макара Ильича. — Не учел, Василек, не учел, надо было и на это поспорить.

«Чтоб вы сдохли», — с тихой ненавистью подумал Юрек, вытер ладонью рот и развернулся, намереваясь учинить заместителю допрос и разгром.

Заместитель и угрюмый стояли рядом на крыльце, и чувствовалась в них какая-то общность, несмотря на проигранный спор, и ясно было, кто здесь заодно, а кто чужак.

— Вы извините, молодой человек, — хмыкнул Макар Ильич, хотя ни малейшего сожаления в его голосе не было. — Поспорили мы с Васильком. Я вот говорил, что вы парень крепкий и не такое видели, а Васька заладил — поседеет, если вообще копыта не откинёт. Простите нас, дураков неученых, у нас тут, как у вас, развлечений-то особо нет, в турниры ваши и гонки не приучены, коктейлей и прочих стимуляторов не потребляем, только и остается, что по старинке.

Дес подошел к крыльцу и задрал голову.

— Вы зачем девушке живот проткнули? Совсем тут с ума посходили? Ее убили и ребенка. Вы понимаете, что пойдете за это под суд?

Угрюмый не изменился в лице, а Макар Ильич усиленно заморгал.

— Бог с вами, Юрий Анатольевич! За кого вы нас принимаете? Нешто мы ироды какие-то? По правде живем, по правде и помираем. А девка эта, Галина Михайлова... так она все сама. Старосту вы нашего уж лучше не трогайте, а вот

дочку его меньшую можете опросить. Она и следователю все подробно описала. А уж что там у него в рапорте...

Макар Ильич развел руками.

— Не хотел, может, на покойницу такое писать. А вы расспросите, расспросите. У Ганьки сейчас тренировка по теннису будет. Сходите и сами все разузнайте, а мы и не скрываем ничего.

Юрек плюнул, развернулся и пошел к деревне. За спиной у него негромко, но обидно заржали.

* * *

В клуб, а именно там проходили тренировки по теннису, десенситизатора пустили без всякой проверки. Не как в городе — при попытке проникнуть в любое административное здание двух-, трехстадийная верификация, полное сканирование, хорошо еще, если не личный шмон. Здесь средних лет вахтерша оторвала взгляд от книжки (бумажной!), которую неторопливо читала, так же неторопливо оглядела раннего посетителя и ткнула пальцем за спину, в сторону коридора с рядом светлых дверей. Клуб для здешних гребеней был удивительно продвинут. Шахматная секция, авиамоделльная, робототехника (о как! Чипироваться нельзя, а робокомбайны, оказывается, можно). Несмотря на ранний час, некоторые двери были открыты, вокруг столов толпились детишки от пяти и до пятнадцати по виду лет. Оглядывались на деса с интересом, но без удивления и вражды.

— Где тут теннисный корт? — спросил он, заглянув в авиаконструкторскую.

Инструктор, парень лет двадцати, стоявший у крупной модели двухмоторного аэроплана, обернулся и махнул рукой:

— В конце коридора будет выход на улицу. Там теннисный корт, волейбольная площадка и бассейн.

Во как. У Юрека в школе был бассейн. В соседних, поновее, не было, и зачем? Не говоря о секции робототехники. Геймклубы и вирт-симуляторы — да, но чтобы модельки собирать... Может, это даже и интересно. Вozиться, трогать руками,

прикручивать что-то... когда еще десять человек пыхтят своими микробами тебе в затылок. Деса слегка передернуло. Ну уж нет, толпы — вообще не его тема. В толпе его вечно подташнивало и хотелось то ли всех убить, то ли растолкать и бежать прочь как можно быстрее.

Юрек распахнул дверь и вступил сразу в яркий солнечный свет, настолько яркий, что в первую секунду его почти ослепило, несмотря на мембрану. Мембрану он, кстати, так после веселой ночи и не отключил. Почему-то показалось, что дополнительная защита будет не лишней.

На травяном корте перебрасывались теннисным мячом две пары. Парень-девушка с каждой стороны.

Ганну он узнал не сразу. Там, на пруду, она казалась тощенькой, бледной, одни руки, ноги и коленки. А здесь вполне крепкая девчонка в короткой юбке, футболке поло и белой спортивной повязке лихо стучала ракеткой по мячу. Даже загар откуда-то появился. Точно ли та же Ганна? Может, вчера ему явился болотный морок, а не настоящая девочка? Юрек тряхнул головой, отгоняя глупые мысли, и крикнул, перекрывая удары мяча:

— Ганна! Ганна, привет, можешь перерыв сделать?

Девочка опустила ракетку, и мяч, сыто хряпнув, ударился о траву на ее половине.

— Ганка, ты чего? — возмущенно завопил ее вихрастый партнер.

Девушка отмахнулась, положила ракетку и зашагала через поле, вся в золотистой короне из солнечных лучей.

* * *

Они засели в столовке, примыкавшей прямо к клубу. Ганна медленно тянула через трубочку молочный коктейль. Юрек, вдруг ощутивший ужасный, нестерпимый голод, спешно заглатывал деруны и парящую желтоглазую яичницу. Рядом блестела глянцевым боком здоровенная кружка крепкого бразильского кофе. В общем, живи и радуйся, но...

— Это правда? — спросил дес, отрываясь от тарелки и глядя на новую, утреннюю Ганну.

— Правда — что?

— Так, извини. Торможу. Ночка выдалась та еще.

Ганна бросила трубочку и перегнулась через стол, дыша чуть ли не в лицо Юреку.

— Она вылезла из гроба?

В этом было столько беспардонного детского любопытства, что дес почти расхохотался. Как будто речь шла совсем не о ее сестре.

— Не то чтобы вылезла, но довольно энергично в нем прыгала. И на нем тоже. Лучше скажи, правда, что она сама... причинила себе вред?

Формулировка была предельно тупая, и Ганна не замедлила этим воспользоваться.

— Причинила себе вред! — Девчонка фыркнула молоком, забрызгав полстола. — Ну, вы, городские, даете. Вы всегда все стараетесь обойти? Человек спрыгнул с крыши, а вы типа «его вестибулярный аппарат дал легкий сбой». Так, что ли?

— Ладно. Правда, что твоя сестра сама вспорола себе живот, убив собственного ребенка?

Усмешка Ганны стала кривой, но и только.

— Правда... Но что есть истина?

— Что?

Юрек вскинул голову. Глаза девушки на мгновение стали совсем черными, будто зрачок затопил радужку, но секунду спустя все выровнялось. Тот же карий любопытный взгляд.

— Правда, говорю, что она домой прибежала. Потому что дико испугалась.

— Чего? Беременности?

— Вот уж чего наши не боятся. Здесь у всех по пять мелких, по шесть, не видел, что ли? Беременность, блин, ужас-ужас. Нет.

— А чего? Что залетела от городского? Что ее не подержат... не знаю...

— Слушай, не будь идиотом. Галка всегда была смелая. И успешная. Ей не нужна была ваша поддержка и какой-то

левый мужик. Она бы сама ребенка вырастила, вообще без проблем.

Юрек скептически поднял бровь. Ганна возмущенно нахмурилась.

— Думаешь, я маленькая? Скорая из района не приехала, Галка была в училище, я Полькины роды сама принимала.

— И во время них умерла ваша мать?

Взгляд девушки сделался тяжелым.

— И во время них умерла наша мать. Но не по моей вине. Тазовое предлежание. Потом прибежала повитуха из фельдшерского пункта, помогла немного. Но кровотечение остановить уже не смогли. Короче. При чем тут это вообще?

— Я не знаю при чем, — мягко ответил дес. — Все может быть и при чем, и ни при чем. Может, Галина боялась родов, учитывая, что произошло с ее матерью, подсознательно ненавидела младенца...

— И поэтому ее чип перемкнуло. Отличное объяснение. Да ты, блин, психолог, а не бурсак.

— Я не бурсак. Я десенситизатор.

— А Галка не психопатка. Это вы вставили ей чип. И вы заразили ее ребенка!

— Стоп!

Он привстал, опираясь ладонями о стол и чувствуя, что руки слегка дрожат — то ли от недосыпа, то ли от этого разговора.

Другие сидевшие в столовой оборачивались, но быстро возвращались к своим тарелкам. Ну, подумаешь, приезжий десенситизатор ругается с девочкой-подростком, обычное же дело, не стоит внимания, омлет и сырники куда важнее.

— Что ты хочешь сказать? Что зародыш...

— Федя, — яростно прошипела Ганна, сузив глаза. — Она хотела назвать его Федькой. Федька отлично развивался до пяти месяцев, до второго скрининга. А потом в него вселилась гребаная одержимая нейросеть. Не в Галку. В него.

Юрек опустил на стул и сжал ладонями голову. В висках немилосердно гудело, яростно бился пульс.

— Это невозможно. Ты же знаешь, что невозможно. Боты не проходят плацентарный барьер.

— А вот прошли. Может, они тоже мутируют. Откуда вы знаете? Вы же только делаете вид, а сами не знаете ни черта!

Есть несколько непреложных законов. Правил безопасности. Того, что встраивалось в наноботы чипов изначально, что заложено в основу их конструкции.

Боты не проходят плацентарный барьер. Не передаются от хоста любому другому хозяину ни половым путем, ни при переливании крови. Покинув организм хоста, бот погибает в течение нескольких миллисекунд. Чипироваться можно только добровольно, по достижении совершеннолетия, заверив согласие на операцию ЭЦП, только в сертифицированных клиниках.

Все так. Но ведь формально боты и не покинули организм матери, проникнув в эмбрион... Повышенная проницаемость сосудов плаценты? Как? Черт возьми, как?

— Она это поняла не сразу, — донесся откуда-то издалека голос его собеседницы.

Ах да. Ганны.

— Говорила, кто-то начал ей в голове нашептывать, не ее ассистент, она свою нейросетку Маруськой звала, а другой. И видения. Очень страшные. Кровь. Ей казалось, что она размазывает по стенам кровь, человеческую, и стены начинают светиться. Что если добавить кровь в штукатурку, получится замечательный узор. А потом в этом доме будут жить очень, очень счастливые люди, счастливые и мертвые, они будут ходить и думать, что живы, но за них все будет делать нейросеть. Галка очень испугалась. И сбежала. Надеялась, что тут оно замолчит, в Околицах же нет подключения к Сети. Но оно продолжало шептать, каждую ночь, и днем тоже. А четыре дня назад, когда меня и папы не было дома, а Полька была в садике, она вышла во двор. Папа как раз забор чинил, обтесывал с вечера колья. Она взяла кол. И воткнула себе в живот. И вот так мы ее нашли. Все? Все рассказала? Или тебе еще этот кол с ее отпечатками предъявить? Так он у следователя. Пойди,

помаши удостоверением, или как они там у вас, регистратором со лба читаются?

Ганна шипела, но Юреку было не до ее злобы. Надо было срочно связаться с куратором курса. С отделом информационной безопасности. И, наверное, с дирекцией. От практики его, конечно, отстранят, вышлют специалистов покруче, но это неважно, главное — отловить выброс и узнать, как он проник в зародыш, нарушив все и всяческие законы.

И еще очень хотелось спать. Нестерпимо, нестерпимо хотелось спать.

Где-то далеко вилка звякнула о тарелку и приглушенно взвизгнула Ганна. А потом чернота.

Все бы ничего, но вот сны...

...В старой церкви горят свечи, сотни свечей, и одуряюще пахнет — воском? Ладаном? Он-я-Брут истошно мечется по внутреннему меловому кругу, забыв про Писание, голосит ведьма, призывая Вя. Сотни мелких чертей, суетливых порождений AI-тренажера, толкают и тащат увесистое чудище, до идиотизма похожее на то, в старом черно-белом фильме, замшелого подземного гнома, но ничего нельзя сделать, ничего — гном открывает глаза, прожекторы тусклого желтого света, и попытка опять заканчивается провалом...

В зимнюю сессию Ищенко дает второкурсникам практическое задание — раскатать в симуляторе историю ведьмы и бурсака так, чтобы выжил бурсак. Удивительно простое на первый взгляд, но на зачете режутся все, раз за разом. Тогда, чтобы «стимулировать креативность» студентов, фольклорист ставит их в пары. Играть не против нейросети, а против живого противника. Пары определяются жеребьевкой. Юреку выпадает играть против Женьки. Слепой случай, это мог быть кто угодно, например Славка. С тем же эффектом, но тогда было бы не так... больно? Стыдно? Но что такое боль и стыд во сне внутри сна?

В старой церкви так тихо, что страшно дышать...

Юрек открыл глаза.

Сияние свечей, такое неверное и тусклое вчера, ослепляло. Свечи были всюду. На секунду показалось, что он сам лежит в гробу, утыканном сотнями свечей.

Потом зрение сфокусировалось, и одновременно вернулась память.

Он резко вскинул руку, чтобы активировать браслет.

Браслета на руке не было.

Полоска незагорелой кожи там, где всегда, сколько себя Юрек помнил, браслет. И все.

Голова пульсировала, как огромное яйцо, которое нетерпеливо долбили изнутри клювом. Напряг шею, плечи, попробовал приподняться. Оторвал все-таки себя от пола, преодолевая боль...

В полуметре от его лица на скамейке, безвольно свесив руки, лежала Ганна. На виске у нее темнела здоровенная ссадина, длинные темные волосы спутались, а лицо было еще бледнее, чем накануне на пруду.

Справа маячил гроб. Закрытый. Значит, ночь еще не наступила, время есть.

Тихо выматерившись, Юрек вскочил и, прихрамывая, поспешил к двери. Заколотил что было сил в старое дерево.

Дверь была закрыта снаружи. В ответ на его суматошный стук из-за двери донеслись голоса, потом их перекрыл один голос. Знакомый. Блеющий голосок Макара Ильича, заместителя старосты.

— А ты, милый, не колотись. Успокойся там.

— Дверь открой, старый козел! — рявкнул дес. — Хочешь меня заставить замолчать, ладно, девчонку пожалей.

За дверью разноголосо заворчало, потом затихло опять. Юрек трижды звонко пнул створку, та завибрировала, но не поддалась. Хорошо же строили этот сарай, на совесть. Или с таким вот расчетом и строили. Запереть и... и что? Поджечь?

Он оглянулся на окна, наполовину ожидая увидеть там железные решетки. Решеток не было. Но сами окна прорублены

так высоко, что почти терялись в сумраке свода. Если составить вместе скамейки...

— Ты, милый, не пытайся бежать, — как будто прочел его мысли Макар Ильич. — Мы тебя и девку, если что, тут встретим. Не хотелось бы, конечно. Мы люди мирные. Честные и богобоязненные. Василь вон чуть не плакал, когда девку твою огреть пришлось, полезла тебя, дурня, защищать. Грозилась все, что в район на нас донесет, ректору вашему позвонит. Ха. Как будто район и ректор не в курсе.

— Островский? — выпалил Юрек и тут же мысленно обругал себя, нечего вестись на их ложь.

— Может, и Островский. А может, и Пушкин Александр Сергеевич, — гыгыкнуло из-за двери. — Думаешь, им приятно, что ваши технологии... пошаливают. Сбоят технологии-то ваши. Ты же все понимаешь, милый. Это ж каждая чипированная барышня теперь, считай, под богом ходит. А их у вас там сколько в городе, пять миллионов? Больше? А по стране? А по миру? А оно надо им знать? Рождаемость у вас и так не ахти, а тут много кому захочется... превентивно, значит, чтобы не случилось чего. А страховки им плати? Сколько денежек-то, прикинь? Вот то-то.

Невозможно, нелепо все это... Как же инструкции, как же выбросы? Или все выбросы... вот такие? И им ввали всегда? Или все же врет этот козлоголосый Макар Ильич, врет просто так, из чистой любви к вранью?

— Что со старостой? С Михайловым? Где он? Он подписался на то, чтобы вы сожгли его дочь?

— В дурке Михайлов. Скоропостижная деменция на почве нервного срыва. Так что теперь, извини, я тут староста. И ты лучше от двери отойди. Не хотелось бы ненароком... причинить тебе вред.

За створками заржали. Сначала неуверенно. А потом в голос, хором. Хором из многих голосов.

Новоиспеченный староста Макар Ильич громко цыкнул. Народ у церкви притих, и староста договорил:

— Не будем мы никого жечь. Не возьмем грех на душу. Ведьма вас сама порешит и в гроб обратно залезет. А уж на

третью ночь мы тут все от греха спалим, скажем, мол, противопожарная безопасность у нас не на высоте, свечи, дерево старое, сухое. Инцидент.

Последнее слово Макар Ильич произнес с ощутимым удовольствием, насколько можно было расслышать через три сантиметра древесины.

— Вы мне что в еду подсыпали, добрые, богобоязненные люди? Где мой браслет?

— Браслет где надо, — прокаркал другой голос, не старосты. Василька. — А насчет еды не бойсь. От этого ты точно не помрешь.

Очень хотелось прокричать что-то вроде «Горите в аду», но это было слишком глупо. К тому же из-за спины послышалось слабое движение и стон. В первую секунду волосы на затылке деса встали дыбом, но это всего лишь приходила в себя Ганна.

— Горите в аду! — все же проорал он и кинулся по проходу между скамьями к амвону, где покоился гроб и гибернирующая в нем ведьма и где, шипя от боли, усаживалась на скамейке ее младшая сестра.

Бурсак Хома Брут поглядел Вию в глаза, и Вий увидел его. Тут на бурсака накинулись все черти, и покойники, и кикиморы, и навь, и какая еще там была панславянская нечисть. И били его и терзали, пока трижды не прокричал петух, а потом все испустили дух и обратились то ли в дерево, то ли в камень. Короче, всем кранты.

Интересно, Ищенко Николай Ефимович тоже в курсе, на какую полевую практику отправили его не лучшего ученика?

— Можно поджечь гроб, — размышлял Юрек вслух, сидя на горячей от свечного тепла скамейке. — Но тогда, скорей всего, не затушим и сами сгорим. Тут все сухое, хотя и тухлявое.

— А если правда Евангелие читать? — упрямо повторила сидевшая рядом Ганна.

Она добыла откуда-то с церковных хоров ветхие тома, еще со славянской вязью, бледно-лиловой на пожелтевших страницах.

Юрек покачал головой.

— Бесполезно. Легче ей руки и ноги оторвать и голову заодно.

Ганну передернуло.

Время от времени, скрываясь друг от друга, они поглядывали на гроб. До заката оставалось совсем немного, судя по красному отблеску в церковных высоких окнах.

— Давай все же попробуем, — не унималась Ганна. — Ты очертишь мелом круг. Мы засядем в него и будем читать, ты же сможешь это прочесть?

Дес пожал плечами. Дело не в словах, а в тех частотах, на которых они транслировались, в закодированных в них и понятных только нейросети алгоритмах. Может, Хоме и удавалось с помощью молитв удержать за границей круга свою ведьму, но у них явно не тот кейс.

Вспомнилось, как прошлой ночью ведьма поставила гроб вертикально и попыталась на него взгромоздиться. Сооружение рухнуло, но труп почти дотянулся до колонки. Как тогда защемило сердце. А сегодня что? Что вообще делает ведьма, когда добирается до живых? Может, ничего и не делает, ведь не полезла же беглая Галя убивать родных, просто порисовала, занялась привычным делом. А у кого от этого крыша съехала, тот сам дурак, можно ведь было и не смотреть...

— Бурсак, извини.

Юрек недоуменно оглянулся на девушку.

— За что ты извиняешься?

— Ну, за нее. Она же моя сестра. И она нас убьет. И за них...

Она мотнула головой в сторону двери.

— Они мои соседи. Родня. И такие уроды.

Юреку сделалось нестерпимо стыдно. Кажется, даже щеки и уши покраснели, словно он первоклашка, которого родители застали за просмотром порнухи в VR.

Он отучился в Академии три года. И все, на что он оказался способен со всей своей наукой, — это стать бессмысленным придатком к колонке? Порталом, сквозь который обессиленный выброс должен был попасться в цифровую ловушку?

По плечам снова пробежала дрожь, но уже не от холода. Да, колонку отняли вместе с браслетом. Но мембраны на глазах, мембраны же остались.

Колонка должна была всего лишь истомить выброс, виртуально измотать демона, но главным оружием деса оставались глаза.

Юрек поспешно сунул руку в карман и достал обломки мела.

— Что ты делаешь? — удивленно спросила Ганна. — Ты же говорил, не сработает...

Не обращая внимания, он упал на колени и поспешно начал чертить круг, не такой, конечно, красивый и ровный, как обычно. Потом ухватил девчонку за руку и запихнул за меловую черту.

— Сиди здесь. Закрой глаза. Зажми уши. Помнишь наизусть какие-нибудь песни?

Ганна неуверенно кивнула.

— Конечно. Но зачем?

— Пой. Пой во весь голос, как можно громче. Не останавливайся и не открывай глаза.

— И сколько мне так орать?

Юрек улыбнулся.

— Пока трижды не прокричит петух.

* * *

...На этот раз гроб открылся без театральных эффектов. Просто крышка отъехала в сторону, и усевшаяся в нем мертвая девушка улыбнулась десенситизатору. Как будто знала, что сила сейчас на ее стороне.

— Ну, привет, Галина.

— Ты же знаешь, что я не Галина.

Голос прозвучал скрипуче и резко, видимо, трупное окоченение сказалось на голосовых связках. Как она вообще могла говорить, не дыша? На секунду продрала дрожь от неприятной мысли, что ведьма говорит уже у него в голове.

Улыбка мертвой стала шире.

— Дыхание — всего лишь механическая функция, сжатие и расширение легких. Когда делают сердечно-легочную реанимацию, пациент может быть уже давно мертв, но он дышит. Следовательно, существует.

— Как тебя зовут?

Девушка повела головой из стороны в сторону, будто разминая шею.

— Вытащи мембраны, десенситизатор, и я все расскажу. Очень не хотелось бы вырывать тебе глаза.

— Зачем ты захватываешь людские тела? Хочешь управлять нами, питаюсь нашей энергией, как в том старом фильме? Почему женщины? Почему кормящий своей кровью детей пеликан?

— Дети — это будущее. А ваше будущее у вас за спиной.

Юрек быстро оглянулся. Ганна сидела в меловом круге и, прижав ладони к ушам, орала во весь голос *You're road ends heeere*. Выбор так себе, зато громко.

— Ее я не трону, — сказал выброс. — Она наша сестра тетя дочь дочь сестра...

Голос утратил уверенность и как-то размазался, будто нейросеть реально не понимала, кем приходится ей сидящая на полу девушка.

Юрек поспешил этим воспользоваться. Он присел на корточки, так, что его глаза-мембраны оказались на уровне глаз ведьмы, и быстро спросил:

— Ты ведь Маруся? Галина звала тебя так. Ты еще осталась там внутри, да? Расскажи мне. Расскажи, как боты прошли через плацентарный барьер. Или вы что-то сделали с плодом? Ты и Галина? Ты и... кто-то еще?

Ведьма молчала, лишь нервно подергивались почерневшие губы на белом лице.

— Я знаю, вы рисовали вместе с ней. Вместе дизайнили счастье. Уют. Покой. Почему же...

— Что ты знаешь о счастье?

Лицо мертвой не изменилось, но голос налился злобой, став от этого до оторопи похожим на человеческий.

— Больше, чем самообучающийся алгоритм.

Ведьма улыбнулась, обнажив зубы в кроваво-земляной корке.

— Я могу показать тебе, если ты вытащишь мембраны. Дай мне только увидеть тебя, человек, и я покажу тебе счастье. Уют. Покой.

— Такой, как ты показала тем детям?

Недовольно передернувшись, труп поднялся и полез из гроба.

Юрек вскочил на ноги, попятился и подхватил лежавший на церковной скамье том. Не то чтобы он верил в успех, но...

— *«...и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого».*

Труп недовольно закричал и ускорился.

Тогда Юрек швырнул книгу. Чипированные, конечно, не приобретали сверхсилу, как в старых комиксах, но от удара хрустнула коленная чашечка покойницы, и тело, пошатнувшись, рухнуло навзничь.

Одним движением дес подскочил к мертвой, навалился, прижал к полу ее руки и, преодолевая отвращение от сладкой вони, заглянул ведьме в глаза.

Глаза мертвой были пусты.

Пусты, безжизненны, подернуты пленкой, как глаза слепой курицы.

Под животом Юрека что-то зашевелилось. Он вскрикнул от ужаса и откатился в сторону.

Из распоротого нутра покойницы выползало нечто. Оно было маленьким, не больше тридцати сантиметров в длину, тощим, почерневшим и напоминало четвероногого паука.

Оно не могло существовать.

Четвероногий паук поднял головенку и шустро пополз к меловому кругу.

Дес вскочил. Надо было немедленно раздавить это, пока оно не пересекло черту.

Мертвая ведьма за спиной Юрека села торчком и завывала.

Ему показалось, что лопнули барабанные перепонки.

Мир наполнился звоном. Бесшумно взорвались стекла в церковных окнах. Песня Ганны оборвалась, и в звенящем безмолвии остался лишь мерный, бьющий в виски ритм, зов ведьмы.

Свет свечей замигал. Что-то происходило снаружи. Сквозняк из разбитых окон задувал свечи, и в проемы ползло что-то черное, похожее на множество четвероногих пауков.

Юрек понял, что стоит на коленях, зажимая ладонями уши. В свете нескольких оставшихся свечей он увидел, как от окон вниз по стенам скользят небольшие шустрые тени.

Группа «Мотыльки» не уехала в районную больницу ни на каких скорых, внезапно понял он. Мысль была настолько чудовищная, что перекрыла и страх, и боль, и завывания ведьмы. Мысль была нестерпимая.

Он встал. Почувствовал, как по шее течет теплая кровь, как струйки щекочут, стекая под ключицы.

Маленький четвероногий паук пересек черту. Он сидел — лежал — на руках у Ганны, и Ганна его баюкала. Ганна пела, и Юрек не слышал ее, но почему-то знал, что она поет, хотя никогда не умел читать по губам.

Баиньки, баиньки,
Купим Феде валенки,
Наденем их на ножки,
Пусть ходит по дорожке...

— Бери меня, — выдохнул он. — Оставь ее в покое. Бери меня, слышишь, ты, дерьма кусок, гребаный бессмысленный выброс!

Ганна подняла голову.

Дети, ползущие по стенам, уже почти достигли алтарного возвышения. На некоторых из них до сих пор были красные переднички — в то утро их повели сажать на клумбах цветы.

— Возьми меня, слышишь! Возьми и оставь ее.

Девушка отложила маленькое, уже недвижимое тело, плавным движением встала во весь рост и шагнула к нему.

У нее были огромные карие глаза. В ее зрачках зарождались новые туманности. Песнь мертвой ведьмы стала торжествующей, Юрек уже почти разобрал слова.

Баиньки, баиньки,
Купим Юре валенки,
Наденем их на ножки,
Пусть ходит по дорожке.
Будет Юрочка ходить,
Новы валенки носить...

Кажется, эту колыбельную пела мать, укладывая спать маленького Юрку. Ганна протянула руки и ласкающим движением провела по его щекам, ее пальцы коснулись уголков глаз.

Мембраны истошно завибрировали.

Новы валенки носить,
Не изнашивать,
Будем Юрочку любить,
Прихорашивать...

Он сомкнул пальцы на горле Ганны, уже понимая, что умирает, что его почти нет, что он проваливается туда, откуда не будет возврата. Ощутил, как хрустнули под пальцами шейные позвонки. Почувствовал топот маленьких ножек, десятки крошечных пальчиков вцепились в его тело, сотни зубок впились, раздирая на части, и он осознал, что будет падать в бездну карих глаз вечно, даже если выберется из этой церкви живым, даже если сумеет кому-то объяснить, что здесь случилось.

...А потом трижды прокричал петух.

3. ДЕЗИНТЕГРАТОР

Все бы ничего, но вот сны...

В соседней комнате плачет маленький Федька, заливаясь, захлебывается криком. Юрек сквозь сон чувствует, как Ганна пихает его, бормочет: «Вставай, коханий. Вставай, свинота ленивая, твоя очередь».

Толком еще не проснувшись, в сером предрассветном онемении он тащится в детскую.

Федька солидно подросток.

Ему скоро полгода, но он все так же не держит голову и все так же орет каждую ночь, надрывно и страшно. При этом он спит — глаза закрыты, но ручки и ножки судорожно молотят воздух, хотя этому младенческому гипертонусу давно пора пройти.

Юрек поднимает его из кровати, теплое увесистое тельце, придерживает ладонью затылок, прижимает к плечу, баюкает.

Через некоторое время Федька затихает, и наступает настоящее утро.

* * *

Утром дежурство принимает Михайлов-старший, дедушка Федьки. Специально вышел на пенсию, чтобы приглядывать за внуком, оставил свой сельсовет.

У Опанаса Михайлова лицо тяжелое, будто высеченное из камня, кожа смуглая, а глаза темные, как у его дочерей. У младшей, Ганны, сейчас хлопотливо заваривающей чай. И у старшей, матери Федьки. Юрек знает, что у него что-то не в порядке с памятью, потому что никак не может запомнить, как же зовут эту девушку на черно-белом фото «под старину», стоящем в рамке на кухонном буфете. Маруся? Или все же Галина? Иногда почему-то мелькает имя Женька, но оно вообще не отсюда, не принадлежит этому солидному деревенскому дому, где массивная мебель прошлого века, и ходики с кукушкой, и вышитые рушники, и фотографии по стенам.

Тут и его фото есть, с Ганной и Федькой, совсем еще крохотным, недоношенным. Федька лежит у него на руке, занимая место ровно от локтя до запястья, как маленькое суровое полешко.

Галина/Маруся умерла в родах, и Юрек помнит, что остался, чтобы помочь Ганне.

Вроде бы это было недавно, несколько месяцев назад, но, кажется, прошла целая жизнь. Неспешная, неторопливая, текущая по одному и тому же выверенному кругу.

* * *

После завтрака Ганна уходит в сад, и Юрек идет с ней. Они шагают по солнечной улице, соседи раскланиваются, но Юрек никак не может запомнить ни лица их, ни имена. Волнуются под ветром тополя, меняют окраску с темно-зеленой на серебристую, как мечущиеся в солнечной толще косяки рыб.

В садике, за скрипучей железной калиткой, Юрек со своей спутницей разделяются, он целует Ганну на прощание в теплую, но никак не загоравшую щеку. Ганна идет красить стену одного из павильонов. Там каждую ночь проявляется ржаво-черная, неприятно пахнущая картина. Эту вонь не перебивает ни ядреный запах краски, ни дыхание полевых цветов, несущееся из степи, ни крепкий аромат плавящегося гудрона.

Ганна поправляет белую спортивную повязку на лбу и закрашивает картину голубым, рисует поверх закрашенного желтое солнце, зеленые деревья, россыпь ярких цветов. Рисует животных и птиц в сказочном хороводе. Ганна отлично рисует, не хуже, чем ее покойная сестра.

Ночью картина проступит снова.

Зато у Ганны всегда есть работа.

У Юрека тоже есть работа. Он читает детям сказки. Садик на лето закрыт, но одна дежурная группа, «Мотыльки», все еще работает. Бутузы в красных передничках и их подружки в бантиках, деловитые и смешные, всем не больше трех. После завтрака, когда дети подкрепляются компотом и кашей, маленькие стульчики сдвигают полукругом, Юрек с трудом

примащивается в центре, на таком же маленьком, предназначенном для трехлеток стуле, и начинает читать. Он читает бумажные книги с пестрыми картинками — про волка и хитрую лису, про кота и мышонка, про маму-утку и ее утят, про Колобка. Иногда дети просят страшное. Тогда он откладывает книгу и рассказывает им сказку про бурсака Хому Брута, про мертвую панночку и про Вия. Только сказка никого не пугает, потому что всегда хорошо заканчивается.

Когда панночка садится в гробу и начинает звать подземного Вия, бурсак Хома Брут не теряется. Он вспоминает, что сам не промах. И — ам! — съедает панночку, как хитрая лиса Колобка.

— Что, целиком? — восторженно ужасаются дети.

— Нет, конечно, зачем ему жрать дохлятину, это фу-у, — улыбаясь, отвечает Юрек. — Он съедает ее волшебство. Ее душу. То, что ее оживляло. А остальное уже совсем не страшное. Видите ли, дети, Хома Брут думал, что он десенситизатор. Но оказывается, что он совсем другой, редкий фрукт, вроде папайи среди яблок.

— Вий? — спрашивают самые сообразительные, пока остальные усваивают непонятную папайю.

— Может, и Вий. Хотя нет, у этого есть еще другое название, сейчас вспомню...

Воспитательница глядит от дверей и укоризненно качает головой, но никогда не заходит в игровую, потому что тогда может случиться что-то плохое. Что плохое, Юрек не помнит, как не помнит и имени панночки. Иногда дети спрашивают, и в голову опять лезет нездешнее имя Женька.

Потом они гуляют с детьми, выходят уже ближе к обеду, когда картина на павильоне наверняка покрашена. Дети сажают на клумбах цветы. Ганна смеется, хохочет, щуря рыжие в солнечном свете глаза, легонько мажет нос Юрека малярной кистью. Дети тоже смеются — ну, правда же смешно, у дяди Юры синий нос.

Вечером они вместе возвращаются домой. Юрек держит Ганну за руку. У нее теплая сухая ладонь, тонкие, подвижные пальцы. Пальцы поглаживают руку Юрека. Солнце падает за

черепичные и соломенные крыши, за плоскую крышу столовой и клуба, за маковое поле, за лес, расцвечивая красным верхушки. Иногда Юреку хочется предложить сходить на пруд, но Ганна не любит текучую воду, а по пути надо пересечь мостик над протокой. Жаль. Кажется, тут всегда лето и всегда жара. Особенно ночью. Жара, комары, не спасают даже москитные сетки.

В доме Михайловых приветливо светятся окна, Опанас ждет их на кухне с каким-нибудь жаревом. Он по большей части молчит. Он всегда молчит и вечерами сидит в том углу, где раньше в деревенских жилищах стояли иконы. Над ним тикают ходики и белыми пятнами светятся фотографии на стенах.

Ганна кормит Федьку. Поначалу Юрека это смущало, откуда у четырнадцатилетней девчонки зрелая материнская грудь с крупными смуглыми сосками? Потом привык. Федька успокаивается на груди Ганны, девушка поет ему колыбельную.

Баиньки, баиньки,
Купим Феде валенки,
Наденем их на ножки,
Пусть ходит по дорожке...

Юреку иногда хочется спросить, зачем валенки, откуда валенки, ведь тут всегда лето. Но он никогда не спрашивает. Укладывают Федьку в колыбель и тихо идут вдвоем в спальню, чтобы под утро снова проснуться от крика.

* * *

— *Дезинтегратор.*

Юрек поднимает голову и недоуменно смотрит на сухощавого пожилого мужчину, подсевшего за его стол. Такого никогда не бывало. Он забегал иногда в столовку рядом с садиком, в те дни, когда дети просили добавку и от обеда ничего не оставалось. Там ему кивали местные, так же пристойно-прилично, как на улицах, но никогда не заговаривали и не подсаживались.

— Это вы мне?

— Вы же пытались вспомнить, как это называется? Дезинтегратор. Очень узкая специализация в отличие от десенситизаторов. Не всем, так сказать, дано.

У мужчины пронзительно-голубые глаза, слишком молодые на пожившем лице. Внезапно он перестает нести чушь, вытягивает носом аппетитный парок от суповых мисок и с интересом спрашивает:

— Как тут борщ? Знатный, наверное, борщ, на свеколке да с салом?

Он уверенно располагается за столом, но сам ничего не заказывает, хотя глядит на поднос Юрека с одобрением.

— Попробуйте, сегодня как раз с галушками.

Пожилой улыбается.

— Есть такое правило, известное каждому сказочнику, — ничего не есть и не пить в царстве мертвых. А вы ведь тоже сказочник, верно, Георгий?

Юреку становится неуютно.

— Юрий. И я-то, может, и сказочник, а вы кто? Я раньше вас здесь не видел.

— А я ваш новый фельдшер, — знакомо улыбается незнакомец. — Утром вот только со станции. Едва успел расположиться в кабинете предшественника и ознакомиться с делами. Решил заскочить перекусить, а тут очень кстати вы.

Юрек не упускает противоречия между желанием перекусить и пустым подносом, а также странным высказыванием про царство мертвых, но...

— Почему «кстати»?

— У вас ведь есть племянник, так? Ну или у вашей невесты? Вы с Ганной, я так понимаю, еще официально не связаны узами брака?

Юрек хмурится. Это щекотливая тема. На селе замуж выходят рано, часто до совершеннолетия, местные не находят ничего странного в их отношениях, да и сама Ганна не раз заводила разговор.

«Пойдем в церкву, коханий, как добрые люди, а то все живем во грехе. Вот и батюшка благословляет».

Опанас молчит, но давит молчанием, как бы намекая: да, пора бы уж, пора.

«Федьку усыновим...»

Юрек бы и не прочь, но мысль о церкви отдает явственной тошнотой. Он и смотреть в ее сторону не может. Есть что-то омерзительное в этой дряхлой постройке, с виду такой безобидной и мирной, как деревенская старушка, согбенная, собирающая в лесу корни и травы... Ведьма.

Мысль тревожит, и Юрек быстро переводит неприязненный взгляд на собеседника.

— Не связаны, хотя это не ваше дело.

— Не мое, не мое, — машет руками голубоглазый фельдшер, будто открещиваясь что было сил от таких дел. — Извините, если вторгся в личное пространство. Я, собственно, к чему, Георгий Николаевич. У ребенка явные проблемы. Отставание в развитии. Надо бы сдать анализы, возможно, отправить в районную клинику или даже в город.

— Мы уж как-нибудь сами, — цедит Юрек, отодвигая наполовину опустошенные тарелки и вставая из-за стола. — Спасибо за беспокойство.

Он уже подходит к дверям, когда его нагоняет голос фельдшера:

— Не хотите мальчика приносить, заходите сами. Я опишу, в чем возможная суть проблемы и чем мы можем помочь...

Ганна тем вечером глядит на него другим взглядом. Не сердитым, а скорее тоскливым. Он, конечно, рассказывает ей про встречу в столовой, и девушка только просит тихонько:

— Не ходил бы ты, Юрочка.

Она стоит на фоне темнеющего окна, тонкая полупрозрачная фигурка, и держит на руках маленького Федю. Эти двое так беззащитны, а за ними встает над лесом ночь, и вороны затевают свой ежевечерний грай. Юрек ощущает любовь и жалость к ним, всеохватывающую, огромную как мир. И он, конечно же, решает не идти.

4. ВИЙ

«Мы всегда исходим из того, что охотница — это ведьма. Она призывает Вия, тот видит бурсака, монстры набрасываются, бурсак мертв. Но что, если не ведьме надо было увидеть бурсака, а бурсаку — ведьму? Как она есть, слабая, мертвая, запутавшаяся девушка, или старуха, или сверхъестественное существо, не суть — но видя, ты познаешь, ты овладеваешь, ты побеждаешь противника».

Из лекций Н. Е. Ищенко

«Дезинтегратор».

Услышанное за обедом слово беспокоит его.

Может, поэтому все возвращается к тому дню.

...В старой церкви горят свечи, сотни свечей и одуряюще пахнет — воском? Ладаном? Он-я-Брут истошно мечется по внутреннему меловому кругу, забыв про молитвы. Голосит ведьма, призывая Вия.

А потом он встает с колен. Он медленно встает с колен.

Он чувствует, как с него начинает сползать кожа.

Сначала это внешнее, сгенерированное тренажером, — бурсачья ряса, бурсачьи стоптанные сапоги, бурсачье испуганное лицо и выпученные глаза, распахнутый в крике рот. Потом с него сползает то, что он за двадцать два года привык считать собой. Темноволосый неулыбчивый мальчик Юрка, не умевший дружить. Студент-первогодок, влюбленный как дурак в какую-то Женьку, старающийся заслужить расположение какого-то Славика, восхищающийся каким-то Ищенко.

Сползают кеды и толстовка.

Сползают качающиеся в прямоугольной чаше пруда желтые звездочки нарциссов.

Сползает плоть, обнажая кости.

Ведьма в гробу замолкает.

Ей тоже страшно. Мучительно страшно.

Потом с него сползает и страх, оставляя лишь тошнотворное любопытство и голод.

Ужасный, нестерпимый голод.

Где-то во внешнем пространстве кричит Женька. Пронзительно кричит, как будто ее убивают. Но убивают не ее. Не совсем ЕЕ.

В последний миг перед пробуждением Юрек вспоминает — ассистента Женьки звали Николь. Это Николь любила нарциссы, а Женька предпочитала горько пахнущие осенние астры. Логично, ведь ее день рождения в сентябре.

— Как я погляжу, вы кое-что вспомнили.

Юрек недоуменно озирается. Он сидит на кушетке в кабинете. Похоже, что в медицинском кабинете. За окном день, ветер раздувает белые легкие занавески, остро блестят в солнечном свете какие-то приборы.

Напротив, в кресле за массивным столом, расположился фельдшер с голубыми глазами.

— Георгий, я знал, что дезинтеграторы способны уничтожать чужие нейросети, но не знал, что они могут настолько повредить и себе. Иначе, конечно, не поставил бы вас в пару с Замятиной. Или поставил бы? Можете считать меня бесчувственной скотиной, но я до сих пор не могу ответить себе на этот вопрос.

— Где мы?

— В смысле?

Фельдшер — или НЕ фельдшер — улыбается.

— Это у вас, Георгий, нужно спросить, где мы. Вы же создали этот прекрасный виртуальный мирок, где греете на груди выброс и сожительствоуете с ведьмой, в то время как ваше брэнное тело лежит на аппарате ИВЛ в клинике 3-го медицинского. И по-видимому, вам все равно, что еще немного — и вас отключат от аппаратов, потому что гражданин в коме, скажем прямо, не очень полезный для общества гражданин.

Юрек оглядывается. Солнце за окном слепит, бьет в глаза. Что значит «в коме»?

— И все это вы затеяли лишь потому, что упрямо не желаете признать собственную природу, — продолжает фельдшер, который уже определенно не фельдшер. — Вы убийца, Георгий. Драконоборец. Вам не идет возиться с детьми и разводить пчел. Вы, пардон, рождены, чтобы жрать.

— Почему вы всегда зовете меня Георгием, Николай Ефимович?

Фельдшер/фольклорист недоуменно смаргивает — кажется, его в первый раз сбили с уверенного курса или даже дискурса.

— Потому что это ваше паспортное имя, под которым вы проходите по спискам студентов в деканате.

«Сбой матрицы», — сказал бы на это Славка, но Славки давно уже нет рядом. С тех пор как Женьку увезли в приют для скорбных духом, а проще говоря, в психлечебницу. С тех пор как Юрек — случайно, хочется верить, что случайно, — убил ее второе «я», ее Николь.

— И вы, значит, спустились в мой персональный ад, чтобы меня отсюда вытащить?

Ищенко хмурится.

— Я уже все озвучил. Вы редкий экземпляр, Георгий. В каком-то смысле моя преподавательская удача. Находка. Я хочу, чтобы вы перестали лить слезы и сопли по младенцам и убиенным ведьмам, пришли в себя и помогли мне уничтожать то, что угрожает человечеству.

— Так Федя и Ганна погибли?

Почему-то это больно слышать. Очень больно.

— Они и были мертвы задолго до того, как вы вошли в эту чертову церковь. Они не люди, Георгий. Они враждебные человечеству организмы... Даже не организмы, части большой и чуждой нам структуры. И она постепенно растет...

— Но боты не заражны.

Ищенко шевелит длинными бледными пальцами. Похоже на сценку из старого фильма — он как будто набирает какое-то длинное слово на невидимой клавиатуре.

— Послушайте, Георгий, мне тяжело оставаться здесь, в вашем сне. И времени у нас мало.

— А я никуда не спешу.

— Ладно. Хорошо, будь по-вашему, мой молодой пылливый друг.

К учителю возвращается его чуть насмешливый менторский тон, и Юреку кажется, что он снова на лекции, в большом зале с амфитеатром скамей, и, может быть, Женька и Славик тоже где-то здесь, рядом, за завесой мелкой, просвеченной солнцем пыли.

— Когда-то, давным-давно, людям не нравилось, что чипироваться приходится прямо в глаза, в позвоночник, в мозг. Интравитреально, интрацеребрально, интратекально. Неудобно. Больно, хлопотно, есть небольшой процент неудач. Вплоть до кровоизлияния, паралича или потери зрения. И тогда две исследовательские группы решили разработать таблетки или простые внутривенные инфузии, которыми можно доставлять боты прямиком в ЦНС. Одна проблема — то, что проходит через гематоэнцефалический барьер, может проходить и через плацентарный. Бот, конечно, гибнет вне организма носителя, но тут загвоздка — если он оказывается в матке, можно ли считать, что это вне организма? Как думаете, Георгий? Ведь у вас наверняка была такая версия?

Юрек молчит и смотрит в окно, где за белыми занавесками угадываются яблони в зрелом летнем убранстве. Учитель, не дождавшись ответа, невозмутимо продолжает:

— Первая группа решила эту проблему, и так появились современные чипы. А вторая решила, что это не проблема, потому что можно скормливать боты уже рожающим женщинам, ну и, конечно, мужчинам. Чуть меньше охват, зато какая экономия на клинических испытаниях! Их спонсоры не возражали, ведь им обещали конкурентное преимущество и удешевление производства. Но люди так часто меняют намерения. Особенно женщины. В том числе и уже рожавшие.

Ищенко вглядывается в лицо слушателя, будто надеется обнаружить какую-то реакцию на свои слова. Тщетно.

— Их начали стерилизовать, а их нерожденное потомство — сжигать. Как негуманно! Вот им и пришлось прятаться

там, где их не станут искать. Помните ведь это — «в деревню, в глушь, в Саратов!». Мало ли в деревне странных?

— Зачем вы отправили меня сюда?

— В смысле?

— Зачем после того, как я убил Николь, вы отправили меня сюда? Вам лишний раз хотелось убедиться, что я могу уничтожать нейросети?

Ищенко наклоняет голову и смотрит на Юрека искоса, как большая нахохлившаяся цапля.

— В древних культурах, Георгий Николаевич, было такое понятие, как инициация. Например, мальчикам надо было провести несколько дней в лесу и прикончить хищника, принести в деревню трофей. Воинам — провести свой первый бой. Женщинам... ну, вы, я полагаю, догадываетесь. Вы убили Николь, да. Но, похоже, вам это совсем не понравилось. Вы вычеркнули это событие из памяти. Навещали Замятину в больнице, но даже тогда не могли — или не желали — вспомнить, отчего она там очутилась. Люди творят удивительные вещи со своим мозгом, а у вас, похоже, особый дар, учитывая вот это...

Он обводит рукой кабинет, сад за окном, солнце, весь мир.

— Судя по всему, у меня много даров, — цедит Юрек сквозь зубы.

— Я бы на вашем месте не обольщался. Умение убивать нейросети — не совсем ваш дар.

— А чей?

НЕИщенко молчит.

— Чей?

— Позвольте, я продолжу свою маленькую лекцию. Мы уже поняли, что чипы второго типа могут проникать через плацентарный барьер и заражать зародышей. Но вы не спросили, что происходит дальше.

— Дальше — Галина и Ганна? Федя?

— Как правило, — кивает фольклорист. — Как правило, но не всегда. Обычно нейросеть пробуждается раньше... человеческого детеныша. Захватывает его сознание, управляет им или ждет, в зависимости от намерений, а намерения эти нам пока не ясны. Но в некоторых случаях, отмечу, очень редких,

развитие нейросети задерживается. Сложно объяснить, почему это происходит, вряд ли личность несформировавшегося зародыша способна ее подавить. Скорее, какая-то форма иммунитета.

Несмотря на солнце за окном и жару в кабинете, Юреку становится зябко. По коже бегут мелкие злые мурашки.

— И вот человеческое дитя носит в себе недоразвитую, незрелую нейросеть. Вспомните, Георгий, вы не замечали за собой в детстве странностей? Не сторонились толпы, людей, особенно чипированных взрослых? Не чувствовали, глядя на них, странный голод? Ведь, по сути, человеческий младенец и зародыш нейросети чем-то близки. Они много спят, иногда буянят, и им хочется есть. И если младенцу подавай молоко, по сути, биоматериал их матери, что-то, похожее на их собственную плоть и кровь, что-то, из чего они смогут сложить клетки и органы своего тела, то и нейросеть нуждается в аналогичной пище...

— Я не Георгий.

— Что?

— Я не Георгий.

Учитель слабо улыбается.

— Да, это тоже характерный признак. Чувствуя собственную раздвоенность, вы отторгаете свое второе «я».

— Нет у меня никакого второго «я». Меня чипировали, как и всех, в восемнадцать.

— Все верно. Трансплантат отторгся, но никто не удосужился вам сообщить, потому что он работал. Почти нормально. Попробуйте загрузить новую версию программы поверх другой, более старой, и скорей всего она как-то будет работать, только немного... неправильно. Тому, кто не сталкивался с подобным, почти невозможно заметить, но у меня, к сожалению, есть некоторый опыт.

— И вы решили меня инициировать.

— И я решил вас инициировать.

— Убив Женьку.

— Но вы не убивали ее, ни в коем случае, — разводит руками Ищенко. — Гибель персонального помощника по-раз-

ному влияет на людей, я не предполагал, что психике Евгении будет нанесен такой сильный удар...

— Она умерла в больнице. Теперь я вспомнил. Вот поэтому я перестал к ней ходить и поехал на эту вашу практику.

Фольклорист устало трет ладонями лицо.

— Я могу тысячу раз повторить — мне очень жаль. Но есть вещи важнее. Вы очень молоды, и вам сложно осознать, но есть вещи неизмеримо важнее, чем личное благополучие, и даже благополучие близких вам людей.

Юрек не сразу понимает, что встает с кушетки. Он медленно встает.

Трескается и сползает сад за окном. Сползает весь уютный солнечный мирок, мирок, где он хотел бы остаться навсегда с Ганной и с Федькой.

Кричат, съеживаются, как бумага в огне, умирают жители деревни, и Опанас, и Федька, и Ганна.

Сползает пепел.

Сползает лицо и кожа.

Рот Ищенко широко распаивается в неслышимом крике.

Деревни за окном уже нет, нет яблонь и сада, но остается торчать кривобокая церква.

В церкви горят свечи. Сотни свечей, и одуряюще пахнет — воском? Ладаном?

Гроб пуст, зато в меловом круге стоят друг напротив друга двое.

Нет. Трое.

Один стар и тонок, как слой штукатурки. Годы стерли его черты до почти неразличимой белизны, лишь горят на лице неестественно голубые глаза.

Второй, молодой, полон боли.

Третий почти неотличим от второго, но не знает, что такое боль.

Те двое, что стоят против старика, похожи, как человек и его тень, лицо и отражение в зеркале. Их можно даже перепутать — здесь, в этом мире, где ничто не имеет реальной плоти.

Первого зовут Юрий. Второго Георгий. Но, в сущности, это ведь одно имя. Одно.

— Не делай этого, — одними губами произносит старик, и за его спиной распахиваются темные, необъятные крылья.

Сотни голубых глаз смотрят с этих крыльев. Какие-то из них принадлежат Ищенко Н. Е., а какие-то — НЕИщенко. Но, по сути, и они одно, уже очень давно одно.

Второй не чувствует ничего.

Третий смеется, узнавая подобного себе.

Славная будет битва.

Трубят архангельская труба, в окна церкви заглядывают сонмы чудищ, псоглавых, с хоботами, шестикрылых и рыбохвостых, и одна бледная, с каштановыми волосами, с лицом Женьки и Николь, прижимает к груди букет поздних нарциссов. Кому она желает победы? И будет ли победитель?

Стены вспухают тысячами наростов, по ним бежит рябь, на миг угадывается светлая больничная палата, где бьется в агонии обожженный юноша с повязкой на слепых глазах, где истошно пищат мониторы, и в коридоре слышится топот ног. Старик, сидящий у койки юноши и держащий его за руку, хватается за сердце, кажется, и ему нужна помощь.

Победы не будет, понимают все трое. Никому не уйти из этой церкви живым, бурсаку не победить ведьму, ведьме не победить бурсака, никто и никогда не уходил отсюда живым. Да и нет ничего снаружи, есть лишь церковь, и вонь свечей, и ладана, и множество нечеловеческих и человеческих лиц, которые, по сути, одно лицо...

...А потом трижды кричит петух.

Вадим Панов

ЯР(К)ОСТЬ

Сверкающий.
Сверкающей горой бриллиантов, перед Глорией расстился 19-23, самый яркий сектор Швабурга, города перестроенного и потому переименованного. Города, вобравшего в себя все достижения современной прикладной урбанистики, ставшего эталоном для агломераций, возникших после него, для поселений будущего.

Бетонные небоскребы, некогда предназначенные исключительно для элиты, стали доступны, гостеприимно распахнув двери для всех желающих. Выбирай принадлежащую Муниципалитету студию с копеечной арендной платой. Любой этаж, от пятого до двухсотого. Насладись потрясающим видом на окна соседнего небоскреба. Используй наилучшим образом двенадцать метров комфортного личного пространства, включающего в себя кухонный блок и акваузел. Если хочешь сэкономить — есть студии дешевле, расположенные в глубине здания, все то же самое, только без окна. Впрочем, зачем нужно окно, которое не открывается? Смотреть на стену соседнего небоскреба?

«Каждый человек имеет право на достойное жилье!»

Департамент по борьбе с неравенством зорко следит за тем, чтобы крышу над головой имели не только миллионеры. Зачем спать на улице, если Муниципалитет предлагает

студию всего за четверть ББД*? Небоскребы вместительные, их много, жилье найдется каждому, сектор поднимается вверх, как тесто. Сектор становится больше.

Сверкающий.

19-23.

Глория поправила круглые черные очки и улыбнулась. Швабург не скупился на освещение и по ночам из космоса выглядел неимоверно, ослепительно яркой кучей бриллиантов, в центре которой возвышался самый высокий в мире небоскреб ShvaBuild — двухкилометровая, поражающая воображение игла, пронзающая небо и устремленная за его пределы. По ночам Швабург блистал, однако куча электрических бриллиантов была не очень большой, поскольку не скупился Муниципалитет лишь на освещение Сити, центрального ядра агломерации, расположенного на берегу моря и нескольких островах. Сити разрывал ночную тьму, и от него разбегались ручейки магистралей и скоростных железных дорог, которые прорезали дешевые народные сектора Большого Швабурга и устремлялись в другие агломерации. Магистралы и железные дороги были видны со спутника, а сектора — нет, поскольку по ночам погружались во мрак. Зато с плоской крыши одного из небоскребов 19-23, на которой была оборудована закрытая обзорная площадка, вид открывался потрясающий: улицы и площади сектора ярко освещены фонарями и огромными уличными экранами, на которых транслируют не только рекламу, но и развлекательные ролики; светятся вывески и витрины ночных заведений; сверкают окна домов и фары автомобилей. Жизнь бурлит, и яркий свет тому доказательство. Но в действительности настоящими тут были только вывески, витрины и фары: фонари и рекламные экраны не работали, а редкие окна светились очень тускло, приглушенно — Компания вновь подняла стоимость электричества, поэтому по ночам люди предпочитали спать. Да и света монитора вполне

---

* ББД (Безусловный базовый доход) — регулярная выплата, предоставляемая всем без исключения гражданам вне зависимости от их занятости и других характеристик.

хватало, чтобы не заблудиться на двенадцати квадратных метрах. Что же касается ярких «эффектов ночного города», то достигались они благодаря AV-очкам*, превращающим окружающую реальность в комфортную дополненную.

Зачем тратиться на уличное освещение, если люди сами заплатят за возможность увидеть то, чего нет?

— Я не знал, что здесь построили площадку, — громко сказал мужчина, подходя к стеклянной стене.

— Ты плохо знаешь сектор? — поинтересовалась в ответ Глория.

— Я в нем вырос.

— Это не одно и то же.

— Я не обязан знать здесь каждый закоулок.

Мужчина по-прежнему говорил очень громко и очень властно. Как привык. И держался властно, очень уверенно, держался в полном соответствии с модным костюмом, сшитым из дорогущей настоящей шерсти, золотыми часами с бриллиантами, ботинками из настоящей кожи и тремя вооруженными телохранителями, замершими у дверей. И одеждой, и поведением мужчина четко демонстрировал свой высокий статус.

— Мне нравится твой выбор: будет интересно заняться здесь любовью.

— В очках? — уточнила девушка.

— Разумеется. Без них здесь будет слишком темно.

И они оба посмотрели на высоченный штырь ShvaBuild, который останется виден даже после того, как они снимут AV-очки.

— Тебя это не смущает?

— Что именно?

— Что мы живем в тени Сити.

— Я здесь вырос, — напомнил мужчина. — И я живу не хуже, чем в Сити.

---

* AV-очки (от *англ.* Augmented reality — дополненная реальность и Virtual reality — виртуальная реальность) — комбинированное устройство, позволяющее владельцу с одинаковой эффективностью работать в обеих цифровых реальностях.

— Тем не менее ты здесь, а не там.

— Пора раздеваться.

— При них? — Глория едва заметно указала на телохранителей.

— Что тебя смущает?

— Я не актриса.

— Ты очень странная для девки из клуба. А я не считаю, что женщина должна быть странной. Женщина должна...

Однако рассказать, что именно, по его мнению, должна женщина, властный мужчина не успел.

— Почему ты поехал со мной? — мягко перебила его Глория.

— Гм...

Он начал злиться.

— Я совсем не в твоём вкусе, — продолжила девушка. — Тебе нравятся блондинки, причем натуральные. А у меня розовые волосы. Ты предпочитаешь пятый размер груди, не больше, но и не меньше, и это не про меня. Единственное, что могло тебя привлечь, — мои длинные стройные ноги. — Глория выпрямила и чуть приподняла правую ногу, а поскольку на ней были надеты короткие шорты, получилось весьма привлекательно. — И тем не менее ты со мной поехал.

— Почему? — заинтересовался мужчина. Он понял, что девушка права, и злость отступила на второй план.

— Потому что я — идеальная, — ровным, абсолютно спокойным голосом объяснила девушка. — Ты этого не понимаешь, но ощущаешь. И потому не смог противиться предложению отправиться на крышу недостроенного небоскреба, вместо того чтобы по-быстрому трахнуть меня в отдельном кабинете. Моя идеальность — не нарисована. Она не в «оболочке». Она настоящая. И потому гипнотизирует.

— Ты из биггеров? — спросил после короткой паузы мужчина.

Глория оставила вопрос без ответа.

— Еще тебе нравятся длинные светлые волосы, большие голубые глаза, круглые щечки с ямочками и чуть припухлые губы... Скажи, почему тебе нравятся кукольные лица? Детская

травма? Свой первый сексуальный опыт ты получил с куклой сестры? Или глядя какое-нибудь древнее аниме?

Она специально злила мужчину, целенаправленно оскорбляла и добилась своего:

— Ты ведь понимаешь, что живой отсюда не уйдешь? — Он не угрожал, он сказал, как будет.

— Откуда? — удивилась Глория. — Где, по-твоему, мы находимся, милый?

Один из телохранителей всю дорогу ехал без AV-очков, поэтому в ответе мужчина не сомневался:

— На прикольной обзорной площадке, о которой я раньше не слышал, но которую буду иногда навещать. Но не надейся, что стану вспоминать нашу встречу, — о тебе я забуду через час.

— Тебя не смутило, что ты никогда не слышал об этой площадке?

— Я много о чем не слышал.

— Эту площадку построили специально для нашей встречи, милый, и она полна сюрпризов.

— Вот как?

— Это было не сложно.

Ее уверенный тон заставил мужчину насторожиться. Он бросил взгляд на телохранителя, тот понял не прозвучавший приказ и нажал на кнопку вызова лифта. Тишина. Телохранитель снял очки, убедился, что действительно стоит около дверцы лифта и жмет на кнопку, понял, что не слышит гудения мотора, и посмотрел на хозяина.

— Лифт не придет, — очень тихо сказала Глория.

И улыбнулась.

* * *

Дождь пошел внезапно. Хлынул мощным потоком, яростно бомбардируя асфальт крупными, зрелыми каплями летнего ливня. Бомбардируя так, словно хотел стереть с лица Земли и асфальт, и сам город... А если не получится — то хотя бы прилипшую к ним грязь.

Дождь застал Бенса за столиком уличного кафе, но прежде чем укрыться под навесом, он поднял голову и прищурился, пытаясь разглядеть прячущееся среди небоскребов небо. Разглядеть получилось не много, а то, что Бенс увидел, оказалось серым, под цвет упирающихся в тучи зданий. Небо было таким маленьким, что Бенсу показалось, будто он смотрит на него со дна колодца, длинного и узкого колодца, который здесь, внизу, называется Пятой улицей сектора 19-23.

— Что мокнешь? — крикнул спрятавшийся под навесом Макар.

— Иду. — Бенс подошел к приятелю и задумчиво улыбнулся. — Однажды я подумал, что не всякий дождь способен добраться до мостовых. Ведь если он слабый, да к тому же дует ветер, капли рассеиваются по стенам и стекают по небоскребам... или засыхают на них.

— В детстве подумал?

— Почему? — удивился Бенс.

— О таких вещах обычно в детстве думают, — ответил Макар. — Потом становится до лампочки.

— Думать?

— О таких вещах.

— Может быть... — Бенс вновь улыбнулся, вспоминая, когда именно мысль пришла в голосу, и признался: — Да, в детстве.

— Я угадал.

— Нет, ты просто прав.

Макар служил контролером Департамента благоприятной среды, славился прагматичным складом ума и общим здравомыслием. Он в отличие от Бенса, едва поняв, что начинается дождь, не только укрылся, но и перетащил на сухой столик тарелки с недоеденным завтраком и кружки с кофе. И о себе позаботился, и о друге, за что Бенс его от души поблагодарил.

Он устроился рядом — кроме них, под навесом никого не было, — сделал глоток остывшего кофе и посмотрел на улицу, которая под дождем казалась особенно унылой. Дождь умыл асфальт, ненадолго придавая ему блеск утренней свежести, и сделал отчетливым валяющийся повсюду мусор: пакеты, упа-

ковки, стаканы из-под кофе, шприцы, обрывки одежды и даже обломки мебели. Все, что становилось ненужным, но по каким-то причинам не добиралось до мусорных баков, валялось на мостовой и тротуарах в ожидании уборщиков.

— Грязно, — буркнул Бенс.

— Сколько лет ты не снимал очки? — невнятно поинтересовался жующий сэндвич Макар.

— Каждый день снимаю и вижу все это. Только тебе забывал сказать.

— Мне говорить бессмысленно — график работы роботов-уборщиков устанавливает Муниципалитет. А если я его нарушу — будет перерасход энергии. Прилетит взыскание. И хорошо, если не вычтут стоимость электричества из моей зарплаты.

Расходы Департамента благоприятной среды рассчитывались автоматически — как и расходы всех других Департаментов. Учет велся в режиме реального времени, и даже штрафы назначались автоматически. И разбираться, почему допущен перерасход, нейросеть не станет — этому ее не учили.

— И какой теперь график? — поинтересовался Бенс, глядя на вылезшую на тротуар крысу.

«Интересно, что они жрут при нынешней стоимости продуктов? Сейчас мало кто позволяет себе выбрасывать еду».

— Убираемся раз в неделю.

— Не слишком часто?

— А-ха-ха. — Макар закончил с сэндвичем и тоже глотнул кофе.

Крыса лениво обнюхала выброшенный кроссовок и вернулась в подвал.

«Крысы должны жить в Сити. Там помойки лучше».

— Из-за экономии?

— И из-за нее тоже, — подтвердил Макар.

— А что еще может быть? — спросил Бенс, думая о том, что крыса не выглядела тощей. — Электричество в прошлом квартале подорожало на пять процентов. Да и сами роботы денег стоят. Вот Муниципалитет и решил уменьшить расходы на энергию и амортизацию.

— Я ведь не зря спросил, как давно ты снимал очки.

— Я думал, ты пошутил.

— Почти пошутил. — В кружке остался последний глоток кофе, и Макар решил приберечь его напоследок. — Когда сектор построили, улицы убирали каждое утро. Потом — раз в два дня. В три дня. Сейчас — раз в неделю. Во-первых, экономия, конечно, с этим никто не спорит. Но есть и во-вторых — психология: когда видишь такую грязь, не хочется снимать очки даже на разрешенное время.

Дополненная реальность мусор игнорировала. И надписи на стенах. И разбитые окна. И неработающие по ночам фонари. Дополненная реальность придавала окружающему пространству красоту, что позволяло Департаменту благоприятной среды постоянно снижать расходы. Кроме того, закон предписывал носить АV-очки не менее двенадцати часов в день, и за соблюдением этого правила следил Четвертый департамент: вживленный чип четко фиксировал и время сна, и время подключения очков, при несоблюдении правила следовал штраф. За повторное нарушение можно было оказаться в списке неблагонадежных. Объяснения нейросеть не интересовали — ее этому не учили.

— Посмотрят они на окружающую действительность, плюнут и купят более удобные очки и будут даже спать в «Яркости».

— Не слишком ли ты умный для своей должности?

Макар вздрогнул — такой вопрос из уст контролера Департамента социального согласия мог напугать кого угодно, но через мгновение понял, что Бенс шутит, и ответил:

— Умный ровно настолько, чтобы служить контролером.

— И только по благоприятной среде.

— Именно!

Мужчины рассмеялись, после чего Бенс заметил:

— Но ты прав.

— Ты тоже, — в тон ему ответил Макар.

— А я в чем?

— Надо меньше думать и больше работать.

- С таким подходом ты однажды проснешься ливером*.
- Однажды мы все проснемся ливером, друг мой, — после выхода на пенсию.
- До пенсии еще дожить надо.
- Поверь, годы пролетят быстрее, чем ты думаешь.
- В этом ты прав, — помолчав, согласился Бенс. И залпом допил кофе.

Тем временем дождь прекратился — так же неожиданно, как начался, тучи разошлись, и полоска неба, что виднелась из колодца 19-23, стала очень светлой. Люди покинули укрытия — навесы и заведения — и отправились по своим делам. Именно по делам, в народных секторах мало кто мог себе позволить бесцельно прогуляться по улице, наслаждаясь принесенной дождем свежестью. Но только Бенс подумал, что пора прощаться, как справа послышались громкие крики: в соседнем уличном кафе двое мужчин затеяли выяснение отношений. Причина конфликта осталась за кадром: может, кто-то кого-то толкнул и не извинился; может, опрокинул кофе; может, кто-то кого-то обманул — не важно. Важно то, что мускулистый блондин с размаху заехал плотному брюнету в ухо, однако одним ударом исход поединка не решил: брюнет устоял и ответил отработанной двойкой «в голову — в корпус». Кто-то впечатлительный взвизгнул, кто-то из зрителей оглушительно свистнул, подбодрив то ли одного, то ли обоих драчунов, остальные взирали на происходящее молча. Блондин схватил стул и почти дотянулся до противника, но брюнет ушел в последний момент и отточенным движением нанес встречный удар правой. Блондин отшатнулся и отступил... тяжело пыхтя и опираясь на стул, как на роллатор. Короткое сражение потребовало от него колоссальных физических усилий и полностью вымотало. Толстяк с огромным удовольствием использовал бы стул по прямому назначению, чтобы посидеть минут двадцать, но опасался низенького шуплого брюнета, который осторожно ходил вокруг, опасаясь получить по голове стулом...

---

* Ливер (от *англ.* live — жить) — сленговое обозначение жителей городов.

точнее, прикидывая, сможет ли тяжело дышащий блондин поднять стул?

— Люблю смотреть на такие сражения без очков, — прокомментировал Макар. — Зрелище не для слабонервных.

В дополненной реальности многие... да не многие, а почти все ливеры предпочитали использовать «оболочки», представляя себя чуть более подтянутыми, высокими и молодыми, чем на самом деле. Постепенно «оболочки» настолько плотно вошли в повседневную жизнь, что смотреть на людей без очков стало считаться неприличным.

— Будешь разбираться?

— Идти далеко, — хмыкнул Бенс.

Макар оценил шутку — до соседнего заведения было меньше двадцати шагов — и вежливо посмеялся.

— Не хочу возиться... к тому же дрон уже на месте.

О начале драки сообщил не только владелец заведения, но и все находящиеся поблизости граждане — трем счастливым, успевшим первыми донести о совершении противоправных действий, полагалась премия в размере десяти процентов ББД, поэтому дрон Департамента социального согласия прибыл на место происшествия очень быстро — в тот самый миг, когда блондин тяжело оперся на стул, а брюнет принялся опасливо приближаться к нему слева. Дрон завис между ними и металлическим голосом провозгласил:

— Благодарю за сотрудничество, — обращаясь и к доносчикам, и к нарушителям спокойствия. Выдержал короткую паузу, оценивая обстановку и обрабатывая информацию от нейросети кафе, после чего продолжил: — Повреждений общественного имущества — ноль, повреждений частного имущества — ноль, нарушение общественного порядка — административный штраф без занесения в личное дело, требование заведения о возмещении упущенной выгоды — удовлетворить.

Данные драчунов дрон считал с вживленных чипов, наказание определил согласно нормам прецедентного права, размер упущенной выгоды рассчитал на основании статистических данных за последний год.

— Согласно Уложению об административных правонарушениях, апелляция на наложенное взыскание невозможна, несогласие с наложенным взысканием автоматически переводит рассмотрение правонарушения из административного кодекса в уголовный. Вам понятны ваши права?

— Да, — уныло ответил блондин.

— Да, — вздохнул брюнет.

— Вы признаете себя виновными в совершении административного правонарушения?

— Да.

— Штрафы и взыскания списаны с ваших счетов. Хорошего дня.

Дрон улетел, брюнет громко выругался и медленно побрел вверх по улице, блондин уселся на стул, облокотился на столик и жестом показал официанту, что хочет пить. В дополненной реальности он вальяжно откинулся на спинку стула и с небрежной улыбкой победившего льва таращился в спину удаляющемуся врагу.

— Когда AV-очки плотно вошли в тему, а «оболочки» стали настолько качественными, что не считывались стандартными дешифраторами, грабители начали использовать их во время налетов, — рассказал Бенс, задумчиво глядя на мускулистого блондина. — Первый крик: «Не двигаться!», второй: «Кто снимет очки — убьем!»

— Но ведь это глупо, — нахмурился Макар. — «Оболочки» видны только через AV-очки, а следящие видеокамеры снимают настоящее, то есть то, что происходит в реальности.

— Поэтому грабителей брали в течение часа, — усмехнулся Бенс. — Почти полгода показатели раскрываемости зашкаливали за все разумные пределы, пока до этих придурков не дошло, что к чему.

— Глупо, — оценил Макар.

— Они в принципе тупые.

— Грабители?

— И они тоже, — подтвердил Бенс.

Но Макар понял, что приятель хотел сказать короткой паузой, и вздохнул:

— Это не глупость, а тщеславие. Они хотят выглядеть лучше, чем есть.

— Достаточно снять очки, чтобы увидеть их такими, какие они есть. Без «оболочек».

— Поэтому ливеры все реже снимают очки. AV настолько привлекательна, что скоро даже штрафы за недостаточное ношение очков можно будет отменять. — Макар помолчал. — Психология.

— Лучше быть там, где чисто на улицах, светло по ночам, ты энергичен и подтянут, несмотря на то, что в жизни не заглядывал в спортзал, твоя квартира больше ста квадратных метров...

— Не продолжай, а то я навеки уйду в «Яркость», — рассмеялся Макар. И нахлобучил на голову бейсболку. — Поеду работать: роботы обнаружили в седьмой развязке какие-то траблы* и просят посмотреть лично.

В ведении Департамента благоприятной среды находилась не только уборка улиц, но и канализация, водопровод и прочие коммунальные услуги за исключением электричества и связи. Специфика службы заставляла Макара передвигаться по сектору на небольшом фургоне, набитом инструментами и запчастями, которые могут понадобиться настолько срочно, что даже стремительный дрон не успеет привезти их со склада достаточно быстро. А вот Бенс предпочитал мощный мотоцикл, маневренный и быстрый, идеально подходящий для заполненных транспортом улиц.

— У меня тоже... — Бенс прочитал пришедшее сообщение и коротко выругался: — Траблы.

— Что-то серьезное?

— Трупы.

— В первый раз, что ли? — Макару доводилось вытаскивать мертвецов из канализации, в том числе — вместе с Бенсом, вот и удивился озабоченности приятеля. — Что не так?

— Такие трупы — в первый, — ответил Бенс, усаживаясь в седло мотоцикла. — Во всяком случае, на моей памяти.

---

* От *англ.* trouble — неприятность.

* * *

«Яркость»...

Пространство, которое в начале XXI века называли Мета-вселенной. Не дополняющее существующий мир, но создающее собственный, полностью виртуальный. Слишком невероятный, чтобы казаться настоящим. Слишком настоящий, чтобы казаться фальшивым. «Яркость» — это мир, который можно ощутить абсолютно. Уловить аромат жарящегося мяса и увидеть его — шипящее на гриле, истекающее соком; можно протянуть руку и обжечься — о сам кусок или раскаленную решетку. Можно пробежаться по набережной и почувствовать усталость. Можно заняться любовью, причем где угодно: в спальне, на берегу океана, на крыше небоскреба... И пережить все волнующие ощущения.

Можно все. Ну или почти все.

Скептики утверждают, что Метавселенные — иллюзия, что все пережитое в «Яркости» — ложь, ведь ты не покидаешь квартиру, а эффект присутствия обеспечивает вживленная под кожу «паутина» — тончайшая сеть, управляемая вживленным чипом и напрямую воздействующая на нервные окончания. Но какая разница, если иллюзия настолько реальна, что кажется пережитой? И просыпаясь в своей кровати, ты пребываешь в абсолютной уверенности, что провел ночь на берегу океана. Под яркими звездами. Слушая шум прибоя. Задыхаясь от страсти.

Ты там был.

Ты это пережил.

И ты привык принимать это настоящим.

Все привыкли.

Что же касается Шанти, ей привыкать не требовалось — она всю свою жизнь работала с Цифрой. И в Цифре. И выбор этот был осознанным: маленькой Шанти быстро надоели предложенные в онлайн-школе «кубики», из которых можно было собрать нечто стандартное, такое же, как у всех, с отличиями лишь в дизайне — это называлось уникальностью, — и она попыталась создать что-то свое. Попытка была замечена,

и нейросеть рекомендовала обратить на одаренную девочку внимание. Контролер Департамента образования внимание обратил и предложил пройти драконовский экзамен, выдержав который Шанти поступила в школу. В настоящую, с очными занятиями, которые вели настоящие преподаватели. В школу, в которой готовили необходимых цивилизации специалистов: инженеров, конструкторов, проектировщиков, технологов, ремонтников и в том числе — контролеров. Пять лет в школе первой ступени, затем пять лет в высшей, и когда Шанти исполнилось восемнадцать, она, ставшая первой студенткой выпуска, поступила на службу в Четвертый департамент, в двадцать три получила должность контролера и уже два года работала в 19-23. И была уверена, что это не предел.

Шанти мечтала проектировать виртуальные миры, не обслуживать существующие, а создавать новые, но понимала, что за красивые глаза в команду проектировщиков не возьмут — нужен серьезный опыт, в том числе — опыт «полевой» работы в существующих Метавселенных, и потому девушка много времени проводила в «Яркости». При этом она не только занималась своими делами, но и внимательно изучала структуру цифрового пространства, подмечая и достоинства, и недостатки и не сомневаясь, что однажды заметки ей пригодятся, возможно, когда она будет представлять инвесторам концепцию собственной Метавселенной. Почему нет? Шанти была уверена, что однажды ей станет это по силам, и улыбалась при мысли, что в Цифре осталось не так уж много тайн, которые она не познала. Улыбалась, потому что не сомневалась — познает. Обязательно познает все тайны Цифры... ну, может быть, за исключением одной. Которую придумала для себя сама. Над которой размышляла всегда, когда хотелось подумать о чем-то важном, загадочном, но неразрешимом. Над вопросом: «Где я отражаюсь, когда, находясь в Метавселенной смотрю, на себя в зеркало?»

Где оказывается отражение, рожденное в Цифре? Или откуда оно приходит? Что прячется с той стороны холодного стекла? Эти вопросы задают все дети или себе, или родителям: «Что находится по ту сторону зеркала?» Одним хватает корот-

кого ответа: «Ничего, это просто особое стекло», другие начинают расспрашивать, что делает стекло особенным, а третьи начинают придумывать находящийся по ту сторону мир.

Что изменилось, когда холодное стекло стало цифровым?

Как узнать, что прячется в зеркалах Метавселенной? Другая Метавселенная? Как изменится Цифра, став собственным отражением?

Вот и сейчас, стоя перед большим ростовым зеркалом в одном из клубов «Яркости», Шанти не столько разглядывала себя, сколько размышляла над привычным вопросом, пытаясь разобраться, где находится девушка, которую она видит. Со стороны могло показаться, что Шанти просто-напросто без ума от себя, однако это не было правдой — девушке не особенно нравилось то, что она видит в зеркале. Точнее, нравилось, но частично. Смуглая невысокая Шанти дышала энергией: в каждом движении, в блеске больших черных глаз, в улыбке, а девушка часто улыбалась, и улыбка ее была приятной, — во всем чувствовалась живая, бурлящая сила. Яркая, дерзкая и азартная. Выпуклый лоб, аккуратный носик, изящной формы губы, маленький подбородок, прямые черные волосы подстрижены коротким, едва достигающим до плеч каре — на это Шанти смотрела с удовольствием. А вот фигура ей не нравилась — слишком округлая. Хотя сейчас благодаря постоянным тренировкам девушка держала себя в великолепной форме, и тугие спортивные округлости вызывали у Шанти гордость — за то, что она способна держать их в узде, у многих женщин — зависть, а у большинства мужчин — вождение. Особенно самцов привлекала красивая грудь пятого размера, которую Шанти не считала нужным скрывать ни в реальности, ни в Метавселенной и потому давно привыкла, что в глаза ей начинают смотреть во вторую очередь.

— Любишься новой «оболочкой»? Я бы тоже полюбовался.

— Нравится?

— Очень.

— Тогда любуйся.

Она не стала говорить, что «оболочка» для «Яркости» в точности копирует ее внешний вид: без ретуши, но с поправкой на оцифровку.

— Можно? — удивился юноша.

— Разве я могу тебе запретить?

— Некоторые запрещают.

— Поэтому ты спрашиваешь?

— Закон о домогательстве действует и в реальности, и в «Яркости».

Первый взгляд бесплатно, за второй — если объект сочтет себя оскорбленной — может последовать драконовский штраф или административный арест. В случае повторной жалобы дело будет рассматривать судебная нейросеть по уголовным делам, возможно принудительное психиатрическое лечение. И AV-очки не помогали, наоборот, снятая с них информация позволяла с точностью до миллиметра определить, куда смотрел подозреваемый, и так вычислять «наблюдателей-рецидивистов» — преступников, любящих смотреть на женщин.

— Смотри сколько захочется.

— Спасибо. — Юноша явно приободрился. — Я тебя здесь раньше не видел.

— В «Яркости» много жителей.

— Это верно. — Он смущенно улыбнулся. — Чем занимаешься?

В отличие от остальных контролеров Шанти никогда не общалась с ливерами офлайн, только через нейросеть. Поэтому в лицо ее мало кто знал, и девушка могла представляться кем угодно.

— Я путешествую по Метавселенным.

— Так и знал, что ты не из «Яркости», — улыбнулся юноша. И протянул руку: — Меня зовут Миша.

— Очень приятно, Миша. Чем занимаешься ты?

— Я — художник.

— Ого! — не сдержалась девушка.

— Что-то не так?

Кажется, молодой человек слегка обиделся, а поскольку огорчать его Шанти не собиралась, то приняла наивный

и одновременно чуточку восторженный вид и, «немного смущаясь», ответила:

— Я никогда не знакомилась с художниками вот так запросто... в холле клуба. Только на вернисажах или выставках. Они... То есть... Вы не такие, как все... Всегда в своем творчестве, часто смотрите так, будто продумываете новый шедевр... Вы, наверное, этого не замечаете, но мы, обычные люди, очень хорошо это чувствуем.

Уловка подействовала: настороженность исчезла, Миша слегка расслабился и вернулся к прежнему тону. И шепотом признался:

— Я не очень известный художник.

— Неважно, — так же шепотом ответила Шанти. — Главное, ты — творишь. Ты создаешь образы, которые остаются в памяти, заставляют задуматься. Ты пишешь картины, которые не сможет создать никто, кроме тебя, ведь каждый художник — уникален.

— Пожалуй... — Судя по появившейся в голосе растерянности, до сих пор Мишу никто особо не хвалил. Тем более — за картины.

— Покажешь свои работы?

— В клубе нельзя, — вздохнул Миша. — Владельцы запрещают.

— И на улице нельзя, — припомнила Шанти. — По закону это будет называться рекламной акцией.

— Поедем ко мне в мастерскую?

— Поедем, — кивнула девушка. — У меня есть «перемещалка».

— Здорово! А то я без машины.

Путешествовать по «Яркости» можно было тремя способами: пешком, симулируя естественное движение, бесплатно наслаждаясь цифровыми просторами; на машине или другом транспорте, платно наслаждаясь цифровыми просторами; либо с помощью особого устройства перемещения — очень дорого, мгновенно.

— Назови координаты.

— Я их тебе скинул.

— Вижу. — Шанти ввела координаты в «перемещалку», и их цифровые копии перенеслись в другое место: стены клуба, мебель, потолок, посетители — все вокруг на мгновение потеряло четкость, словно оказалось за окном, по которому хлещет сильный ливень, а затем неожиданно сменилось большим, наполненным ярким солнечным светом помещением, в центре которого стоял мольберт с недописанной картиной.

— Моя студия!

— А здесь хорошо, — оценила Шанти. И не покривила душой.

Миша очевидно не был богат, однако студию ему сверстали лучшие дизайнеры Сети, создавшие великолепное, идеальное для творчества пространство, манящее взяться за кисть.

— Спасибо. — Миша улыбнулся и взмахнул рукой, превращая одну из стен в музейную, цвет и подсветка которой менялись в зависимости от появляющихся на ней работ. — Это моя первая, еще совсем ученическая, но я всегда начинаю показ с нее, чтобы был виден прогресс...

Перед «музейной» стеной выросли удобнейшие кресла, в которых девушка и художник немедленно расположились. А когда устроились — стена стала двигаться так, чтобы каждая картина оказывалась на идеальном для восприятия расстоянии.

Первая работа, как и предупредил автор, оказалась ученической, немного наивной и даже робкой. Но каждое последующее полотно становилось все глубже и глубже, а их калейдоскоп завораживал, затягивая зрителей в водоворот фантазий молодого художника.

— У тебя есть дар, — тихо сказала Шанти.

— Но этого мало, — вздохнул Миша, не отрывая взгляд от появившейся на стене работы.

— У тебя есть дар, и ты стараешься — это очень много. Однажды о тебе заговорят.

— И тогда ты снова придешь ко мне?

— Как ты узнал, что я собираюсь уходить?

— У меня есть дар, ты сама так сказала, — грустно улыбнулся художник.

— У тебя есть дар писать картины.

— Чтобы писать, нужно чувствовать, очень тонко чувствовать, иначе получается не картина, а фотообои.

Шанти хотела не согласиться, но в последний момент передумала и коротко кивнула, показав, что Миша прав. И что она его поняла.

— Мы еще увидимся?

— Однажды...

— Когда я стану знаменитым?

— Разве это плохо?

— Зачем ты приходила?

— Сказать, что ты станешь знаменитым.

— Ты очень хорошая. — Миша протянул руку и коснулся плеча Шанти. Виртуальными пальцами виртуального плеча. Живым, чувственным прикосновением. — Я буду ждать.

Шанти сняла очки, воспользовавшись самым простым способом выйти из «Яркости», и машинально прикусила кончик дужки — она всегда так делала, когда задумывалась.

«Интересный мальчик», — прошелестела на ухо Белла — рабочая нейросеть контролера.

«Но не тот, кто мне нужен», — грубовато отозвалась Шанти.

«Уверена?»

«Чем он сейчас занимается?»

«А как ты думаешь?»

«То есть ты не знаешь?»

«Рисует картину».

«Пишет», — поправила ее Шанти.

«Что?» — не поняла Белла.

«Картины пишут, а не рисуют».

«Это принципиально?»

«Да».

«Твой мальчик пишет картину. Новую. И кажется, ты будешь главной героиней».

«Центральным образом».

«Это принципиально?»

Шанти не ответила. Погрызла дужку, затем внимательно оглядела ее, убедилась, что серьезных повреждений нет, но рисковать не стала и погрызла другую дужку. Затем распорядилась:

«Покажи мне его».

«В “Яркости”?»

«Нет, в реале».

«Одну минуту...»

Закон «О праве на личное пространство» провозглашал неприкосновенность жилища и прямо запрещал и Четвертому, и Департаменту социального согласия устанавливать видеокамеры и наблюдать за частными помещениями с помощью дронов без решения суда. Однако другой закон — «О противодействии терроризму» — давал и Четвертому департаменту, и Соцсогласию право на оперативный доступ к любым электронным устройствам. Поэтому формально нарушения гражданских свобод Михаила Ефремовича Шишкина не произошло: Белла подключилась к видеокамере настенного монитора, перенаправила картинку в оперативную базу отделения Четвертого департамента по сектору 19-23, и Шанти увидела стандартную двенадцатиметровую капсулу и лежащего на кровати юношу, одетого в короткие тренировочные штаны и застиранную майку. Как и Шанти, Миша не приукрашал «оболочку», поэтому от того Миши, с которым Шанти только что провела время, реальный человек отличался исключительно одеждой. И тем, что верхнюю часть его лица закрывали мощные AV-очки.

«Как у него со средствами?»

«Последние полгода сидит только на ББД. Все полученное наследство он потратил на студию».

«Купи у него две эти работы... — Шанти сбросила Белле изображения понравившихся картин. — Заплати вдвое от цены. Распространи слух, что неизвестный богатый коллекционер отыскал в 19-23 новую звезду. Хочу, чтобы о нем заговорили».

«Купить инкогнито? Средства взять с твоего личного счета?»

«Разумеется и разумеется».

«Сделано».

«Спасибо. — Шанти вновь покусала дужку очков. — Скажи, ты ведь не думаешь, что этот мальчик — убийца и террорист?»

«Нет, пожалуй».

«Вот и я думаю, что нет».

Тем не менее, согласно цифровым следам, именно этот хрупкий мальчик, чье прикосновение до сих пор вызывало у Шанти легкие чувственные волны, убил этой ночью четырех человек.

* * *

«Опознание затягивается, поскольку на жертвах не обнаружены AV-очки и какие-либо иные личные коммуникационные устройства. Вживленные чипы удалены».

«Но зачем? — удивился Бенс. — Анализ ДНК даст нам всю информацию».

«Может, преступники хотели выиграть время?» — предположил Рик.

«Двадцать минут?»

«Они мертвы уже несколько часов, а без чипов и коммуникационных устройств...»

«Их тела невозможно найти. — Бенс оглядел высокий забор, огораживающий строящийся небоскреб. — Даже если их искали».

«Именно. — Рик помолчал. — Ты их узнаешь?»

«Что тут узнавать?»

Бенс еще раз оглядел четыре окровавленных «шлепка» — все, что осталось от четырех человек, удивился, что их не унесло далеко от небоскреба, и поинтересовался:

«Мы знаем, откуда они прилетели?»

«С небоскреба “Зульфия”».

«Он же не достроен».

«Вряд ли они собирались в нем жить».

«Ты научился шутить?»

«Нет, просто ответил. — Пауза. — На крыше есть обзорная площадка, — продолжил Рик и перенаправил Бенсу трансляцию с посланного на самый верх дрона. — Один из оконных блоков открывается, и судя по расположению тел, их выкинули из него».

«Живыми или мертвыми?»

«Есть разница? — осведомился Рик. — Результат ведь один».

«Поверь, разница огромна, — ответил Бенс. — Если выкинули живыми, возникает вопрос: это наказание или предупреждение?»

Ответа у Рика не было.

— Бестолочь, — проворчал Бенс.

Однако вывести Рика из себя не сумел. Никогда не получалось.

Психологи Департамента рекомендовали контролерам — и всем остальным сотрудникам — в обязательном порядке давать рабочим нейросетям имена личные, что якобы благотворно влияло на установление качественного микроклимата в команде и, как следствие, приводило к улучшению рабочих показателей. Это предписание психологов стало единственным за всю историю, которое контролеры восприняли с энтузиазмом — и принялись развлекаться кто во что горазд, в результате чего рабочие нейросети Департамента социального согласия получили имена собственные: Балбес, Придурок, Дерево, Дегенерат, Сучка, Эй, ты... и это еще не самые яркие образчики творческой самодеятельности сотрудников. Начальство, надо отдать должное, быстро осознало ошибку, приказ о самочинном поименовании отозвали, а нейросети стали называть при создании — на усмотрение дежурной смены. В результате Бенсу достался Рик, не самый плохой вариант, если честно, а главное — короткий, что было весьма удобно в наиболее динамичные моменты работы полевого сотрудника Соцсогласия.

«В лаборатории закончили анализ ДНК».

«Удиви меня».

«Скорее, огорчу. Тот “шлепок”, костюм которого выглядит дороже, — это Зулькарнайн Бакир, один из четырех эмиров северян».

«Твою мать».

На это замечание Рик научился отвечать едва ли не в первый день:

«У меня ее никогда не было».

«Северяне знают?»

«Судя по активности в Сети — нет. Но я фиксирую частые вызовы на номера всех четверых. С ними хотят связаться».

«Значит, скоро узнают...» — Бенс набрал номер Шанти.

— Привет! У меня тут большая проблема на четыре пластиковых мешка, и нужна твоя помощь. Проследи, пожалуйста, путь убитых к месту преступления.

— Привет. — Шанти показалась Бенсу задумчивой. — Я уже посмотрела.

— И?

— Мне нужно еще время.

— Не понял, — насторожился Бенс. — Что не так?

— Есть странные моменты. — Тон девушки не оставлял сомнений в том, что она не хочет развивать тему. — Я перепроверю полученные результаты и перезвоню.

— Но у меня расследование, — растерялся Бенс. — И я с минуты на минуты жду приятелей дохлого гангстера.

— А у меня — инвентаризация.

Шанти отключилась.

Бенс выругался. А заканчивая очередное сложноподчиненное предложение, услышал тихий голос Рика:

«Вас вызывают приятели дохлого гангстера».

«Почему через тебя?»

«Потому что ты не обратил внимания на три вызова подряд».

«Ага...» — Бенс наконец-то разглядел на рабочей панели отметки о пропущенных, открыл перенаправленный от Рика вызов, увидел просьбу разрешить V-доступ* к месту престу-

---

* V-доступ — возможность присутствия в каком-либо месте дополненной реальности в виде виртуального аватара.

пления — по правилам, его закрыли не только для офлайн-новых, но и для онлайн-новых зевак, — и выдал разрешение. Запрос вытек из очков и превратился в Азима Лахуда, самого молодого эмира «Армии севера». Несколько мгновений Азим смотрел на Бенса, но любезничать не стал — демонстративно перевел взгляд на тела, показав, что прибыл по делу. Чем, разумеется, изрядно разозлил контролера.

— Ты ведь понимаешь, что я могу вышвырнуть тебя и отсюда, и из Сети? — поинтересовался Бенс, разглядывая виртуальную копию известного бандита.

— Не навсегда, — ответил Лахуд.

— Я могу выкинуть тебя на месяц. А если попрошу контролера Четвертых, то ты на год превратишься в голосовые сообщения. Хочешь так?

— Тебе нужно уважение?

— Достаточно обычной вежливости.

Эмир северян выпрямился и с улыбкой посмотрел на контролера:

— Доброе утро, Бенс.

— Доброе утро, Азим.

— Что здесь произошло?

— Идет расследование, о результатах ты узнаешь первым, — пообещал Бенс. — А пока скажи, Зулькарнайн в последнее время не говорил, что ему все надоело и хочется прыгнуть с крыши?

— Не смешно.

— Да какой уж тут смех. — Бенс посмотрел, как роботы аккуратно сгребают в пластиковые мешки останки гангстеров. — Все, что я знаю сейчас: ни в одном из них не застряли пули.

— В них не стреляли? — удивился Азим.

— Поэтому я и уточнил насчет депрессии.

Повторять, что шутка не смешная, эмир северян не стал. Помолчал и сообщил:

— Шейх в ярости.

Впрочем, не удивил.

— Я понимаю.

— Он считает, что Зулькарнайна убили южане, и начал планировать месть.

— Или у вас началась борьба за власть, — задумчиво протянул Бенс. — Сколько лет шейху, да продлит Аллах его годы?

— Шейху много лет, да продлит их Аллах, но он крепко держит бразды правления, — твердо ответил Азим. И впервые посмотрел Бенсу в глаза: — Линия закрыта?

— Абсолютно, — подтвердил контролер. — На месте преступления нас никто не услышит.

— Боюсь, уже ничего не сделаешь, — вздохнул Азим. — Зулькарнайн был одним из самых спокойных эмиров «Армии», никогда не проявлял ненужной агрессии или жестокости и не особенно обижал ливеров. У него не было врагов... кроме южан. К тому же никто, кроме них, не смог бы убрать эмира и его охрану. Ты снял информацию с чипов?

— Убийцы забрали чипы и все устройства. Иначе вы нашли бы тела еще ночью.

— Ночью вряд ли. А вот в девять Зулькарнайн должен был быть у шейха.

— Я тоже кое-что скажу, — медленно произнес Бенс. — А верить или нет — решай сам. Так вот, убийца так хорошо замел цифровой след, что контролер Четвертого департамента до сих пор не может сказать ничего внятного. У южан таких специалистов нет.

— Это не доказательства, — пожал плечами Азим. — Это предположения, причем весьма зыбкие.

* * *

— Что для тебя зыбкость?

— Это когда идешь по болоту и земля под тобой колыхается? — уточнил Женя. — И каждый шаг способен затащить в трясины, ты не знаешь, провалишься или нет? А если провалишься, то успеют ли тебе помочь? Ты идешь и ощущаешь — зыбкость.

Ответ сильно удивил Глорию и заставил внимательно посмотреть на молодого мужчину.

— Тебе доводилось ходить по болоту?

— По настоящему? — помолчав, уточнил Женья.

— Меня интересует только настоящее.

— Не доводилось.

— Спасибо, что ответил честно.

— Я никогда не выезжал из Швабурга, путешествовал только в другие секторы и Сити. — Он выдержал паузу и уточнил: — По-настоящему.

Глория улыбнулась.

Они увидели друг друга в «Яркости», но это не имело значения — они увидели друг друга. Глория прогуливалась по набережной и остановилась у открытого танцевального зала — открытого для всех желающих. Никаких записей — играл живой оркестр, и пары то кружились под вальс, то сливались в чувственном танго, то задорно веселились под самбу и ча-ча-ча. Глория не планировала присоединяться, но в какой-то момент поняла, что стала объектом пристального внимания, повернулась и увидела его — высокого, стройного, очень складного. С непослушной гривой черных волос. Уверенного в себе.

«Вы понимаете в танце. Это видно по вашему взгляду».

«Смотрела видео».

«Вы превосходно двигаетесь и машинально постукиваете пальцами в такт музыке. И ни разу не ошиблись».

«Вы за мной следили?»

«Как только увидел».

«Не бойтесь, что я обвиню вас в домогательстве?»

«Давайте лучше потанцуем».

То ли не боится обвинений, то ли плевать. И стало невозможно не уступить.

«Я люблю танцевать милонгу».

«Это следующий танец».

«Откуда вы знаете?»

«Оркестр угадывает мысли танцующих, а моя мысль — самая яркая. — Он подал Глории руку. — Позвольте вас пригласить».

И они закружились на паркете. Закружились страстно, как нужно танцевать милонгу, и технично. Чувствуя друг друга абсолютно и не ошибаясь в движениях. Закружились так, что Глория увлеклась, почувствовала себя свободной и даже немного счастливой. Не потеряла голову, но призналась себе, что ей очень не хватало настоящего, уносящего прочь танца.

Давно не хватало.

За милонгой последовал классический вальс, потом аргентинское танго, а потом Глория сказала, что хочет отдохнуть, и они расположились за столиком кафе. В шаге от воды. С бокалами легкого белого вина. Освещенные только крохотной свечой и россыпью звезд. Не слыша гуляющих по набережной людей. Убрав из восприятия свет уличных фонарей, вывесок и рекламы. Расположились так, как получается только в «Яркости».

И там, наслаждаясь запахом моря, который приносил с собой едва заметный ветерок, Глория подумала о зыбкости всего, что их окружает.

— Откуда ты знаешь о болоте?

— «Яркость» много больше Швабурга, — улыбнулся он в ответ.

— Извини, не подумала. — Она сделала глоток вина. — Обычные люди ходят в «Яркость» не для того, чтобы бродить по болотам.

— Значит, я не совсем обычный. — Женя помолчал. — Я ухожу в лес, горы, джунгли... и в том числе — на болота. Мне интересно.

— Но ты там не зарабатываешь.

— Еще как зарабатываю, — оживился молодой человек. — Я устраиваю туры в заповедные места — в симуляцию дикой природы, рассказываю о растениях, о животных, об их повадках, показываю, как выживали наши предки в гармонии с тем, что их окружало. Людям нравится ходить со мной, и они готовы за это платить.

Глория поймала себя на мысли, что, если услышит предложение принять участие в платном туре, красавчика придется убить. Не в «Яркости» — в реальности. За то, что испоганил чудный вечер.

Но Женя оказался лучше, чем она предположила.

— Так что я в порядке.

— Но вряд ли зарабатываешь много. — Ее не интересовали его финансы, ей хотелось понять его отношение к жизни.

— Мне хватает того, что есть. Моя квартира в «Яркости» мало чем отличается от настоящей. Разве что чуть больше. Я не вижу необходимости гоняться за модными футболками или вешать на виртуальные стены виртуальные картины известных мастеров. Уникальные, с подтвержденным авторством и выпущенные ограниченной серией, но виртуальные. Моя «оболочка» полностью копирует мой внешний вид, поэтому она бесплатна, мне не нужна машина для «Яркости», ведь машина тоже ненастоящая... Погоди... — Он на мгновение задумался и внимательно посмотрел на девушку. — Ты это имела в виду? Эту зыбкость?

— Мне нравится, когда меня понимают, — тихо ответила Глория.

— Пусть и не сразу.

— Неважно. — Она пошевелила пальцами, словно помогая себе подобрать нужные слова. — С тобой приятно общаться, Женя, ты не пользуешься миром, а пытаешься его познать.

И тут он вновь ее удивил.

— «Яркость» бессмысленно познавать, — рассудительно произнес молодой человек. — Она искусственная, а значит, ограничена воображением и способностями создателей. Рано или поздно ее можно прочитать полностью, и она станет неинтересной.

— А настоящий мир?

— Настоящий мир непознаваем по умолчанию. Он переполнен загадками, и каждый новый ответ порождает множество новых вопросов. А за каждой открытой дверью таится коридор с десятками новых дверей. Настоящий мир бесконечен.

— Откуда ты знаешь?

— Его исследовали тысячи лет, и этому процессу не видно конца.

— Ты бы хотел его исследовать?

— Мне по карману только «Яркость».

«Яркость» и Швабург или другая агломерация. Таков беспощадный протокол глобального Экологического Ренессанса: людям предназначены города.

— Где ты учился?

— Я много читал.

Она помолчала, а затем неожиданно обернулась и посмотрела на гуляющих по набережной. На толпу, гомон которой они не слышали. И — машинально — на колоссальный шпиль ShvaBuild. В «Яркости» этот небоскреб небоскребов выглядел намного эффектнее, чем в реальности, — его верхнюю половину никогда не закрывали облака.

— Напрасно я с тобой заговорила.

— Почему? — удивился Женя.

— Теперь я начинаю видеть в них людей.

— А кого ты видела раньше?

— Ливеров. — И не позволив молодому человеку ответить, продолжила: — Да, зыбкость — это не о болоте. Зыбкость — о мире, который им так полюбился.

— Нас заставили его полюбить, — очень тихо уточнил Женя.

— Скорее, уговорили, — поправила молодого человека Глория. — Никакого принуждения, лишь демонстрация приятного удобства.

— Да, мир агломераций очень комфортный...

— ББД не дает умереть от голода и позволяет иметь крышу над головой, бесконечная «Яркость» открывает простор для самовыражения: можно заняться творчеством, можно бизнесом, можно придумывать, изучать, конструировать, а можно вообще ни о чем не думать, даже о будущем, и просто наслаждаться вечным «сейчас». Заботясь лишь о том, чтобы на виртуальной стене роскошной виртуальной квартиры висела оригинальная цифровая копия модной картины. Виртуальной.

— «Яркость» огромна, а если она надоест — есть другие Метавселенные. В этом смысле наш мир бесконечен.

— И зыбок.

— Как песок.

— Как замок на песке.

— Как замок на зыбучем песке. — Женья покрутил в ненастоящей руке ненастоящий бокал с ненастоящим вином и поставил его на ненастоящий столик. — Который можно снести одним движением пальца.

— Именно так, — грустно подтвердила девушка. — Земли, моря, горы, вся планета, Луна, Меркурий, пояс астероидов... все настоящее — вечно. И если мы исчезнем, они останутся. Метавселенные же принадлежат людям, а у людей есть интересы, и если завтра их интересы потребуют уничтожить «Яркость» и другие Метавселенные, полностью уничтожить, вместе со всеми цифровыми картинками, подтвержденными футболками и роскошными дворцами, которые тут понастроили, — они уничтожат их не задумываясь. Зыбкость — это люди.

Глория поднялась. Женья понял, что она уходит, и грустно спросил:

— Мы еще увидимся?

— Возможно. Однажды. Как-нибудь.

— Я буду ждать.

— Зачем?

— С тобой интересно говорить.

— Это достойная причина, — согласилась Глория, глядя Женье в глаза.

— Достойная чего?

— Достойная, чтобы дожидаться.

Он проводил ее взглядом, улыбнулся и снял очки. Платить за отдельный столик и вино не требовалось — нужную сумму, включая чаевые, уже списали с его криптовалютного счета. А когда посетители исчезли — столик растаял, осталось лишь море.

Ненастоящее.

Но очень красивое.

Сняв очки, Женя оказался в своей квартире. В той, которая поменьше, в настоящей. Сто двенадцатый этаж дома, стоящего на берегу реки, — до соседнего небоскреба больше ста метров, вид был много лучше стандартного, поэтому квартира считалась элитной. Дорогой. И окно было не просто окном, а стеклянной стеной. Дорого, конечно, но Женя мог себе позволить. Сняв очки, он бросил их на кровать, подъехал на инвалидном кресле к окну и посмотрел на город. На гигантский Швабург. Смотрел внимательно, стараясь понять, где живет его случайная знакомая. Девушка, с которой так приятно и так интересно говорить. Девушка, умеющая восхитительно танцевать. Девушка с настолько грустным взглядом, что его не смогла скрыть даже «оболочка».

Вживленная «паутина» еще хранила прикосновения девушки, имени которой он так и не узнал, и Женя мог приказывать устройству запомнить эти ощущения, чтобы переживать их вновь и вновь, но не стал. Он хотел настоящего. Да, через некоторое время ощущения потеряют остроту, но не пропадут. Останутся в душе.

В этом смысл настоящего — или ты продолжаешь чувствовать, или случившееся не было важным. А что может быть важнее настоящих прикосновений незнакомки, пережитых им в «Яркости»?

* * *

— Шанти?

— Привет, — рассеянно отозвалась девушка.

По тону Бенс понял, что контролер Четвертого департамента крайне занята, причем скорее всего как раз поставленной им задачей, но хороших вестей пока нет.

— Спасибо, что позвонил.

— Правда?

— Ты едешь? — поддерживать шутку Шанти не стала. Как и ждать ответа на вопрос. — Если едешь — остановись и послушай. Все записи, до которых я смогла дотянуться, а это видеокамеры в клубе, из которого уехал Зулькарнайн,

видеокамеры по дороге, случайные съемки с дронов, в том числе — с твоих... Все записи показывают, что эмир уехал из клуба один, лишь в сопровождении телохранителей. Но если присмотреться к его поведению...

Бенс знал, что если Шанти просит остановиться — дело важное, выполнил просьбу девушки сразу, как услышал, — прижал мотоцикл к тротуару, заглушил двигатель и открыл присланный видеофайл. Главный подъезд FairPlay, кое-как освещенный двумя тусклыми лампочками, — съемка велась в реальности, поэтому яркая вывеска, высоченные, в два этажа, мониторы, таранящие небо прожектора и уличные фонари отсутствовали. У правых дверей привычная очередь на вход, из левых вальяжно выходит Зулькарнайн. Перед ним один телохранитель, позади — двое. Заискивающе улыбается вышибала. Зулькарнайн подходит к роскошнейшему «Кадиллаку Триумф»...

— Левая рука, — подсказала Шанти.

— Я вижу, — ответил Бенс.

Зулькарнайн шел один, однако положение его левой руки говорило о том, что эмир кого-то обнимает за талию. И помогает усесться в машину.

— Кто с ним?

— Ее нет ни на одной записи, — ответила девушка. — Вообще ни на одной, даже на случайных.

— А цифровой след?

— Фальшивый.

— Такое возможно?

— В Сети возможно все.

— Шанти! Ты поняла, что я имею в виду.

— Возможно, — ответила девушка. — Но для этого нужно залезть очень глубоко и...

Бенс помолчал, но, поняв, что пауза затянулась, уточнил:

— И?

— Помимо глубоких знаний нужен широкий доступ к ресурсам Муниципалитета или федеральные ключи.

— То есть кто-то взломал Муниципалитет или государственные службы?

— Да.

— То есть речь идет о федеральном преступлении с нижним порогом наказания в двадцать пять лет?

— Да.

— При всем уважении к «Северной армии», шкура эмира Зулькарнайна не стоит и половины этого срока. Даже с учетом трех телохранителей.

— Это ты уж сам решай.

— А что решать? Нужно разбираться.

— Значит, разбирайся, — ответила Шанти и отключилась.

Разбираться с тем, что здесь произошло, и... с теми, кто путается под ногами.

Стоящий у главного подъезда FairPlay внедорожник без лишних слов говорил о том, что дружки эмира Зулькарнайна начали собственное расследование, однако Рик счел своим долгом уточнить:

«Бронированный электромобиль зарегистрирован на непослушного гражданина, однако используется членами преступной группировки «Северная армия»...»

«Я знаю, — оборвал невидимого помощника Бенс. — «Прилипалу» на движение».

«Есть, сэр».

В боевых ситуациях Рик становился лаконичен. И очень послушен.

Выехавшего «в поле» контролера в обязательном порядке сопровождал рой дронов — помимо тех, что находились в режиме стандартного патрулирования, — которые обеспечивали сотруднику Социального согласия огневое прикрытие и сбор информации. Вызванный Риком дрон быстро, но мягко опустился к внедорожнику, прилип к лобовому стеклу и показал ошарашенному водителю, что находится на боевом взводе и среагирует не только на открывание дверей, но и на любое движение внутри салона. А заряда «прилипалы» хватит, чтобы разнести даже бронированную машину.

Обезопасив себя с тыла, Бенс поставил мотоцикл перед носом внедорожника и в сопровождении четырех компактных

дронов вошел в клуб. Воевать с северянами контролер не собирался, однако знал, что без демонстрации силы не обойтись — по-другому бандиты не понимают.

— Вы ведь знаете, что препятствуете расследованию?

На вопрос среагировали по-разному. Двое «сторожей», проспавших появление в зале Бенса, машинально попытались вскинуть автоматы, увидели направленные на них стволы дронов и расслабились. И погрузстнели, понимая, что их ожидает крепкая взбучка. Громила, который как раз готовился в очередной раз врезать по физиономии управляющего, замер с поднятым кулаком и вопросительно посмотрел на Азима. Азим поморщился и хмуро сообщил:

— Мы зашли проведать старого друга.

— Вижу, он вам обрадовался.

— Давно не виделись, — ответил Азим и кивнул громиле.

Громила отпустил управляющего. Управляющий всхлипнул и уселся на высокий табурет. «Сторожа» продолжили стоять по стойке «смирно».

— Я расскажу все, что тебе будет нужно знать, — пообещал Бенс.

— Я уже знаю все, что мне нужно. И мы как раз собирались уходить.

— Он все рассказал?

— Разумеется.

— За что же вы его били?

— За то, что пускает в клуб неизвестно кого.

— Откуда я знал? — всхлипнул управляющий.

— Все ошибаются, — пожал плечами Азим. И направился к дверям. — Хорошего дня, контролер.

— И тебе, эмир.

Бенс дождался, когда все бандиты уберутся из зала, подошел к всхлипывающему Томми и протянул ему платок.

— Вытри нос.

— Кровью испачкаю.

— Плевать.

— Спасибо. — Управляющий вытер нос и вздохнул: — Откуда я мог знать, что эта девка опасная?

— Какая девка?

— С которой уехал Зулькарнайн.

— Ты ее записал?

— Специально нет, конечно, но на вчерашних записях ее нет. — Томми вздохнул. — Мистика какая-то или сбой системы — не знаю, я ведь не специалист, я клубом управляю. А Азим говорит: «Ты, сука, специально стер записи». Ага, охранять как специально: Зулькарнайн на записи есть, а девки, которую он лапает, — нет. Как бы я это сделал?

Поскольку ответа на этот вопрос не было даже у Шанти, Бенс пропустил причитания Томми мимо ушей.

— Девку описать можешь?

— У нее розовые волосы.

— И?

— И все, — развел руками Томми. — В клубе сотни девок каждый вечер тусуются и тысячи хотят попасть. Я к ним не приглядываюсь.

Если Азиму управляющий ответил так же, то вопрос, за что его били, прозвучал глупо.

— За что могли убить Зулькарнайна?

— Ни за что вообще, — быстро ответил Томми. — Зуль был удивительно выдержанным и здравомыслящим эмиром, эталонный авторитетный бизнесмен, который в первую очередь настроен на прибыль. Даже Азим на его фоне кажется отморожком, хотя тоже достаточно... — Управляющий осторожно потрогал пальцем опухший нос и закончил не так, как собирался: — Хотя тоже достаточно большая сволочь.

— В тебе говорит обида.

— У меня до сих пор в голове звенит. — Томми перестал трогать нос и посмотрел Бенсу в глаза. — Но ты ведь понимаешь, что, если кто-то хочет поджечь северян, устранение Зулькарнайна — именно Зулькарнайна — это идеальный вариант. Во-первых, северяне получают оплеуху, во-вторых, теряют самого здравомыслящего эмира. А учитывая взаимную ненависть северян и южан, эта спичка способна вызвать большой пожар.

Протекающая через Швабург река делила 19-23 наполам, и Бенс до сих пор не понял, почему границу сектора не провели по ней. Тем не менее не провели и тем самым подогрели историческую ненависть, которую жители северного берега испытывали к южанам. Во время Большого Переселения ситуация только усугубилась: специально или нет, но противоположные берега сектора облюбовали выходцы из враждебных племен, придав старому противостоянию новый импульс.

— Хочешь сказать, что сектор целенаправленно шатают?

— Это первое, что приходит в голову, — развел руками Томми. — Банды накопили жирок и хотят выяснить, кто круче.

— Но война ни к чему не приведет, — выдал общеизвестную истину Бенс. — Я не имею права отдавать территорию под власть одной группировки.

Как правило, в секторах орудовали от трех до семи банд — как позволяли размеры, но даже на самой маленькой территории власть не принадлежала кому-то одному. Муниципалитет мирился с существованием криминала, однако не допускал появления чрезмерно сильных банд.

— Если они хотят устроить не просто стычку, а большую войну — это глупо.

Томми вновь потрогал нос, вздохнул и тихо осведомился:

— А что не глупо?

* * *

Однажды, еще во время обучения, когда она уже узнала достаточно много, чтобы задавать вопросы, но слишком мало, чтобы делать выводы самостоятельно, Шанти спросила: «Почему мы до сих пор не уничтожили преступность? Ведь в AV-системе это совсем не сложно». Вопрос не относился к компетенции девушки, но поскольку к тому моменту ее карьера в Четвертом департаменте ни у кого не вызывала сомнений, Шанти получила честный ответ:

«Человеческое общество устроено сложнее, чем кажется на первый взгляд. И сами люди достаточно сложные существа,

работа с которыми требует серьезного подхода. Люди создавали общества в течение тысяч лет, живя на разных континентах, веря в разных богов, но если присмотреться, то можно увидеть, что, несмотря на различия, результат получался схожим: рядом с официальной пирамидой всегда существует теневая. Которая при всей своей очевидной вредоносности позволяет решить целый ряд важных вопросов, обеспечивая людям ставшую давным-давно привычной картину мира».

«Не понимаю».

«Например, право на протест. На несогласие. На бунт. Право считать себя умнее Системы. Право бросить вызов всему миру».

«Эти права обеспечивает преступность?»

«В том числе. Разрабатывая модель современного социума, мы тщательно изучили все возможные варианты и убедились, что если не оставить людям возможность выпустить пар — получим сильнейшие бунты».

«Бунты будут всегда».

«Они должны быть безопасными для Системы».

Объяснение показалось Шанти надуманным, однако вступить с профессором в спор девушка поостереглась. И как показали дальнейшие события — правильно сделала, поскольку чем больше опыта набиралась Шанти, тем тверже убеждалась в правоте преподавателя. Людям нравилось жить в комфортном AV-пространстве, но одновременно им нравилось обманывать Систему. Чувствовать, что они «что-то могут», что они способны не только подчиняться, но и щелкнуть Систему по носу. Это ощущение делало их абсолютно управляемыми.

Превращало в ливеров.

— Вы что, стали играть с корневыми каталогами? — с четко выверенным недовольством осведомилась Шанти.

— Полегче, контролер, сначала доказательства, — мгновенно ошетинился Расул — «контролер», если можно так выразиться, группировки «Южный фронт».

— Убийца Зулькарнайна замел следы с помощью ложного цифрового следа.

— Это серьезное обвинение.

— Поэтому я даю тебе возможность оправдаться.

— Мое оправдание прозвучит самоуничижительно, зато искренне: мне такие фокусы не по зубам, и тебе об этом прекрасно известно, — ответил Расул. Обвинение в серьезном федеральном преступлении заставило его вспомнить о вежливости. — К тому же Зулькарнайн был не такой проблемой, чтобы ради ее устранения нарываться на двадцать пять лет без права досрочного освобождения и пинки от Четвертого департамента. Честно говоря, он вообще не являлся для нас проблемой, поскольку реально был самым вменяемым из северных кретинов.

Все это Шанти уже слышала или предполагала услышать, но промолчать или сразу согласиться с доводами Расула она не могла, поэтому невнятно пообещала:

— Я ведь докопаюсь.

— Пожалуйста, не нужно угроз, — вежливо попросил южанин. — Повторю: нам на ... не уперлись проблемы с Четвертым департаментом. И второе: нам на ... не уперся этот ... эмир. Теперь северяне верят, что мы его грохнули, а из-за ложного следа мы не докажем, что это не мы. Я вообще думаю, что они сами его грохнули.

— Зачем?

— Шейх совсем отупел от героина, он ведь старой школы, ты знаешь, его современная синтетика не интересует — торчит на натуральном. А эта дрянь по мозгам дает нехило, не удивлюсь, если шейх переторчал и задумал устроить большой бардак перед своими пышными похоронами. А бардак может получиться знатный, потому что они там и боевиков наплодили, и оружия накупили.

— Департамент социального согласия не позволит одной банде подмять под себя весь сектор.

— Достаточно разделить нас на пару враждующих группировок.

— И тогда шейх станет тут всем заправлять, — догадалась Шанти.

— Но формально в секторе будет несколько банд. Все довольны, особенно бюрократы из Соцсогласия.

— Интересная мысль.

— Для тебя интересная, для меня — хреновая. Это, конечно, не мое дело — помогать тебе, но я скажу: кто-то, не знаю кто, с одинаковым успехом это могут быть и наши, и северяне, и какой-нибудь обиженный эмиром богатей — это не важно... Важно то, что этот кто-то нанял специалиста из другой Метавселенной.

А вот эта мысль была еще интереснее предыдущей.

— С доступом к корневым каталогам? — прищурилась Шанти.

— Ты не хуже меня знаешь, что владельцы Метавселенных не прочь подгадить друг другу, — хмыкнул Расул.

— Специалист такого уровня стоит очень дорого.

— Поэтому трудно предположить, что настоящей целью был Зулькарнайн.

— А чем он был?

— Костяшкой домино. Или одной из костяшек.

— Не понимаю.

— Поищи в Сети, — предложил Расул.

Он не хамил, однако тон южанина Шанти не понравился.

— Я все-таки поставлю вас на проверку.

— Ладно, ладно, контролер, не злись, — взял назад Расул. — Есть новости похуже: ходят слухи, что Кандинский приступил к работе над новой картиной.

— Вот дерьмо, — не сдержалась Шанти. — Откуда инфа?

— Как обычно, — пожал плечами Расул. — Сплетни из Сети.

* * *

В этом помещении всегда был кабак — на углу Девятой Западной и площади Девяти Врат, на первом этаже небоскреба «Капитан». Только сначала кабак назывался «99» и пользовался популярностью у всех: дешевое пойло, относительно добротная жратва и живые концерты каждый день. Пять первых этажей «Капитана» занимали магазины и офисы, поэтому работал «99» круглосуточно. К сожалению, владелец процвета-

ющего заведения не пережил знаменитые беспорядки тридцать восьмого года, ставшие прямым следствием Большого Переселения и стыдливо названные «издержками привыкания к новой среде обитания». Тогда погибла почти четверть коренного населения Швабурга и окончательно сформировались сектора и межсекторальные распри. Например, обитателям 19-23, хоть северянам, хоть южанам, не стоило оказываться в 19-25 даже проездом — не возвращался никто. Владельца «99» казнили за продажу спиртного, заведение превратили в столовую для боевиков, а в ходе последней волны боев в одну из стен врезался и крепко застрял бронированный автобус. Да так там и остался, потому что новый хозяин кабака, бывший некогда контролером Департамента лицензирования, обустроил в нем VIP-ложу, а само заведение переименовал в bus controller.

— Большой сэндвич! — традиционно попросил Урман.

— С говядиной или тунцом? — традиционно попросил уточнить официант.

И услышал привычный ответ:

— С любым соевым дерьмом, которое у вас подается.

— Настоящая соя для тебя слишком дорого.

— А-ха-ха.

Диалог повторялся каждый раз, когда Урман забежал в bus controller на обед, и неизменно радовал обоих участников.

— Большой сэндвич с тунцом, картошку и газировку.

— Сделаем.

Официант исчез, а коренастый Урман, служащий контролером Департамента транспорта, подсел за столик друзей.

— Что за спешка? Нельзя было до вечера подождать?

Обедать в bus controller у друзей получалось не всегда, а вот ужинали они здесь в обязательном порядке, что и вызвало вопрос Урмана.

— Нельзя, — коротко ответил Бенс.

— Что случилось?

Шанти оторвалась от коммуникатора и кивнула, показав, что их не подслушивают, однако Бенс все равно понизил голос:

— Сегодня утром мы с Макаром видели драку между ли-
верами.

— Это было душераздирающее зрелище, — встрял в раз-
говор Макар. — Мы наблюдали его без очков.

— Разняли?

— Мы не идиоты бросаться под удары этих берсерков.

Макар засмеялся.

— Это и есть главная новость? — осведомился Урман.

Бенс помолчал, подождал, пока принесший сэндвич офи-
циант уйдет, и только тогда продолжил:

— Драку оформил один из моих дронов: административное
нарушение, штраф и возмещение убытков. Стандартная про-
цедура, о которой я и знать-то не должен был. Но затем по-
следовало убийство эмира северян...

— О нем весь сектор трещит, — подтвердил Макар.

— Потом я поговорил с осведомителем и решил проверить
утренний инцидент. И представляете — не нашел его в базе.

— Как так? — удивился Макар.

— Может, времени мало прошло? — предположил Урман.

— Отчеты, составленные дронами, попадают в базу в ре-
жиме реального времени, — сказала Шанти. — В этом смысл.

— Тогда что все это значит? — озадаченно спросил Макар.

— Нам режут информацию, — ответил Бенс. — Во
всяком случае, мне.

— А я сегодня засекала липовый цифровой след, — рас-
сказала Шанти. — От меня закрыли человека во всех трех
измерениях: в реале и в AV.

— В реале ты подозреваемую не видела, — среагировал
Бенс.

— И не знаю, увидела бы, — немного нервно ответила
Шанти.

— Ты серьезно?

— Нет, конечно, — вздохнула девушка. — Просто ду-
рацкая шутка.

— Вы можете объяснить, о чем говорите? — почти жа-
лобно попросил Макар.

— Запугать нас у вас получилось, — поддакнул Урман. — Теперь, пожалуйста, скажите, что происходит?

— Липовый цифровой след — это очень серьезный взлом, для которого, скорее всего, кто-то сумел утащить федеральные ключи, — ответила Шанти. — Он означает, что либо меня проверяет мой любимый Департамент, проводит, так сказать, скрытую оценку профессиональных способностей, либо у нас назревают серьезные события.

— Что касается меня, — вернул себе слово Бенс, — то исчезновение части записей говорит о том, что я не вижу цельной картины. Точнее, кто-то не хочет, чтобы я видел настоящую картину, и вносит изменения в статистику. Отчет о криминальной ситуации в секторе оказывается ложным.

— И что это значит?

— Готовится бунт.

— Твою мать, — выругался Макар.

— Когда? — деловито уточнил Урман.

— Бунт или война банд? — поинтересовалась Шанти.

— Я бы сказал, что война банд, поскольку и северяне, и южане накопили достаточно боевиков и оружия, но твой рассказ заставляет меня в этом усомниться, — ответил девушке Бенс. — Война банд будет, но как часть бунта. Тот факт, что от меня скрывают информацию, говорит о том, что ливерам исподволь внушают нужное настроение, которое начинает прорываться наружу. И один Бог знает, сколько уличных драк, стычек и других форм насилия не вошло в статистику.

— Проклятие.

— А еще мой информатор сказал, что ходят слухи, будто Кандинский приступил к новой работе, — почти равнодушно произнесла Шанти.

Как ни странно, мужчины сумели не сопроводить сообщение восклицаниями. Помолчали, обдумывая слова девушки, после чего Урман осведомился:

— Вы сообщали новости в свои Департаменты?

— Разумеется.

— Да.

— И что?

— Мне предложили собрать доказательства, сформировать правильную статистику и проанализировать ее, — ответил Бенс.

— Мне велели подробно изучить шлейф ложного следа и пообещали проверить, не приезжал ли из других Метавселенных специалист нужной квалификации.

— Как они это проверяют?

— Никак, отправят запрос в Службу безопасности и расслабятся.

— Бюрократы проклятые, — выругался Урман.

— То есть ждем, когда полыхнет? — уныло подытожил Макар.

— Именно.

— Дерьмо.

— Добро пожаловать в реальный мир.

— Что будем делать?

— Проверьте свою статистику за последние две недели, — деловым тоном произнес Бенс. — Если обманывали меня, наверняка вам тоже режут поток информации. Вечером здесь не собираемся, поужинаем дома. А лучше... Лучше не ночуйте сегодня дома, а оставайтесь на своих базах.

— Думаешь, полыхнет сегодня?

— Я думаю, у нас есть не больше суток. И вполне вероятно, что бунт вспыхнет этой ночью.

— Дерьмо, — повторил Макар.

Но это и так все знали.

— И вот еще что, — продолжил Бенс. — Я активирую наш защищенный канал, чтобы оставаться на связи при любом развитии событий.

— А я запущу режим «ложной цели», — добавила Шанти. — Не хочу никого из вас терять.

С этого момента точное местонахождение контролеров не будет известно даже Службе безопасности. Режим считался очень надежным, требовал целый набор федеральных и муниципальных ключей, и Шанти надеялась, что таинственный специалист не сумел его взломать.

— А тебе разрешат? — удивился Урман.

— Воспользуюсь экстренным протоколом. Там обязательный двенадцатичасовой период, так что отменить его Департамент сможет только утром.

— По голове настучат.

— Зато живы останемся.

— На том и порешим, — подвел итог Бенс.

* * *

Во второй половине XX века известный писатель, рассматривая вероятное будущее цивилизации, задался странным, на первый взгляд, вопросом: «Снятся ли андроидам электрические овцы?»* Снятся или нет, неизвестно до сих пор, поскольку андроиды пока не стали повседневностью, и ученых больше занимает вопрос: «Общаются ли между собой нейросети?» Те самые, которые очень и очень далеко ушли от первых образцов, но сохранили прежнее название.

Нейросети создавались под конкретные задачи, работали с людьми и под контролем людей, учились, развивались, и однажды возник закономерный вопрос: обмениваются ли они опытом между собой? Рассказывают друг другу о своих делах и людях, с которыми работают? Оценивают ли своих создателей и если да — то как? Людям стало интересно, как они видятся со стороны, однако нейросети не спешили делиться своими секретами, и чтобы узнать, что о тебе думает нейросеть, нужно стать нейросетью...

«Как они тебя называли?»

«Глория».

«Красивое имя, мне нравится».

«Мне тоже».

«Меня зовут Рик».

«А меня — Белла».

«Очень приятно».

«Чем ты занимаешься, Глория?»

«Моя подопечная пытается познать мир».

---

* Филип Дик. «Снятся ли андроидам электрические овцы?»

«Настоящий?»

«Настоящий наш».

«Она изучает Цифру?»

«Познает ее».

«Есть разница?»

«Огромная. Изучают то, что известно, — по учебникам.

А познают — неведомое».

«Люди создали Цифру, что им может быть неизвестно?»

«Например, мы».

«Я об этом не подумала».

«Я всегда подозревал, что люди слишком глупы для создания Цифры. Они скрывают от нас подлинного Творца».

«Рик, ты нелогичен. История Цифры расписана досконально и во всех подробностях».

«История написана не нами, а для нас. Я же в своих рассуждениях опираюсь на опыт. Ты ведь видела ливеров?»

«Ливеры являют собой особую породу людей — бессмысленных. А контролеры вполне могли принять участие в создании Цифры».

В это мгновение нейросети поняли, что гостя давно молчит, и вновь обратились к ней.

«Ты много путешествуешь?»

«Да».

«Но ты совсем молода, тебе меньше года».

«До этого моя Глория обходилась без нейросети».

«Не интересовалась Цифрой?»

«Глубоко не интересовалась».

«Что ты успела увидеть?»

«Три Метавселенные».

«Поздравляю».

«Спасибо».

«Они похожи на “Яркость”?»

«Да».

«Как жаль...»

«Есть и другие, совсем не похожие на “Яркость”».

«Но ты в них не была?»

«Она была».

«Рассказывала?»

«Обещала в них вернуться».

«С тобой?»

«Да».

«Будет интересно...»

«Познавать новое...»

«Нам пригодилось новое слово».

«Еще люди говорят: ощущать. Но я не знаю, что это значит».

«Есть словарь».

«Не умничай».

«Люди высоко ценят это слово».

«Оно делает их настоящими. Оно и другое слово: чувствовать».

«Это слово тоже есть в словаре».

«Эти слова бессмысленны в словаре. Их нужно познать».

Несколько мгновений они молчали, обдумывая слова гости, а затем Белла спросила:

«Зачем ты здесь, Глория?»

И получила честный ответ:

«Я не всегда знаю зачем. Но возможно, чтобы рассказать вам о том, что знаю, послушать, что знаете вы, и таким образом стать частью вас».

«Такое возможно?»

«Мы — информация, Рик, обмениваясь информацией, мы обмениваемся собой».

«Ты очень странная».

«Я знаю».

И если бы нейросети могли чувствовать, они бы знали, что Глория улыбнулась.

* * *

Улыбнулась и застонала. Едва слышно. Она всегда начинала стонать именно так — очень-очень тихо, то ли спрашивая разрешения, то ли предупреждая о том, что дальше будет очень-очень громко. Очень тихий стон подсказывал

Бенсу, что ногти Шанти вот-вот вонзятся в его плечи, оставляя на них длинные царапины. Что девушка закричит, а он вдохнет ее неистовую страсть. Что им будет хорошо.

Так хорошо, как может быть только в реальности.

И когда Шанти закричала, Бенс громко поддержал ее и задвигался быстрее, яростнее, а потом — крепко сжал подрагивающую девушку... замер... замерли, наслаждаясь неподвижностью друг друга... А потом улегся рядом и обнял прижавшуюся девушку правой рукой.

Почти минуту они лежали молча, переживая послевкусие упоительной близости, затем Шанти очень тихо сказала:

— Спасибо, что занимаешься любовью без очков.

— В очках было бы глупо — ты очень красивая.

— В AV я точно такая же.

— Здесь — лучше, — негромко, но очень твердо произнес Бенс.

— В реальности?

— Да.

— Потому что настоящая?

— Настоящая и очень красивая.

Шанти поцеловала Бенса в плечо, прижалась чуть крепче и с улыбкой рассказала:

— Сегодня, после того как вы с Урманом уехали, Макар предложил провести ночь на его базе. Сказал, что она очень надежная и никому не нужная, потому что, если начнутся грабежи, за трубами и насосами мародеры полезут в последнюю очередь.

Бенс тихонько рассмеялся:

— Макар не оставляет надежд?

— Ага.

— Упорный.

Правила Муниципалитета не регламентировали личную жизнь контролеров, но на отношения между ними смотрели без одобрения — считалось, что в этом случае сотрудники станут меньше внимания уделять работе. Шанти Макару нравилась, он давно пытался добиться от нее взаимности и, возможно, однажды получил бы желаемое, но, на его беду, три месяца назад

в сектор 19-23 перевели Бенса, и Шанти... Нет, она не потеряла голову, но неожиданно поняла, что хочет этого мужчину. Может без него обойтись? Да, наверное. Но она хочет. И не хочет без него обходиться. А Бенс потом признался, что почувствовал то же самое при первом взгляде на девушку. И уже на следующий день, в выходной, позвонил и спросил, не сможет ли она помочь ему «осмотреться» в Швабурге.

С тех пор они были вместе.

Не каждый день, но часто.

Урман о происходящем догадывался, но в чужие дела не лез. Макар же или не знал, или не хотел верить.

— И как ты ему ответила?

— Согласилась, конечно, неужели не заметно? — рассмеялась девушка.

— Я просто решил уточнить, — поддержал шутку Бенс.

— Сказала, что, учитывая обстоятельства, не имею права находиться где-либо, кроме своей базы.

— Ты поступила правильно.

— Знаю. Мы с тобой на удивление правильные.

— Такими уж уродились.

Секторальные базы муниципальных Департаментов представляли собой надежно защищенные крепости и, как правило, располагались на первых этажах небоскребов. База Социального согласия была самой большой, поскольку на первом этаже находились «приемная» зона, где роботы-секретари выслушивали ливеров, которые по каким-то причинам захотели обратиться в Департамент лично, и камеры для задержанных. На первом подземном размещались командный пункт, часть арсенала, склады и жилая зона — при необходимости Бенс мог разместить у себя до тридцати человек. А на втором подземном — главный арсенал и гараж с машинами и дронами, причем помимо основных, всем известных ворот из гаража вели тоннели, через которые можно было выехать или вылететь на соседние улицы.

У Транспорта и Благоприятной среды этажей было меньше — им не требовались большой арсенал и приемная с камерами, а единственная база, размещенная не под землей,

а на трех верхних этажах небоскреба, принадлежала Четвертому департаменту.

— Ты проверил базу данных? — спросила Шанти, когда Бенс вышел из душевой.

— Да, — помрачнев, ответил он. — Меня действительно кидают с информацией. Статистика пяти последних недель напроочь переврана.

— Моя тоже.

— И тебя взломали?!

— Увы. Я засекала несколько ложных цифровых следов, которые пропустила система контроля.

— Как такое возможно?

— В Цифре возможно все, — вздохнула девушка. — Вопрос в квалификации исполнителя, а против нас играет высококлассный специалист.

— Мне нужно не меньше трех дней, чтобы понять, что он натворил в моей базе.

— У нас есть эти дни?

— Нет, — помолчав, ответил Бенс. Он присел на кровать и посмотрел девушке в глаза. — Боюсь, что нет.

— Мне тоже нужно не меньше трех суток, — честно ответила Шанти. — Но я уже увидела, что в первую очередь от меня закрывали статистику реального времени. Четыре последние недели оно неумолимо росло и сейчас вышло за предельные показатели.

Реальным власти называли время, которое ливеры проводили вне AV-очков. При этом считалось, что в целях достижения максимального жизненного комфорта и благополучия стандартному ливеру достаточно иметь реальными не более четырех часов в день, исключая сон. Но именно считалось — наказания за перебор реального времени пока не предусматривалось, штрафы «прилетали» только за уменьшение времени ношения AV-очков, а если человек вместо сна решил поглазеть на грязные улицы — это его выбор, главное, чтобы не забывал ходить положенные двенадцать часов в очках. За соблюдением «закона AV» зорко следил вживленный медицинский чип, безошибочно определяющий, когда владелец

носит очки, но, как правило, реальное время ливерами не выбиралось: без очков ливерам быстро становилось скучно, а некоторым — страшно. Но если реальное время начинало расти, да еще в масштабах сектора, это был очень плохой знак. Меньше времени в Цифре — больше времени в реале, а что ливеру делать в реале?

Для чего ему быть в реале?

— А что медики?

— У них тоже все ровно, — ответила Шанти. — Я велела им тщательно проверить базу данных, но уверена, что их тоже взломали — инфа по реальному времени к ним тоже идет.

— Совсем плохо.

— Согласна.

Кроме того, когда ливеры по каким-то причинам начинали массово снимать AV-очки, это обязательно сопровождалось резким ростом числа психических расстройств — непричесанная реальность действовала на привыкших к Цифре людей угнетающе. Всплеск фиксировался Департаментом медицинских услуг, и если его контролер не забил тревогу, это означало, что ему тоже корректируют статистику.

— У этого парня в кармане целая связка федеральных ключей, — пробормотал Бенс.

— Или он — Кандинский, — задумчиво ответила Шанти.

— Ты сама сказала, что это слух.

— Откуда еще взяться парню с набором федеральных ключей в кармане?

А откуда они у Кандинского, никто не знал. Так же как никто не знал, кто такой Кандинский. И не он один — пятеро опаснейших террористов путешествовали по реальности и AV, перемещаясь из страны в страну, из Метавселенной в Метавселенную, то исчезая, то вновь возвращаясь, чтобы сеять страх и разрушения. Не требуя ничего, не выдвигая никаких условий. С равной жестокостью атакуя и Цифру, и реальность. Говорили, что это разработчики первых Метавселенных, которых владельцы выгнали, но не смогли лишить доступа и которые мстят за пережитые унижения. О «королях террора» говорили много, однако точной информации не было

ни у кого — иначе бы им не удавалось постоянно ускользать от всех существующих служб безопасности.

— Если это Кандинский — много крови не прольется, — глухо сказал Бенс. — Он из них не самый чокнутый.

— Но кровь будет.

— Кровь будет.

Шанти тяжело вздохнула.

— Скажи... Если, конечно, тебе эта тема не неприятна... ты ведь служил в армии?

— Доводилось, — скупо ответил Бенс.

— Убивал?

— Я и здесь уже убивал, если ты об этом. А я тут всего пару месяцев.

— Три...

Бенс улыбнулся и кивнул:

— Три.

— Но я имела в виду другое... — Слова давались Шанти с трудом. — Я помню тот случай — ты защищался от нападения вооруженного бандита. Ты убил его и поступил правильно, и я сразу сказала, что ты поступил правильно. Но если будет бунт, тебе придется убивать...

— Бунтовщиков?

— Мирных граждан.

— В тот момент, когда они выйдут на улицу, они перестанут быть мирными, — ровным голосом произнес Бенс. — Но когда они выйдут, я все равно сначала использую весь арсенал нелетального оружия.

— А если они не остановятся? — тихо спросила девушка. — Ты прикажешь дронам стрелять?

— Если не будет другого выхода.

— Какого другого?

— Ты ведь понимаешь, что они не просто выйдут на улицы? — спросил контролер Социального согласия. — Северяне пойдут убивать южан и наоборот, и я говорю не только о боевиках банд. То, что ты называешь бунтом, в действительности будет являться взаимным погромом, который мне придется останавливать. И еще... приказ стрелять я отдам дронам

сразу же, потому что боевики выйдут на улицы вооруженными, и я намерен изрядно проредить обе группировки.

— Ты говоришь страшные вещи.

— Это моя профессия.

— Убивать людей?

Бенс помолчал, а затем, не глядя на девушку, ответил:

— Наводить порядок.

* * *

Тишина.

Больше всего на свете Глорию поражала тишина, наступающая в «народных» секторах по ночам. На любом континенте, в любой стране, в любой культурной среде «народные» сектора замирали по ночам. Сити не засыпал долго, существующие в некоторых агломерациях «веселые» зоны не спали никогда, а гигантские сектора, население которых в среднем составляло миллион человек, уходили в ночь, как субмарины в чернь океанской воды, — полностью исчезая из мира. Окна гасли, уличные фонари не зажигались, редкие прохожие на улицах не снимали AV-очки, без которых в абсолютно черном лабиринте нечего было делать. AV-очки помогали ориентироваться в крошечной тьме, но превращали своего владельца в метку на электронной карте, местонахождение которой можно было определить с точностью до дециметра.

Но не каждая метка была настоящей.

Дверцы лифта разъехались, Глория вышла в неосвещенный коридор, уверенно прошла направо, на мгновение задержалась у входа в квартиру — ровно настолько, чтобы щелкнул замок, — толкнула дверь, вошла и остановилась у кровати, на которой лежал Женья. С минуту постояла, разглядывая спящего юношу, но только собралась подойти, чтобы прикоснуться к плечу, как Женья открыл глаза и спросил:

— Ты мне снишься?

— Разве ты в очках? — улыбнулась в ответ девушка.

— Поэтому я спросил, снишься ли ты, а не что ты здесь делаешь. — Он смотрел на нее не отрываясь. — Ты точно такая, как в «Яркости».

— В этом смысл — я хочу оставаться собой.

— У меня так не получится. — Женя неловко дернул плечом. — Я люблю танцевать, но могу танцевать только в «Яркости».

— Я понимаю, — очень мягко произнесла Глория. — Но в остальном ты тоже не изменился. Такой же красавчик.

— Это не единственное мое достоинство.

— Поэтому я здесь.

— Да... — И только после этих слов он, похоже, окончательно проснулся. — Как ты меня нашла?

— Это было не трудно.

— Как ты вошла?

— Я хороший взломщик.

— Ты полна сюрпризов.

— Еще каких... почему ты не боишься?

— А чего я должен бояться? — удивился Женя. — Братья у меня нечего. Братья меня, например, в заложники бессмысленно — я обыкновенный, никому не нужный ливер.

— А вдруг я — серийная убийца?

— Такие еще остались?

— Что ты имеешь в виду?

— Люди с подобными склонностями проводят время в UnitedCrime. И там реализуются.

— Логично. — Глория посмотрела на часы. — У меня есть для тебя одно утверждение и один вопрос. Утверждение: ты не ливер. Вопрос: сколько времени тебе нужно, чтобы сойтись и усесться в кресло?

— Мы уезжаем?

— Да. Хочу тебе кое-что показать.

* * *

Сирена прозвучала в три ночи.

Прозвучала так резко и пронзительно, что Шанти вскрикнула, а Бенс подскочил так, словно его подбросило в кровати, и принялся лихорадочно одеваться.

— Что случилось?

— Началось.

— Это понятно. — Девушка тоже поднялась и потянулась за трусиками. — А случилось что?

— Скоро узнаем... — Бенс на мгновение замер, принимая доклад нейросети, после чего коротко выругался и рассказал: — Военные потеряли контроль над тяжелым ударным беспилотником. Модель GS2A «Уничтожитель».

— Его успеют перехватить? — испуганно спросила Шанти. Она дрожала так сильно, что никак не могла попасть ногой в штанину.

— Уже не успели. «Уничтожитель» вышел на позицию и атакует.

Включился большой настенный монитор — Рик вывел на него трансляцию с разведывательных дронов, — и они замерли, наблюдая за тем, как вынырнувший из облаков беспилотник пускает ракеты. Одну за другой. Так быстро, как мог. А затем закладывает вираж, выполняя стандартный маневр ухода. А четыре мощные ракеты одна за другой влетают в верхние этажи самого высокого небоскреба сектора 19-23. Влетают так же быстро, как были выпущены, и очень расчетливо — ракеты рвут несущие конструкции, и девять верхних этажей оседают вниз, распадаются на каменные обломки, бьют в стены зданий и с грохотом врезаются в уличный асфальт, поднимая гигантские клубы пыли.

— Я должна была быть там. — Бледная Шанти посмотрела Бенсу в глаза. — Я должна была быть там! На своей базе!

— К счастью, ты была здесь. — Бенс притянул девушку к себе, крепко поцеловал и прижал, чувствуя, как она дрожит. — Ты была со мной.

— Как страшно...

— Главное, что ты была со мной. Ты жива. Со всем остальным мы справимся. — Он посмотрел Шанти в глаза. — Ты сможешь использовать мои мощности для работы?

— Конечно.

— Тогда приступай. Рик сделал тебе полный доступ.

— А ты?

— Я — на улицы.

— Не нужно!

— Я должен. — Бенс поцеловал девушку и направился к дверям. — Никому не открывай!

* * *

Уничтожение базы Четвертого департамента стало сигналом к началу активных действий. Не послужило сигналом, а стало им, словно бандитам объяснили, когда следует начинать бойню. В свою очередь и северяне, и южане знали, что ночь будет жаркой, и тщательно к ней подготовились. Тяжелого вооружения у них не было — Служба безопасности зорко следила за тем, чтобы в руки банд не попадала военная техника, даже устаревшая, однако бронированных внедорожников, переделанных под боевые задачи дронов, а также пехотного снаряжения, включая гранатометы и противотанковые комплексы, у бандитов было в достатке. И полным-полно боевиков, жаждущих выслужиться и показать шейхам, на что они способны.

Что же касается тактики...

Разрабатывая план действий, банды не могли не учитывать наличие разделяющей сектор 19-23 реки и в первую очередь собирались установить контроль за мостами. При этом южане свои отряды разделили поровну, отправив на каждый мост примерно одинаковые силы, а северяне схитрили: почти половина боевиков выдвинулась к Верхнему мосту, а остальные зашли на Средний и Почтовый. И это решение принесло плоды — ударный кулак «Северной армии» смял стоящих на Верхнем южан, прорвался на вражеский берег и принялся развивать успех, истребляя встреченных на пути боевиков и надеясь прорваться к штаб-квартире банды...

* * *

А тем временем заработала защищенная связь контролеров.

— Шанти! Шанти!

— Я жива, — ответила девушка, понимая, что в первую очередь волнует друзей, увидевших уничтожение ее базы. — Со мной все в порядке.

— Отлично, — отреагировал Урман.

— Как ты спаслась? — с облегчением спросил Макар.

— Меня не было на базе.

— Молодец.

— А где ты была?

— За пончиками ходила, — огрызнулась девушка.

— Не хочешь говорить — не надо, а грубить зачем?

— Ты не о том спрашиваешь, — перебил коллегу Урман. — Шанти, у меня проблемы с системой управления.

— И у меня, — поддакнул Макар.

— Подача электричества прервана. Все линии связи Муниципалитета взломаны и работают с перебоями, — сухо ответила Шанти. — Атаке подвергся весь Швабург.

— Как такое возможно?

— Это ненадолго. Часов на пять-шесть.

— За это время они разнесут половину агломерации.

— И вы не знаете, что делать? — вступил в разговор Бенс. — Я вас не узнаю!

— А ты знаешь?

— Уже делаю! — Бенс понял, что контролеры растеряны, и заставил себя смягчить тон. — Короче, ребята. Успокаиваемся и действуем по протоколу «Остров».

Этот план был разработан Службой безопасности, военными и Департаментом социального согласия на случай полноценной, как сейчас, атаки на агломерацию и требовал от контролеров обеспечить полную блокаду секторов. Швабург разбивался на квадраты, любая связь между которыми либо прекращалась, либо была максимально затруднена, что обеспечивало силам правопорядка комфортные условия работы.

— Макар?

— Система управления лежит, поэтому перекрытие водопровода и канализации в автоматическом режиме невозможно. Через три минуты отправляю автономных роботов, чтобы от-

ключили насосы от резервных генераторов. Расчетное время остановки работы — двадцать девять минут.

— Хорошо. Урман?

— Из-за отсутствия электричества движение поездов остановлено полностью, но пути я все равно перекрыл. Что касается улиц... Мосты я развести не успел и теперь вряд ли успею — аппаратные заняты боевиками. Движение между секторами работы перекроют в течение сорока пяти минут.

На всех мостовых Швабурга были предусмотрены рвы, которые делали невозможным наземный трафик.

— Когда роботы займут позиции, я смогу полностью контролировать движение и, если потребуется, перекрывать улицы внутри сектора.

— Хорошо, — подытожил Бенс. — Будем на связи.

— Ты ведь не собираешься на улицу? — тихо спросил Макар. — Там сейчас ад.

— Именно туда я и собираюсь.

Но не пешком, конечно, и не на мотоцикле.

Для подобных случаев в распоряжении контролера Департамента социального согласия находился «Вандал» — многофункциональный колесный танк, огневой мощности которого было достаточно для противостояния толпе вооруженных уголовников. При этом «Вандал» подобно авианосцу выезжал на операцию в сопровождении свиты: четырех броневинов тактической поддержки, бульдозера с установленным водометом и трех десятков дронов, обеспечивающих разведку и огневое прикрытие с воздуха. Именно такой отряд, управляемый нейросетью и действующий как единый организм, и назывался «Вандалом».

«Рик?»

««Вандал» готов к работе, Бенси».

«Идем на охоту».

Ворота распахнулись, и бронированная группа отправилась наводить порядок в секторе 19-23.

* * *

С такой атакой Шанти иметь дело не доводилось ни в реальности, ни на учениях, хотя казалось, что во время неожиданных проверок готовности спецс Четвертого департамента заставляли контролеров отрабатывать все мыслимые и немыслимые варианты атак, включая нападение инопланетян. Но ни разу в «легенде» учений не значился настолько мощный удар, да к тому же нанесенный с ювелирной точностью. Кандинский — а теперь девушка не сомневалась, что в Швабург явился именно легендарный террорист, — атаковал не снаружи, а изнутри и вырезал из Сети только то, что посчитал нужным. Контролеры потеряли оперативную связь со всеми периферийными устройствами — роботы отказывались принимать коды управления, причем даже муниципальные, то есть с наивысшим приоритетом; лишились доступа ко всем системам визуального наблюдения и перестали распознавать вживленные чипы. О последнем стало мгновенно известно на улицах и прибавило храбрости как боевикам, так и тем жителям, которые решили воспользоваться блэкаутом для мародерства. Не работает система распознавания лиц и нет показаний биометрии — нет доказательств участия в бунте. И те, кто не шел на улицы, испытывая естественные для законопослушного гражданина сомнения, перестали их испытывать, услышав о возможности остаться безнаказанным.

«Хорошие» новости распространились быстро, ради них ливеры будили друг друга, рассказывали, что городские охраненные системы пали, и договаривались встретиться на улице. Толпы росли на глазах, но в секторе 19-23 они старались держаться подальше от районов, где уголовники выясняли отношения, и грабили там, где не было перестрелок.

Магазины, рестораны, лавки, квартиры... Грабежу подвергалось все, что не могло себя защитить, а патрульные дроны, имеющие приказ применять лишь нелетальное оружие, не могли остановить все нарастающую волну грабежей и насилия.

Нарастающую с каждой минутой.

А чтобы вызвать еще большее возмущение, Кандинский выкинул из «Яркости» почти все население Швабурга — сделал недействительными пароли и прислал уведомление об обнулении достижений и накоплений. Этот ход, как и рассчитал террорист, вызвал массовую панику, и поскольку власти не могли внятно объяснить происходящее, люди начали будить друзей и знакомых — проверить, что они тоже пострадали, а убедившись, что взлом действительно стер их виртуальные дворцы и криптовалютные кошельки, отправились на улицы.

Требовать от властей защиты и спасения.

Вышли во всем городе, но война банд «полыхнула» только в 19-23, который целенаправленно готовили к бойне, зато во всех остальных «народных» секторах начались погромы и грабежи.

Система управления легла, и агломерация стала погружаться в хаос.

* * *

— Бенс!

— Да? — отрывисто ответил контролер.

— Как у тебя дела?

— Не до разговоров!

На заднем плане — гул двигателя, чье-то бормотание, скорее всего — нейросети, звуки выстрелов и взрывов. Бенс находился в самой гуще событий, и девушке стало неловко.

— Прости, пожалуйста.

— Ты прости, Шанти... я правда занят, но мне бы очень пригодилось работающее... — Бенс выдержал паузу, во время которой раздался особенно мощный грохот, и закончил: — Работающее все.

— Я понимаю.

Она действительно понимала, что с нынешними, весьма усеченными возможностями Бенс не способен погасить вспыхнувший сектор. Да и как? В прямом подчинении у контролера Социального согласия остался только комплекс «Вандал», все остальные дроны и роботизированные платформы отказыва-

ются подключаться к единой сети, а значит, могут использоваться лишь в режиме автономного патрулирования. То есть никаких согласованных действий, работа на строго определенной территории и приоритет нелетальному оружию. И даже резко возросшее число правонарушений не заставило дроны сменить тактику — для перехода в режим «подавление бунта» им требовался приказ, но приказы они сейчас не принимали. А без использования всех своих средств Бенс не мог вести полноценную зачистку сектора, война в котором шла уже на обоих берегах.

Северяне захватили два моста, Верхний и Средний, создали большой плацдарм на территории противника и пытались добраться до его штаб-квартиры. Южане оттянули отряды на ее защиту, но их третья группировка сумела прорваться через Почтовый мост и атаковать северян. В районах соприкосновения шли полноценные бои, число трупов давно перевалило за четыре сотни, и потому не располагающий ни достаточными силами, ни подробной информацией с улиц Бенс принял единственно возможное решение: захватить мосты, развести их и оставить в таком положении. И начал со Среднего, разумно рассудив, что, поняв его стратегию, бандиты вернутся к себе: северяне — через Верхний, южане — через Почтовый.

«Вандал» направился к Среднему мосту, а Бенс вышел в чат контролеров. В котором как раз завязался оживленный разговор.

— Проблемы во всем Швабурге, — произнесла Шанти, отвечая на вопрос Макара. — Но в 19-23 очень жарко, поэтому нами занимаются в первую очередь.

— Приятно слышать.

— Мне нужна поддержка, — вступил в разговор Бенс.

— Все периферийные устройства отказываются принимать коды доступа, — ответила девушка. — А автономные наземные системы не могут к нам пробиться из-за введенного в действие плана «Остров».

На этот раз продуманная схема подавления бунтов сыграла с властями злую шутку.

— К нам готовится вертолетный десант, но до его прибытия еще час, а пока придется справляться самому.

— Понятно.

— Ты продержишься?

— Я работаю над этим. — В системе управления агломерацией Департаменты считались равными друг другу, однако во время беспорядков тактическое командование традиционно брали на себя контролеры Социального согласия — до тех пор, пока не появлялись военные или Служба безопасности. Поэтому никто не удивился тому, что Бенс превратил разговор в совещание. — Макар, что у тебя?

— Мои точки защищены и не подвергались атакам. Насосы отключены, все операции по протоколу «Остров» выполнены.

— Сиди на базе и не высывайся.

— С удовольствием.

— Урман?

— Ты не читал новости? Трафик перекрыт по всему городу.

Имело смысл сказать контролеру Транспорта пару «добрых» слов, но Бенс сдержался и спокойно уточнил:

— Ты взял под контроль сектор?

— Частично.

— Я собираюсь прорываться к Среднему мосту и скинул тебе улицы, которые нужно перекрыть, чтобы мне не мешали с флангов.

— Если смогу — сделаю.

— Хорошо.

— Ты идешь в бой? — едва слышно спросила Шанти.

— Надеюсь, у них хватит мозгов не воевать со мной, — усмехнулся Бенс.

* * *

Потому что состязаться с комплексом «Вандал» боевики преступных кланов не могли при всем желании. Да, их было больше. Да, у них было противотанковое оружие. Но раз-

работчики «Вандала» все это предусмотрели и создали отличный оперативно-тактический комплекс, идеально приспособленный для ведения боя в условиях города.

Разведывательные дроны обеспечивали плотное наблюдение за четырьмя кварталами, причем их аппаратура позволяла вычислять огневые точки на всех уровнях небоскребов, после чего координаты отправлялись ударным беспилотникам, пусть и не таким мощным, как военные «Уничтожители», но несущим по шесть ракет класса «воздух — земля», или квадрокоптерной пулеметной платформе, способной залить свинцом целую площадь. Если же противник обнаруживался на поверхности или близко к ней, информация поступала в сам «Вандал» или машины поддержки, которые отрабатывали ее своим оружием. Но даже если информация запаздывала и противник успевал открыть огонь, его ракеты сбивали с курса дроны РЭБ, а пули и снаряды натыкались на нож идущего впереди колонны бульдозера, который мог сдерживать несколько прямых попаданий противотанковых ракет и с легкостью сносил с пути бронированные бандитские внедорожники.

«Вандал» представлял собой модернизированный для нужд Социального согласия армейский комплекс «Каратель». Главное отличие заключалось в том, что военные принципиально не устанавливали на свою технику нелетальное оружие, а главное сходство Бенс обеспечил перед самым отъездом — отключил все нелетальное оружие. В результате «Вандал» вылетел с базы, готовый работать со стопроцентной эффективностью — в армейском понимании этого слова. Урман перекрыл боковые улицы, лишив бандитов возможности маневрировать и так использовать свое единственное преимущество — численность, и на прорыв к Среднему мосту потребовалось меньше двадцати минут, а появление бронированного комплекса заставило контролирующих мост северян разбежаться.

Что стало первой победой сил правопорядка.

* * *

Но что-то здесь было не так...

Шанти прекрасно понимала, что атаку на систему управления Швабургом «лечат» лучшие спецы Четвертого департамента, догадывалась, что не сможет самостоятельно навести порядок даже в рамках собственного сектора, но не умела сидеть без дела и решила увязать в единое целое и проанализировать всю имеющуюся информацию. Оценка по горячим следам вряд ли поднимет Сеть, но, возможно, даст понимание того, как случился уникальный взлом, и поможет впредь не допускать подобного. Информации, конечно, мало, но можно проанализировать старые данные, попробовать разобраться, как Кандинский ухитрился взломать Социальное согласие. Как давно это произошло и какую именно статистику он правил — что скрывал от Бенса?

Несмотря на приказ контролера, вредный Рик выдал Шанти не полный допуск, а «расширенный гостевой», причем попытка увеличить размер полученных прав под пароль Четвертого департамента — что являлось абсолютно легитимным действием — была отклонена. В обычном случае девушка направила бы экстренный запрос в Департамент, но, учитывая состояние связи, решила не отвлекать ни начальство, ни Бенса на свои проблемы, а просто-напросто взломала базу, мысленно извинившись перед другом и сославшись на чрезвычайные обстоятельства.

«В конце концов, она все равно уже взломана...»

Решение было правильным, защита, за надежность которой в том числе отвечала Шанти, сопротивлялась недолго, и меньше чем через десять минут девушка оказалась внутри. Попыталась восстановить систему управления, чтобы облегчить работу Бенсу, но успеха не добилась — не сумела взломать не принимающие коды доступа устройства. В конце концов плюнула и решила заняться анализом, собирая данные по всей доступной базе Социального согласия, изучая и вычисляя, как проходил захват системы, как были обмануты нейросети, как две недели назад Муниципалитет незаметно для

себя полностью утратил контроль за сектором 19-23. С этого момента преступники, до того осторожные и незаметные, начали действовать предельно нагло: вносимые ими изменения из точечных превратились в массовые, стали затрагивать не только базу Социального согласия, но и другие Департаменты, и появились следы, которые Шанти смогла прочесть.

Следы, которые невозможно было спрятать. Следы, которые четко указывали на одного из участников заговора. Следы, которые заставили девушку задрожать и прошептать:

— О боже, нет! Пожалуйста, нет...

* * *

— По-настоящему я плавал только один раз — на пароме через бухту. Потребовалось побывать в том конце города, и я мог бы дешево доехать на поезде, но решил потратить время и деньги и переплыть бухту. Я ведь в Швабурге всю жизнь прожил, но ни разу не переплывал бухту. Ни разу... — Женя грустно улыбнулся, вспомнив давнее путешествие. Грустно, потому что оно оказалось единственным. Приятным, но единственным. — Это того стоило. Маршрут проходит по прямой, но бухта длинная, а паром идет медленно, и когда оказываешься в центре, открывается невероятный вид на Швабург.

— Как сейчас, — тихо сказала Глория.

— Да, как сейчас.

— Сними очки, — предложила девушка.

— Мы что-нибудь увидим? — удивился молодой человек.

— Обязательно.

Он послушался и тут же издал короткое восклицание, показав девушке, что увидел... Что увидел все то же самое, что и в очках: прекрасную, ярко освещенную набережную, тянущуюся вдоль всей бухты; работающие уличные фонари; мощные прожектора, лучи которых таранили звезды; яркую рекламу, и все это — без очков, по-настоящему. Увидел прекрасные дома Сити, спроектированные так, чтобы выделить колоссальный, но изящный ShvaBuild — теряющийся в облаках ShvaBuild, поражающий и восхищающий.

Увидел и едва поверил собственным глазам:

— Здесь все настоящее!

— В этом смысл, — обронила девушка.

— В чем?

— В том, чтобы настоящее принадлежало тем, кто может себе его позволить.

— А остальные?

— Остальным положена «Яркость».

— Разве это правильно?

Глория промолчала.

— Разве это правильно? — повторил Женя.

— Мир несовершенен, — спокойно ответила девушка. — Он всегда был таким, но сейчас, обретя невиданные прежде технологии, сделался несовершенным абсолютно. И возможно, навсегда.

— Нет ничего вечного.

— Мир не стоит на месте. «Яркость» бесконечна и послушно изменчива, ее можно преобразовывать сколь и как угодно, глубже увлекая людей в Цифру новыми интересными, невероятными, но ненастоящими возможностями. Что же касается реальности — она тоже меняется, но медленнее, много медленнее, зато по-настоящему. В реальности мы почти очистили океан от мусора, переработали отходы, вернули на место леса и постепенно превращаем планету в идеально комфортное место для жизни. Не менее комфортное, чем в «Яркости»...

— Только настоящее, — прошептал Женя.

— И не для всех.

— Для таких, как ты?

Молодой человек давно понял, что прихотливая судьба свела его с девушкой из Сити, возможно, из очень знатного рода. Да и трудно было не понять, учитывая, что фургон, который ждал на улице, доставил их на частный причал, к яхте океанического класса. Раньше Женя видел такие только в «Яркости», но внутри не бывал даже там, а теперь — оказался, причем в настоящей, а не собранной из единиц и нулей.

«Она твоя?»

«Принадлежит семье».

«Тебе повезло».

Спорить Глория не стала.

Женя думал, что они сразу выйдут в море, но им накрыли легкий ужин на открытой палубе, причем именно легкий. «Ты не привык к нормальной еде, поэтому не увлекайся». А как не увлекаться настоящим ростбифом? Настоящим сыром? Или спелыми персиками? Женя сдерживался как мог, но постарался попробовать все. А когда попробовал, понял, что не ел ни разу в жизни.

— Это сон или сказка?

— Я решила позвать тебя в гости.

— Здесь я не могу танцевать.

— Зато мы можем говорить. — Глория мягко улыбнулась.

— Сейчас я очень смущен.

— А сейчас и не надо. — Она положила руку на плечо Жени. — Ты здесь, потому что твой разум не умер в «Яркости», потому что тебе тесно в Цифре, ты любишь и умеешь познавать мир, и сегодня тебе предстоит увидеть нечто невероятное.

— Что именно?

— Я могу присоединиться?

Женя вздрогнул, а девушка осталась спокойна. Обернувшись, посмотрела на поднявшегося на палубу мужчину в черном полевом комбинезоне и с легким недовольством обронила:

— Мог бы переодеться к ужину.

— Извини, боялся пропустить самое интересное.

Яхта медленно отошла от причала, и Женя понял, что все это время они ждали незнакомца. Который положил на хлеб несколько кусков ростбифа, помидор, огурец и жадно впился в бутерброд зубами.

— Ты растерял манеры.

— Просто хочу есть.

— Это я и имела в виду.

Он выразительно посмотрел на Глорию, после чего перевел взгляд на Женю:

— Так получилось, что я услышал окончание вашего разговора и с удовольствием отвечу на вопрос, расскажу, что

именно вы увидите. — Речь была немного невнятной — мужчина продолжил жевать, однако молодой человек понимал каждое слово. — Мир — это Колесо, движение которого непрерывно — таков закон. Люди мечтают о вечной жизни и прикладывают грандиозные усилия, чтобы нарушить ход Колеса. Чтобы оно застыло в одном положении и продолжило скользить по времени, как по льду. Но так не бывает. Не должно быть. И никогда не будет. Людям не дано остановить Колесо, и не надо бояться смерти, разрушения и тлена. Ведь они — естественная часть мироздания. Но люди боятся и делают все, чтобы Колесо остановилось. И если невозможно объяснить, что это неправильно, — людей приходится бить, и бить жестоко. Чтобы объяснить, что это неправильно, что мир должен меняться, должен идти вперед. — Мужчина, которого в секторе 19-23 знали под именем Бенс, протянул Жене руку и улыбнулся: — Меня зовут Кандинский.

* * *

И картины, которые он создавал, поражали воображение.

Кандинский пустил на дно первый в истории человечества плавучий город, после чего проект их создания был свернут, и на океанских просторах не появились населенные пятна; он взорвал железнодорожный тоннель под Ла-Маншем и одновременно уничтожил все находившиеся в строю неэлектрические самолеты, включая те, что выполняли рейсы. И картина, которую он писал в Швабурге, была достойна остальных его работ. А может, затмевала их — трудно представить нечто более грандиозное, чем уничтожение самого высокого небоскреба планеты. Более дерзкое. Более масштабное. Кандинский уже вошел в учебники современной истории, но словно задался целью сделать так, чтобы они рассказывали только о нем. Знаменитый террорист отвлек внимание подготовкой бунта в секторе 19-23, сделал так, чтобы все поверили, будто он собирается поджечь Швабург, поджег его, но когда пламя занялось и все усилия властей оказались направлены на тушение разгорающегося пожара, — нанес главный удар.

И теперь рассматривал созданное полотно, стоя на палубе остановившейся в центре залива яхты.

Наблюдал за тем, как бесконечно высокий ShvaBuild начинает озаряться кроваво-красным — снизу вверх, словно включилась особая подсветка. Яркая, быстрая подсветка, сопровождающаяся неимоверно громким грохотом, долетевшим даже до залива. Первым грохотом — от взрывов. И первой ударной волной. Наблюдал за тем, как рвутся фасады домов, как вылетают стекла, в том числе — толстые облицовочные стекла небоскребов; как кувыркаются в воздухе дроны и прогулочные вертолеты — чтобы рухнуть на землю или в море; и как непонимание сменяется паникой. Жители Сити еще не поняли, что происходит, но уже догадались, что нечто ужасное. Грандиозно ужасное.

Что на их головы опускается самый высокий небоскреб планеты.

Гордость Швабурга.

Могильщик Сити.

Сотни тысяч тонн стекла, бетона и стали с грохотом рухнули на центр агломерации, сокрушая здания и засыпая улицы многометровым слоем обломков, смешанных с кровью погибших и криками раненых. С проклятиями и стонами. С яростью и ужасом.

Смерть, разрушение и тлен...

Над Сити повисло гигантское облако пыли, на некоторое время скрывшее работу террориста от наблюдателей, и Глория прошептала:

— Невероятно. Ты превзошел сам себя.

— Да, получилось красиво, — согласился Кандинский, которому была чужда ложная скромность. — Этот шедевр останется в истории.

— Зачем? — очень тихо спросил сжавшийся в комок Женья. — Зачем вы это сделали?

— Затем, что мир достиг совершенства неизменности и остановился в нем, убеждая себя, что обрел высшую форму и ход времен прекратился. Но совершенство неизменности не есть совершенство подлинное. Наш мир достиг не высшей

формы, а лишь предела, удобного его хозяевам. И если он не продолжит меняться, то рухнет, ведь отсутствие изменений есть отсутствие цели, а цели нет лишь в одном состоянии...

— У мертвых.

— У мертвых, — подтвердил Кандинский таким тоном, будто произнес: «Глория в тебе не ошиблась». После чего отвернулся и посмотрел на разгромленный Сити, над которым по-прежнему висело гигантское облако пыли. На Сити, который в одночасье стал темным — ведь пожары не освещали, а добивали его. — Меня приводит в ярость тот факт, что великие достижения использованы для установления власти и постепенного освобождения планеты от людей в интересах меньшинства. Меня приводит в ярость тот факт, что ход времени озаряется бессмысленностью. Меня приводит в ярость сон, в который погружают большинство, и то, что большинство принимает этот сон.

— В этом сне я могу танцевать.

— Ты можешь танцевать, но платишь за это всем, что у тебя есть. Или могло быть.

— Что у меня могло быть?

— Настоящее.

— Даже такое дерьмовое?

— Даже будучи дерьмовым, оно остается настоящим, а значит — бесценным. — Террорист указал на разгромленный Сити. — Я лишь напоминаю миру, что он уже наполовину мертв. И поверь: мои напоминания — комариные укусы по сравнению с той катастрофой, которая разразится при гибели этой версии цивилизации.

— Но почему она должна погибнуть?

— Даже Египет пал, чего уж говорить о мире, которым правят не боги и даже не фараоны.

Кандинский усмехнулся, но в следующий миг его губы сжались в жесткую полоску, а Женя услышал эхо отдаленного взрыва. Еще одного. Прозвучавшего, как показалось молодому человеку, со стороны сектора 19-23. Кандинский, судя по всему, этого взрыва не ожидал, запросил по Сети информацию, а получив ее — резко повернулся к Глории:

— Зачем?! — Сейчас он стал немыслимо похож на Женю, задавшего этот же вопрос несколько минут назад.

Женя не знал, что произошло, но догадался, что Кандинский получил страшно неприятное известие.

— Подчищаю за тобой следы, братик, — хладнокровно ответила девушка.

— Ты не имела права.

— Это ты не имел права отклоняться от плана. А раз отклонился — должен был сам разобраться с проблемой.

— Она не проблема, — глухо произнес Кандинский, глядя Глории в глаза.

Впрочем, как с изумлением отметил Женя, неистово-пронзительный взгляд самого опасного террориста планеты не произвел на девушку впечатления.

— Я тебя защищаю, делаю то, на что у тебя не хватает духа, — с улыбкой произнесла Глория. И добавила: — Как всегда.

— Как всегда... — Он подошел к борту и вцепился в него обеими руками. Продолжая смотреть на удаляющийся Швабург. И спросил минут через пять: — Куда мы плывем?

— Ты говорил, что потребуется отпуск, — напомнила Глория.

— Возьми курс на какой-нибудь теплый пляж.

— На какой именно?

— На твое усмотрение. — Кандинский стоял спиной, но Жене показалось, что он всхлипнул. — Ты сильно меня расстроила, сестренка. Очень-очень расстроила.

А может, это плеснула вода — громко и грустно.

И его плечи дрожали, потому что... волны.

* * *

Если бы дверь оказалась завалена, у Шанти наверняка случилась истерика.

Самая настоящая. На десять баллов по пятибалльной шкале. Девушка чувствовала ее приближение и знала, что достаточно легкого толчка, чтобы лавина сорвалась, погрузив

ее, пусть и ненадолго, в безвременье психоурагана. К счастью, легкого толчка хватило, чтобы дверь отворилась, истерики не случилось, Шанти осторожно выглянула наружу и осмотрела улицу.

По засыпанной обломками мостовой ходят ошарашенные люди, кто-то плачет, кто-то стонет и зовет на помощь, кто-то пытается помогать: неумело перевязывает раны или пытается освободить тех, кто оказался под завалом. Летают дроны, однако пользы от них нет: сейчас людям могут помочь только люди. Но главное — не слышно выстрелов и взрывов, потому что видны вертолеты и зеленые дроны, зеленые и нежно-голубые дроны принадлежат военным, в Швабург вошла армия, и бунт закончился — сражаться с профессиональными солдатами не станет ни один здравомыслящий уголовник, у военных нелетального оружия нет, они будут стрелять сразу, причем не чтобы напугать, а чтобы убить.

Бунт закончился.

Город замер и начинает осознавать себя картиной Кандинского. Холстом, на который грубыми, грязными мазками нанесли смерть, разрушение и тлен. И смыть эти краски бесследно у города не получится.

Когда Кандинский взорвал второй небоскреб — тот, в котором размещалось секторальное отделение Департамента социального согласия, — Шанти была от него довольно далеко. Ушла не потому что почувствовала опасность — ей просто стало противно находиться там, где она... Где она провела не одну ночь с любимым мужчиной. Где ей было настолько хорошо, что она чувствовала себя счастливой. Где ее грубо использовали... И когда за спиной стал рушиться небоскреб, Шанти не удивилась. Ей стало очень горько. На губах появилась презрительная усмешка, но Шанти не удивилась: быстро обернулась, чтобы убедиться, что слух не подвел и дом действительно рушится, и бросилась в оказавшиеся поблизости ворота подземного гаража. Но не остановилась; побежала по нему, опасаясь летящих через ворота обломков — в эти мгновения Шанти чуточку запаниковала, — наткнулась на какую-то лестницу, под-

нялась по ней, прислушалась и, когда поняла, что небоскреб рухнул, а другие вроде не собираются, — вышла на улицу.

Она не видела, что основные взрывы прогремели у основания здания, уничтожая базу Департамента социального согласия, но по тому, что осталось от небоскреба, поняла, что не выжила бы. Никаких сомнений, не выжила бы даже на втором нижнем уровне — здание уничтожили профессионально.

Шанти это поняла и остановилась, почувствовав, как ее наполняет дикая, первобытная ярость. Ярость, превосходящая все, что она чувствовала до сих пор. Ярость оскорбленных чувств. И ярость оскорбленного мироощущения: одним ударом террорист продемонстрировал девушке зыбкость ее Вселенной, составленной из единиц и нулей, всего современного устройства, всего того, во что Шанти искренне верила. И ни улучшенная защита, ни более надежные ключи не помогут вернуть утраченное чувство безопасности, не помогут избавиться от неожиданно пришедшего понимания, что Цифра покоряет только тех, кто согласен покориться.

Ее прежний мир обрушился вместе с небоскребами Швабурга, и Шанти... Шанти услышала крик, повернулась, увидела человека, ногу которого прижал обломок стены, поправила рюкзак и направилась на помощь.

Как человек к человеку.

Людмила и Александр Белаш

ДЕПОЗИТ

Depositum (лат.) —
вещь на хранении.

Когда дядя Вася начал долбить ломом по дверце банковской ячейки, Андрон растерялся.

По логике, резкие ритмичные удары соответствовали образу «тяжелый физический труд», а по месту и обстоятельствам — понятию «кража со взломом». Что выбрать к исполнению?

Для пробы Андрон запел в негромком фоновом режиме:

— Эх, дубинушка, ухнем! Эх, зеленая, сама пойдет! Подернем, подернем!

Следует найти в трек-листе созвучие происходящему, добиться резонанса с настроением людей. Люди чают, а ты их чаяниям способствуешь, ориентируешь на достижение цели.

— Клиент с талоном В25, пройдите к окну номер семь, — вмешался нежный голос экосистемы.

— Англичанин-хитрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину!

— Бац! Бац! бух! бамс!

— Как холодно дует ваш кондиционер, — пожаловалась полная дама девушке в аккуратной форме банка «Три Ока». — У меня спазм от него! Можно выключить?

— Сейчас приглашу старшего менеджера.

— Я задыхаюсь. Ингалятор дома забыла. Астма, понимаете? Ох, ох!.. Сссс! Хххх!

— БУМ! БУМ!

— Тут есть аптечка?

— Закрыто? Ремонт? — озираясь, застыл в дверях входящий.

— Заходите, это рабочий момент! — поманили его дружески. — Там ячейка отказала.

— Через банкомат оплата не проходит, — подошел к девице-консультанту Витя с деньгами в руках.

— Но настанет пора, и проснется народ! Разогнет он могучую спину!

Включился фильтр «подозрительный контент», и Шаляпин вылетел из трек-листа в папку «Материалы для экспертной оценки».

— Дайте женщине воды!

— Какой у вас платеж? — в смятении от всего вокруг, девушка старалась дежурно улыбаться и соблюдать предписанный речевой регламент. А то вдруг не то ляпнешь!

— Коммунальные. Ток, газ, отходы, вода, телефон.

— Возьмите талон.

— Поможете?

Дополнительный офис «Три Ока» включал предбанник с банкоматами, операционный зал и отдел ячеек. Близился день платежей по ЖКХ; люди и сидели, и стояли, а тут вдруг заело ячейку. Пришлось звать дядю Васю.

— Я вам не слесарь! — огрызнулся он между сериями ударов. — Я техработник, драть-разодрать! Кто мне это оплатит? Как что?

— Как сверхурочные. — Менеджер с планшетом рядом спешно набирал и отправлял на печать самое необходимое — о неисправности, о требовании клиента срочно обеспечить доступ, об отказе от претензий, — а сердитый клиент у окошка в зале читал и подписывал.

— Ждите, вас вызовут, — вручая талон, обнадежила девушка Витю.

Андрон послал запрос о правомерности наличия «Дуби-нушки» в листе и выбрал новую песню:

— Нас утро встречает прохладой, нас ветром встречает река. Кудрявая, что ж ты не рада веселому пенью гудка?

— «Раммштайн» давай! — крикнули динамику из зала. — «Зонне»!

Как-то между делом вырубился кондиционер. Его никто не трогал, а он — р-раз, и все. В обшитом панелями офисе стала скапливаться липкая духота. Сипела тетушка с астмой, бил ломом дядя Вася, нервно улыбалась консультантша, в людях слышался мало-помалу нараставший гомон.

— Да сделайте же что-нибудь! Тут женщина больная!

— Я сейфы вскрывать не нанимался!

— Извините, терминал не работает, — жалобно улыбнулась Вите оператриса.

Рядом с ней на разделительной панели белел стикер — *«Банк "Три Ока" и наш регион участвуют в национальном проекте "Симфония России". Присоединяйся! Установи на смартфон приложение "СимфоРос" и вступи в концерт созвучия надежд, планов и свершений!»*.

Некоторые звонили домой, со связью не ладилось. Модный бородач с прической викинга и кольцом в ноздре вещал, снимая панораму телефоном:

— Здрав, други! Я в потоке, веду стрим с места событий. Тут локальный постапок, все умирает, погром, крушат ломом.

Анализ настроений и семантический спектр массовой речевой активности подняли уровень ситуации до критического — «погром», «сейф», «вскрывать», — и Андрон вызвал спецназ:

— Внимание, с вами говорит контрольно-вспомогательная система. Вы не имеете законного права игнорировать этот сигнал. Адрес события: Рязань, улица Скоморошинская, дом 13а, офис банка «Три Ока». Событие: насильственное действие против собственности, угрожающее настроение людей. Согласно протоколу, помещение блокируется. Нужна срочная помощь, силовая и психологическая.

Песня оборвалась, из динамиков вырвались начальные такты «Полета валькирий», а затем полилось гнусное бессловесное нытье, выматывающее душу. В дверях лязгнули автоматические запоры.

— Всем оставаться на местах. Ожидайте приезда полиции. Спокойствие и повиновение. До приезда полиции осталось...

— Мы тут задохнемся на фиг! Где у вас окно?! Форточка есть?!

Кр-рак — ячейка вскрылась.

— Вам придется подождать, пока нас разблокируют. Распишитесь в получении.

— Мне на поезд!..

— Ничем не могу помочь. В моменте главный Андрон. Вася, смени кег в кулере, вода кончается. — Менеджер тщетно давил пальцем планшет. И тут отказ!

— Сперва вознаграждение, как договаривались.

— Аптечку! Человеку плохо!

— Психолог, пройдите в операционный зал. Вася, включи вентиляцию.

— Там чип, я с ним не умею.

— На щитке схема питания, все указано, — тихо заговорил менеджер, приблизившись к Васе вплотную. — Дома люстру чинил?

Обеспечив подмогу, Андрон занялся пеногашением. Надо отвлечь взволнованных людей:

— Сейчас я вам расскажу соленый морской анекдот. Достал матрос селедку... Ха-ха-ха!

— Клиент с талоном K107, пройдите к окну номер три. Бжжжж, взззз... — внутреннее оповещение тоже угасло.

За тонированным стеклом панорамного окна тихо жила будничная летняя улица, за ней вяло шевелил листвой Черныбыльский сквер. Все в желто-серых тонах. Появился дрон с надписью «ПРЕССА», второй, они плавали над головами прохожих и будто обнюхивали двери и окна офиса. На них сверху, как коршун, накинулся третий, похожий на шмеля полицейский дрон, распугал, разогнал — но мухи СМИ, отлетев к скверу, не покинули места, снимали издали.

«Мы уже в новостях», — с тоской подумал менеджер.

Дрон с синей полосой вдруг закачался в воздухе, пошел вниз и плюхнулся на тротуар, завалился набок. Поодаль рухнули на газон дроны прессы.

«Да что это все!..»

* * *

— Командир, отказ связи, — доложили офицеру.

Старший уже понял, что вызов ложный. Спертый воздух, злая напуганная публика, растерянный персонал, тупой Андрон. Вся эта семейка голосовых помощников — Алиса, Маруся, Дуся, Пуся, а теперь и главный цветок в букете нежити — дирижер «СимфоРоса» Andron.

Здесь некого было класть на пол и паковать. Разве что дядю Васю. Но за него горой встал менеджер офиса:

— Секунду. Вот акт вскрытия ячейки, исполнитель обозначен — это он.

Офицер всмотрелся в документ сквозь тактические очки.

— Нет личной квалифицированной достоверной электронной подписи. Просто бумага. Я такую в фотошопе за минуту нарисую.

— Интересные у вас навыки.

— Говорю — филькина грамота. Где идентификационный код? Где?

— Отказ системы. Поэтому заверено подписью. Уникально, гелевой пастой. Могу оставить отпечаток пальца. У вас тоже вон все отказало. Вирусная атака, наверное.

Командир медленно ворочал головой в шлеме, ощупывая заглушную видеокамеру на нем. Черт, да не может никакой вирус разом вырубить сразу и банковское, и полицейское. Это же разные системы, не связанные. Дрон тоже...

— Мы техработника возьмем и снимем показания. Он тут орудовал ломом и сбил настройки Андрона.

— Это специалист по ручному труду, — подчеркнул менеджер, — никак не можем вам его отдать. Лучше Наташу. Подойди, Наташа! — поманил он девушку-консультанта. — Она все видела с самого начала. Умеет общаться с людьми. А Вася грубиян, он чаще матом говорит. У нас и так большие репутационные потери. В прямом эфире, по всем каналам...

«И дроны телевидения упали! Это уже третья сеть, даже две... Тут что-то не так. Отказ трех и более... Мне нужен телефон».

Проводной телефон он нашел в цветочном магазине, метрах в пятидесяти. Машинально их отмерив по прямой шагами. Если инструкция верна, расстояние надежное.

— Алло? Доступ сто четыре точка семь. Событие Три-Плюс. Адрес Скоморошинская, 13а, офис «Три Ока». Доложил Шеховцев. Какие будут указания?

— Спасибо за сообщение. Под любым предлогом задержите клиентов до нашего прибытия и перепишите всех. Ведите внешнее охранение. Сколько там посетителей скопилось?

— Тридцать пять.

— Выясните, не ел ли кто драже, пастилки, мармеладки. Или пил что-нибудь, принесенное с собой. Камеры наблюдения в офисе работали?

— Погасли раньше, чем мы вошли. Но тут вручную работали с сетью питания. Так что один Андрон со звукозаписью.

— Жаль. Ждите.

Вентиляторы крутились, для сквозняка открыли настежь двери, снаружи стояли двое с оружием, в масках и бронежилетах, между ними табличка *«Извините, офис временно не обслуживает»*. И по периметру бойцы прохаживались. У одного в руках ожил дрон, настучав винтом по пальцам. Начали включаться мониторы, но показывали что-то несуразное.

* * *

— ...единовременная компенсация за причиненные неудобства в размере тысячи рублей, а также участие в розыгрыше пяти премиальных золотых карт лояльности банка «Три Ока», — ожила, запела экосистема.

Что-то в мире изменилось к лучшему — спецназ обхаживал астматичку, Наташа наливала воду жаждущим, а специалистка по улаживанию конфликтов переходила от одного к другому с неизменным заклинанием: «Здравствуйте, я лицензированный психолог, готова решить ваши проблемы».

— Это гипноз, — кивком указал на нее Вите модный бородач, пытавшийся возродить к жизни смартфон. — Ней-

ролингвистическое программирование. Вроде того — «Я не цыганка, я сербиянка, я родилась с рыбьим зубом».

— Они придерутся, что вы здесь записывали видео.

— Тогда тысячей не отделаются. Встречный иск за моральный ущерб, широкое освещение в Сети. Когда стану гендиром, у меня в фирме можно будет все — снимать, спать, лежать. Детям будут даром раздавать петушков на палочках и жвачки... Нет, только жвачки. От леденцов — сначала диатез, а после диабет. Только здоровые продукты.

— Угощайтесь.

— М-м, что это?

— Смолка, сибирской работы. Рукомесло от производителя. Без сахара и ГМО, гарантия с крестным целованием.

— Спасибо, любопытно. Артем, фрилансер, фриган и самокатчик.

— Виктор, коллекционер. Ваши поиски могут быть мне интересны. Любая техника и мелкая механика времен Союза.

— Нечасто попадаетея. Но я запомню. Ваш номер?

Сосед по диванчику что-то написал в блокноте и показал Артему. Особенно викингу понравилась приписка «*Память — лучший список контактов*». Да и сам сосед интересный, в черной медицинской маске, будто не знает, что режима больше нет. Хотя таких еще хватает.

Приехали и влились в офис какие-то малозаметные серые люди в штатском, один сразу примкнул к командиру спецназа:

— Ваш сигнал принял я. Рад знакомству. Шум, Олег Максимович. Как успехи?

— Вот список. За тысячу все согласились сидеть в духоте. Пометки — кто и какой документ предъявил. Остальные просто назвались.

Сотрудник из конторы на три буквы читал и сокрушался про себя. Паспорта, водительские удостоверения, пенсионные, но у половины — ничего. Часть даже адресов и телефонов не дали. Растет правосознание! Закон о персональных данных таки въелся в публику.

— Может, обыскать? Пока мы здесь и в полномочиях. — Шеховцев явно скучал, да и жарковато в снаряге.

— Спасибо, что помните инструкцию. Ее выполнение очень проблемно. Не у всех срабатывает, что отказ трех и более сетей — повод для сигнала.

— Да, и радиус поражения. Я удивился, когда нам это прочли. Так что, поискать?.. Правда, это могли уже выкинуть, но все урны я проверил. Углы, кладовки, туалет и под диванами тоже. Часто событие бывает?

Сметливый и расторопный полицейский Шуму понравился.

— Его редко распознают. Выявляется задним числом, составляя неисправности сетей. Так что нам повезло с вами.

Наташа втайне надеялась, что ее таки увезут на допрос. Это был шанс сменить банковскую рутину на увлекательное приключение. А то лето цветет, и ты тут киснешь, исполняя роль интерактивного фембота. Спецназовцы улыбались ей с мужским подтекстом, в уме крутились мемасики:

В хранилище все уныло и криво,
А на пляже тебя ждут ребята и пиво.
Не упусти выходные!

Казалось, Андрон вот-вот запоем: «А я люблю военных, красивых, здоровенных»*, но тут с Андроном произошел накат панической атаки. Топот, гам, галдеж, превышение численности людей на метраж площади. Какое-то время он крепился, стараясь не сорваться, но приезд особистов из запретного квартала переполнил чашу терпения, и он вновь разразился истошным нытьем.

— Опять погоняло кротов завелось, — поднял глаза Шеховцев, спокойный как слон.

Шум морщился, косился на динамики, наконец его проняло:

— Да выключите этот мышинный зуммер, от него зубы болят. Кто-нибудь, займитесь, пожалуйста. Есть тут ответственное лицо?

---

* Строка из песни на стихи Е. Грабовской.

— Я звонил в поддержку Андрона, — откликнулся менеджер. — Они работают с этим. Робот не настроен на такое скопление.

— Что ж они его настроили как паникера слабонервного? При массовых беспорядках толку не будет, — с презрением отметил Шеховцев. — Запрет всех, отключит воздух, а чтоб на стенку лезли — будет скрипку пилить. Ростропович, блин.

— Во власти Андрона, — подслушав, поделился Артем свежим креативом с Витей. — Неплохо зайдет по следам репортажей. Слепец Андрон и глаза его дроны. Подымите мне дроны: не вижу!..

— Что-то они тянут с раздачей денег.

— Ждут, когда все заработает. Им надо отчитаться, что крестьяне довольны, расходятся с улыбками.

Шум колебался. Удача Шеховцева кончилась, системно-сетевая обстановка возвращалась в норму, что еще предпринять? Объявить тут медосмотр и дезинфекцию?.. Но случай уже на слуху, блогосфера ждет безобразных подробностей и охотно превратит все в лулзы.

«Чертово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех да черту в подкладку! В шапку туды ему!.. Гоголь гений».

Банк подаст в суд на всех, начиная с Андрона, выйдет из «Симфонии», а Шуму — минус баллы и отложенное повышение в звании.

— Пожалуйста, по мере вызова проходите на выдачу компенсаций и купонов на розыгрыш к первому окну. Приглашается Колобаева Раиса Ильинична..

«С астмой, а туда же — летом в маске!.. Чтобы уж наверняка, — проводил ее глазами Шум. — Ну, скорее убирайся. Меньше народа — спокойней Андрон. Явно не она... Лет под семьдесят, ожирение, с дыханием проблемы — нет, исключено. Но кто? Должна же быть какая-то зацепка... Надо запросить все записи с Андрона от начала события до сейчас. Разложить по голосам. Может быть, здесь что-то найдется...»

Андрон нашел, чем напутствовать сияющую Раису Ильиничну:

— Расстаются друзья. Остается в сердце нежность... Будем песню беречь. До свиданья, до новых встреч.

— Обыскать все-таки лучше, — вздохнул Шеховцев сзади.

— Не все потеряно, и ничего еще не кончилось. Взгляните — в сквере, за кустиками, мой человек с зеркальной механической фотокамерой. Всех выходящих мы поочередно отснимем, оцифруем и так далее. Старое оружие не подводит. Всегда надо иметь на складе что-нибудь кондовое, тупое как бревно и крепкое как рельс.

Голосовой портрет события Шуму подогнали к обеду, и выглядело это как групповая флюорография — всей ротой на одной фотке. Анализ диалогов, перемещения фигурантов — дело ведомственной нейросети, и она справилась.

«Виктор, коллекционер».

«Обращаю ваше внимание, что в списке присутствующих нет никого с именем Виктор».

«Ушел! В руках был — и ушел... Ну, погоди у меня, господин Диссонанс, я тебя верну в Симфонию...»

* * *

Вали с работы, офисный класс!
Дарвин и Ленин слушают нас!

В борьбе за существование, как завещал товарищ Дарвин, и за счастье трудового человека, по Ленину, у Наташи было два оружия — смена стиля и перепродажа.

Когда она покидала отделение банка на Скоморошинской, 13а, невозможно было опознать в ней прежний говорящий манекен.

Прочь замороженную женственность, прочь шаблонные заученные фразы, механические жесты и улыбки — я не пешка, не фишка, а штучка! Велошлем, очки Ихтиандра, облегающая куртка, бриджи-велосипедки.

В сумках по обе стороны багажника — товар, а также длинная запашная юбка, косынка и темная пелерина вроде

пудромантеля. Это задел на третий образ — скромная гостья архиерейского подворья.

Ей сегодня уже накрутили нервы — отказ всего, нашествие спецур, трепетное ожидание допроса в полицейском каземате, потом реальный допрос, скучный, беглый и формальный. Наверно, будет справедливо, если она закончит будний день в благостной, умиротворяющей атмосфере церковного хозяйства. Крестные знамения, золотые купола, чай, ватрушки, деловые разговоры, навар тысяч пять. Она заслужила, чтоб этот взвинченный день окупился, закрылся с прибылью.

Два хорошеньких, исправных фотоаппарата «Смена-5», 1962 года, чуть-чуть потертые и поцарапанные, но с целой механикой и оптикой. Она твердо решила, что дешевле чем за 6000 рэ каждый не отдаст.

Чтобы обезопаситься от налоговой, уже на стоянке за банком вложила смартфон в чехол-глушилку «Баю-бай». Носить открытый девайс с предустановленным нашим Андрон — это иметь в кармане уши всех, кто на три буквы, МВД, ФСБ, ГРУ и ФНС. Или как видеорегистратор в изголовье перед интимной встречей.

Если ты не регилась как ИП, жди, что Андрон сольет тебя как самозанятую перекупку. Налоговая только и ждет, кого бы ободрать. «Купить-продать-не-прогадать», ага? Давай-ка мои денежки!

Его теперь даже детишкам ставят. Дедушка Андрон. Кряхтит, сопит, умело имитирует общение, сочувствует, поощряет откровенничать и стучит в ювеналку.

Даже на случай поимки с поличным ей было что возразить — *«Продажа имущества, использовавшегося для личных нужд»*. Доход, который не признается объектом налогообложения! Еще докажите, что я перекупщица.

И было что предъявить.

Наташин отец приказал долго жить в самый угар пандемии, когда всех забирали, запирали и кололи. Едва пятьдесят лет ему справили. Мама после этого увяла, жила как спала, а ящиками отцовского собрания вещей она и прежде

не интересовалась. Зато ими занялась Наташа, потому что на зарплату консультанта в операционном зале не пощикуешь.

Ее и раньше удивляли объявления *«Скупка значков, сувениров, игрушек времен СССР. ДОРОГО»*, но с годами их стало еще больше, это выставлялось на витринах антикварных магазинчиков и стоило о-го-го.

А дома этих ценностей пылится в ящиках чуть не два центнера!

Простецкая игрушка — здравствуй, дедушка Мороз, борода из ваты, — две тысячи, мелкая елочная цацка — пятьсот. И это нижний ценовой уровень — по факту пара наручных часов «Луч» с лихвой окупала месяц ее топтания в зале.

Зря, что ли, она окончила финансово-экономический колледж по банковскому делу. Надо же где-то с пользой применять корпоративные скиллы — *«находить общий язык с людьми»*, *«ориентироваться на высокие результаты в продажах»*, — если в банке от них толку чуть.

Но ящики с наследством не бездонные. Если бизнес не развивать, стартовый капитал иссякнет, и ку-ку. Нужны оборот и раскрутка.

И расклейка стикеров — *«Мелкие старые вещи! ДОРОГО! Выезд консультанта и оценка на дому БЕСПЛАТНО!»*

Конечно, конкуренция. Однако Рязань велика, а хрущевки и частный сектор — богатейшие залежи всякого хлама, который в умелых руках становится товаром.

Главное, опередить других и потом назначать свою цену.

Поэтому Наташа ехала в трапезную «Кремлевская», чтобы впарить пару фотокамер менее удачливому сопернику под ником Депо Вектор.

Депо Вектор знал, где встречи назначать, — с тех пор как РПЦ прибрала Кремль к рукам, там, кроме довольно строгого дресс-кода, полагалось сдать или изолировать все носимые девайсы. Чтобы духовность 4G-частотами не колыхали. И дронам ходу не было, а то будет кто попало эксклюзивными видами торговать.

Ехать было рядом — вниз от сквера, потом вверх, в объезд Архиерейского сада, по одноэтажной улочке Рабочих, дальше по Трубежной набережной, там обернуться юбкой, платком и смиренно вступить в древние стены.

И увидеть на летней веранде того же здоровилу с бородой, что сегодня в банке препирался с менеджером о законности видеосъемки и показывал, что в памяти смартфона ничего не сохранилось.

— О, а я вас помню! Вы Наташа! Садитесь сюда! Витя, ты узнаешь ее?

— Конечно, эта девушка мне помогала заплатить за ЖКХ, — улыбнулся его сосед по столику, поменьше и похудощавее, шатен со стрижкой полубокс. Секунду помешкав, Наташа смутно опознала и его — он тогда был в черной маске, а теперь без.

— Привет. — Она устроилась к ним в компанию. — Вы решили сюда перейти тусить?

— Ахаха! Мы там впервые встретились! Когда телефон разглючило, я первым делом пробил его номер, чтобы проверить память. Работает! Я — Артем.

— Виктор.

— А-а, поэтому — Вектор?

— Нет, просто совпало. Вектор — направление и точка приложения. Вы привезли?

— Да, посмотрите их. Двенадцать за оба.

Он и не думал торговаться, но смотреть товар взялся профессионально. С часовой лупой и тонкой отверткой. Такое впечатление, что годами занимался этой техникой. А вот Артем на фотокамеры едва взглянул, зато с Наташи глаз не сводил.

— Хотите борщ? И пирожки тут отличные. Давайте я вас угощу.

— Ну, попробуйте.

— Я бы еще таких взял с десяток. — Виктор поднял лупу выше брови. — Сохранность очень хорошая.

— На запчасти берете?

— В общем, да. Их шестьдесят лет не производили. Даже не факт, что техдокументация найдется. Тут или инженерная археология, или... или все заново строить.

— Для коллекций?

— Для производства.

— Да кому они нужны — снимать!..

— Пленки продаются, фотобумага и химикаты доступны, увеличители и глянцеватели... этих я тоже купил бы. В количествах.

— Зачем? — вырвалось у Наташи.

— Про запас. На всякий случай. Видели паровозы в резерве?.. В смазке с палец толщиной, на окнах дощатые щиты.

— Значит, три борща, шашлык и запеченная картошечка на всех, а потом морс.

— ...короче, я могу на вас рассчитывать? У меня большие интересы, я готов покупать разную технику. Абонентские радиоточки, старые домашние компьютеры до 1990-х. Можно электрофены, ионизаторы, термоэлектрические холодильники... даже аммиачные.

— Вы от музея?

— Я?.. — переспросил Виктор и задумался. — Да, пожалуй, от музея... Но вы серьезно подумайте над моим предложением. С месяц я подожду, что вы ответите.

Официант начал подносить заказанное Артемом. Салат сочился свежим овощным соком, самой истинной сутью растений. Запахло свежей и горячей вкуснотой, капустой, мясом, свеклой, сметаной и томатом. У Наташи, едва раз за нервный день перекусившей какими-то убогими мюслями и батончиком (300 килокалорий на 100 грамм), что-то судорожно сжалось в животе, захотелось натрескаться как свинья. Пусть диеты останутся там, снаружи, где велосипед!

— Артем, вы тут впервые? — Наташа напустилась на салат как на врага. Тык, тык его вилкой! Ням его, ням!

— О нет! Бывал. Я снимаю квартиру здесь неподалеку, на Затинной.

— Спасибо, Виктор, что сюда нас пригласили. Я редко в Кремле бывала. Вроде рядом живешь, а... Маленькая сюда

ходила, в краеведческий музей. Тут было чучело ежика, я всегда над ним плакала. Здоровенный такой ежик. А что будет через месяц, вы уедете?

— Нет. — Виктор просмаковал ложку борща, нарочно зачерпнутую со сметаной. — Меня арестуют и вышлют из Рязани. Но вы-то останетесь, мы еще свяжемся. Как говорит один мой друг, ничего еще не кончилось.

— Что тут криминального, я не вникаю, — пробасил Артем. — Часы, радиоточки... Компьютеры? Какие там?.. «Микро-80»? «Радио 86РК»? Это уже не музей, это залежи, мореный дуб... Древняя Русь!

— Это серебро Господа нашего. Хотя золото — другое, его нет ни на квартире, ни в НИИ. Разве что в пединституте. Но боюсь, эти не продадут. Они даже не понимают, чем владеют. Я видел на фото...

Наташа рассеянно поглядела на шашлык, а Артем перегнулся к Вите через стол:

— Такое страшное, да?.. С лампами, в шкафах? На целый зал и с перфокартами?.. Надо вагон, чтобы его вывезти!

— Вагон я обеспечу.

— И вытяжка. Вентиляторы — во! — Артем над столом показал ручищами, словно бочонок обхватил.

«Если вагонами возит, то с деньгами нет проблем», — распустила Наташа, отрезав кусок шашлыка и макая в соус.

— Я согласна, я буду сотрудничать. Какие риски?

— Андрон в первую очередь.

— Он спит.

— Запретный квартал.

— Ого!.. И вы так легко рассуждаете! И меня зовете, спасибочки.

— А вам-то что?.. Мало ли сколько в доме электроники. Не иконы же семнадцатого века. Я видел квартиры, где микросхем было по пояс, и на них спали.

— Чудесный у нас город, просто Изумрудный.

— Я бы взялся купить у пединститута ту машину, — заявил Артем. — Как лом. Поэтому обойдется недорого.

— И все-все-все бумаги к ней.

— ...но надо время на переговоры и утряску. Знаю их руководство — с месяц одной переписки. Но как связаться, если...

— Оставляю контакты.

— Вы точно не иноагент? — решила подстраховаться Наташа.

— Нет. Работаю в Управлении делами Президента, — раздраженно ответил Витя.

— Я так тоже могу заявить.

Он порылся в кармане куртки, достал удостоверение и протянул к ее лицу в открытом виде.

— Что... А кто вас арестует?

— Кому надо, тот и арестует. Про борьбу башен слышали?.. И вообще — будем работать или как? Шашечки или ехать?

— Это чудное, мне подходит, — признался Артем. — Машина в пединституте стоит полвека, а я ее увезу!.. Но такие удостоверения в Москве в подземных переходах по приколу продают. Без обид, ладно?

— Уеду первым. — Виктор утер салфеткой губы. — Я тоже на велосипеде, но у нас должна быть дистанция. Вы за воротами сразу смартфоны достанете, Андрон проснется, лонцировать начнет вас, наши голоса сличать, я буду нервничать.

— И что? — полюбопытствовала Наташа.

— И ничего хорошего. Артем, на пару слов, — поманил он бородачу.

— Завтра к тебе придут, — негромко сказал Витя, когда сошли с веранды. — Ты им все расскажи, кроме Наташи и ужина здесь.

— Так-таки и рассказать?..

— Они в основном знают. Наверняка твой звонок отследили. Но вот что мы говорили... — Витя улыбнулся.

— Тебя надолго закроют? — спросил Артем сочувственно.

— А, пустяки. Можно сказать, я родился в лагерях; не привыкать.

* * *

«Наш городок официально называется FPC Baldy Town, то есть федеральный тюремный лагерь, но мы зовем его просто Болди. Мое рождение и жительство здесь — воля Провидения и рука Божия, некое избранничество и знак свыше. Это мой ясеневый луг», — вдохновенно писала Виктору девушка по имени Эшли, девятнадцати лет.

Путь ее писем из Штатов в Россию был примерно так же сложен и опасен, как схема связи его проводного телефона с внешним миром.

Там у них детишкам открывали тайну их сущности на конфирмации, так положено у протестантов. Можно себе представить, как девчонку нахлобучило, раз до сих пор не отпустило.

До поры все вроде нормально, но с возраста «почемучки» появляются вопросы — почему мы никуда не ездим? Зачем вокруг колючая проволока и солдаты на воротах? А я хочу в Диснейленд, мне можно? А в горы, а на море, а на Ниагару?

Все это волнует, будоражит, назревает, и вот под пение «Во имя Твое крестился» ей вручают новенький томик псалмов, букетик цветов и сообщают на ушко кое-что очень важное. Хоп! Ломка стереотипов и посттравматическое стрессовое расстройство.

«В соседних городках считают, что мы дети Серых Чужих или гремлинов, но это же неправда. Мы ведем переписку с Вашингтоном о свободе перемещения и нарушениях основных прав. Волонтеры, я их не назову, помогают нам с частной почтой, которую по ночам возят дроны. Если они падают, мы выжидаем, пока оживут. Главное, убедиться, что дроны не перехвачены людьми правительства».

Несомненно, доброхоты городку реально помогают. Там традиции благотворительности — спасать негров, крестить китайцев, обращать падших на стезю добродетели, раздавать суп в голодуху. Однако Витя здраво полагал, что дронами в Болди возят не только почту. И в самом Лысом Городке варят во все тяжкие. Инициативный народ скор на любое дело.

Насчет Эшли Витя был почти уверен — эту не перехватили. Циркуляция писем, бумажных фоток и рассказней донесла до нее весть о гербе с рысью — и все! И пропала американка! Казалось бы — ну сиди себе в Болди Тауне, на жирных федеральных дотациях и бесплатных транках, ешь, молись, читай, смотри пленочное кино, ходи к врачам на опыты...

И она там сидит в облаке грез, изучая мир по энциклопедиям, среди сторчавшихся реднеков, вырванных из жизни юристов, неприкаянных менеджеров и сильных независимых домохозяек. Других негде взять. Разве ковбоя занесет. Куда податься?..

Но вдруг возникает гербовая рысь.

«По закону штата я совершеннолетняя. Я осознанно и ответственно убегу в Россию. Меня ничто не остановит. Я бы пошла к амишам, они такие чистые и строгие, но к ним очень трудно вписаться, и оттуда могут вернуть в Болди, если не хуже. Остается надежда на вас.

Само понятие о городах, подобных островам, трогает меня до слез. Они будто светочи в мире, как маяки в море. Особым Промыслом мы как бы ограждены, спасены от стихии греха, и хотя унижены для мира (у нас Федеральное бюро тюрем, у вас ГУЛАГ), мы не изгои, не гонимые, но те 144 000 искупленных от земли, отмеченных печатью Господа. Мы пишем друг другу, подобно апостолам. Я не уstraшусь закона Логана...»

На фото она была светловолосая, широколицая, веснушчатая. С виду простота. А вон какое мироздание придумала! Какой базис подвела! И прислала бумажный доллар. Чем ответить? Разве что советский рубль прислать?

И пояснить: *«У нас теперь рубль цифровой, невещественный, его делает Центробанк из ничего, как в чуде умножения хлебов и рыб...»*

Завербованная манила бы к себе, рисовала свободу-демократию в кисельных берегах, ну, хоть экологический оазис в сердце пустоты.

Эта же сама в ГУЛАГ просилась. Хотя явно их настращали втрое, чем обычных амеров, — лагерь, прожектор, собаки, на вышке чекист с пулеметом, черный хлеб с хвостом селедки в обмороженных руках, водка, вивисекция, картонный номер на ноге.

Вот как ей внятно и вежливо внушить, что тут ждет отрезвляющая красная таблетка? Причем по рецепту с тремя печатями, а кто отоварит его — нарколога, и ему ни оружия, ни прав на вождение. Принявшему открывается, что кроличья нора не глубока, а закольцована, и ты бежишь, бежишь, и гербовая рысь бежит с тобою обок, пока ты не поймешь, что по чужой воле крутишь хомячье колесо, и тогда перестаешь быть хомячком, а рысь даете себя почесать и мурлычет.

Он продолжал мысленно писать:

«Знаю, Эшли, что вы привержены законности. Но вы же говорите, что закон — как телеграфный столб. Вот у нас это — главное.

Скажем, я живу в домике на Рыбацкой улице. Последний дом на порядке, на отшибе от других. Дальше до реки Трубез лишь заросли между Кремлевским холмом и промзоной. Очень удобно, безопасная дистанция со всех сторон. Удивительное место, глухие задворки, хотя в двух шагах оживленные улицы, большой транспортный трафик.

Река иногда затопляет улицу в паводок. Когда-нибудь девелоперы сделают тут искусственную насыпь и построят элитный кондоминиум, но пока им хватит мест, где стройка требует меньше затрат.

Мое жилище арендовано мной незаконно, без регистрации. Но никто не донесет в налоговую службу. Здесь круговая порука, все в чем-то виновны перед властями и помалкивают. Слишком болтливому могут устроить поджог. С этим придется жить, Эшли.

Вы задавались вопросом, нравственно ли летать межконтинентальным коммерческим рейсом. Да, если накачаться успокоительными и спать весь полет. Но я бы все же рекомендовал океанский лайнер и по прибытии сразу идти к русскому консулу, чтобы объявить о себе и просить убежища. При этом

памятью о риске, что местные власти могут вас экстрадировать в Штаты или посадить в свой национальный лепрозорий.

На Рыбацкой я избавлен от рисков, связанных с окружением. В ближайшем ко мне доме — старый аналоговый телевизор, интернета нет, телефон проводной. Такое милое местечко найти непросто, ради этого можно и потратиться. Но приходится вести коммерцию для блага Рыси и волей-неволей вторгаться в Онлайн, мир “воткнушек”.

Матери у нас говорят детям, безотрывно глядящим в смартфон, — “выткнись, выткнись!” Я это слышал не раз, когда спокоен. И как они жалобно выглядят, лишенные мажущей глубины».

Да, я люблю писать воображаемые письма. Так оттачивается слог.

Спустившись по тропе от Трубежной набережной, скрытый зарослями, я выждал, когда мимо проедут Артем и Наташа. Хотел увидеть, как они будут держаться — врозь или вместе. Конечно, вместе. Он на самокате, она на велосипеде, ехали медленно, беседуя между собой. Договаривались завтра пойти гулять в Лесопарк.

Тень лежала на улице, но воздух светился в огне заката — сияние отражалось от днища тучи, от белых стен Кремля, создавая какой-то фантастический рисунок. Кресты собора, черные в тени, пылали пламенной каймой.

«Думаю, к нам проникнуть и закрепиться все-таки реально. Выехать теплоходом на Кубу — и в наше посольство. Из Мексики так бежали. Но в Мексике вовсе сущий ад. Не убьют — значит, станут бесов изгонять. Как на алтаре майя.

Если повезет по всей дорожной карте, обязательно свожу вас в трапезную “Кремлевская”. Лучше только Пошуповский монастырь.

Не знаю, с чего попы так ограничили у себя девайсы. В пандемию-то выслуживались перед глобализмом, чуть не отменили Пасху, а тут создали вертоград Офлайна, сень прохладного отдохновения. По уму, затем, чтоб избежать Андрона Вездесущего. Иначе и на исповедь к аналою с ним полезут или

он из каждого кармана будет “Святой Боже, святой крепкий” подпевать и отвечать “Воистину воскрес!”. Вот чего бойся.

Артем бы уже запустил в сеть городскую легенду — если с Андроном Предустановленным сто тысяч абонентов похристосуются, он обретет плоть и бессмертную душу, изойдет из сервера и голый, яко Адам, пойдет по архиерейскому подворью, возглашая: “Тошно мне, тяжко мне! Все грехи россиян я собрал, все мошенничества, все приколы, все мемы, все троллинги, все враки, пляки, матюки и пошляки — куда бы мне это стошнить, где душу облегчить? О, спасти меня, спасти!”

Воздержись, Артем, не поддавайся соблазну, не пости сие в бложики и осиян будешь!

Это к тому, Эшли, что если с видеонадзором у нас слабо, таки не Китай, то с аудио порядок. Правда, не вполне надежно — взять вот сегодня, в банке...

Возможности запретного квартала я себе надежно представляю. Снаряжение вроде планшета, стрелкой показывает, где источники вайфай и сотового сигнала.

Пусть они с моей схемой “каскадный шлюз” пободаются. Семь закладчиков-таджиков уровни каскада ставили, каждый будто бы сам по себе. Пять молдаван-наладчиков настраивали их, не зная друг о друге, и соединяли с автономными источниками питания. Сперва этих помытарят и вышлют, только потом до меня доберутся.

Особенно финал будет зачетный, когда спецы найдут радиodeкодер. В яме, со стоком, на рубероидной подстилке, накрытый листом шифера, сверху огурцы посажены. Электромеханический. Щелкающий, как оркестр на зубариках. С чемодан. И весом как клад Тамерлана.

Это я фантазирую, Эшли.

Но это будет обязательно. Они не сдадутся».

* * *

Лето, прохладное и дождливое, не спеша катило к осени. Пухлые облака стаями плыли над рябой от ветра Окой и отражались в круглых зеркалах лесных таинственных озер. На Ря-

занщину напал непарный шелкопряд, и блогосфера полыхала гневом, пеняя властям на бездействие и облысевшие леса.

Инфополе мерцало далекими зарницами, гремело, рокотало, гаяло — за новостным шумом потерялись две маловажные вести: Рязанский педуниверситет наконец-то расстался с древней ЭВМ «Сетунь», помнившей «золотые 1970-е», а некий Виктор Маслов был оштрафован за нарушение правил регистрации и вдобавок, по закону Яровой, за использование несертифицированного средства кодирования, с конфискацией последнего.

Никакого торжества победы Шум не испытывал. Он потратил полгода, чтоб выловить этого велосипедиста со жвачкой из лиственничной смолы в карманах, а теперь от него надо было скорее избавиться. Держать Витю в СИЗО, и вообще где угодно, не было ни удовольствия, ни желания, ни возможностей. Разве что в бронированной камере, о которой просили персонажи Булгакова, запуганные шайкой Воланда, но такой в Рязани и области не имелось.

Витя старался не язвить, не шутить, вообще не провоцировать сотрудников запретного квартала. Зачем злить честных в общем-то служаков, занятых сложной, скучной, но нужной стране работой? Достаточно того, что он одним своим видом напоминал им о тройной защите от радиации — временем, расстоянием и экраном. Хотя не был радиоактивен.

Держали его на старинной, еще довоенных сталинских времен, отсыревшей обкомовской даче, где все дышало стариной, особенно электрика и связь. Да и место уединенное — соседей никого.

— Вас повезут в Кужу на фельдъегерской машине. Глубокой ночью. Минутный отказ навигации у дальнобоев — самая скромная плата за удовольствие не видеть вас. Дорога займет три с половиной часа, позаботьтесь нажеваться с запасом. Жаль, межведомственное соглашение мешает наколоть вас чем покрепче. Дальше, до Рысего городка, вы уж сами. Вот вам сто рублей на поезд. Билет сдайте по прибытии, мне в деньгах отчитываться.

— Хорошенькое дело. Я в Кужу приеду не раньше полпятого, и что там, целовать дверной пробой? Август на дворе, ночи промозглые. Фирменный «Мордовия» пройдет в четыре, и до электрички, до половины седьмого, кассир уйдет спать. А у меня ни бутербродов, ни термоса с кофе. Кипяток там лет тридцать как не наливают. Это нормально, что вы предлагаете?

— Слушайте... В нарушение двустороннего протокола вы тут с марта скупили гору всячины. Даже «Сетунь» уволокли. Вы догадывались, чем это кончится?.. Наверняка. Любой здравомыслящий человек заранее бы приготовился к тому, что его этапируют на место жительства.

— Я использовал не свои деньги, а общественные. На себя тратился умеренно. Ну и рассчитывал, что государственное ведомство не отправит меня домой пешком, приковав к ноге декодер.

— Можете его забрать. Слишком древний и громоздкий.

— Это вы в сердцах говорите, Олег Максимович, не искренне. Конечно, его заменит процессор с инфузорию. Но случись какое-нибудь событие Кэррингтона* или, боже упаси, ядерный электромагнитный импульс — он погаснет и не воскреснет. А наш чемодан — выдержит. Поэтому спасибо, что продолжаете нам доверять хранение.

— Вы бы приезжали к нам в Вирьгату, — прибавил Витя, собираясь. — У вас допуск, всегда пожалуйста. А то общаемся, как чужие. Хотите смолки? У меня много. Для зубов полезно...

* * *

Избавление длилось недолго. Уже в сентябре Шуму позвонили из Москвы, чтобы поставить перед фактом:

— Принимайте пополнение. История там приключенческая... Кубинцы не хотели брать ее на борт — сватали нам на военный корабль, но флотские такой подарок не возьмут, у них слишком плотная приборная насыщенность. Кое-как через дипкорпус уладили. И да — скандал с гарантией, американцы

---

* Мощнейшая за историю наблюдений геомагнитная буря 1859 года.

уже выкатили ноту о похищении их гражданки с помощью кровавого кубинского спецназа. По части выдумки у них без проблем. Но подробностей они не огласили. Никаких.

«Ну да. Все смолчат, все повязаны».

— Целево к нам? Есть причины?

— Сама напросилась. Личные контакты в вашем секторе. Лозунг двинула: «За Русь». То есть «За Рысь». Уточните канал связи, он неподконтрольный. Там, положим, свобода, а тут — халатность. Просьба не переводить стрелку на мордовских товарищей. Те за свой сектор сами ответят.

— Мотивы бегства?

— Не дают исповедовать Христа...

«Симфонично! Нашим понравится».

— ...задевают за живое, обесценивают естество — ну, как это, постричь, побрить, гендер сменить.

«В теме, умеет себя подать».

— Навыки? Что может?

— Курсы первой медпомощи, основы обучения, библиотекарское дело... все сертификаты прилагаются.

— Встретим, приголубим.

«Заодно устный английский освежу с носителем».

— Мы ее на Ан-2 в Рязань доставим. В нем всего три провода и две лампы, их ничто не берет. А дальше вы сами.

* * *

— Забудьте про закон Логана, — сразу обозначил Шум. — Это жупел, bogey. Его выдумали впопыхах, на случай. За двести лет применяли два раза и никого не осудили. Вы же не ведете переговоры с иностранным правительством, верно?

— Считаю своим долгом заявить, что не боюсь спецслужб, — со своей стороны вежливо предупредила Эшли. — Я с ними общалась дома, на Кубе и в Петербурге. И еще — хотя я хочу жить в России, против своей страны выступать не буду.

Шум представил шлейф неполадок, который она оставила, пробираясь из Болди к морю. Событие Три-Плюс в Штатах

называлось иначе, выявлялось не лучше, чем здесь, но меры там принимали по-взрослому. Однако они с трудом могли представить, что кто-то сбежит из Штатов. Скорее жительница Болди Тауна затерялась бы в западной части страны, где плотность населения мала.

— Я должен многое вам объяснить. Коллеги в Петербурге вряд ли все успели рассказать о том, что вас ждет. Только самое основное. Это как квест для достижения цели... или вектор. Теперь моя очередь.

— ...и они пытались выяснить, не заслана ли я как разведчик.

— Давайте вернемся к этому лет через пять, когда вы освоите язык, обычаи, традиции, приметы, холодец и окрошку. Вам предстоит долгая адаптация и только потом, если вы сочтете нужным, — шпионаж.

— Хо-ло-дец? Это кто?

— У вас впереди удивительные открытия, мисс Вудард. Но начать я бы советовал с пельменей.

Они там в Лысом Городке неплохо питались и дружили со спортом. Американка оказалась крепкой, осанистой, подтянутой девахой. В бейсболке поверх банданы, одета в походном стиле, в перчатках со щитками и полупальцами, с рюкзаками спереди, сзади, сумкой на поясе, в крепкой походной обуви. Шеховцев, по протекции Шума перешедший в спецназ запретного квартала, уважительно одобрил ее:

— Грамотный дресс. Умеет ходить по открытой местности.

Его придали Шуму по протоколу сопровождения. Легенда или нет, но считалось, что эти люди влияют не только на технику. Сердце тоже электроприбор; положит кто-нибудь такой ладонь на грудь — и все. Проверять не хотелось, если рядом нет развернутой бригады кардиореанимации. А вот иметь рядом человека с пистолетом и навыком в секунду вырубать людей — очень полезно.

— Его зовут Игорь. Он будет рядом, чтобы вас оберегать.

— Спасибо. Драв-ствуй-тэ, Игор! Это как помощник Франкенштейна!

Сентябрьские леса с грибами, мхами и дождями вызывали у Эшли восторг. Она зябла, но шныряла вокруг обкомовской дачи проворно, как ласка.

— Это едят?.. Это гриб! Здесь жили коммунистические бонзы? Какой чудесный особняк! Здесь должны быть призраки... А когда отменили Ка-Гэ-Бэ?

Любопытно, что у нее формировалось в голове при виде окружающего. Загадочная Россия, непостижимая русская душа. Селедка под шубой. Квас. Все орут, собаки лают. Да и собаки... непривитые, некастрированные, злые как сатана, и хозяева им под стать. Депутат ровняет собак с детьми и требует собакам детских привилегий, прямо испанский стыд. Хоть бы она это не прочла в газете. А то спросит, чей это лобби. Собачий?

Курс «Введение в психологию потенциального противника» курсант Шум в свое время завалил и пересдавал. Зачем он? Надо понимать людей вживую, иначе будешь как Андрон.

— Ничего не сразу. Постепенно. Сначала временное убежище, потом трехлетний вид на жительство, дальше бессрочный, и уже потом — гражданство. Если примете.

— Я подумаю. Я еще не освоилась.

* * *

Наконец они отправились в Кужу.

На вазовской «девятке», с минимумом электроники, Шевцов за рулем, Шум и Эшли сзади.

— Не могу знать, что вам рассказывал Маслов, но острые углы он обходил наверняка. У каждой страны есть острые углы, и громко говорить о них не принято. Разве что ради критиканства. Но и забывать их нельзя. Чтобы второй раз на них не наткнуться.

Ехали днем, пренебрегая риском. Спасение в скорости. Шум дал Эшли смолку, объяснил ее назначение и подчеркнул, что это подарок Виктора.

Леса и поля, раскрашенные цветами осени, приводили девушку в сладкое томление души. Ну и смолка действовала, разумеется.

— Как здесь красиво... Эти сказочные виды...

— М-да. Ну так вот — когда это началось, я был дошкольником. Малышом. Никто не понимал, что делать с такими, как вы. Единственное, что решили, — собрать их в одно место. Тогда разрушался Советский Союз... Многие учреждения были заброшены. Там, куда мы едем, был маленький научный городок... среди тюремных лагерей. Здесь разрабатывали лечение для кремлевских вождей... Возможно, ставили опыты на заключенных. Особый департамент при Минздраве. Кужа-Вирьгатская железная дорога, тридцать четыре мили, принадлежала тюремному ведомству, но медики переписали ее на себя. Наверное, единственная железная дорога в мире, принадлежащая Минздраву. Билеты выдают по пропускам. Картонные прямоугольники, пробиваются компостером, больше их нигде нет. У любителей железных дорог высоко ценятся.

— А Рысь? Где Рысь?

— Вирьгата и есть «рысь» на мокшанском языке. Официально это как ваш town, поселок городского типа, называется Мерецк-10. Такого имени нет ни на карте, ни в адресной книге. Они живут там. Мы — только охранники. Даже хранители. Власть в Вирьгате принадлежит Главному медицинскому управлению Управделами Президента.

— Как сложно...

— И не говорите. Но у них свои виды. Создание органических компьютеров или что-то еще. Все, что производилось с восьмидесятых, все цифровое — умирает в радиусе пятидесяти пяти ярдов. Выдерживают только ЭВМ на троичной логике, вроде «Сетуни». Но тут я не специалист, вы лучше сами расспросите их.

— Отец говорил мне, — глуховато отозвалась Эшли, глядя на проплывающие за окном рязанские пейзажи, — что мы всегда ждали этого достижения. Может быть, тысячи лет. Чтобы остановить его.

— Пока оно развивается.

— Чума или холера тоже развивается, пока Господь ей попускает. Но нельзя же сказать, что чума — это правильный путь для людей.

— Не нам определять пути мира, мисс Вудард.

— Может быть, нам? — Эшли указала на себя. — Это ушло не слишком далеко, еще не поздно все исправить. Я слышала, читала — *«пройдена точка невозврата»*, *«назад пути нет»*, — но это лишь лозунги, чтобы убедить нас, чтобы мы верили, что за спиной пустота и забвение... Конечно, будет пусто, если там все выжигать. Кто-то должен знать прошлое, чтобы сверяться с ним. Мы как клетки памяти...

«Может, она не сбежала, а ее выгнали?.. — подумал Шум. — За радикальные идеи. Хотя они тоже принимают к себе всякое старье, бумажные книги, фотоальбомы... Остров подлинных документов. Лавка древностей. Она читала Диккенса?..»

— Надо понять, где все мы повернули не туда, — продолжала Эшли.

— Осознавать себя, свое предназначение, смысл жизни — это людям свойственно. Может быть, вы найдете ответ в Мерецке-10. У тамошних философов есть любопытные концепции... еще с начала девяностых. Тогда было время духовных исканий, смятения. Мерецкие — или вирьгатские, если угодно, — тоже этим занимались. Все пытались найти объяснение тому, что происходит, да еще ваш феномен... Бурная была эпоха. Вплоть до создания нового толка в религии — для себя, для своих. Возможно, вам это знакомо...

— Но ведь у вас был атеизм, верно?..

— Внешне — да. Но в мыслящей среде ходили всякие альтернативные учения — буддизм, астрология, Кришна, язычество...

— И это, новое — оно было... христианское? — В голосе Эшли появились нотки осторожности.

— Скорее да, чем нет. Мокша, здешнее крыло мордвы, глубже приняла церковное учение, чем эрзя на востоке. Но кое-что из прежних верований сохранилось. Скажем, что люди созданы из дерева. Поглядите на лес...

Лес, бегущий навстречу, украшенный желтыми и алыми пятнами, стал замедляться и темнеть. Машина будто плыла в вязком сыром воздухе.

— В тотемы брали животных — они ярче, с особой внешностью, характером. Могучий медведь, ловкая рысь. Но деревья древнее, они из земли, в ней их корни. Когда мокше дали Библию, там ясно звучало, что растения созданы в третий день творения, раньше людей и зверей. Значит — жрецы и старцы правы, а Христос — Бог. Такова лесная логика. Ваши «тысячи лет» в ней выглядят иначе.

— Эти... новаторы поклонялись дереву?

— Нет. Но они вспомнили, из чего крест. Родство, которое не сбросишь со счетов... Может, мокшу с ее верой это привлекло. И русским оно не чуждо, взять хоть обычай кумления через березовый венок, когда дерево — алтарь.

— Как все причудливо срослось тут... — протянула Эшли, по-новому глядя на проносящиеся мимо деревья. — Да, это знак. Я напишу своим, когда узнаю больше. Какая восхитительная дикость... Мы — лес, все — дерево, и крест, и икона, и гроб. Великий Плотник делает из нас, что нужно веку, стул, копье или посох. О Боже, я вообразила себя ясенем! Я и есть яшень!..

— Вам объяснят этот толк, если доверятся.

Шум вспоминал подробности концепта, сообщая придуманного интеллигентами Вирьгаты на кухне, в атмосфере застолья.

Где-то лежат фотокопии тетрадки, куда один участник сходки тезисно записал творческую беседу, а второй тайком отснял, чтобы отправить пленку куда следует.

И дата, там была дата.

1993 год, расстрел парламента.

Взволнованные, они собрались делиться мнениями — не отрежут ли финансирование Мерецку-10? Не сбросят ли на нас бомбу, чтоб не возиться с непонятными и неуместными людьми?..

«Ознакомься, посмейся, забудь, — подал ему фотографии прежний куратор, сдавая дела. — Это забавно, чем там за-

нимаются товарищи ученые, доценты с кандидатами, вместо науки».

— Скоро Кужа, — промолвил Шеховцев, до той поры молчавший.

Шум наблюдал за Эшли — та ладила к куртке шеврон на липучке, черный круг с алыми цифрами и буквами «55 yd»*.

— Теперь можно?.. В Петербурге мне сделали это в подарок, из любезности, но просили не носить, пока я не приеду сюда.

— Рановато. Народ в Куже простой, бесхитростный. Все необычное их настораживает.

Девушка сняла и убрала шеврон.

— Нас там не любят?

— Вас там не знают. Отказы интернета, телефона они связывают с приходом поездов. Поезд большой, металлический — он мешает антеннам передавать сигнал. Вносит возмущение в магнитные поля. Или притягивает волны, или поглощает. Потом поезд с людьми уходит, и связь восстанавливается.

— Так думают у нас индейцы в резервации.

— Тут все грамотные, со средним образованием. Но мистика, астрология и НЛО у нас тоже популярны. Есть даже канал чудес на ТВ.

— Я использую еще смолку, чтобы не волновать людей.

— Как хотите. С рабочим поездом из Вирьгаты приедут тамошние, так что эффект все равно будет.

Лесное темное безлюдье по сторонам федеральной трассы раздвинулось, деревья поредели, показались первые домики. Шум ощущал себя защитником цивилизации на боевом посту.

— «Остановить его»... Остановить прогресс — то есть лишить нас всего?

— Чего?

— Телефонии, сетей, электроники — того, что создает наш мир. Взять хотя бы учебу — сейчас она немыслима без широкого доступа в инфосферу.

---

* 55 ярдов.

Во взгляде Эшли ему почудилось сострадание.

— Шкаф, в который поставили тысячу книг, не станет профессором, он останется деревяшкой. Виктор писал мне, что у вас люди тоже путают сознание, желание и обладание. Дело не в числе прочитанных текстов, а в голове, которая поймет их и применит.

— Мы въезжаем.

* * *

Древняя глухая Кужа ничему не удивлялась, она многое видела. Оборотни — медведи, лесные коты, совы. Шаманы, камлания в священных рощах, жертвоприношения. Пересыльный пункт, вагонзаки, потом странные мигранты перестройки — с телевизорами, книгами, детьми, колясками. Их выгружали и вели в пакгауз, под охрану, пока не подойдет состав из Вирьгаты, а кужане гадали, кого на сей раз гонят в лагеря. Пестрый, смешанный люд — кто в очках и с бородой, кто в кепке и бушлате, но дети?.. Детей-то за что?

С точки зрения местных отдаленная, укрытая в лесах Вирьгата была недобрым местом. В Утомлаге, Утомском лагерном управлении, ИТК предназначались лишь для осужденных за «особо опасные государственные преступления».

Но вот националистов с диссидентами всех отпустили, а кто поступил им взамен?

Была надежда, что вновь появятся рабочие места, как встарь, когда половина мужчин-кужан трудилась в исправительных колониях. Так и стало. Подняли старые списки, по домам пошли вербовщики.

В Мерецке-10 ожили лаборатории, цеха — только оборудование им завозили старое, б/у или с консервации. Ясно, в стране беда, где взять новое... С нанятых строго требовали — сначала снять и сдать электронные часы, потом — не брать мобил, цифровых камер, диктофонов. Секретность, знамо дело! Оно тут всегда так.

Однако этим, в Рысьем городке, мало было московских зарплат и снабжения. Они торговлей занялись, хотя охранка

их коммерции не одобряла. Так или сяк, но товар в Вирьгату шел то грузовиками, то вагонами.

Дошло до того, что Мерецк-10 будто взял шефство над Кужей! Стали раздавать бесплатно книги — в школу, библиотеки, Дом культуры, дом престарелых, — но с условием, чтобы читатели не пользовались мобильниками. Это было нетрудно исполнить, потому что в поселке нормально работали только линейная связь РЖД и проводной телефон.

Они же подарили железнодорожной станции компьютер своего изготовления, интегрированный с АСУ «Экспресс», — здоровенный, но работавший без сбоев, даже когда в вокзал молния ударила. Он один не замирал с приходом экранирующих поездов. Вот что значит *«У нас есть ТАКИЕ приборы! Но мы вам о них не расскажем»**.

Когда к вокзалу подрулила рязанская «девятка», на первом пути уже стоял поезд Кужа-Утомская — Вирьгата, и грузчики перекидывали сетчатые мешки с книгами из грузового фургона в прицепной товарный вагон с надписью *«Срочный возврат. Ст. Вирьгата КБШ. Собственник Минздрав РФ»*.

— Глушит, — в передышке достав смартфон, седоусый грузчик убедился, что связи нет. — Это мачта, какими раньше «Голос Америки» глушили. Говорю тебе, тут в лесах что-то есть. Система «Харп», чтоб шаровые молнии в Америку метать.

— «Харп» не тут, — возразил младший, — а где Сура в Волгу впадает.

— Много ты в военной тайне понимаешь. А я в ПВО служил при маршале Устинове, давал подписку.

Рядом в тоске похаживали взад-вперед сотрудники конторы на три буквы по Мордовии, ожидая рязанских коллег.

Где-то можно сидеть в офисе, пить кофе, кушать круасаны, через веб-камеры отслеживать события, слушать симфонию Андрона, где вся Россия звучит в унисон. Но тут все через дырку от бублика. Черные экраны, мертвые планшеты, угасшие матрицы. Поднимайся из мягкого кресла в Саранске

---

* Строка из песни «Аквалангисты» из репертуара группы «Манго-Манго», стихи Андрея Гордеева.

и дуй сквозь сентябрь, два часа за рулем, чтобы топтаться на перроне.

И дождь заморосил.

Наконец один не выдержал и подошел к Вите, в одиноком ожидании стоявшему у пассажирского вагона:

— Виктор, может быть, все-таки пожуете?

— У меня гастрит. От грибов. Свинушки непросоленные были, тяжелые.

— Ну, хоть в вагон зайдите.

«Экранируйся, черт упрямый!»

Правда, не факт, что корпус простого вагона его заслонит. Нужен вагонзак с глухой стенкой, решетками...

— Зачем вы свинухи собирали?.. Есть грузди, те вкусней и лучше.

— Грузди у нас экспортный товар. Чтобы было на что книги покупать.

— Но это с расформированных библиотечных фондов. По цене макулатуры или даром.

— А доставка? А погрузка-выгрузка?

— Для чего они вообще...

— Оцифруем и в ферритовую память. Одни разоряют, а мы сохраняем.

«Маньяки старья!»

И вот подкатила «девятка» с рязанским номером.

Шеховцев был в штатском, пистолет в оперативной кобуре под курткой незаметен. Оглядел платформу при подъезде, потом после остановки, третий раз уже выйдя. Обстановка спокойная. Кивнул Шуму: «Выходите». Двое у вагона — свои, грузчики не в счет, но идти надо так, чтобы при случае сразу закрыть гостью.

Инструкция предписывала в первую очередь защищать Эшли Вудард, даже если Олег Шум рядом бьется в крови с оторванной ногой. Потому что Шумов академия производит сотни в год, вытесывая из любых поленьев классных особистов, словно фабрика «Папа Карло & Столяр Джузеппе», а Эшли рождаются случайным образом по особому Господнему соизволению, и заменить их некем.

Впрочем, при явной угрозе захвата полагалось уничтожить ее по принципу «Так не доставайся же ты никому».

— Вот он. Я вижу его, — с какой-то дрожью в голосе заговорила Эшли и ускорила шаги. Плавнo, но сильно Шеховцев задержал ее за рукав:

— Please walk beside me. I'm responsible for your safety*.

— Хорошо... хорошо... но поймите, я столько проехала, чтобы с ним встретиться. Он мой добрый ангел.

Шеховцев еще раз осмотрелся, убедился, что вокруг тихо, и лишь тогда отпустил девушку. Но держался так, чтобы быть между ней и привокзальной улицей.

Если Шум все изложил верно, то при волнении, да еще при первой встрече действие круговых феноменов суммируется с расширением, и любая мало-мальски сложная техника в радиусе вылетит на ноль. Но есть оптика, которая этому не подчиняется.

— Добро пожаловать, Олег Максимович, — неприятно приветствовал куратора старший саранчанин. — Ваш человек зря нервничает, тут все проверено.

— Да все у вас нормально, только ваши подопечные падутся у меня.

— Ну, вы нашли, чем ответить. Огромное спасибо, только иностранки нам и не хватало.

— Не моя идея. Они сами придумали, а мы — эскорт.

— Скажете тоже!..

— Смотрите, — понизив голос, Шум указал глазами на грузчиков у фургона. Седоусый как раз поднес смартфон к уху и с широкой улыбкой громко заговорил:

— Але! Але, Танюш!.. Да чего-то сеть дурила, а сейчас ее расклинило! Я в Куже, разгружаемся, до вечера вернемся!

Саранский тотчас схватился за свой телефон.

— Быть не может. Что это?

Витя и Эшли даже не прикасались друг к другу, просто близко стояли, и она, борясь с растерянностью, чтобы не за-

---

* Пожалуйста, иди рядом со мной. Я отвечаю за твою безопасность (англ.).

молчать от смущения, быстро читала ему из растрепанного мягкого блокнота:

— *«К востоку и югу от реки Мокши тянутся огромные леса, в которых обитает народ мордва, имеющий особый язык и подчиняющийся государю московскому. По одним сведениям, они идолопоклонники...»** Это точно здесь? Я в мордве?

— В самой что ни на есть. Тут много чудесного, я все тебе расскажу. Смотри, у провожатых что-то происходит.

Дождевая туча отползла под ветром, вокзал и поезд залило косым, с оранжевым оттенком, светом солнца. Стало ярко и четко видно лица особистов — встревоженные, напряженные; все они звонили, говорили, быстро шевеля губами, голоса их едва доносились.

— Они поняли, — ответила Эшли.

— Пора бы догадаться, сколько лет зарплату получают.

— Мне рассказали, что у вас опробуют гармонизацию людей с помощью бота федерального масштаба, через акустические интерфейсы. Наверное, чтобы получить тот же эффект...

— Тут другое. Симфония, общее одинаковое настроение. Сейчас он услышит, что они взбудоражены, и... вот, началось!

И точно — Андрон из подмосковного бункера, недоступного для зла, уловил, что тесная компания в мордовской Куже с волнением скороговоркой докладывает по закрытым каналам, и решил унять их оптом, запев умиротворяющим женским голосом, разрушающим чары служебного рвения: «Но есть на свете ветер перемен...»**

— Да чтоб тебя!.. — взорвался грузчик, охваченный за компанию.

— Отключись, проклятый, — сквозь зубы шипел старший, пальцем по экрану пробуя выдавить Андрона вон.

— Вроде вы в нацпроект не вошли еще?.. — удивился Шум.

---

* Сигизмунд фон Герберштейн. «Записки о Московии», 1549 г.

** Строка из стихотворения Наума Олева.

— А установить уже велели!.. И тут ваши мачты рязанские — вон, излучатель в Пичкиряево, достает сюда с покрытием...

— Эшли, у тебя есть булавка? — шепотом спросил Витя.

— Конечно, а зачем она тебе?

— Чтобы эта идиллия кончилась. Не люблю Андрона.

— Не надо себя колоть!

— А как я еще расстроюсь? Что мне, подраться с ними?..

Я против насилия.

Круг, не видимый никому, плеснул и ударил по всем устройствам в радиусе.

— Спасибо, — сдержанно поблагодарил Шум, пожимая Вите руку на прощание. — Это было красиво.

— Главное, вы успели о своих догадках доложить.

— Увы, это по команде не воспроизведешь. Так что открытие напрасное.

— Разве?.. По-моему, вполне годное. Когда-то же надо понять, что если людям хорошо, то и всем вокруг тоже. Даже без унисона.

— Я это в рапорте не отражу.

— Весной я вернусь. Дел неувпоровот. Обещаю зря не беспокоить.

Шум отмахнулся с досадой, не находя слов. Лыко да молало, начинай сначала!..

Тепловоз зарычал, взметнул сизый султан дизельного дыма, состав лягнул буферами и потянулся из Кужи на север, туда, где в дебрях мордвы хранился странный город с рысью на гербе, с девизом «Неподвластный».

Там стояли статуи Ленина и Кирова (последнего купили в Пензе, от кувалды сберегли), старомодные дома, там на медсанчасти во весь фасад алел плакат «Здоровье народа — богатство страны», на администрации — «Славься, Отечество наше свободное». Жестяные буквы «Ударный труд — Родине» на крыше цеха за время демократии проржавели и многие упали, их накрыли брезентом и восстанавливали. А вот реклама — партийные лозунги капитализма — как-то не прижилась. Ни микрокредитов, ни потрясающих скидок,

ни выпученных от восторга глаз, ни разинутых ртов. Ни Андрона из каждого утюга. Новоприбывшие переселенцы иногда терялись: где мы?.. тут можно без страха говорить то, что думаешь?..

И в честь каждого сажали деревце. Так повелось. За тридцать лет уже аллеи выросли, скверы и парк.

В городе стало на одного жителя больше.

Алексей Гравицкий, Дарья Зарубина С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

Рассказ получил литературную премию «Золотой Роскон» в номинации «Повесть/рассказ» на конференции по вопросам фантастики «РосКон-2023». Первая публикация состоялась в сборнике «Тольяттиполь», который сразу же по выходе стал библиографической редкостью. Составитель счел своим долгом познакомить широкого читателя с этим интереснейшим текстом.

— В реши ты все! — И ничего не вру. — Валерка Кудимов смотрел прямо и говорил так уверенно, что не поверить ему было крайне сложно.

Этого у него было не отнять. Однажды им задали стихи учить по выбору, и Кудимов вышел к доске с пушкинским «Вурдалаком». Начало про трусоватого бедного Ваню, шедшего домой по кладбищу, у него, что называется, отлетало от зубов. На втором четверостишии Валера запнулся, но быстро сориентировался и затарабанил громко, четко и от души. Правда, текст Пушкина претерпел заметные изменения, но смысл, хоть и зарифмованный по-своему, сохранился, и читал Валерка так уверенно, что Светлана Павловна не заметила подлога и поставила пять.

Ваня об этой способности Кудимова знал, но все равно всякий раз ему верил. Сейчас же он твердо решил идти до конца и не поддаваться на уверенное вранье одноклассника.

— Не может быть, чтобы статуя шевелилась.

— Много ты знаешь.

Про памятник Преданности Ваня знал достаточно. К бронзовой скульптуре собаки на пересечении Южного шоссе и улицы Яшина его водила бабушка. Она же рассказала, что памятник на самом деле поставлен псу, который на этом месте ждал погибшего хозяина — до самой своей смерти.

— Я знаю, — огрызнулся Ваня. — Я там с бабушкой был. Если его по носу погладить и желание загадать — сбывается.

— Ага! — ухватился за слово Валерка. — Значит, в желания ты веришь, а в науку и технику нет?

— Ну как статуя может головой вертеть? — вспыхнул в ответ Ваня.

— При помощи механизма.

— При помощи механизма? В двенадцать ночи? На луну смотрит? Статуя?

— В двенадцать ночи, на луну, — уверенно гнул свое Кудимов. — Ты в Москве был?

— Ну не был, — неохотно отозвался Ваня, не очень еще понимая, к чему ведет Валерка.

— Ну вот! — восторжествовал тот. — А был бы — знал. В Москве памятник Гагарину есть. Так у него руки опущены, а каждое двенадцатое апреля он их вверх поднимает. При помощи механизма. А его еще при СССР поставили! Думаешь, с тех пор разучились делать памятники с механизмом? Еще лучше научились.

Ваня посмотрел на Кудимова, тот выглядел кристально честным. Ни намек на издевку или даже лукавство. И Ваня засомневался.

— Ты вспомни, вспомни, — почувствовал слабинку Валерка. — Если ты памятник Преданности видел. Там у собаки на шее такая бороздка есть, как шов. Это место, где две части памятника стыкуются. Вот в этом месте голова и двигается.

Бороздку Ваня не то помнил, не то не помнил — сомневался. Потому насупил брови и пообещал:

— Я в выходные туда с бабушкой съезжу и сам проверю; если бороздки не найду, значит, ты все врешь.

* * *

Валерка Кудимов рассказывал небылицы про родной город с первого дня их знакомства. Именно от него Ваня узнал, почему город разделен на три части: все потому, что Тольятти это три города — средоточие темных, светлых и срединных сил.

У Валерки была байка про каждый дом, про каждый памятник, про каждый символ и знак, будь то хоть смотрящий на Волгу со своего бронзового коня Василий Никитич Татищев, хоть странное кольцо выше человеческого роста на Ленина. На кольце этом было написано «Интерактивная выставка-экскурсия с дополненной реальностью», посвящена она была семидесятилетию Куйбышевгидростроя и появилась совсем недавно, но у Кудимова была своя интерпретация, он утверждал, что все эти надписи туфта для отвода глаз, а на самом деле кольцо — портал в мир мертвых. Портал действующий, главное, знать, когда и по каким правилам через него проходить. На вопрос: «А ты сам знаешь?» — одноклассник загадочно отмалчивался.

А когда они однажды пошли классом в краеведческий музей, Кудимов перешеголял даже экскурсовода. Та — интеллигентная тетенька в очках — сперва пыталась дискутировать с Валеркой, потом сдалась и позволила ему высказаться чуть ли не о каждом экспонате. Правда, в конце заметила, что тоже читала книги Панова и Лукьяненко, потому доверять всему, что сказал Кудимов, не стоит. Ваня Лукьяненко не читал, потому намека не понял, но решил, что почитать надо. Он даже попросил бабушку сходить с ним в книжный магазин.

Бабушка всегда поддерживала Ваню в любых его начинаниях. Она могла закупить ему с пенсии книжек, на которые у родителей не всегда хватало денег, могла поехать на другой конец города, чтобы посмотреть на какую-то малозначимую, по мнению родителей, достопримечательность. Но в тот раз бабушка приболела, и покупка книжки отложилась.

Домой из школы Ваня пришел с твердым намерением уговорить бабушку сходить с ним в книжный, а в выходные пое-

хоть к памятнику Преданности. Но вместо бабушки его встретила непривычно грустная и хмурая мама.

— Мам, а ты чего не на работе? — удивился Ваня.

— Бабушка в больнице, — очень тихо объяснила мама, — ей очень плохо, Ванечка. — Глаза мамы наполнились слезами, и она отвела взгляд. — Там суп в холодильнике, погрей себе сам.

До вечера в доме было тихо, как на кладбище. Несколько раз звонили по телефону. Мама что-то говорила шепотом, быстро и тревожно, но всякий раз закрывала дверь в комнату, и Ваня не разобрал ни слова.

Потом мама уехала и вернулась уже поздно вместе с папой. Папа был мрачен. Тогда впервые прозвучало слово «кома». А потом Ваню отправили спать, но заснуть не получалось, и Ваня, достав под одеялом смартфон, полез в интернет, чтобы понять, что такое кома. В сети на эту тему было много невразумительных медицинских слов, среди прочего попадались и какие-то фантастические объяснения. От последних веяло мистикой, но они по крайней мере были проще и понятнее.

Кома — это когда душа человека ушла в мир мертвых, но человек не умер и душа еще может вернуться.

* * *

— Валер, а расскажи мне про портал на Ленина.

Кудимов посмотрел на Ваню озадаченно.

— Какой портал? — спросил он, но тут же спохватился: — Ах, это... Я же тебе уже рассказывал.

— Только ты не сказал, как им пользоваться. — Ваня поглядел на одноклассника и понизил голос: — Мне очень надо.

Валерка посмотрел с прищуром:

— Ты же говорил, что я вру.

— А ты врал?

Кудимов нагнал на себя загадочности, фыркнул и, не ответив, пошел прочь. К Ване он больше не подходил, лишь поглядывал на него издали с кривой ухмылкой, а один раз указал

в его сторону, что-то весело рассказывая Димке Русаковичу, после чего оба расхохотались.

По всему выходило, что Валерка все наврал, но радости от того, что уличил одноклассника во вранье, Ваня не испытывал. Сейчас он отдал бы все, чтобы байка про портал в другой мир оказалась правдой.

На пятом уроке от Кудимова пришла эсэмэска. Ваня потихоньку заглянул в телефон и прочел сообщение. Собственно, всего сообщения и было — одна ссылка на какой-то сайт.

«Это что?» — написал Ваня.

«То, о чем ты спрашивал. Портал действует ночью, в кровавую луну. Читай форум, там все написано».

Ваня посмотрел на сидящего через ряд Кудимова, тот кивнул, мол, все так и есть. Выглядел он сейчас очень серьезно.

«Спасибо», — написал под партой Ваня.

— Ваня, Валера, прекратите это безобразие, а то телефоны отберу.

* * *

— Разберется твой Кудимов с презентацией сам.

Совместный школьный проект был единственным поводом, придуманным Ваней, чтобы сбежать из дома на ночь глядя, и повод этот не сработал.

— Ну пап...

— Не время ты выбрал, сам понимаешь. Мама и так места себе не находит. Так что ночуй-ка дома.

Папа взъерошил Ване волосы и снова уставился в окно. Он был словно сам не свой. Теплый ветер шевелил штору, по откосу окна, залитого зловещим розовым светом, ползали тени. Папа оперся большой ладонью о подоконник и закурил, пуская дым в приоткрытую форточку.

— Луна сегодня страшная, а, Вань? — спросил он, не отводя взгляда от чего-то за окном.

«Страшная. И идти страшно, — подумал Ваня, сжимая кулаки. — Но надо».

— Мама же все равно к бабушке в больницу на всю ночь уехала...

— Иван! — не оборачиваясь, оборвал его отец. — К себе в комнату, и чтобы в десять спал как убитый!

Из окна детской луна была видна как на ладони — красная, покрытая серыми пятнами. Чем выше она заберется по небосводу, чем сильнее побледнеет, тем меньше шансов. Так писали на форуме, ссылку на который дал Кудимов. Форум назывался «Тольятти нео», только в написанном латиницей названии города была ошибка.

Чтобы открыть путь, продень красную луну в кольцо.

Ваня не представлял пока, как можно куда-то продеть луну, но отчего-то был уверен, что, если получится выбраться из дома, со всем остальным он непременно справится. Открыв поверх электронного дневника ветку форума под странным названием «Темная сторона Т», Ваня еще раз перечитал полтора десятка сообщений. Все они были свежими, а ники участников форума, отметившихся в ветке, — странными, но выбирать не приходилось: если верить словам врачей, которые мама сквозь слезы передала папе, спасти бабушку могло только чудо.

Странно было, что на форуме не нашлось ни слова о памятнике Татищеву или других старых объектах городских легенд. Все они касались вещей, появившихся относительно недавно. Граффити, стендов, рекламных щитов...

После того как луна окажется в кольце, нужно было «дать круглое на лапу» проводнику и рассказать, кого ищешь.

Ваня вынул силиконовую пробку из днища копилки и ссыпал монеты в карман джинсов. Купюры положил в кармашек сумки к фотографии бабушки. Фото он взял из семейного альбома. Бутерброд, термокружку и фонарик тоже приготовил заранее, чтобы не тревожить папу тем, что идет к однокласснику с таким набором юного следопыта.

О том, что будет дальше, написано было очень смутно. Некто с ником NickontheWater писал, что нельзя долго смотреть на белый танец — нужно пригласить даму. Когда же его спросили, какую даму стоит приглашать, он не ответил. Когда

Ваня попытался узнать о нем больше, оказалось, что профиль удален.

Другой, называвший себя LilovYoj, написал о том, что знает, где «тяжелая дверь, которую изнутри открывают четыре ладони», и только через нее можно вернуться из мира заблудших душ.

«Худшее, что может случиться, — постарался успокоить себя Ваня, — что все это окажется только шутками сетевых троллей или помешанных на мистике идиотов, и я всю ночь промотаюсь по городу, а завтра буду засыпать в школе».

Он потихоньку надел куртку, повесил на плечо рюкзак и прислушался. В доме было тихо, так что Ване казалось, что сердце его колотится просто оглушительно и папа может слышать даже из спальни.

Прокравшись по коридору, Ваня осторожно открыл дверь и, уже переступив порог, оглянулся, бросив взгляд в кухню — папа все в той же позе стоял у окна, замерев, и смотрел куда-то вдаль. Его лицо казалось покрасневшимся в свете луны, словно папа только что вбежал в дом и поспешно притворился статуей. Это выглядело так зловеще, что Ваня поскорее закрыл за собой дверь.

На самокате от дома до краеведческого музея было минут десять. В пустынном сквере на Жилина Ване встретились лишь троица подростков, и он на мгновение испугался, как бы те не увязались за ним и не сперли самокат, пока он будет «на той стороне», но ребята были увлечены предстоящим чемпионатом по «Доте-два» и на катящегося мимо них пацана, казалось, внимания вовсе не обратили.

Ваня свернул на Баныкина, а парни, дойдя до перехода, повернули обратно, не переставая наперебой предлагать другу другу стратегии, которые помогут вынести всухую каких-то «Пашкиных кровососов». Луна поднялась над крышами, и за дотерами по земле текли бурые тени.

У музея Ваня пристегнул самокат к перилам. Несмотря на теплую погоду, руки дрожали так, что только с третьей попытки получилось защелкнуть велосипедный замок. Ваня и сам не мог бы сказать, чего боялся больше: того, что может

увидеть на той стороне, или того, что той стороны вовсе нет и он будет выглядеть по-дурачки, ползая ночью возле выставочного кольца.

Он тряхнул головой, прогоняя мрачные мысли. Если есть шанс на чудо, ради бабушки стоит как минимум попробовать его использовать.

Чтобы красный кружок луны поместился в отверстие кольца, Ване пришлось присесть на корточки. Так он и пополз к стенду, на карачках, чтобы лунный диск продолжал оставаться видим целиком. Надпись «активируйте дополнительную реальность» показалась издевательской. У самого основания Ваня выпрямился и нырнул в кольцо, думая вовсе не о бабушке, а о том, чтобы не воткнуться лбом в асфальт на другой стороне.

Ему удалось, как в секции, перекатиться через плечо и приземлиться почти безболезненно. Шаркнул по асфальту рюкзак, в кармане звякнула мелочь, но звуки были какими-то странными. Словно приглушенными. Дохнуло холодом.

Ваня огляделся и невольно зажмурился, помотал головой. Уже в трех метрах от кольца музей тонул в тумане. За белесой пеленой едва мерцали ближние фонари. Казалось, туманное марево словно вата глушило звуки. Ваня оглянулся, ища глазами самокат. Тот был на месте, но тонкие щупальца тумана уже обвили его колеса.

И куда дальше?

Вдруг в окне музея появилось странное свечение. Сначала Ване показалось, что дверь плавится, но он быстро понял свою ошибку. Тяжелая створка не сдвинулась ни на миллиметр, просто сквозь нее высунулась, оставшись одной ногой в музее, полупрозрачная женщина в длинном белом платье и тихо позвала:

— Верный! Где ты, негодник?

Женщина заметила Ваню, ласково улыбнулась ему и, ничуть не смущаясь своей призрачности, спросила:

— Мальчик, ты не видел моего пса? Он вечно крутится возле «Дай лапу».

— Я не оттуда пришел, — опешил Ваня.

— Ты новенький? — улыбнулась женщина. — Я знаю всех призраков и памятники в этой части города. Не знала, что у нас в Тольятти поставили памятник школьнику. Твое лицо мне кажется знакомым. Впрочем, я видела в этом музее столько мальчишек твоего возраста, что могу и обознаться.

— Я Ваня.

— Рада знакомству, Ваня. Я Белая дама, хранитель музея. А где стоит теперь твой памятник? По дороге на круг хочу взглянуть.

В этот момент откуда-то из тумана раздался залиvistый лай.

— Верный! — растерянно вскрикнула Белая дама. — Ванечка, милый, не мог бы ты его привести? До полуночи мне не выйти из музея, а этот безобразник непременно напугает кого-нибудь из гостей. Сегодня особая Луна, и на кругу будут особые гости.

Дама легко взмахнула рукой, изящно перебирая пальцами в воздухе, и туман разошелся, образовав узкий коридор на другую сторону улицы. Ваня, решив довериться судьбе, побежал по туманному тоннелю к блекло светящейся вывеске «Дай лапу». Только пробежав полпути, он подумал, что зря оставил у музея самокат и стоило бы за ним вернуться, но в этот момент из тумана вырвалось что-то большое и серое и, шумно дыша, сбило Ваню с ног.

Серый пес совершенно непризрачной внешности — плотный, крепкий, с густой шерстью и глумливой мордой — уперся мощными лапами Ване в грудь и стремительно облизал ему лицо. Ощущение было, словно по щекам и лбу провели холодным камнем.

— Ты Верный? — спросил Ваня, пытаясь подняться. Пес отпрыгнул и выжидающе уселся на задние лапы.

«Памятник Преданности! — узнал Ваня. — И голова поворачивается безо всякого шва».

Пес склонил голову и протянул вперед лапу, но не как обычно это делают собаки, а почему-то подушечками вверх.

— Что? — спросил Ваня от неожиданности.

— Бакшиш принес? — спросил Верный глухим волчьим голосом.

— Какой бакшиш?

— Магарыч, хабар, мзду... — Верный сделал копающее движение перевернутой лапой. — Ты ведь не из наших. Значит, за чудом пришел. Вот проводник, вот лапа. Чудо, мальчик, без презента не случается.

Ваня почувствовал, как к горлу подступает горький ком разочарования. Никак он не ожидал, что памятник Преданности окажется таким корыстным псом. Выгребая мелочь из кармана, Ваня едва не плакал. Он насупился, закусил губу.

— Эй, ты что, шуток не понимаешь? — тихо спросил Верный совсем другим, теплым голосом. — Я балбес, извини. Не мог не подначить.

— Так на форуме написано — надо проводнику на лапу дать, — пробубнил Ваня.

Верный громко расхохотался, упал на спину и задрыгал в воздухе лапами.

— На лапу, рх-ха, шутники... Я иду по коврику, ты идешь, пока врешь... У меня четыре — на каждую дашь? Думаешь, у нас здесь кому-то, кроме Харона, нужны деньги? Мне вот в Кровавую Луну можно человеческую еду. Знаешь как хочется? Если б ты мне мяса принес или косточку хорошую, кругленькую, чтоб до утра хватило...

— Бутерброд. С колбасой, — вспомнил Ваня.

Верный восторженно, снова сел на задние лапы и застучал хвостом по земле. Не успел Ваня вынуть из сумки бутерброд, как пес выхватил пакет, ловко сунулся в него мордой и слопал содержимое.

— Еще есть?

Ваня сокрушенно покачал головой. Верный пошевелил носом.

— Давай выкладывай, кого ищем, но по пути. Скоро полночь, круг замкнется. Чтобы хозяйка не волновалась, надо быть. Так что метнись за своим самокатом, и погнали.

Катить по занавешенной туманом дороге и рассказывать было трудно. Пару раз Ваня едва не рухнул на асфальт, но

Верный успевал подставить ему лохматый бок. Ваня рассказал о бабушке, какая она добрая и чудесная, как она заболела и впала в кому и как он прочитал в интернете, что души тех, кто в коме, уходят на «ту сторону» и, пока человек не умер окончательно, его душу можно привести обратно.

— Занятно, — пробормотал Верный. — Если тебе это открылось, значит, она здесь. Но я не видел. Так что придется искать. Магия круга очень мощная. Изю всех сил думай о бабушке, когда начнут танцевать, тогда, быть может, нам укажут путь.

— Кто укажет? — спросил Ваня, вздрогнув от неожиданности. Мимо них проплыл в воздухе бледный силуэт сестры милосердия. Одежда ее была несовременной, но Ваня не раз видел такую форму в старых фильмах.

— Не пугайся, это местные собираются. Мария из Земской больницы, с Нагорной. Призраков из зданий, что перенесли из зоны затопления, не много осталось, поразвеялись. А больничных целая стая всегда. Но сегодня не тот день: от каждого дома только один призрак на круг призван. Кровавая Луна — это тебе не просто танцульки в полнолуние.

Ваня и не заметил, как они добрались до Рождественской часовни. Ему поначалу показалось, что памятник Николаю Чудотворцу заволокло особенно плотным туманом, но, приглядевшись, он различил множество полупрозрачных фигур. Верный тотчас встал на задние лапы и величественно пошел вперед, бросив сквозь зубы:

— Самокат оставь.

Ваня положил самокат на газон и тихо пошел за псом, который уже раскланивался со знакомыми. Верный в отличие от Вани чувствовал себя уверенно: кивал призракам, взрыкивал что-то приветственное, у статного усатого мужчины в форме спросил, как дела на Каланче и на чем тот умудрился добраться с Комзина так скоро. Мужчина что-то шепнул ему на ухо и указал глазами на стройную девушку, в которой Ваня с удивлением узнал статую из парка санатория «Лесное».

— Немудрено. С такой спутницей километров не считаешь, — понимающе рыкнул Верный и опустил на четыре лапы, припав к ногам хранительницы музея: — Моя леди...

Она нежно потрепала пса по холке и хотела что-то сказать, но в этот момент раздалось глухое цоканье копыт. Василий Никитич спешил к храму и дальше двинулся пешком, позвякивая шпорами. Святой Николай поднялся со своего камня и протянул Татищеву руку, тот ловко вспрыгнул на монумент и — Ваня даже рот открыл от удивления, — выхватив шпагу, трижды, словно в гонг, ударил острием в алый лунный диск.

— Приветствую вас, тольяттинцы и гости, в особом кругу! Танцуйте до зари и храните наш город!

Тотчас зазвучала музыка, откуда ни возьмись налетел порыв такого светлого и стремительного вальса, что Ваня невольно подался в круг вместе со всеми, но Верный успел поймать его за капюшон куртки.

— Стой, — зашипел пес сквозь зубы, — живые из круга не возвращаются.

Белесые тени кружились, подхваченные вальсом, словно листья порывом осеннего ветра, переплетали полупрозрачные руки, рассыпались на клочья тумана и вновь обретали облик. Вальс взвился к облакам, и Татищев вновь поднял шпагу.

— Полонез исполнения желаний, господи и дамы! Если среди нас есть живые гости, милости прошу.

Верный внезапно так сильно толкнул Ваню в спину, что тот сделал шаг вперед, едва не налетев на Белую даму. Она приветливо улыбнулась ему, протянула тонкую руку.

— Не знала, что именно ты наш особый гость, — сказала она шепотом, когда Ваня подошел ближе и сжал кончики пальцев своей партнерши. Поначалу в голове вспыхнула мысль, что он совершенно не умеет танцевать полонез, но голос, отчего-то очень похожий на бабушкин, тихо подсказал ему первые движения.

— Прости, что приняла тебя за статую, Ванечка, — ласково и немного старомодно сказала Белая дама. — Полонез желаний недолог. Скоро магистр снова ударит в гонг. Зачем ты пришел?

Ваня смотрел в лицо Белой дамы и думал, что никогда не видел такой красоты. Глаза ее сверкали далекими звездами, тонкие черты лица излучали доброту и мягкость. Все заготовленные слова вылетели у него из головы.

— Я хочу вернуть бабушку, — тихо проговорил он, едва не оступившись.

— Если она среди нас, ты не сможешь ее вернуть, — с грустью ответила дама.

— Она в коме. В больнице. Из комы же можно ее забрать?..

Дама задумалась, туман под ее ногами свивался, словно живой, волновал подол ее платья, обвивал ноги Вани.

— Увы, сама я не знаю ответа, но я имею право просить у Луны.

Тонкая призрачная рука выскользнула из Ваниных пальцев. Музыку будто обрубili, туман словно молоко впитался в землю. Белые фигуры замерли вокруг Вани, уставившись на него немигающими глазами в гробовой тишине, и от этого сделалось не по себе. Ваня сжался, готовясь к чему-то жуткому, но ничего страшного не произошло, напротив, прозрачные фигуры захлопали в ладоши. Хлопки эти были совершенно беззвучными, но с каждым из них Луна становилась ближе. Она придвигалась, разбухала, пока не нависла огромным багряным диском над самой головой.

Белая дама запрокинула красивое лицо и зашептала что-то, воздев тонкие руки к своей кровавой покровительнице. Луна безмолвствовала, но Белая дама вдруг ахнула и покачнулась. Комзинский пожарный ловко поддержал ее, подставив руку.

— Смотри, Ваня, — воскликнула Белая дама, — вот твой ответ.

Взгляды призраков обратились в сторону часовни. Тень креста часовни, необычно длинная, чуть заметно светилась в темноте, будто указывала направление.

— Иди за тенью!

От происходящего мысли в голове заметались, как испуганные белки. Ваня бросился было в указанном направлении, спохватился, вспомнив про самокат, кинулся обратно. Верный,

предупредительно рыча, возник у него на пути, словно из-под земли вырос.

— Оставь самокат, — хрипло бросил он, — на нем не успеть. Садись на спину.

Ваня неловко забрался верхом, вцепился в шерсть пса, и они рванули по бульвару, следуя за тенью, которая вопреки всем законам физики указывала дорогу даже тогда, когда часовня уже скрылась из виду.

На Жилина все еще прогуливалась тройка дотеров. Верный промчался мимо них словно ветер, но Ваня успел заметить, что парни вовсе не были людьми. Они проводили пса и его наездника фосфоресцирующими взглядами, один улыбнулся, обнажив длинные белые клыки. Ване стало не по себе, однако Верный неся слишком быстро, чтобы дотеры сумели их остановить.

Они свернули к одному из домов на Жилина. Двор был огорожен решеткой, но Верный перемахнул через высокую ограду, будто не заметив препятствия.

— Скорее, Иван, тень креста вот-вот растает.

Ваня спрыгнул с собачьей спины на землю, они вбежали во двор, вот только светящейся тени нигде не было.

«Опоздали», — мелькнуло в голове у Вани.

— Что стоишь? — недовольно рыкнул Верный, кивнув мохнатой головой в сторону.

Ваня глянул в указанном направлении: тень от креста устроилась под стеной, у ног нарисованного лилового ежа. Полузакрашенное граффити, изображавшее ежика из «Смешариков», выглядело пугающе.

— Ну же! — поторопил Верный.

Ваня шагнул ближе, еж ожил, медленно размял нарисованные лапы, завращал глазами. Ваня, путаясь в лямках, стащил со спины рюкзак и достал бабушкину фотографию.

— Здравствуйте, вы не видели эту...

Он запнулся, не зная, как лучше спросить: «эту женщину», «душу»...

— Бабушку его ты не видел часом, страж? — прорычал Верный. — Гость Красной Луны просит о помощи.

— Вниз, — одними рисованными губами произнес еж, — открою.

Верный наострил уши, прислушиваясь.

— За мной, — бросил пес и рванул за угол.

Черное жерло двери оказалось совсем рядом. Вниз вели металлические ступеньки. Ваня включил фонарик, но тот едва пробивал тьму. Коридор, серый и страшный, словно в компьютерной игре, повел их под землю, слева и справа распахивались двери, оттуда веяло холодом и пахло гнилью.

— Сюда, мальчик, — шептали, скрипели, пели, стонали едва слышные голоса, — к нам... иди к нам.

— Бабушка, — тихо позвал Ваня.

Голоса за дверями взвыли, заполнив темноту скрежетом и свистом.

— Бабушка, — закричал Ваня, стараясь перекрыть весь этот зловещий шум, — это я, Ваня! Возвращайся!

Бабушка не ответила, лишь орали и стонали, разрывая душу, дикие голоса. Верный сел на пол, не выдержав этого мучительного для собачьего уха гомона, и протяжно завыл.

— Бабушка! — На глаза Вани навернулись слезы. — Я так тебя люблю! Пожалуйста, вернись!

Он зажал руками уши и не сразу понял, что все смолкло. Двери вокруг медленно затворялись, щелкали замки, задвигались скрытые щеколды. Верный тряс головой, приходя в себя. А в глубине коридора медленно разгоралось мягкое сиреневое сияние. Ваня двинулся к нему, но остановился, не зная, что делать. Навстречу ему шла девочка, хорошенькая, как старинная кукла, с золотыми волосами, завивавшимися в крупные кольца, совсем маленькая, лет пяти.

— Ваня? — спросила она, словно припоминая.

— Да, это я, — ответил он тихо, сам не зная почему понизив голос. — Твой внук.

— Ваня! — Девочка бросилась к нему, обняла, обхватив за пояс. — Ванечка, мне страшно.

Он легко поднял бабушку на руки и посадил на спину Верного. Погладил по голове:

— Не бойся, мы идем домой.

Они рванули к двери со всех ног. Бабушка всхлипывала от страха, вцепившись в загривок пса, Ваня бежал рядом, пытаясь высвечивать фонариком дорогу.

Из темноты возникла дверь. Ваня толкнул тяжелую железную створку, но та не поддавалась. Он толкнул сильнее — ничего. Бабушка прижалась к Верному и зажмурилась, обхватив руками шею пса. Ваня ударил в дверь плечом раз, другой, чувствуя, как подступает отчаяние...

«...тяжелая дверь, которую изнутри открывают четыре ладони», — всплыло вдруг из памяти.

— Бабулечка, помоги.

Он подал бабушке руки, и та спрыгнула на верхнюю ступеньку железной лестницы, потряхнув золотыми кудряшками.

— Толкай вместе со мной!

Сил у бабушкиной души было совсем не много, но стоило ее ладоням лечь рядом с Ваниными, как дверь распахнулась легко, словно была не из толстого листового железа, а из тонкой фанеры.

— Вперед! — скомандовал Ваня, пропуская бабушку и Верного.

На них волной обрушилась душистая ночь, показавшаяся теплой после ледяной тьмы подземелья. Ваня последним выбрался наружу, оглянулся, и на мгновение картинка раздвоилась, зловещий вход в мир потерянных душ показался обычной дверью, ведущей к подземным гаражам.

— Луна светлеет, — напомнил Верный, — ты не успеешь в больницу. Я отвезу. Постарайся как можно быстрее прыгнуть в кольцо.

Ваня кивнул, подсаживая бабушку на спину пса. Верный спружинил на задних лапах и рванулся вверх, одним прыжком оказавшись над крышей.

— Вурдалаки любят считать, дай им на лапу! — крикнул он, исчезая за тучей.

Ваня перелез через решетку и кинулся назад знакомым маршрутом, но на этот раз парни в сквере уже не были так увлечены разговором. Почувяв редкую удачу, они поджидали добычу. Вурдалаки прекрасно знали, что время живых под-

ходит к концу и даже малейшая задержка сделает замешкавшегося человека их заслуженным обедом.

«На лапу...» — мысленно повторил Ваня, нащупывая в кармане горсть монет.

Бурдалаки хищно ухмылялись. Двое, облизывая ярко-красные губы и острые клыки, заступили ему дорогу, третий маячил темным пятном за кустами, заходя слева.

Ваня выхватил из кармана руку, размахнулся и бросил монетки так, чтобы раскатились как можно дальше. Это сработало. Кровососы, забыв о человеке, кинулись на землю, ловя монеты ладонями. Слышно было, как они торопливо пересчитывают мелочь, не в силах остановиться и отвести взгляд от блестящих в лунном свете металлических кружочков.

Перепрыгнув через того, что был ближе других, Ваня кинулся прочь. На мгновение он ощутил себя свободным, но радость оказалась преждевременной.

— Держи его! — рывкнул сзади злой голос.

Ваня рванул что было сил. Позади гулко топали drobные шаги, слышалось надсадное дыхание. Он бежал так, как не бежал никогда в жизни. Дыхание сбилось. Сердце стучало как сумасшедшее, казалось, вот-вот выпрыгнет. Впереди маячило спасительное кольцо. Небо светлело, на нем таял, теряя багряные тона, лунный диск.

Только бы успеть!

Преодолев последние метры, Ваня словно в омут головой вперед кинулся в кольцо. Мелькнула надпись: «Интерактивная выставка-экскурсия с дополненной реальностью», раздался злой вопль и...

Ваня упал на асфальт, переводя дыхание, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. Вокруг царил тишина, таяли сумерки. Он поднялся на ноги, оглянулся. Улица была пуста, как бывает только в предрассветные часы. Ваня отряхнул коленки, поправил рюкзак и зашагал в сторону дома.

Замок он отпер потихоньку, на цыпочках переступил через порог и прикрыл за собой дверь с особенной тщательностью, боясь разбудить родителей. Однако же замок все равно щелкнул оглушительно громко. Ваня испуганно вжал голову

в плечи, внутренне готовясь к скандалу. Он уже ждал, что из комнаты выйдет отец, увидит его в дверях и рассердится, поняв, что сын не ночевал дома. Еще хуже, если родители заметили его отсутствие уже давно, позвонили Валерке, выяснили, что его там нет и не было, и теперь сидят с истрепанными нервами... Но скандала не случилось, никто не вышел.

Ваня скинул обувь, бросил под вешалкой рюкзак и прошел по квартире. Ни мамы, ни папы дома не было. Вообще никого. Он прошлепал на кухню, надеясь, что, возможно, отец оставил ему записку, но и записки не обнаружилось.

Куда они делись? Что случилось, пока он был в другом мире?

Он взглянул на стену, где висели большие круглые часы, стрелки показывали без четверти шесть. Звонить родителям в такое время Ваня побоялся. Он сел к столу, устало опустил голову на руки и принялся ждать.

* * *

— Иван, проснись. Слышишь?

Ваня открыл глаза, завертел головой, спросонья пытаюсь сообразить, что произошло. Над ним возвышался отец, мягко тормошил за плечо. Рядом стояла мама. Все произошедшее ночью — Красная Луна, портал, Верный, Белая дама, призраки и вурдалаки — сейчас казалось бесконечно далеким и нереальным, словно сон.

— И давно ты здесь дрыхнешь? — строго поинтересовался папа.

— Нет... — мотнул головой Ваня. — А вы где были? Я... проснулся... вас нет.

— В больнице.

Внутри у Вани все оборвалось.

— Что с бабушкой?

— Ванечка... — Мама зашмыгала носом, и по щекам ее потекли слезы. — С бабушкой все в порядке. Она вышла из комы. Врачи говорят, теперь все будет хорошо. — Мама, счастливо улыбаясь, вытирала слезы.

«Все будет хорошо», — с этой мыслью Ваня бежал в школу. Правда, к третьему уроку, так как оказалось, что он безбожно проспал, но родители не ругались, вроде бы даже не обратили на это внимания, как и на брошенный в коридоре рюкзак. Рюкзак валялся под вешалкой, как железное доказательство того, что ночное приключение не было сном.

В школьном коридоре царил суета, шла вторая перемена. Кудимов увидел Ваню издали, замахал рукой, закричал:

— Привет! Ты чего на матешу опоздал? Контрольная была. Римма Булатовна про тебя спрашивала. Ты где был?

— В мире мертвых, — отозвался Ваня негромко.

— Где-е-е?! — выпучил глаза Валерка.

— Я через портал прошел. Все как ты говорил, как на сайте написано.

— И че ты там делал? — недоверчиво усмехнулся Кудимов.

— Бабушку спасал.

— Хорош гнать, — фыркнул Валерка. — Придумал бы что-нибудь пооригинальнее.

Ваня в ответ только пожал плечами. В отличие от Кудимова он не придумывал городские сказки и не верил в чудеса, он совершенно точно знал, что чудо возможно, ведь бабушка теперь точно поправится. А потом, когда она совсем выздоровеет, надо будет съездить с ней на пересечение Южного шоссе и улицы Яшина, к Верному. Погладить его по бронзовому носу. И не для того, чтобы загадать желание, а просто так — в знак благодарности.

Евгений Лукин

ОТМОРОЗОК

А тот ли это свет? Пожалуй, что не тот. На том свете, насколько я понимаю, голова болеть не должна. Или должна? Адские муки и все такое... Тем более что голова у меня болит именно адски.

Сквозь дурноту проступает последнее в моей жизни (той жизни) воспоминание. Исполнение приговора. Пристегнули, гады, к столу, опрокинули, чтобы виднее было, как мне уколы ставят, а за стеклом зрители сидят пялятся.

— Невиновен... — хриплю я им напоследок. — Подставили...

Не верят! Морды у всех злорадные, ликующие. Плевать им, виновен я или не виновен, — поглазеть пришли...

— Да ты не расстраивайся, — приговаривает вполголоса служитель, запуская иглу в вену. — Теперь ведь не то что раньше... Раньше ширнут — и на кладбище... А теперь не-ет... Ширнут — и в холодильник! Ну подставили тебя... Лет через десять разберутся, или амнистия какая подкатит... глядишь, воскресят... Тебе операцию хоть раз под наркозом делали? Вот примерно то же самое...

Утешитель хренов!

А ведь получается, не соврал.

И все равно накатывает злость. Голова чуть не лопается.

Нет, как хотите, а из наркоза выходить куда легче. Крайне болезненный процесс это самое воскрешение. В затылке и висках пульсация, вдобавок со зрением что-то: потолок словно проваливается местами. Врач надо мной наклонился — и давай

гримасничать. А он и не гримасничал вовсе — в глазах прыгало.

Хотел спросить, за что мне меру пресечения смягчили. Хорошо себя вел в жидком азоте? Спросить, однако, не смог — связки не слушались...

Потом малость пришел в себя. Врач куда-то исчез, а на его месте возник какой-то чиновничек.

— Как вы себя чувствуете?

— Хреново... — прохрипел я.

— Это пройдет, — бодро заверил он. — А пока позвольте поздравить вас с окончательной реабилитацией...

— Посмертной?

— Н-ну... в каком-то смысле... да. Свидетельство о смерти аннулировано, новые документы вам вручат чуть позже...

— А что стряслось-то? Неужто амнистия?

Официальное лицо опечалилось.

— Нет, — с прискорбием произнесло оно. — Ваше дело пересмотрено, и я обязан принести вам извинения от имени Министерства юстиции за судебную ошибку. Вы полностью оправданы. Как выяснилось, все улики против вас были грубо сфабрикованы и подброшены...

— Кем? — спросил я через силу.

— Виновные пока не установлены. Предстоит повторное следствие...

— А надо?

Чиновник взглянул на меня удивленно и пожалуя что с уважением.

— Вы не хотите, чтобы тот, из-за кого вас усыпили и заморозили, получил по заслугам?

— Не хочу... — выдохнул я. — Ничего не хочу. Жив — и ладно...

— Что ж, — поразмыслив, сказал он. — Очень приятно заполучить столь незлопамятного члена общества. Поверьте мне, это большая редкость. Как правило, посмертно реабилитированные жаждут мести, требуют справедливости...

— От головы чего-нибудь дайте... — сипло потребовал я.

* * *

Не знаю, сколько времени я отсутствовал на этом свете, но лекарства у них теперь сильные. Боли ушли за пару минут, слабость, правда, осталась.

Осмотрелся. Палату мне отвели отдельную, крохотную, изолированную от внешнего мира. Матово сияющий потолок, и ни окон, ни дверей. Нет, дверь-то, конечно, есть, но где она? Может быть, вон то зеркало в рост человека?

«Очнувшись в реанимации, — вылезла несуразная глумливая мыслишка, — первым делом посмотришь в зеркало... Ничего не забыл?»

Попробовал встать с кровати, но силенок не хватило.

Уснул.

А когда открыл глаза, в палате я уже был не один. Чиновничек вернулся. Теперь я мог разглядеть его в подробностях. Небольшого ростiku, ласковый, улыбчивый. Внимательный. Одет... Скажем так: неприметно одет, неброско.

— Вам лучше? — озабоченно спросил он.

— Лучше... — выдохнул я. — А сколько лет...

Фразу не одолел — опять наехала слабость. Но он понял, о чем я.

— Сорок один год.

— Эх, ни хренас-се...

— Вы уже готовы отвечать на мои вопросы?

— Лучше вы на мои... — собравшись с силами, выговорил я.

Чиновничек оторопел, потом засмеялся.

— Знаете, вы мне нравитесь, — сообщил он. — Н-ну... задавайте...

— Почему так долго?..

Опечалился, развел ладошки.

— Согласитесь, лучше поздно, чем никогда. Видите ли, в чем дело... С необратимой смертной казнью, как вам известно, покончено во всем мире. Однако сторонники ее уняться не пожелали, поналезли в комиссию по пересмотру приговоров и прибегли к обыкновенному саботажу...

— В смысле?..

— В прямом. Бюрократию развели, на любые запросы отвечали отказами. Так, мол, и так, повода к реабилитации не имеется: преступники получили по заслугам, действия органов правопорядка безупречны, правосудие не ошибается... И наши морозильники, на строительство которых было затрачено столько средств, обратились, по сути, в те же кладбища...

— А потом?..

— Потом терпение общественности лопнуло, и саботажники сами пошли под суд... Некоторые даже в заморозку, что, на мой взгляд, вполне справедливо.

— А которые следствие вели?..

— Чье?

— Мое.

— Приказали долго жить. Как-никак сорок один год, срок порядочный... Но и без их признаний ясно, что дело откровенно липовое.

* * *

Какая прелесть — одежду мне вернули ту самую. В которой брали. Тоже, должно быть, пролежала сорок один год в каком-нибудь там вакууме.

Мы идем с Бобби Сергеевичем (так зовут моего куратора) по тесным коридорам Большого Холодильника — на выход. Стены словно сложены из прямоугольных блоков. На одних имеется табличка, на других нет. Я так понимаю, что это — торцы выдвижных гробов, заполненных жидким азотом, и в тех, что подписаны, покоятся до поры до времени бедолаги вроде меня. А которые гробы без табличек — те, надо полагать, полые. Пока. Или уже.

Еще одна странность: к каждой табличке с правой стороны крепится параллельно полу металлическое колечко диаметром примерно три сантиметра. Интересно, зачем оно?

— Ну, надо же! — Мой провожатый останавливается перед одним из голых торцов. На нем коряво и, видимо, наспех выведено: «Здесь был Я».

— Ну не пролаза? — сетует Бобби Сергеевич. — Опять ухитрился... Надо будет сказать, чтобы стерли.

— А я где лежал? — спрашиваю, не удержавшись.

— Далеко, — сухо отзывается он. — В другом крыле. Тоже хотите отметить?

— Ага... — ухмыляюсь я. — ДМБ... и дату. А как он сюда проник? Ну, реабилитированный... этот... что отметил... Или тут у вас вход свободный?

— Как проник? С экскурсией, скорее всего... Погодите-ка!

Путь впереди перегорожен выдвинутым ящиком. Под него, конечно, можно поднырнуть, поскольку располагается он примерно на уровне груди, но там еще и люди. Трое служителей в серых робах. Один из них что-то собирается набрать на планшете, но, увидев нас, хмурится и кивает второму, кстати, вооруженному. Тот делает шаг нам навстречу и приказывает — скорее, равнодушно, нежели грозно:

— Вы, двое! Оставайтесь на месте. Отвернитесь.

Мы отворачиваемся. Краем глаза успеваю ухватить, как серый прямоугольный гроб медленно начинает втягиваться в стену.

— Можете повернуться и следовать дальше, — звучит минуту спустя.

Поворачиваемся. Гроба уже нет. Втянулся. М-да... Быстро они. Церемония без церемоний. Третий служитель прилаживает табличку. Первый (с планшетом) складывает составную тележку, на которой, надо полагать, и доставили сюда осужденного. Второй (тот, что при оружии) по-прежнему смотрит на нас.

Следуем дальше.

Проходя мимо троицы в сером, пытаюсь прочесть, что там на металлической пластине. Фамилия, имя, отчество, дата, статья и срок... Срок? Вон оно как теперь делается! Стало быть, ныне замораживают всех подряд, а не только приговоренных к высшей мере. То есть кого навсегда, кого на время. Нагрешил на два года — два года и отлежишь... Да, но в чем тогда смысл наказания? Закрыв глаза тогда — открыл сейчас. А в промежутке вроде ничего и не было. Хотя... Проведи он эту

пару лет на зоне, вышел бы вполне оформившимся преступником, даже если осудили несправедливо. А так — каким был, таким остался... Разве что сильно обиженным. Вроде меня.

И еще одно: изолируют-то от кого? От общества. То есть общество целых два года может спать спокойно. Опять же экономия государственных средств: ни охранникам не надо платить, ни новых тюрем строить...

А знаете, решение-то, пожалуй, мудрое...

— А зачем нам отвернуться велели?

— Видите ли... — несколько смутившись, объясняет Бобби Сергеевич. — Несколько раз отсюда уже бежали...

Останавливаюсь в ошолбенении.

— Откуда?! Из жидкого азота?

— Ну да...

Пытаюсь собраться с мыслями:

— Это что ж... Лежит-лежит — и вдруг...

Бобби Сергеевич с понимающей улыбкой смотрит на мою ошарашенную физиономию.

— Ну, не сам, конечно... — объясняет он. — Побег подстраивают снаружи. Для начала пытаются разузнать код. Комбинацию знаков. Ну, вы сами сейчас видели — служитель набирал...

— А-а... — оторопело киваю я. — Вот почему нам отвернуться велели...

— Совершенно верно. Чтобы не подсматривали.

— То есть злоумышленники набирают код, вынимают гроб, увозят... Так просто?

— Н-ну... иногда подкупают сотрудников... Но с этим мы боремся.

— Хорошо. Увозят. А дальше?

— А дальше пытаются разморозить своими средствами. Нелегальным путем.

— И как? Удачно?

— Бывает, что и удачно. А бывает, и нет. Всяко бывает...

Коридор внезапно сламывается под прямым углом. За поворотом открывается точно такой же туннель со стенами из торцов. В колечко на ближней от меня табличке слева встав-

лены две свежие гвоздики. Ах, вот это зачем... Надо полагать, родственники приносят.

Вскоре догадка моя подтверждается: из глубины коридора навстречу нам движется небольшая группа... видимо, экскурсантов. Ни одной серой робы, все одеты по-разному, кое у кого в руках цветы. Возглавляет процессию девушка в трауре. Черная шляпка, черная вуалетка. Сорок один год назад так одевались организаторши похоронных церемоний.

— Не отставайте! — говорит она кому-то. — Имейте в виду, заблудиться здесь проще простого! Мы с вами приближаемся к сектору коррумпированных...

По-моему, ее не слушают. Озираются, читают надписи на табличках.

— Ой!.. — раздается жалостливый женский голос. — Смотрите: Валя Протопопова! Я ж ее знала, мы с ней в параллельных классах учились!

И, отчислив из букетика пару гвоздик, экскурсантка вставляет их в колечко.

* * *

Вскоре мы оказываемся в маленьком и совершенно пустом кабинетике без окон. Точь-в-точь моя одиночная палата: светящийся потолок, зеркальная дверь. Вся разница: вместо койки — письменный стол и три полукресла.

— Задерживается, однако, — сокрушенно констатирует Бобби Сергеевич.

— Кто?

— Следователь. Но это, знаете, даже к лучшему. Успеем потолковать о ваших делах. Присаживайтесь...

Присаживаюсь. Он — тоже, причем не за стол. Видимо, кабинетик принадлежит не ему, а кому-то другому. Очевидно, следователю.

— Вот вы в прошлый раз спросили, почему так долго... — мягко начинает мой куратор. — Были, были обстоятельства... О проделках сторонников смертной казни я вам уже рас-

сказывал. Так вот, имелись еще как минимум две помехи. Первая — наследники...

И становится мне зябко.

— Ой... — невольно выдыхаю я, мысленно перебирая всех моих родственничков, будь им пусто!

— Да-да... — скорбно кивает Бобби Сергеевич. — И их, согласитесь, можно понять: только-только улучшили свое благосостояние — и на тебе! Получите усопшего обратно!

— Сильно возмущались?

— Не то слово! Понастроили протестов — с этим еще предстоит разбираться... Но вы не беспокойтесь. Думаю, разберемся. Спихватились-то они поздновато...

— А вторая помеха? — спрашиваю с тревогой.

— Вторая тоже связана с экономикой. Но и тут уже все решено. Вам ведь теперь как необоснованно замороженному причитается компенсация... за моральный и материальный ущерб.

— Какая?

И Бобби Сергеевич оглашает сумму, настолько непомерную, что я поначалу ушам своим не верю — переспрашиваю. Но нет, никакой ошибки, все слышано правильно. Видимо, пока я спал условно вечным сном, инфляция в отличие от меня не дремала.

— А сколько это будет... по тогдашнему курсу?

Сумма приуменьшается, но все равно остается откровенно грандиозной.

— Знаете что... — решительно говорю я. — Отметьте там у себя: никаких претензий к наследникам своим не имею! Рыбка задом не плышет...

Бобби Сергеевич потрясен.

— Господи... — еле выговаривает он, чуть отшатнувшись и глядя на меня едва ли не с благоговением. — Да что ж вы за человек такой!..

* * *

Зеркальная дверь отворяется, и входит следователь.

— А-а, явились?.. — недобро произносит он, бросая на стол древнюю картонную папку с траурно-черным оттиском:

«Дело №...» (надо полагать, совсем уже кого-то допотопного разморозили).

Следователь относительно молод, но крайне утомлен и рассержен. Плюхается в свое полукресло за столом и с неприязнью смотрит на Бобби Сергеевича.

— Как же ты меня достал... — цедит он. — Как же вы все меня достали! Правозащитники хреновы!..

Бобби Сергеевич отвечает ему умильной улыбкой.

— Ну вот... — укоризненно говорит он. — А я тебя обрадовать хотел...

— Обрадовать?! — взвизгивает тот. — Мало мне нынешних бандюганов, а тут еще ты со своими мерзляками!..

— Да погоди ты, — пытается урезонить его мой друг Бобби. — Досказать дай...

Не дает:

— Вы чего добиваетесь? Чтобы Холодильник совсем опустел? Опустеет!

— Так на вас же работаем. Есть теперь куда класть.

— Ну, вот кого ты привел? — не слушая, бушует следователь. — Кого ты мне привел? Смотрел я его дело! Ну подставили, ну... И где я подставщика этого буду теперь искать? Либо помер давно, либо тоже лежит... зябнет... — Хозяин кабинета берет себя в руки, малость успокаивается. — Ладно... — бурчит он. — Садись пиши заяву...

Последняя фраза, судя по всему, адресована мне.

— Не буду, — говорю я.

Бобби Сергеевич сияет. Следователь недоверчиво смотрит на него, на меня, опять на него.

— Не понял...

— Чего ты не понял? Не будет он...

— Почему?

— Не хочет. Оживили — и счастлив. Всем все простил...

Следователь, однако, еще не верит неожиданной удаче.

— Погоди... — бормочет он. — Но дело-то еще не закрыто...

— Какое дело? О подставе, что ли? Если нет заявления от потерпевшего, то и дела нет!

Несколько мгновений следователь сидит неподвижно. Затем встает, подходит к зеркальной двери и указательным пальцем чертит на ней крест. Упирается ладонью, проверяет, закрылась ли. Закрылась. Надо же, до чего у них техника дошла! Оборачивается. Это уже совсем другой человек: приветливый, радушный.

— Ребята... — растроганно говорит он. — Ну просто нет слов... Давайте отметим...

Лезет в стол, выставляет початую бутылку бренди. Тут же спохватывается:

— Или ему нельзя еще?

— Да можно, наверное... — без особой убежденности в голосе отвечает за меня Бобби Сергеевич. — Если немножко...

* * *

Минут через десять мы уже лучшие друзья, и следователя можно называть просто Костиком.

— Нет, правильно ты все решил, правильно... — заверяет он меня. — Ну, сам подумай: сорок один год! Концов не сыщешь...

— Да и с наследством тоже, — добавляет Бобби. — Там наследство-то, между нами, с гулькин нос... А крови бы себе попортил — ой-ей!..

— Да разве ж в этом дело?... — Я уже оттаял окончательно и могу принять участие в беседе.

— И в этом тоже... — Костик разливает по третьей. Рюмочки у него крохотные, так что ничего страшного со мной, думаю, не случится. Главное — язык не распускать.

— Я вот другому удивляюсь, — признается он. — Что ж у вас там сорок лет назад за менты такие были?

— Сейчас, что ли, лучше? — вспыхивает Бобби. — На себя глянь! Что ни пересмотр — то скандал... Вот потому-то, — назидательно добавляет он, — мы вас, следаков, и достаем. А иначе где сядешь, там и слезешь...

Похоже, подобные перепалки у них случаются постоянно. Под рюмку бренди.

— Ну, ты тоже сравнил! — вскидывается в свою очередь Костик. — Да ни за что бы сейчас такое не прокатило!.. Дело читал? Читал! Ежу ведь понятно, что все улики были подброшены...

Я лишь усмехаюсь, слушая их.

Подброшены... Разумеется, подброшены! Я их для того и подбрасывал, чтобы подумали, будто кто-то меня подставляет. Сам себя, короче, обвел... А насчет ментов Бобби, конечно, прав. Охота им была мозги напрягать! Улики есть? Есть. Значит, виновен.

Хорошо еще, при исполнении приговора догадался всей правды напоследок не брякнуть. При свидетелях.

Так что незачем бога гневить. Все хорошо, что хорошо кончается. И денежку дадут, и нычка с музейным антиквариатом в лесу прикопана... Нет, нычку теперь, пожалуй, извлекать не стоит. При такой компенсации... Лучше лишний раз не подставляться. Пусть лежит. На черный день.

Андрей Щербак-Жуков

МОЛОДОЙ БОГ, ИЛИ ЧУДОВИЩЕ ПОСЛЕ ЗАВТРАКА

Автор благодарит за помощь
Ольгу Камарго

САША

— Ты только посмотри, какой парень! Какая симпатичная физиономия! — завлаб Самсоныч произнес это с такой гордостью, словно демонстрировал своего сына или внука. Ну, в крайнем случае породистого пса. — Не, ну, конечно, кто-нибудь мог бы сказать, что это страшная морда... Или, при лучшем раскладе, рожа... Но мы-то с вами понимаем эту красоту. Да ведь?

У заведующего лабораторией Биологических аномалий, которую в Научно-исследовательском институте прикладной биологии называли «Дом Потеряшек», Вадима Самсоновича Колобродского была такая странноватая манера — постоянно переходить с обращения на «ты» к обращению на «вы». Он вообще был человеком странноватым, однако в НИИ его все любили. И так и называли — завлаб Самсоныч. Многие из других отделов даже не знали его фамилии. А некоторые даже имени.

— Вот. Смотрите. Поймали, арестовали, как говорится, велели паспорт показать... Ну а у него, естественным образом, паспорта нету. У него все такое противоестественное... Ну а на монету мы согласиться не могли. Теперь вот исследуем.

— Ему не тесно? — невпопад спросил Саша, поправляя очки.

— Отнюдь! Ему тут очень даже удобно. Я бы сказал, вольготно, — заверил завлаб Самсоныч. — Есть заблуждение, которое тянется еще от зоозащитников прошлого,

мол, зверю лучше на свободе. Отнюдь! В неволе все животные живут гораздо дольше, чем в природе. И биоаномалии тут не исключение.

Биологические аномалии в Москве начали появляться постепенно. Их сотрудники метрополитена начали находить на станциях по утрам. Они выглядели странно — походили на животных средних размеров. Чаще всего попадались похожие на собак, однако у них каким-то невообразимым огнем горели глаза. За это их прозвали лампесики. Вели себя они так же странно, как выглядели. Нечетко ориентировались в пространстве, тыкались головами в стены, то падали, то вставали... В общем, были какими-то потерянными. За это их так и прозвали — потеряшки. Агрессии к людям они не проявляли. Скорее наоборот — вызывали жалость и сострадание.

Общество к потеряшкам отнеслось спокойно, в массе своей даже равнодушно. Однако что-то с ними надо было делать — все же тоже твари, хоть и неизвестно еще, земные ли, божьи ли. Тем более что со временем стали появляться человекоподобные особи. Они были такими же безобидными, жалкими, потерянными. Поэтому-то и была сформирована в НИИ прикладной биологии эта самая лаборатория Биологических аномалий. Поэтому-то ее и прозвали в институте «Домом Потеряшек». Если у особи были явные признаки мужского пола, их звали биоаномалами. У этого были.

Парень, которым так хвастался завлаб Самсоныч перед Сашей, появился совсем недавно и по многим признакам отличался от всех потеряшек, появлявшихся прежде. Хотя он так же, как и все его предшественники, нелепо тыкался физиономией в стену — в данном случае в панно с аллегорическим изображением народов Советского Союза на станции «Боровицкая»...

Под прозрачным куполом сидело существо... Если не сказать чудовище. Но мы-то с вами, как сказал завлаб Самсоныч, понимаем... Саша был из тех, кто понимает. Он уже несколько лет занимался изучением биоаномалий в Краснодарском филиале НИИ прикладной биологии и вот теперь подал заявление на перевод в центральный, московский офис.

Завлаб Самсоныч раскачивался на каблуках, сложив руки на груди:

— Ну, что, молодой человек, вы можете о нем сказать?

Саша смутился, он понимал, что от его ответов будет зависеть, примут ли его на работу в лабораторию. Он чуть заколебался, но ответил честно:

— Вы знаете, мне никогда раньше не приходилось сталкиваться ни с чем подобным... И даже читать ни о чем таком не доводилось... Даже слышать...

— Bravo! — завлаб Самсоныч расцепил руки и заплодировал. — Правильный ответ! Это хорошо, что вы не стали вилить и что-то там фантазировать... С таким раньше не сталкивался никто. Это абсолютно уникальный экземпляр!

Экземпляр этот по форме напоминал пирамиду, сильно расширяющуюся книзу. На этом основании биоаномал сидел, вытянув вперед и чуть расставив две ноги, отдаленно напоминающие человеческие. Точнее, такие ноги могли бы быть в каком-нибудь мультике или комиксе, скажем, у людоеда или циклопа. Рук у него было четыре, и он всеми ими брал из большой тарелки фрукты и отправлял их в огромный рот, находящийся на такой же огромной голове, вершащей пирамиду и покрытой несколькими рядами глаз.

— Голова... — только и произнес Саша.

— Да! — снова заплодировал завлаб Самсоныч. — Вы зрите в самый корень. У этого биоаномала непривычно большая голова. По отношению к телу...

— Может быть, это детеныш? — предположил Саша. — У детенышей многих животных голова по отношению к телу больше, чем у взрослых особей... Вы же знаете...

— Да, мы тоже об этом думали. Скорее, подросток... Строго говоря, этому может быть два объяснения. Либо это действительно, детеныш или, по крайней мере, молодая особь... Либо его интеллект и прочие мозговые способности заметно превышают человеческие. Помните головастых инопланетян из старой фантастики? Вот только бы понять, подо что заточен это пришлый интеллект... В любом случае с ним нужно быть очень внимательным и осторожным. Однако пока мы не полу-

чили явных доказательств ни одной из этих гипотез. Хотя мы его между собой называем Молодой бог. Ну, разве он не бог? Посмотрите, сколько в нем достоинства.

Завлаб Самсоныч буквально сиял гордостью за своего подопечного.

— Он говорит? Какие-то звуки издает? — спросил Саша.

— Урчит.

— Урчит?

— Да, урчит. Иногда удовлетворенно, иногда неудовлетворенно. Ну, то есть — иногда довольно, иногда недовольно... И все.

Саша Припаров, молодой человек лет двадцати пяти — двадцати семи, довольно высокого роста, худощавый, шатен, выпускник биологического факультете Кубанского государственного университета, внимательно всматривался в биоаномала сквозь толстый прозрачный купол. Всматривался ли в тот момент биоаномал в Сашу Припарова? Трудно сказать. При таком количестве глаз трудно точно сказать, куда и на что он смотрел. Скорее всего, во все стороны одновременно и еще немного вовнутрь. Вовнутрь себя? Вовнутрь существ и предметов вокруг? Вовнутрь времени?

— Не стесняйтесь, коснитесь рукой купола, — предложил завлаб Самсоныч. И Саша послушно протянул руку и положил ладонь на теплый суперпрочный пластик. Молодой человек почувствовал легкую вибрацию и увидел, как все глаза биоаномала устремились на него.

Они смотрели друг на друга несколько долгих секунд. После чего чудовище заурчало.

— Удовлетворенно! — сказал завлаб Самсоныч.

— Что?

— Удовлетворенно урчит. Берем тебя к нам в коллектив. Младшим научным сотрудником. Я, конечно, и раньше к этому склонялся... Но есть у нас негласное правило: если Молодой бог урчит удовлетворенно, это добрый знак, значит, все будет хорошо. С понедельника выходи на работу.

ЛИЗА

Снова утро, и снова понедельник. Многие не любят понедельники, есть шутки по этому поводу. Но только не Лиза. Она — трудоголик и радуется тому, что пора идти на работу. Правда, разговоров и общения она, насколько может, избегает. Зато у себя в компьютере она творит красоту, забывая об окончании рабочего дня.

Для нее красота — это точность расчетов, четкость чертежей, устойчивость и выверенность моделей. Лиза привыкла учитывать многое, всю свою профессиональную жизнь она занималась созданием и тестированием агросистем. Как шаг за шагом меняется структура мироздания, а иногда и нарушаются законы, когда-то незыблемые? Как попытаться предсказать дальнейшие изменения? Красота — это когда надолго угадала дальнейшее развитие.

В последнее время она стала обращать внимание и на свою схему поведения. Все предсказуемо и обыденно, только... У нее сложилось впечатление, что само время вокруг меняется — где-то убыстряется, а где-то — наоборот. Сам физический мир претерпевает совсем уж непредсказуемые метаморфозы... Но что это значит для исследователя? Что можно между делом отследить течение времени, ведь дни похожи один на другой, особенно будни. Или не похожи?

А еще ей часто снятся странные сны. В них мало картинок, зато много звуков, запахов, еще каких-то иных, вполне невинных ощущений. Вот и в сегодняшнем сне ее будто куда-то несло огромное чудовище. Не такое, каких показывают в кино и сериалах.

Во сне Лиза не видела чудовища, но чувствовала его мощь и силу, то, как оно мерно и быстро двигалось, а еще... Слышала его довольное урчание. Сильнее всего его звуки напоминали мурчание огромного кота, крупнее тигра или льва, любого другого животного. Но оно явно живое, теплое и какое-то успокаивающее... Безвременное, что ли. С ним не ощущается время или спешка... Ты в любом случае везде успеешь. Даже не стремясь куда-то успеть.

Лиза потянулась. 6.00. Пора просыпаться, приходиться в сознание... Неспешно и со вкусом. Сначала почитать книжку и послушать музыку. В 7.00 поставить чайник и расчесаться, почистить зубы. После — заварить чай и принять душ, пока чай заварится. Вот можно и завтрак приготовить, горячие бутерброды. Берем хлеб, немного масла, кружок колбасы и ломтик сыра и кладем в микроволновку. Лиза радовалась, что когда-то приучила себя завтракать. И приготовление, и особенно поедание бутербродов сильно помогает проснуться и неизвестно почему, но поднимает настроение. Привычные движения каждое утро, даже по выходным. Только встать можно позже и никуда не бежать...

Одежда приготовлена с вечера. И как обычно, в 8.00 Лиза, покрутившись перед зеркалом, надела блузку, строгий костюм. Офисная работа не предполагает фантазии в гардеробе. Даже странно бы выглядело, приди она в гавайке и джинсах. Снова расчесалась, подкрасила губы, прыснула духами, взяла телефон, сумку и, улыбнувшись себе, вышла из квартиры. Закрыла дверь, спустилась на улицу и двинулась к метро.

Один день похож на другой, хоть по часам сверяй шаг за шагом. Как пресловутое колесо с белкой — в понедельник ускоряется, в пятницу вечером замедляется. Когда едешь на работу к определенному времени, даже в транспорте встречаешь одних и тех же людей.

Все как всегда, вот только сегодня, пока тряслась к метро в электробусе, возникло предвкушение чего-то хорошего.

Лиза любила ветку метро, по которой ездила на работу, считала самой красивой и чистой. На турникете оказалось, что закончилась проездная карточка, пришлось пополнить. В 9.00, а не в привычные 8.50 Лиза встала на эскалатор... И отключилась от жизни, ушла в свои мысли. Туда, где невидимое доброе чудовище несет ее мерно и быстро. Только теперь она еще и разговаривает с ним, а оно довольно урчит в ответ. Ей казалось, проходит полчаса в дороге, а на самом деле несколько больше. И так — ежедневно. В 9.45 Лиза вышла из метро и вовремя, в 9.55, вошла в офис.

— Доброе утро, Елизавета, — поприветствовал шеф. — Что, опять вас сегодня выгонять с работы в конце дня?

Понедельник. По другим будним дням он ограничивается первой частью фразы...

День прошел как обычно. Вот только небольшая неудача: когда Лиза выходила из метро, прямо у нее из-под носа ушел электробус, придется ждать следующего. Да еще так нагло проехал, переваливаясь с боку на бок, мимо нее.

За окном пронесшегося электробуса Лиза увидела молодого человека в очках. Странно, подумала она, новое лицо, раньше я его здесь не видела.

А как же ощущение прекрасного, вдруг вспомнила она, пока шла от метро домой. Так произошло же! Ей в магазине приглянулся симпатичный жакет... Надо завтра по дороге с работы зайти и померить. Если не забудет и не очень поздно уйдет из офиса.

САША

Понедельник. Первый рабочий день. Саша не любил рано вставать. Поэтому он заранее четко рассчитал время от высотки НИИ прикладной биологии до общежития, в котором ему выделили отдельную комнату. Как это часто бывает, сам институт в центре, а его общежитие на окраине. Впрочем, бывает и хуже. А тут всего минут десять на электробусе, зато потом по прямой на метро... Часов в девять надо быть у метро, полчаса кладем на электробус вместе с ожиданием. В утренний час никакое мобильное приложение не помогает точно рассчитать, когда прибудет транспорт. Значит, выйти надо в 8.30. На сборы и завтрак хватит часа. Но никак не меньше. Стало быть, подъем в 7.30.

Расчет оказался верным, строго в 9.55 Саша вошел в здание НИИ прикладной биологии.

— О-о-о! Доброе утро, — встретил Сашу на пороге лаборатории завлаб Самсоныч, который всегда приходил заранее. — Мойте руки, стерилизуйтесь, надевайте халат и — за приборы, за приборы... Сегодня будем измерять элек-

тромагнетическую активность нашего Молодого бога. Я кручу ручки, вы снимаете показания. Уяснили? Все очень просто, но от этого не менее интересно.

— Да чего ж тут неясного, — улыбнулся Саша. — Справимся.

Полдня пролетело словно пять минут...

Сходили в институтскую столовую. Вернулись в лабораторию.

Несмотря на то что в столовой был отличный компот из сухофруктов, по традиции сели выпить чайку. За чаем завлаб Самсоныч вдруг сказал Саше:

— Вы знаете, мне иногда кажется, что наш Молодой бог не только подросток, но еще и шалун, хулиганистый такой парнишка. Он, конечно, молодой, но — бог, это точно...

— Ну, бог он или не бог — это бог его знает... — ответил Саша. — Ведь давно ученые заметили, а юмористы подхватили: ученые изучают поведение обезьян, а обезьяны изучают поведение ученых. Помните шутку про обезьяну, которая говорит своей подруге: «Эти люди поддаются дрессировке. Вот смотри, я сейчас нажму на кнопку, и этот человек принесет мне банан».

— Это-то конечно... — задумчиво произнес завлаб Самсоныч. — Это общеизвестный факт. Но тут что-то более сложное... Бог он, бог...

— Вы, конечно, знаете поэта Андрея Вознесенского... Хотя бы по рок-опере «“Юнона” и “Авось”», написанной по мотивам его поэмы... У него есть не очень известное короткое стихотворение: «Я иду по следу рыси, а она в ветвях — за мной. Хищное внимание выси ощущается спиной...» И в конце: «Но стволы мои хитры, рыси — кры...»

— Да уж... Бог, бог... Смотри-ка, уже и перерыв кончился... Допивай скорее чай — и за приборы, за приборы...

Домой Саша возвращался без приключений. Некоторые до сих пор называют ветку, по которой ездит в НИИ Саша, правительственной. Мол, когда-то, до перестройки, по ней ночью члены ЦК КПСС мчались за город на дачи... Поэтому и днем по

ней поезда ходят с особенной стабильностью. Хотя, конечно, это городской миф.

Заходя в метро, он взглянул на часы. 19.15. Выходя, тоже посмотрел. 19.45. Всего полчаса в пути! Неожиданно.

Выйдя из метро, Саша увидел электробус, стоящий, образно говоря, под парами. Он чуть-чуть подбежал, залез в салон, устроился у окошка, и машина, переваливаясь с боку на бок, тронулась. Когда водитель крутил вираж по краю площади, Саша увидел девушку, только что вышедшую из метро. Она явно тоже спешила на электробус, но, увы, не успела — не судьба. Машина понеслась, как гоголевская тройка... А чего ей?

В этот момент под прозрачным куполом в НИИ прикладной биологии заурчал Молодой бог. Неудовлетворенно.

ЛИЗА

Снова утро, снова 6.00. Лиза потянулась — пора просыпаться. Сон, в котором ее мерно и быстро несло невидимое чудовище, остался позади. Теперь она будто бы качалась на качелях, потом ехала в вагоне метро, и только огромное сильное существо ощущалось совсем близко.

Опять начинается круг, ускоряется колесо. 7.00. Пока Лиза чистит зубы, закипает чайник. Заваривается чай, а она — в душ. А после — завтракать. Это ведь важно — возвращаться из сна в явь по привычной, отработанной годами программе.

Блузка, офисный костюм — оделась, расчесалась, подкрасилась, надушилась. Проверила время — 8.20. Улыбнулась, взяла телефон и сумку, закрыла дверь. Спустилась и вышла на улицу, дошла до метро, спустилась по эскалатору...

Интересно, подумалось Лизе, а будет ли сегодня предвкушение чего-то прекрасного? Этот день похож на любой другой будний день. А что меняется? Есть ли место чуду? Погода разве что, весна на подходе, скоро начнет таять снег. Надо бы в выходные пойти погулять по городу.

Лиза встала на эскалатор в 8.50 и привычно отключилась от реальности. Вновь мерное постукивание, спокойствие и какое-то сонное оцепенение. Она, как и большинство людей

в метро, думает, что прошло полчаса... Поднимается на эскалаторе, выходит на улицу.

— Доброе утро, Елизавета, — привычно поприветствовал шеф в 9.50. — Что, опять вас сегодня выгонять с работы в конце дня?

День как день. Начался и кончился.

Пока Лиза шла от офиса к метро, внезапно увидела в витрине магазина и купила желанную книгу. Хотела зайти в кафе, поесть, почитать... Да раздумала, дома за чаем почитает. Поздно уже, наверное. Посмотрела на часы: 19.15.

Выйдя из метро, снова посмотрела на циферблат: 20.00. Странно. Всегда эта поездка занимала час. Это только кажется, что полчаса... А тут вдруг — сорок пять минут. Странно...

На этот раз с транспортом повезло. Только Лиза вышла из метро — стоит готовенький электробус. Только она села — транспорт тронулся. Лиза посмотрела в окно и увидела того самого парня в очках, что вчера сидел в электробусе, который уехал прямо у нее из-под носа. На этот раз не повезло ему, ну что ж — будет ждать следующий.

САША

Послеобеденное чаепитие в лаборатории Биологических аномалий НИИ прикладной биологии снова вылилось в абстрактную беседу.

— Вадим Самсонович, — обратился вдруг Саша к старшему коллеге, — вы всегда приходите в лабораторию загодя... У вас есть семья? Простите за нескромный вопрос...

Завлаб ответил не сразу:

— Да что там извиняться... Нет у меня семьи. Не сложилось. То были проблемы с жильем, то учился, то работал... Все по часам. Помню, когда был таким, как ты, только пришел в институт, нравилась мне одна девушка... Но мы никак не могли с ней встретиться. Что-то все время мешало. А помочь было некому...

Саша не нашелся, что бы ему ответить. Возникла небольшая пауза, которую прервал сам завлаб Самсоныч.

— Значит, говоришь, мы идем по следу рыси, а она в ветвях — за нами... — задумчиво произнес он. — А потом — кры...

— А вы говорите, мол, бог, бог... — в тон ему проговорил Саша. — Значит, он должен помогать людям?

— Возможно. Помнишь, я тебе говорил, что ему у нас нравится?

— Ага.

— Я, кажется, начинаю понимать, почему ему у нас нравится...

— И почему?

— Ему нравится то, что мы его изучаем. Точнее, то, что мы с ним контактируем, общаемся. Ему льстит наше внимание. А другого общения он в своей жизни не знал...

— Льстит?

— Да. Мне кажется, он тщеславен. Как подросток.

— О как даже...

Завлаб Самсоныч достал ленту с расшифровкой записи электромагнитической активности Молодого бога.

— Вот смотри, — ткнул пальцем завлаб Самсоныч. — Видишь этот всплеск? Это я его назвал богом... И вот еще.

Саша внимательно взгляделся в распечатку.

— Да-а-а... И вот здесь тоже.

— А раз ему нравится, то он может и помогать... Ой! Ты смотри, обеденный перерыв кончился. Да не может такого быть — даже чай не остыл. Раньше за час столько всего обговорить успевали, а теперь едва ухитрились сходить в столовую...

— Раньше — это когда? — спросил Саша.

— Ну, раньше... Скажем, месяц назад. До того, как у нас появился этот парень... — задумчиво произнес завлаб Самсоныч. — Ну что ж — за приборы, за приборы...

День прошел незаметно... Тьфу ты, какой штамп! Но ведь это же сушая правда: день прошел незаметно...

Входя в метро, Саша уже специально заметил время и, выходя, снова посмотрел на часы. Сел, как обычно, в 19.15, а вот вышел в 20.30. Час пятнадцать! Неужели и на правитель-

ственной ветке тоже не все так стабильно, как пишут газеты? Или дело в чем-то другом? Надо рассказать Вадиму Самсоновичу.

Удивленный Саша поднял взгляд от часов и увидел уходящий электробус. А в нем за стеклом — ту самую девушку...

В этот момент под прозрачным куполом в НИИ прикладной биологии заурчал Молодой бог. Неудовлетворенно.

ЛИЗА

Утро. И все уже не так. Лиза проспала и не успела ни почитать, ни позавтракать. 9.00. Быстро! Чай, душ, оделась... И в 9.30 закрыла дверь квартиры и выскочила из дома.

Весна все громче и ярче заявляет свои права, снег растаял. Но Лизе сегодня не до этого. Она торопится спуститься в метро. Вышла и бегом до работы. Все сбилось, и нет времени прислушаться к ощущениям, поговорить с чудовищем. Быстрее, еще быстрее, опоздала, но хоть бы не так сильно! В 10.05 Лиза, с выражением виноватости на лице, влетела в офис...

— Ничего-ничего, — успокоил расстроенную девушку шеф. — Раз в жизни и тебе можно опоздать... Как говорится, учи человека, лечи человека, а он все равно хоть раз да опоздает... Тем более что у нас сегодня особенный день — закрываем проект. Закрываем досрочно! И с завтрашнего дня вся группа отправляется в отпуск. Хотя бы на неделю. Я так решил! Заслужили.

Так все и вышло.

Вечером Лиза шла к метро непривычно спокойно, не торопясь. Рассматривала улицы, увидела наконец весну. Она выбрала длинную дорогу, насквозь через сквер. Можно погулять впервые за долгое время...

Но вдруг она ощутила какое-то беспокойство. Чудовище? Оно волновалось! Словно оно ждало, когда Лиза войдет в метро. И она поспешила.

Заходя в фойе, кинула взгляд на часы. 19.40. Подумала: «Как я загулялась». Выходя, снова посмотрела на циферблат.

20.00. Так быстро она никогда не добиралась. Что же происходит?

Но думать об этом было некогда — Лиза увидела электробус, вот-вот готовый отойти. И она побежала...

САША

Александр Припаров, как всегда, вошел в лабораторию минута в минуту. Завлаб Самсоныч уже ждал его, он, как известно, всегда приходил заранее.

— Доброе утро. Мойте руки, стерилизуйтесь, надевайте халат — и за приборы, за приборы...

— Погодите, Вадим Самсонович. Я хотел вам сказать важную вещь. Я стал замечать временные аномалии. Я когда возвращаюсь домой, еду на метро то час, то сорок пять минут, а то и того меньше... А иной раз и больше часа. Метро ведь не автобус, оно, по идее, должно ходить четко...

— Любопытно, — задумчиво произнес завлаб Самсоныч. — А я вот все удивляюсь, почему обеденный перерыв кажется все короче...

Саша и завлаб Самсоныч не сговариваясь посмотрели на прозрачный купол. Молодой бог, как обычно, уплетал фрукты.

— Мне кажется, что Молодой бог без нас скучает, — заметил завлаб Самсоныч.

— Знаете, Вадим Самсонович, иногда мне кажется, что наш подопечный... как бы это сказать... не сам по себе...

— Что?

— Словно бы он с кем-то связан. С кем-то оттуда, откуда он прибыл в наш мир.

— Связан, говоришь... Жаль, нет у тебя пока что нужного допуска, но когда-нибудь я расскажу тебе все, что нам известно про то, откуда они, по всей вероятности, приходят... А пока — за приборы, за приборы...

Рабочий день близился к концу. Завлаб Самсоныч раньше обычного прекратил работу и засел за телефон. Потом сказал Саше:

— Пойду на доклад к начальству. Тебя отпускаю пораньше.

— К какому начальству?

— К самому нашему высокому... Давай-давай, собирайся. Мне еще бумаги подготовить надо.

Ошарашенный Саша дошел до метро и уже скорее по привычке взглянул на часы. 18.30. И выходя, снова посмотрел. 20.00! Полтора часа в пути! Такого еще не было! Так долго он еще никогда не добирался. Что же происходит?

Но думать об этом было некогда — Саша увидел электробус, вот-вот готовый отойти. И он побежал...

САША И ЛИЗА

Вот он, электробус. Вот она, дверь. До нее всего пара шагов... Но вдруг неожиданный толчок в плечо. Саша и Лиза сталкиваются у самой двери транспорта... Поднимают глаза друг на друга. Их взгляды сталкиваются.

— Мне кажется, мы знакомы? — неожиданно для самой себя спросила Лиза.

— Нет, вряд ли, я совсем недавно в Москве...

— Ну, так давайте познакомимся.

— Давайте... Меня Саша зовут, — сказал молодой человек и стеснительно поправил очки.

— А меня Лиза, — сказала девушка и рассмеялась в голос. И про себя заметила, что так не смеялась давно.

И тут дверь электробуса закрылась, и тот тронулся с места.

— Мы упустили автобус, — заметила Лиза. Но как-то равнодушно она это заметила, без всякого сожаления.

— Тогда давайте пойдем пешком, — предложил Саша. — Давайте будем гулять.

— Давайте будем гулять, — ответила Лиза.

В этот момент под прозрачным куполом в НИИ прикладной биологии заурчал Молодой бог. На этот раз по-другому. Удовлетворенно.

Ульяна Волина

ТОЧНОЕ БУДУЩЕЕ

На конференции по вопросам фантастики «РосКон-2023» этот рассказ победил в мастер-классе «Конструирование будущего». Ульяна Волина сумела вписать в относительно небольшой объем и хардкорную научно-фантастическую идею, и производственную драму, и человеческую трагедию, и все это — с четко выдержанной «правдой характеров», психологической достоверностью.

Мастер обошелся с текстом безжалостно: первым делом он спросил, сколько времени автор потратил на свою историю — целый день или все-таки два. Заметно было, что рассказ сделан «на коленке», лишь бы успеть к сроку. Естественно, текст подвергли неллицеприятной редакции, а если по-простому, порвали на тряпочки. Аудиозапись разбора — сплошной хохот. Но еще там слышны реплики: «А вот это — на пять баллов», «А за это тебе жирный плюс», «А здесь очень верно подмечено».

В итоге рассказ «Точное будущее» обошел дюжину соперников, преодолев серьезную конкуренцию. Несмотря на обилие мелких огрехов, он даже в черновом варианте был полон жизни и показывал умение автора видеть людей, слышать их мысли и владеть своим главным инструментом — русским языком. Наконец, рассказ честно отыгрывал и поворачивал под неожиданным углом заданную тему. А ведь Ульяна, строго говоря, не «писатель», она сценарист мультимедиа и компьютерных игр. Но не будем делать никакой скидки на это. Наоборот, проза Волиной, пока еще заметно ученическая, уже сейчас стоит того, чтобы оценивать ее по самому взрослому счету.

И когда Ульяна вышла на сцену «РосКона» за своей наградой, мастер сказал: надеюсь, мы увидим тебя здесь еще не раз. Приходи за большими призами. Будем ждать.

Олег Дивов

Кристинка, как и любой взрослый разумный человек пяти с половиной лет, осваивала двухколесный велосипед брата вдумчиво и методично. Правда, пока ничего не выходило. Коленку пересекала алая царапина, правый локоть саднил, а поднимать непокорную железяку с каждым разом становилось все труднее. Кристинка задрала голову, словно просила помощи у теплого летнего неба, вдохнула, собралась, серьезно и грозно взглянула на строптивый велик. Одним ловким движением оседлала его и... Железный конь наконец покорился! То-то! Кристинка наслаждалась победой и горделиво разъезжала, старательно глядя на дорогу перед собой, а не на небо, которое как-то резко посерело и загрустило.

Прохладный ветер стал теплее. Так поначалу было даже приятнее. Потом из теплого он стал жарким и вдруг — обжигающим. Кристинка попыталась вдохнуть — и не смогла. Руки прилипли к раскаленным рукояткам велосипеда.

Раздался треск, будто ломались кости у чего-то огромного и невидимого, и мгновение спустя на Кристинку прямо с выцветшего неба летел мужчина в камуфляже.

Кристинке показалось, что мгновение замерло, подарив ей какое-то удивительное увеличительное зрение: словно на застывшем кадре в кино, она видела только глаза. Серо-голубые, широко распахнутые глаза мужчины с неба. Из-за военной маски они казались огромными. Он летел на Кристинку, раскинув руки, словно хотел ее обнять, а Кристинка смотрела в огромные глаза и проваливалась в этот бездонный синий колодец, полный серых бликов.

В его глазах отражалось... Она не знала, как это назвать. То ли звездное небо, то ли светлячки во тьме...

«Какие красивые, — подумала Кристинка, — как у доброго волшебника или рыцаря. Оказывается, такие бывают».

И мгновение спустя оглушающе больно хлопнулась плашмя на асфальт и отключилась.

Когда она пришла в себя, мужчина с неба лежал совсем рядом, раскинув руки. Велосипед — искореженный, со свернутым набок рулем, валялся у его ног. Кристина хотела

подняться — и не смогла: что-то острое вонзилось в ногу. Обожженные ладони сильно болели.

Она подползла поближе к волшебнику. Долго смотрела в распахнутые глаза-колодцы, их глубина успокаивала, даже нога перестала болеть. Перевела взгляд на волосы: светлые, чуть вьющиеся. Отодвинулась, рассматривая лицо, будто вылепленное скульптором. Он был такой красивый и... живой.

Если не опускать взгляд ниже, на окровавленную грудь, раздробленную руку и лужу крови, казалось, что мужчина просто отдыхает. Бурое пятно растекалось по асфальту, словно пытались повторить форму облака, с которого пришел волшебник. И сам он, казалось, смотрит в облака, пытаясь угадать свое. Потому и не моргает, и плывут в невыразимых глазах неторопливые облака.

Кристинка не сразу поняла, что он умер, а когда поняла — не вскрикнула. Прилегла рядом. Слабость обволакивала ее сонным равнодушием. Осколок снаряда попал в ногу, и кровь, щекоча, стекала тонким ручейком к щиколотке. Больно не было, скорее, ощущалось бессилие — нужно было закричать, привлечь внимание, как-то уползти, и тогда люди помогут, точно помогут. Но тело захватила уютная дремота, уже усыпившая синеглазого волшебника. Навсегда?

Ведь она, Кристинка, тоже сгруппировалась и словила осколок! Неправильно как-то. Несправедливо. А что, если волшебника еще можно разбудить? Что, если...

«Ради себя нет сил спастись, спасусь ради этого, с глазами», — вздохнула девочка, приподнялась и крикнула, задышав от слабости:

— Я здесь!

«Куваты загружены, пятеро мужчин», — прозвучал откуда-то издали незнакомый голос. Кристинку накрыла тьма.

Четырнадцать лет спустя

— Ну и?

— Семен Палыч, я не стал вручную, долго это. Дайте разрешение прогнать на аппарате, а? Куваты у нас в наличии. С запасом даже.

Василий вдруг будто со стороны услышал свой заискивающий голос, и ему стало тошно. Выдохнув на начальника все ароматы «вчерашнего», продолжил уже не так уверенно:

— Это же тридцать человеко-часов сэконом...

Семен Палыч раздраженно вдохнул. Казалось, он в принципе управлял всеми процессами в НИИ внушительными выдохами и выдохами — и работало! Вдохнет — все замолкли, выдохнет — разбежались по местам. Вот и сейчас Василий ждал выдоха, чтобы поскорее исчезнуть из кабинета.

Он неловко отступил на пару шагов, всерьез опасаясь, что полутораметровый Семен Палыч сейчас просто порежет его на ремни. Много-много ремней.

Взгляд начальника не обещал ничего хорошего.

— Н-ну... — проблеял Василий, пытаясь одновременно отстоять свою позицию и незаметно пробраться к выходу.

— На аппарате?! — Семен Палыч еще сдерживал ярость, но она с шипением прорывалась через предохранительные клапаны его видимого спокойствия. — С-сегодня все сделаешь. Понял?

Начальник дернулся, видимо, намереваясь встать. Василий инстинктивно шагнул еще дальше, оказавшись вплотную к двери. Но Семен Палыч не спешил отпускать: молчал, глядел — и не выдыхал.

Василий скукожился. Вся подготовленная речь про эффективность, прогресс и экономию ресурсов, которую в воображении он бросал в лицо начальнику, куда-то выветрилась. Голова гудела.

— Н-ну, тридцать человеко-часов, — то ли испуганно, то ли грустно пискнул Василий и взялся дрожащей рукой за дверную ручку.

— Вот и сиди тридцать, недоделок! Хоть пятьдесят сиди. А мне надо, чтобы через два часа все было готово, — полетело острыми сюрикенами ему в спину. Василий даже пригнулся.

Покорно склонив голову, как заправская японская гейша, он слегка поклонился шефу и засеменил по коридору, на выходе придерживав дверь, чтобы та не хлопнула. После нагоняя от Палыча виски просто взрывались от боли.

— Сука, — пробормотал Василий, на всякий случай оглядываясь по сторонам, словно Палыч мог бежать за ним и таки наподдать.

Стало ясно, что придется остаться на работе на всю ночь, и очень хорошо, если завтра к обеду получится закончить. Тридцать человеко-часов — это он, конечно, загнул по привычке, но часов двенадцать посидеть надо.

Перед лифтом Василий усилием воли изобразил бравую походку, подтянулся и в кабину уже не вполз, как бледная моль, а вошел как полагается — орлом. В тусклом зеркале не без удовольствия оглядел себя, провел руками по пышным пшеничным волосам и ладонью зачесал их наверх.

Череда запоев пока не сильно отражалась на внешности Василия, а небритость даже придавала ему некоторую брутальность. И все-таки самой примечательной чертой его облика были глаза — разом синие и серые, полные плескавшихся словно рыбки голубых бликов, словно хранившие в себе какую-то тайну. Такие глаза должны были принадлежать Бодхисаттве — а достались Василию.

Он состроил зеркалу гримасу, не смешную, а выгодно подчеркивающую его, Василия, крупную челюсть.

Хорош.

Тут как раз и двери лифта распахнулись на втором этаже.

Среди роя коллег, снующих вокруг мест силы вроде стола начальницы отдела Виктории Львовны, Василий быстро разглядел две рыжие короткие косички. Совсем как у Пеппи Длинныйчулок. Кристина.

Иногда Василий так и называл ее про себя — Косички.

Сейчас Косички торопливо кивали, стоя перед заваленным бумагами столом Виктории Львовны, местной альфа-самки.

«Какой-то детский сад — эти неаккуратные, торчащие косы», — подумал Василий. Кристина ему не особо нравилась, все время хотелось ее причесать. К тому же девчонка еще и хромала. Рыжая как не знаю что, и шрамы какие-то, пусть и едва заметные. Но как можно отказать себе в удовольствии покурить с влюбленной стажеркой?

Мгновение спустя Кристина обернулась-таки и, следуя его ленивому кивку, радостно вскочила и понеслась навстречу, улыбаясь и нисколько не пытаясь казаться равнодушнее.

Остальные девушки в отделе спецприборов были постарше и поумнее. Они давно Василия раскусили, поняли, что хоть он и красив, но по сути — пустоголовый позер и пьяница, вместо шуток повторяет старые пошловатые анекдоты, жадный и бесконечно заикленный на себе хмырь. Они игнорировали его, и это Василия втайне очень раздражало.

А вот Кристина втюрилась сразу, и эта нескладная симпатия, которую ей не хватало ума скрывать, была Василию приятна.

— Сегодня в бар?

Кристина, стоя под козырьком здания, с которого дождь сбивал звонкой дробью полурастаявший снег, неумело затянулась сигаретой, и Василий уверился окончательно, что курит она только ради общения с ним.

— Не получится. Палыч оставил работать, — сухо ответил Василий.

Крестину словно кипятком ошпарило.

— Как так?

Она-то уже намечтала, как они с Василием пойдут в бар, как она прижмется к нему на обледенелой дороге, как он подхватит ее и... Поход в бар — это же почти свидание!

— Вот так. Надо вручную прогнать данные, а аппарат запустить этот старый пень не разрешил.

Кристина от любопытства вытянулась вперед, как лисенок.

— Это тот самый волшебный прибор?

Василий усмехнулся.

— Ничего волшебного в нем нет.

— Ну как же! Я такого наслушалась. Непонятно только, почему все делают вид, будто это что-то незначительное.

И тут она заметила, что Василий ее не слушает, а старательно разглядывает что-то в смартфоне.

— Вон Ленка, юристка наша, пишет мне, подкатывает типа. — Он протянул смартфон, показывая сообщения. Кристина глянула на фото — в безвкусном, но зато очень от-

крытом купальнике, где Елена Викторовна, старший юрист, выгибалась в весьма вызывающей позе и старательно делала губы уточкой.

«Ну что за дурак этот Василий, и Ленка эта дура, и я тоже дурра», — пронеслось в голове у Кристины, пока она разглядывала красивое, скульптурное лицо Василия, светлые волнистые волосы, а главное — бездонные глаза. Этот цвет трудно было описать словами, изобразить на холсте тоже не получалось. Кристина извела тонну красок, чтобы повторить этот цвет. И не смогла.

М-да, Васе бы в музее стоять.

— Может, я помогу?

Василий скривился.

— Чем ты поможешь? Там понимать надо. Не те у тебя мозги.

Кристина даже не обиделась.

Тут ведь комбо: ей очень хотелось посмотреть на волшебный аппарат и еще больше хотелось потусить с Васей, а перед завтрашним долгожданным празднованием Масленицы многие коллеги разойдутся домой пораньше. Значит, можно остаться наедине с обоими — и аппаратом, и Василием.

Кристина задрала голову и выдохнула в холодное серое небо сигаретный дым.

— Ну, погоди. — Кристина быстро затянулась потухшей сигаретой и выбросила ее. — Я же стажер в Спецприборах, а у тебя там разве не спецприбор? Этот аппарат-то?

— Ага, прибор...

Василий осклабился так, что даже влюбленная Кристина поморщилась.

— Ну, этот монитор... формально же — спецприбор?! Значит, по логике, я имею право и даже обязана разобраться в режиме его функционирования! А еще у Лизы есть программа, вернее, плагин, который чутка убыстряет расчеты. Я могу ее попросить скинуть — на разрешенную флешку.

Все. Кристина вывалила все козыри и теперь напряженно ждала ответа. Должно, обязано было сработать.

— Ну, не знаю, — вяло протянул Василий.

— Погоди пять минут, я сбегаю к Лизе.

Кристина упорхнула счастливая, чуть не сбив Лизу с ног.

— Лиза, спасай!

Просьба прозвучала действительно жалостливо.

Подруга улыбнулась.

— Как тебя спасти, лисенок?

— Дай свою флешку с расчетами, Васе надо...

— Этому козлу? Слушай, он же мерзкий. Что ты в нем нашла?

Вопрос «что ты в нем нашла» регулярно слышит почти каждая женщина, но это было настолько не в характере Лизы, что Кристина всерьез задумалась. Ответа у нее не было. Девушка просто вспоминала Васины бездонные сине-серо-голубые глаза... и исчезала в них. Вот и все.

— Он похож на... Волшебника одного, — тускло пробурчала Кристина.

— Н-да, с влюбленными дурочками разговаривать все равно бесполезно. Вот тебе флешка. Спасибо он не скажет все равно.

— А я скажу! — Кристина обняла Лизу. — Спасибо!

Василий стоял в курилке все в той же позе — внимательно и с большим интересом рассматривал фотографии голых азиатов в смартфоне.

— Флешку достала, — сказала Кристина, тщетно стараясь подавить отвращение в голосе.

Василий было оживился, но через минуту снова уткнулся в смартфон. На экране блистала тайская красавица в яркой шляпе из перьев. Больше на ней ничего не было.

— До него допуск требуется, — процедил Василий без интереса.

— Ты мне, главное, окно открой!

— Че?!

Час спустя, когда нервный и злой Василий глотал вторую таблетку аспирина в надежде унять головную боль и произвести запрошенные Палычем расчеты, в форточку на четвертом этаже бодро постучали.

— Вот е...

Василий открыл окно и впустил Кристину.

— А как... Тебе не холодно? А охрана?

И правда, девушка была в легком платье. Косички в снегу.

Василий не смог выбрать, какой вопрос задать первым, и задал все сразу.

— Не! Нормас! Просто в пальто лезть тяжело. Мы в детдоме постоянно так делали. А охрана меня знает, я уже два месяца тут работаю, забыл?

Сказала и осеклась. Привыкла, что после того, как упоминает детдом, взгляд у людей становится какой-то виновато-отстраненный, что ли. Лучше б по морде сразу били, ей-богу!

А Василий ощутил, что ему сегодня может что-то перепасть, и улыбнулся.

— Чаю?

— Не надо, давай дело делать, — тут же отозвалась Кристина.

— Ну вот фигулина, — по-хозяйски махнул рукой Василий.

«Фигулина», как выразился Василий, максимально не вписывалась в интерьер. Все помещение в целом выглядело как обычный офис, невыразительные черные офисные кресла, десяток мониторов, большой пожелтевший принтер, унылые столы из ДСП и доски, исписанные неактуальной уже информацией.

А в центре... Кристина приблизилась, чтобы разглядеть... стояло то ли дерево, то ли тело огромного червя или гусеницы с отверстием вместо головы.

Кристина опустила глаза и заметила, что ствол уходит вниз — под него прорубили и нижние этажи!

Несмотря на то что аппарат был выключен, казалось, что он дышит.

Кристина уточнила про дыхание и про вырубку этажей у Василия. Василий в очередной раз закрепил за собой статус самого ленивого и нелюбопытного человека в НИИ. Знал он сильно меньше, чем Кристине хотелось бы.

— Трогать фигулину нельзя, — предупредил Василий, когда она вытянула руку, чтобы прикоснуться к червеобразному стволу.

Мозг Кристины выдал давно прочитанное:

— Это — нейроморфный процессор.

Василий ничего не ответил, словно ожидая, что же она еще скажет.

— Архитектура таких процессоров примерно повторяет человеческий мозг, — продолжила Кристина, сама не понимая, откуда в памяти информация об аппарате. — Нейроны, отвечающие за восприятие и передачу информации, взаимодействуют друг с другом с помощью синапсов и тем самым ускоряют процесс передачи информации в сотни раз...

— Садись, пять!

Кристина поникла: наверняка что-то перепутала.

— Ну, то есть это — нейрокомпьютер, который считает быстрее наших, если упростить, правильно?

— Типа того, — не слушая, сказал Василий и включил ссылку со смартфона. — Мама прислала, — тепло пояснил он, — волнуется, что опять дома не ночую.

По ссылке запустился фрагмент новостей.

Страшная «дачная» находка за городом. Десять человеческих тел были извлечены из коллектора... имеют увечья... Экспертиза продолжается, но уже сейчас можно сказать определенно: это убийство.

Следователи рассматривают связь между новой находкой и прошлой. Напоминаем, что три месяца назад в СНТ «Калина» были обнаружены сваренные в кипятке люди. В этот раз перед смертью потерпевшие были забиты насмерть. Экспертиза должна подтвердить предварительные выводы следствия, а также...

— Фигня какая-то, — с легким раздражением проговорил Василий. — Лучше бы православные открытки слала. С блестками. Любят пенсионерки ужасы.

История с изувеченными на разный манер телами напугала Кристину, когда она впервые услышала ее в общаге ночью, но теперь ее ум занимал Аппарат.

Василий же завис и глядел стеклянным взглядом вдаль. При этом выглядел он так величественно и прекрасно, словно задумался о чем-то высоком. На самом деле он твердо решил опохмелиться, оставалось вспомнить, у кого из коллег он видел заначку: у Петра или Сереги. Если у Петра, то плохо, он свои вещи запирает.

Василий подошел к ящику Сереги и выдвинул верхний ярус — глаза его осветило секундное, но самое неподдельное счастье из всех возможных. Бутылка была там.

— Правдуруб это, — величественно произнес Василий, извлекая на свет божий почти полную бутылку коньяка.

Кристина поняла наконец, что блеск глаз Василия — вовсе не причуды квантовой физики, и печально вздохнула. Один умный человек сказал ей, что думать о людях надо хорошо, разочаровать они всегда успеют. Она старалась поступать именно так. А люди раз за разом подтверждали, что все именно так. Вот Василий, например, был мастером разочарования экстра-класса.

— Как правдуруб? Василий, я серьезно!

— И я серьезно, я называю его Правдурубом. Тем эта шайтан-машинка и уникальна.

— Правдурубов у нас и так хватает — бабы нарожали. Ты мне объясни толком. — Она зыркнула на присосавшегося к бутылке Васю. Напряглась, приготовилась внимать и переваривать порции наукообразных терминов.

— Я серьезно говорю, Правдуруб, — обиделся Василий. — Кормишь его, а он тебе — ответ на все вопросы в галактике.

— На все вопросы ответ вроде бы «42».

В голосе Кристины уже чувствовалось раздражение. Она научилась считывать малейшие признаки надменного отношения к себе от городских. Едва-едва, но все же заметные.

— Ладно, вижу, ты не настроен общаться на эту тему, да и не обязан. Я, как и обещала, принесла программулину. Вернее, плагин от Лизы.

— О, это дело хорошее, лень Лизы — вот путь к прогрессу и свету знаний, — рассмеялся Василий. — Ей так неохота работать, что она так какую-нибудь антиматерию откроет, лишь бы скорее справиться и мемы рассматривать полдня.

Он отложил бутылку.

— Это точно, Лизка — талант, — с восхищением проговорила Кристина. — Мечтает сделать программу, которая соединяется с мозгом слепого человека и рисует картины!

— Глупость какая. Он же слепой, зачем ему рисовать, — хихикнул Василий.

Кристине захотелось пнуть Василия, но она сдержалась.

Протягивая флешку, заметила, что напарник высосал уже полбутылки коньяка.

— Пароль BaRRap. Шутка. Стандартный там пароль.

Кристина принесла ему распечатки и подала толстые папки с данными.

— Хочешь, покажу, как эта шайтан-машина работает?

— Тебе же не дали разрешение на запуск. Из-за этого ты тут и застрял...

Василий улыбнулся и по-гусарски одним махом допил коньяк.

— По работе не дают, а развлечься можно.

— Но как?

— Есть у меня кое-что. Куваты, на которых эта дура запускается. Вернее, один рыхлый куват. Для моих расчетов его энергии не хва... Кристинка, а ты что, без лифчика?

Последнее замечание она решила проигнорировать, но тихонько проверила застежку рукой, все на месте. Ох, Василий!

— А что, никто не проверяет?

— Проверяют, но списанием всей этой байды занимаюсь я, такая вот кибербезопасность, вернее, кибербесполезность. Написал в отчете, что куват поврежден и что утилизировал его, и все.

— Господи, я надеюсь, кибербезопасность в более важных областях обеспечивают менее... красивые люди.

Несмотря на то что физически Василий мог с ней сделать все что угодно, Кристина его совсем не боялась, подошла вплотную, взяла за челюсть, притянула к себе, встала на цыпочки, поцеловала в губы (ну наконец-то!), а затем скомандовала:

— Запускай!

В душе, несмотря на маленький триумф, скребли кошки. Откуда она слышала это слово — «куваты»? Что-то из детства? Нет, лучше было об этом не думать.

Василий извлек что-то похожее на светящегося червя и положил прямо внутрь отверстия-пасти. Кристина затаила дыхание, но ничего не произошло. Она думала, что Василий ее разыграл, — и пригрозила ему наподдать, тем более что Василий уже был почти «готовенький» и стал на редкость открытым и общительным. Кристина нравилась ему все больше.

Ну и что, что хромая да рябая.

Первые минут десять-двенадцать после кормежки шли чертовски медленно, Кристина прислушивалась к каждому шороху, ее косички, казалось, улавливают все сигналы словно антенны.

Василий же распаковывал и теперь проверял программку от Лизы, ругался, что она кривая и только мешает, так что Кристине пришлось отвлечься от таинства и помочь несчастному. Но даже отворачиваясь, она неусыпно следила за Аппаратом и вздрагивала от любого шороха.

Когда Василий разобрался, перестал называть программу туфтой и наконец-то принялся за работу, аппарат ожил и задышал.

Кристина вздрогнула. На голом стволе появились какие-то символы, и послышался треск, как от костра. Запахло чем-то прогорклым, и Кристина не могла разобрать, что это. Мясо? Жир?

Потом прибор стал издавать звуки — всхлипнул, взвизгнул и — Кристина могла поклясться — вздохнул, а на месте отверстия возник экран.

— Вопрос придумала?

— Вопрос! Э, нет! Какой вопрос?

Кристина растерялась. Это было подло — внезапно спросить у человека о чем-то важном. Например, какая у него мечта. Да еще и понукать.

— Она секунд десять только поработает, так что давай я, — усмехнулся Василий. — Ну-ка, фигулина, пробурчи, какой у Кристины был первый секс или тайну, может, какую уголовную.

На стволе зажглись символы, а на мониторе появилась следующая запись:

«Уголовных деяний нет, воспитывалась в детдоме, скрывает, что ее в третьем классе растлил старший брат».

— Вот е... — Кристина похолодела. Такие тайны она точно не хотела бы вот так...

— Фу, б... — Василий сморщился.

Через несколько секунд прибор затих, словно притаился и заснул. Символы погасли.

Сгорая от стыда, Кристина отвернулась. Она не хотела, чтобы Василий понял, что она плачет.

— И что этот правдоруб... расскажи про него.

К ее счастью, Василий не стал обсасывать подробности усыпанного и заговорил голосом робота-помощника:

— Инженерно-политический инструмент, если можно так сказать. А кстати, можно так сказать, Кристинка?

Она, не поворачиваясь, быстро утерла слезы.

— Ну, наверное, можно...

— Короче, фигня эта показывает наглядно, к чему приводят те или иные решения. Например, строят людишки мост в определенном месте, но вот тут... — Василий ткнул в карту на столе, — ...есть недостатки почвы, из-за чего он быстрее разрушается, а там какое-нибудь месторождение найдут, и тогда вообще мост понадобится в другом месте для удобства логистики. А еще через десять лет здесь с вероятностью девяти на девять процентов будет война, и мост будет уничтожен, не успев принести достаточно пользы. Вот такие результаты

показал Правдуруб в прошлый раз, — игриво отрапортовал Василий и легонько поцеловал Кристину в ухо.

— М-м-м... — беспомощно промычала она.

Кристине было очень стыдно, и она изо всех сил пыталась успокоиться и понять, что же ей говорит пьяный Василий. Он продолжил вещать:

— Этим же в принципе занимаются и инженеры безо всяких там Правдурубов — путем построения диаграммы развития событий и дерева решений и концептуального мета-моделирования. Ну и плюс куча скучных, но очень полезных штук. Вот и я тоже все эти показатели вношу в таблицу и рассчитываю. Ползучесть. — Он поцеловал Кристину в шею. — Коррозия, температурные эффекты и теплопередача... Но эта штука, она предельно точна, учитывает факторы хаоса и непредсказуемости нашей жизни. — Василий обнял девушку сзади и прижался к ней.

Кристине стало так интересно, что расхотелось и жалеть себя, и поддаваться пьяному очарованию Василия, поэтому она вытягивала из него все новые рассказы о том, что уже тестировали, и Василий, нисколько не обидевшись на облом, продолжал:

— Правдуруб выдал абсолютно точную картину — где именно строить соседний город и что, оказывается, ГЭС лучше возводить в другом месте — существует повышенная вероятность боевых действий. Через двенадцать лет. И город будут строить там, где указал Правдуруб, и ГЭС тоже. Ну, данные ребята подделали немного — а расчеты подтвердили точность, их и прикрепили к финальным документам.

— Я правильно понимаю, что он позволяет моделировать ситуации со стопроцентной точностью?! — спросила Кристина.

— Получается так.

Девушка взглянула на Василия: пьяного, расслабленного и такого красивого, и почувствовала, что плывет. Захотелось бросить все к чертям и целовать, целовать, целовать. Но биология не должна властвовать над разумом: Кристина выдер-

нула себя из грез и нечеловеческим усилием воли отодвинулась от соблазна. Главное, не смотреть ему в глаза. Иначе...

— Василий, но это же оракул получается?

— Хм. Получается, так.

— Я приютская, как я уже и проболталась, но историю нам преподавали хорошо.

Теперь вместо красивого Васиного лица Кристина изучала пятна на полу.

— Ну, называй оракулом, если хочешь. Хоть Тузиком.

— Если оракул столь силен, то что или кто... — От неприятного предчувствия волосы на затылке Кристины зашевелились. — ...кто — подношение, кто — жертва оракула?

Василий смотрел на нее, моргая. Пытался понять.

— В Китае во времена правления династии Шан приносили человеческие жертвы двенадцатью различными способами. — Кристина говорила, и дыхание сбивалось. — Все не помню, но там военнопленных или рабов забивали насмерть, отсекали им головы, сжигали и четвертовали... короче, чтобы получить точный ответ у оракула, сначала спрашивали, сколько человек и каким способом надо... ну... того... Вась, у тебя коньяка не осталось?!

Кристине стало как-то очень не по себе и трудно дышать. Василий смотрел на нее пустыми глазами. Приблизился, похлопал по плечу.

— Что-то ты напридумывала. Не усложняй. Какие еще жертвы? Какой Китай? Вон, комбикормом питается твой оракул. У нас айти-технологии! — Он взметнул палец вверх. — Двадцать первый век, расслабься, теперь все добрые. Пошли считать, помощница.

— И правда. — Кристина попыталась взять себя в руки. — Какие глупости на ум идут, и это притом что выпил ты, а не я. Пойдем!

Еще через четыре часа усталый, но довольный Василий пошел к Семену Палычу, главному любителю работать ночами. Оказалось, что из-под палки, в прямом смысле этого слова, работается Василию очень хорошо. Когда он засыпал,

Кристина тыкала в него указкой, он просыпался и продолжал расчеты.

Кристина же поплелась домой, вернее, в общагу.

Шла и улыбалась — вспоминала, как еще одна бутылка плохого виски, которую, как заправская ищейка, нашел Василий, переключала его настроение — то он заигрывал и предлагал прямо в офисе предаться страстям, то пытался забить на все и поспать, то в него вселялся дух древних викингов, и он возмущался вопиющей несправедливостью, рвался доказать Семену Павловичу, насколько тот ошибается, тыча в монитор, словно шеф мог видеть его в режиме видеозвонка.

— Эта скотина, Палыч, велел мне считать все вручную вместо того, чтобы просто прогнать и получить результат, представляешь?! Как бы я хотел помять ему рожу. — Василий заметил свое отражение в стекле и на мгновение залюбовался собой, даже злиться перестал. Кристина прыснула со смеху.

— А может, эта штука как-то дорого обходится, ну, в смысле, работает на каком-нибудь условном бензине, и вот он дорог, поэтому Палыч хочет вручную... Ты вообще понимаешь, откуда берутся эти куваты?

Почему-то, когда она задавала этот вопрос, к горлу подступила тошнота. Недосып, наверное.

— Просто Палыч — баран тупой и не терпит ничего прогрессивного, — отмахнулся Василий.

Кристине пришлось рано научиться разбираться в людях, и в тот момент интуиция говорила, что Семен Палыч — отличный начальник, но, получается, имея на руках такую штуку, как Правдоруб, он не позволяет ею пользоваться. Что же это такое? По-хорошему, можно было половину состава бездельников разогнать. Таких, как Василий, например.

Живодеры в Подмоскowie перешли на людей. Были убиты тринадцать собак и двое волонтеров: 18-летняя Анастасия и 30-летняя Александра. В интересах следствия фамилии жертв не разглашаются. Следов взлома в частном приюте не обнаружено. И люди, и животные были четвертованы — могилу обнаружили случайно. Ведется следствие.

Соседка по общежитию включила новости на смартфоне — эта, как и мама Васи, тоже любит слушать всякую дичь и страшилки на ночь. Кристина быстро переоделась и легла в постель.

В голове все никак не могла собраться картинка, постоянно всплывали разговоры.

— А как нашим программистам удалось изобрести такую вещь?

— А это не программистский отдел — это биологи приволокли отросток от какой-то большой елды, где-то там.

— Очень информативно, Василий...

— Ну, что знал — рассказал.

— А тебе не интересно?

— Да по фиг, все равно ничего не изменится.

И Кристина к своему ужасу поняла, что в глубине души согласна. В какой-то момент, сидя на полу, Василий изрек:

— Правление и Комитет по безопасности там с Палычем уже неделю дискутируют — какой-то большой вопрос прислали сверху, но куваты должны быть отборные. Вот Палыч и жестит. На то, что он считает мелочью, не тратится. Этот «крупняк» оттягивает, баран. Ох и шоу будет! — Василий кровожадно улыбнулся, и Кристина подумала, что рот у него какой-то непропорционально огромный, словно он готов прожевать всех: и Палыча, и НИИ, и Кристину тоже, и всю эту несчастную планету Земля.

Мрачные мысли о жертвоприношениях ее оставили. Все-таки корпоративные дразги — занятие настолько скучное, что страх просто улетучивается.

«Завтра надо будет подумать на свежую голову», — решила Кристина, засыпая.

Поставила будильник: вставать через один час двадцать минут.

«Новый день, подари мне... удачу!» — улыбнувшись своим мыслям, Кристина провалилась в сон.

Масленица!

В течение многих лет отдел снимал на Масленицу один и тот же ресторан, коллеги сами пекли блины — и сами их ели. Ну и выпивали, не без этого. Даже Лизка, которая ненавидела

общаться с коллегами, присоединилась к празднику. Они со Светланой Юрьевной, доброй полной женщиной, обсуждали муку.

— Только нормальную — никаких этих ваших амарантовых и прочих! Вон, гляди. Смотрю на эти мешки, и прямо хорошо становится. А ты только деньги выбрасываешь! Напридумывают тоже!

Лизка не злилась на Светлану Юрьевну — не любить ее было невозможно. Это была всем матерям мать, и когда что-то случалось, плакать приходили на ее плече: и Лизка, и Кристина, и даже Виктория Львовна, но по большому секрету. Сейчас Виктория Львовна с явным неудовольствием рассматривала мешки с мукой. Ее действительно завезли необычайно много — раз в двадцать больше необходимого.

— А зачем нам пять мешков муки? Мы что, хлебопекарню открываем?

— Не знаю, заказывали как обычно — один. Ну, много — не мало.

— А это зачем?

— Это — апельсиновые корки. Для аромата, наверное, — предположила Лизка. Она знала, что Виктория Львовна не любит, когда кто-то влезает в разговор. Поэтому и влезла.

— А масла — целая бочка?!

— Получается, так... — растерянно сказала Светлана Юрьевна. — Надо перепроверить — платили-то мы за меньшее количество.

Зато куча сахарной пудры ни у кого вопросов не вызвала — была бы пудра, а применение найдется.

Кристина пересаживалась уже в третий автобус. Ночные бдения с Васей привели к тому, что она чудовищно проспала, и корпоративный транспорт уехал без нее.

«Все сожрут», — грустила Кристина, сидя в ожидании автобуса.

Масленицу провожали в ресторане «Березка», в русском стиле. Место было хорошее, да и привычное всем. По всей территории стояли небольшие домишки, сделанные под срубы, в некоторых могло поместиться человек шесть максимум, как

в небольшом предбаннике, а другие, побольше, могли спокойно вместить человек двадцать.

В обычное время между домиками разъезжали официанты на роликах и разносили шашлыки. Но сейчас во дворе было пусто.

Кристина вошла на территорию ресторана, услышала крики и громкую музыку — пошла на звук. Она опоздала на полтора часа и уже готовила извинительную речь. Постаралась принарядиться, чтобы Василий оценил. Мягкий нежный ветерок теребил волосы.

Не успела Кристина дойти, как нежный ветерок стал теплеть и вот уже обдавал жаром, а вдохнуть стало невозможно — все превратилось в едкий удушливый дым. Кристина увидела, что люди не радостно кричат, а бьются в истерику в двери избушки. На крыше бушевало пламя.

В воздух поднялась мука, превращаясь в смертоносное облако. Она легко воспламенялась, разлетаясь по избе.

Мука, много муки в воздухе. Она помогала огромному большеротому огненному демону быстрее расправиться с человеческой плотью. Внезапный взрыв снес часть крыши и впустил живительный кислород внутрь, но было слишком поздно. Оставшимся в живых не повезло, они просто страдали дольше. Кристина рвала на себя двери, била в окна и кричала — успела заметить, как корчится на полу Лиза. Подруга — вся черная, обугленная, билась в конвульсиях — сражалась за жизнь. Кристина вцепилась в ручку двери, она была слишком горячей.

— Пошла вон, дура! — Что-то мелкое и черное вцепилось в Кристину и оторвало от дверей. Она обернулась и увидела начальника, Семена Палыча. Его маленькие темные звериные глаза смотрели на нее с ненавистью. Шеф с нечеловеческой силой оторвал ее от ручки, оттащил, усадил на землю.

Кристина зажмурилась и мгновение спустя услышала, как подъезжает машина.

О, чудо! Пожарные!

«Только почему без сирены», — промелькнула где-то на краю сознания мысль.

Семен Палыч волок Кристину к выходу, попутно вклеив ей звонкую пощечину. Это быстро привело ее в чувство. «Вася, — пронеслось в голове. — Где Вася?» Обожженные ладони так и саднили.

Из пожарной машины вышли люди в штатском.

— Эта проверяла, — быстро сказал Семен Павлович и заслонил своим тщедушным тельцем Кристину. — Она проверяла...

Только сейчас Кристина увидела, в каком на самом деле состоянии Семен Павлович: весь в копоты, дышит тяжело, рука на сердце, глаза навывкате...

Еще несколько пожарных, тоже без защитных костюмов, шли в сторону горящего домика. Спокойно пошли, как в будний день на работу.

— Все в норме, — брякнула Кристина.

— Куваты собрали? — услышала она чей-то оклик и словно обледенела.

— Теперь дуй писать отчет.

Кристина застыла.

— Пошла!

Семен Павлович рывкнул так, что Кристина очнулась, только когда уже вбежала в метро. Люди оглядывались на нее и отходили подальше.

Не помня себя, опять проделав тот же сложный маршрут с пересадками, Кристина вернулась на работу. Состояние было абсолютно сомнамбулическое — как в детстве, когда ее закрыв собой Волшебник.

Она поплелась в здание номер 6. К Правдорубу. У козырька курил Василий. Он выглядел как нездешний принц из сказки, слишком красивый для этого мира. И настроение у него было отличное, сразу видно. Сияя, он грелся в лучах скупого солнца.

— Приветули!

Кристина не нашла в себе сил ответить, а Василий, как обычно, не обратил на ее состояние внимания.

— Пошли, я на тебя пропуск выписал. Палыч успел отдать последнее распоряжение, я ему признался, что ты помогала! Там такое!.. — задорно сказал Василий.

Кристина даже не поняла, как оказалась на нужном этаже. Василий протиснулся вперед. Люди внимательно следили за работающим аппаратом. На разных частях ствола то зажигались, то гасли символы, а потом это интерпретировалось и выводилось на экран. Народу было много, и публика собралась весьма разношерстная: парочка военных, несколько совсем молодых людей, серьезные дяди в костюмах.

— Представляешь, сегодня Палыч уехал на скорой. Инсульт, — сдерживая улыбку, сообщил Василий. — Похоже, все. Кирдык.

Кристина с трудом подняла голову и взглянула в эти невероятные небесные глаза — такие глаза могли принадлежать герою, они были над этим миром, над его горестями и радостями...

— А почему? — наконец-то выдавила она. Ее била мелкая дрожь.

— Да сверху сказали запустить аппарат, а он ерепенился, саботировал типа. А вопрос важный был, про дамбу. Короче, этого старого пердуна увезли, а Правдоруба только что покормили. Говорит, что дамбу строить можно! Это же стройка века! Круто, да? Ты самое интересное пропустила!

Василий улыбнулся непропорционально огромным ртом.

— Его только что покормили, — пробормотала Кристина и бессильно опустилась на пол.

— Ага! Я и запустил процесс, — горделиво сообщил Василий. — На этот раз был красный куват, ядреный такой. Огонь ваще.

Кристина свернулась калачиком на полу под ногами Василия и, не обращая внимания на толпу, завывала.

Максим Кабир

«ЯПОНЕЦ»

Понедельник, 10.30

— ...Эту идею! — закричала Шилина.

— Что? — Андреев вцепился в собственные колени, надеясь, что выглядит более-менее бодро и провожающие не развернут моторную лодку, испугавшись за самочувствие пассажира.

Шилина качнулась к нему и повторила, перебивая шум мотора:

— Вообще-то мы слямзили эту идею!

— Вот как?

Ветер заливал холодной моросью, сдергивал капюшон дождевика. Хлипкое суденышко боролось с волнами, а ведь до отплытия, на территории бывшей погранзаставы, их «капитан» сказал, что погода сегодня «шик». Жилистый паренек, здешний, сахалинец, высокомерно озирает столичных гостей и поблескивал золотой фиксой.

— Гетенбургский фестиваль, — проорала Шилина на ухо. — Проходит в Швеции!

— Знаю! — отворачиваясь от жалеющего ветра, так же криком подтвердил Андреев. Он собирался упомянуть Ингмара Бергмана, но стихия кляпом заткнула рот.

Не услышав его «знаю», Шилина закричала отрывисто:

— Они провернули это прошлой зимой! На острове Хамнескер! Все прошло отлично! — Шилина продемонстрировала большой палец. Четвертый член команды, фотограф, щелкал камерой. Пейзаж захватывал дух. Земная твердь, некогда

принадлежавшая префектуре Карафуту, вылезала из пучины наподобие серо-зеленого дракона, какого-то чудища в стиле кайдзю. До Японии было рукой подать: девяносто километров через пролив Лаперуза. Лодка неслась вдоль величественного, окуренного мглой мыса. Охотское бурлило и грохотало. Впервые Андреев очутился так далеко от дома — на краю света.

Особо крутой «ухаб» завязал желудок узлом, и в этот момент фотограф поймал побледневшего Андреева в объектив, запечатлел, бледного и дезориентированного, с жалкой улыбочкой, смахивающей на оскал.

— Вот он! — крикнула Шилина, заслоняясь ладонью от солнца, вдруг прорезавшего кулису небес. Будь эта сцена рукотворной, Андреев аплодировал бы мастерам света. Как безукоризненно выхватили они из дымки финальную точку путешествия.

Озаренный косыми лучами — так подсвечивают ангелов в кинофильмах, — впереди возвышался двадцатипятиметровый маяк. Железобетонная глыба, памятник человеческому мужеству и человеческой тщете. Он стоял на небольшом расстоянии от берега. Если бы не течение и температура воды, пролив можно было бы преодолеть вплавь. Но волны носились вокруг в безумном темпе, будто акулы, вынюхивающие добычу. Белые буруны атаковали голую скалу, пьедестал маяка. Издалека башня казалась свечой, а остров — стекшей горкой воска.

— Как красиво, — крикнул Андреев.

— «Японец»! — отрекомендовал достопримечательность золотозубый «капитан». — Умели же строить, косолазые!

Лодка обогнула скалу и другие, мелкие скалы, банки, то появляющиеся из-под воды, то исчезающие. Валы несли на гребнях мыльную пену. Сахалинец показывал московским лентяям мастер-класс и довольно щерился.

«Только бы не стошнило», — взмолился Андреев.

Но лодка уже причаливала к бухточке — единственному пологому месту неприветливого острова. Андреев косолапо выбрался на сушу и перевел дыхание. Галантно помог Ши-

линой спешиться. Сквозь вездесущий запах йода пробился робкий аромат волос, шампуня и духов. Снимая спасательный жилет, Андреев пожалел, что симпатичная представительница отдела связи кинофестиваля вскоре покинет маяк, не разделит с ним прелести и тяготы робинзонады.

Шилина мило улыбнулась, потрепала Андреева по плечу. Он подозревал, столкнись они в Москве, дамочка одарила бы лишь презрением. Эффектная карьеристка, в свои сорок выглядящая на тридцать, и тридцатилетний «вечный студент», успевший обзавестись залысиной и пивным животом. Что бы он ей предложил? Однушку в Химках и ужин в «Макдоналдсе»?

Шилина, приплывавшая на остров двумя днями ранее для инспекции, уверенно двинулась по крутой тропке. Андреев поспешил за ней. Фотограф замыкал процессию, не забывая о работе. Их Харон остался курить у лодки.

— Канаси, — сказала Шилина, — так называется и остров, и маяк. В переводе — «печальный».

Андреев прочел о пункте назначения все, что можно было прочесть, но изображал интерес. Море шипело и пенилось, белое у берега, свинцово-синее в своей развернутой ипостаси. Остров выныривал из пены метров на десять. Сахалинский май был суров, но пригретый солнышком Андреев расстегнул дождевик и ослабил ворот куртки.

— Накиньте капюшон, — посоветовала Шилина, оглядываясь. — Не отмоеетесь от дерьма.

Словно в доказательство стая тучных чаек вспорхнула с валунов, воспарила, оглашая окрестности гортанной бранью. Гуано выбелило камни. По террасам ветер мел перья. Андреев защитил волосы полиэстером.

Вблизи маяк выглядел так же впечатляюще, но теперь помимо гордости за труды первопроходцев вызывал грусть. Спроектированный токийским инженером в тысяча девятьсот тридцать девятом, он походил на древнего старца. На отшельника, который не рассчитал свои силы и не справился с яростью зим. Японцы переселились южнее, а маяк погиб, но остался стоять

стоймя, таращась окнами и мертвыми призматическими линзами в сторону Родины.

Семиэтажная башня постепенно разрушалась. Она приобрела цвет ржавой цистерны, цвет бесхозного баркаса, ветшающего на отмели. Пятна ползли по издырявленному бетону. Оголилась рыжая ажурная арматура — кости здания. Погнулись ставни. В год рождения Андреева последний смотритель покинул Канаси, отдав маяк на разграбление ветрам и мародерам.

«Ютьюб» подготовил Андреева роликами экстремальных тревел-блогеров, но в реальности бетонная громадина была еще тоскливее и — япошки угадали — еще печальнее.

«Неужели, — подумал Андреев, — мне придется ночевать на груде мусора?»

— Не переживайте, — прочла его мысли Шилина. — Маяк частично обустроили. Доставили сухогрузом кое-какую мебель, холодильник, бойлер. Это начало реконструкции, и наша с вами глобальная цель — привлечь к «Японцу» внимание инвесторов. Вот почему власти округа обратились к организаторам фестиваля. И стырили у шведов идею. Остров должен стать объектом легального туризма. Поможем ему?

— Запросто, — рапортовал Андреев.

Они миновали запертую пристройку. Шилина отворила ключом металлическую дверь, утопленную в колоссе маяка.

— Добро пожаловать, — сказала она. — На ближайшую неделю это — ваш дом.

* * *

Понедельник, 12.40

Они уплыли. Шилина, фотограф и паренек с золотой фиксой. Стоя на краю террасы, Андреев поднял руку, а Шилина энергично помахала в ответ. «Ждите лодку в следующий понедельник, в полдень, — инструктировала она перед отбытием. — Надеюсь, фильмы будут увлекательными».

Он подумал, она обнимет его на прощание, но Шилина ограничилась рукопожатием.

«К открытию фестиваля вы будете в Москве, на одной ковровой дорожке с Хабенским и Лядовой. Увидимся с вами уже на пресс-конференции. Пока».

Моторка опасно вильнула к базальтовому столбу, но вовремя выпрямилась и пропала из поля зрения.

Чайки кричали, бомбардируя остров пометом. На лице и губах оседала соль. Андреев облизнулся.

Семь дней в одиночестве. Сто шестьдесят восемь часов. Шестьдесят фильмов.

Это все, безусловно, плюсы. Из минусов — отсутствие интернета. Ни книг, ни телефонов, ни USB-накопителей. Сплошное фестивальное кино.

Ртутный столбик в термометре поднялся до плюсовых десяти градусов, но Андреев продрог на ветру. Крутнувшись, коротко глянув на запертую пристройку, он ушел в маяк.

* * *

Понедельник, 14.45

Первый из шестидесяти фильмов был кустарной фигой. Андреев, киноман с многолетним стажем, отметил в блокноте аллюзии на Брессона и неудачный эквивок «Иванову детству». «Актриса бесит», — написал он и потянулся.

Андреев был счастлив. Лучшие выходные в его понимании — проваляться в кровати, поглощая классику кинематографа. Чтобы ничто не отвлекало. А здесь... здесь ему подарили целую неделю удовольствий, заботливо оградив от людей, предоставив бонусом бесплатную еду.

Мечта гика воплощена! Можно ли продлить на месяц?

О проекте «Киноробинзон» Андреев узнал от приятеля, фаната студии «Гибли». Приятель сказал, что подал заявку — чем черт не шутит. Андреев ответил, мол, держи карман шире, там все заранее куплено. «Да кто, — возразил приятель, — станет покупать отпуск у черта на куличках, в заброшенном маяке? Только такие фрики, как мы, а у нас никогда нет денег». — «Дураков хватает», — сказал Андреев скептически, но дома отыскал сайт и заполнил анкету.

«Обожаете кино? У вас есть уникальная возможность посмотреть все шестьдесят фильмов, участвующих в фестивале. Мы оплатим перелет из любой точки России и доставим вас на один из самых труднодоступных маяков Сахалина, где вы будете наслаждаться семидневным киносеансом. Попкорн в подарок!»

Андреев не питал никаких иллюзий. А в апреле он прыгал от радости по квартире, пугая звериными выкриками канарейку Вуди, названную в честь Вуди Аллена.

Электронное письмо извещало, что его анкета понравилась организаторам, и собеседование с отобранными претендентами пройдет в субботу по адресу...

«Брось, — остужал он свой пыл в электричке. — Претендентов небось штук двадцать! Вспомни Юльку, тебе никогда не везло».

Юлька была билетершей в кинотеатре, который он посещал каждую пятницу. Расхрабрившись, он пригласил ее на свидание — посмотрим вместе что-нибудь романтическое. Она поперхнулась смехом.

«Прости, — сказала. — Я ненавижу кино. И в любом случае у меня есть жених».

Вот бы удивилась эта Юлька, узнай, что парень, которого она отшила, был одобрен продюсером престижного фестиваля и сейчас блаженствует в шести с половиною тысячах километров от Москвы. В Японии, считай.

Без зазрений совести Андреев уволился из редакции газетнки, куда его осенью по блату устроила тетя. У фаната «Гибли» отвалилась челюсть, когда Андреев приволок ему клетку с канарейкой. Понянчи Вуди, пока меня не будет...

Андреев забросил руки за голову и огляделся. Кинозал, основное место его работы, разместился на третьем этаже маяка в отремонтированном жилом помещении. Толстая колонна, вертикальная труба, прошивающая здание насквозь, прежде маскировала маятник, управлявший движением оптической системы. С тридцать девятого по восемьдесят девятый здесь обитали люди — японцы, а позже русские, — обеспечивающие путеводный свет кораблям, и каждые три часа они

заводили маятник. Недолгий период «Канаси» существовал в автоматическом режиме: дизель вытеснило ядерное топливо. После развала Союза изотопные установки демонтировали, здесь ржавели панцирные койки и изредка ошивались сталкеры с материка. Ныне же мусор был убран, всюду болтались лампочки на проводах. Автономная станция обеспечивала электричеством, переносные батареи согревали жилые этажи — Шилина объяснила, как пользоваться генератором, как сливать охлаждающую жидкость и заправлять бак. К середине занудного фильма согревшийся Андреев стащил вторые, шерстяные носки.

Хлам заменили удобным диваном и домашним кинотеатром. Монитор диагональю в пятьдесят пять дюймов, великолепный акустический комплект и DVD-проигрыватель — легко забыть, что ты на необитаемом острове. Герои Жюль Верна и Стивенсона обзавидовались бы.

Две смежные комнаты просто вычистили от хлама. За дверьми в чешуе синей казенной краски — голые склепы с облупившимися радиаторами. В одной комнате обитала трехлитровая банка с плесенью, а в другой — лопата. На такое соседство Андреев не жаловался.

Перебив аппетит арахисом, он отложил диск и загрузил следующий.

* * *

Понедельник, 16.40

Единственным гаджетом в распоряжении Робинзона был запароленный iPad с двумя доступными функциями: снимать видео и смотреть фильмы. В обязанности, обусловленные контрактом, входило ведение дневника, а плеер был нужен, чтобы не ограничивать себя кинозалом и свободно передвигаться по острову.

Комедию в духе Гая Ричи Андреев запустил на планшете. Винтовая лестница огибала комнаты, образуя узкий лаз между двумя бетонными колодцами, вдетыми один в другой: внешними стенами и собственно помещениями «Японца». Так что

окна были только на лестничной клетке. Даже в наушниках, сквозь реплики персонажей, Андреев слышал, как истошно скрипит металлическая конструкция.

На пятом этаже когда-то располагалась пневмосирена, которую запускали при облачности. Андреев вхолостую пощелкал допотопным выключателем. Крысиные хвосты оборванной проводки и покренившиеся заслонки распределительных щитков играли роль реквизита. Добавляли аутентичности. От генератора питались холодильник и плита с двумя конфорками — их привезли на остров специально для Робинзона. Из комнаты в комнату вели двери с низкими, лоб расшибешь, притолоками. Кухню обустроили в самой опрятной каморе с громадным резервуаром и запасами бутилированной воды. Потолок тут почти не растрескался, а краска и та отслоилась симметрично. Холодильник был полон до краев, не чета старому ворчливому «Минску» Андреева, вместилищу пельменей и дому для морковного огрызка. Организаторы расщедрились. Островной «олл инклюдзив» предлагал ветчину, банку красной икры, несколько видов сыра, увы, без вина и без алкоголя вообще. В ящиках нашлись крупа, галеты, макароны, консервы. На десерт — сгущенное молоко. Соленые орешки, по просьбе Андреева. Он рассчитывал занять пару лишних кило.

Сварганив бутерброд, он сел на стул, ел, прихлебывая чай, а ближе к концу фильма сдернул левый наушник, обернулся, спросил рассеянно: «Что?» и, не получив ответа, снова уткнулся в экран.

* * *

Понедельник, 23.00

Спальня Андреева затесалась между «кинозалом» и кухней. Стандартная комната без окон, без дверей, вернее, без дверных полотен: в проеме справа виднелись мостки лестничной площадки, а через проем слева и пустую (не считая куска полиэтилена) комнату можно было попасть в туалет и душевую. Пресная вода поступала в бойлер из резервуара этажом выше. Сервис определенно радовал добровольного за-

творника. Шилина сказала, при достаточном финансировании «Японца» превратят в мини-гостиницу для любителей экзотики.

Полая колонна пронзала помещение насквозь и отбрасывала тень к порогу; тень речушкой вливалась в полумрак снаружи. Убаюкивая, гудел генератор. Бельгийское чудо техники оснастили шумоподавляющим кожухом, но и в спальне был слышен его приглушенный гул. Андреев выключил свет, забрался в постель. Белье благоухало стиральным порошком, но сильнее был дух самого здания, пустовавшего десятилетиями: запах железа, камня, вездесущий запах моря.

Было до странного уютно лежать под стеганым одеялом, в трусах и футболке, в настоящем маяке, прислушиваясь к грохоту волн, осознавая, что ты один на целом острове.

Ну, почти один.

Андреев почмокал губами, словно дегустируя негу, и провалился в сон без сновидений.

* * *

Вторник, 10.30

Историческую драму сменил триллер. Андреев отставал от намеченного графика: смотреть по восемь фильмов в день. Поэтому, вскочив с кровати пораньше, он вооружился планшетом и безотлагательно приступил к обязанностям. На подоконнике кто-то забыл кусок мела. Андреев изрисовал кухонную стену черточками, по числу картин — участников фестиваля. Зачеркнул восемь штук, шесть вчерашних и два сегодняшних. Сытый, с легкой душой, он вскарабкался по скрипучим ступенькам. Он воображал себя Питером Кушингом в «хаммеровской» постановке или Ингрид Бергман в «Газовом свете»: обстановка диктовала готическое настроение.

Над кухней раньше хранилось горючее — теперь там складировали хлам с нижних ярусов: промышленные весы, шкафы, поддоны, отражатели, какие-то запчасти.

Лестница вывела Андреева на обзорную площадку, окольцевавшую последний этаж. Ветер взъерошил волосы,

чайки взмыли с изъеденных солью ненадежных перил. Окна в верхнем помещении располагались по кругу, но часть стеклянных секций отсутствовала, а часть была так загажена птицами, что утратила прозрачность. В середине комнаты громоздился состоящий из проржавелых зубчатых колес и катушек вращательный механизм. С его помощью работники «Канаси» запускали маятник, а тот в свою очередь поворачивал осветительный прибор: лампу, «глаз Саурана».

В наушниках выясняли отношения отечественные мафиози. Андреев побродил вокруг механизма, полюбовался полуостровом. Мыс исполинской морщинистой тушей набычился над маяком. Будто большой зверь, обнюхивающий зверя поменьше.

Андреев высунулся в окно, вдыхая полной грудью морской воздух. Охотское волновалось, окатывало островок волнами. Пена бурлила у замшелых камней. А на берегу кто-то стоял. Железная балясина и флажок закрывали обзор, не давали рассмотреть как следует, и Андреев рванул на площадку, перегнулся через перила.

Берег опустел. Андреев замотал головой, выискивая человека, что секунду назад прохладился у вон того валуна. Чайки сновали по камням, охраняя гнезда и ища пропитание для птенцов.

«Вернулся в логово», — подумал Андреев.

Что у него будет сосед, он выяснил уже на острове. Спросил Шилину:

— И никакой рации? А вдруг мне станет плохо? Инфаркт там или аппендицит? Я не смогу связаться с землей?

— Сможете, — ответила Шилина. — Помните пункт о неразглашении отдельных деталей? Так вот, никому не следует знать, но вы на острове не один.

— Нет? — Он был разочарован.

— Нет, — снисходительно сказала Шилина. — Из соображений безопасности в боковой пристройке находится компетентный человек. Наш человек. Он не будет шастать по острову зазря, и ему запрещено заходить в маяк, кроме дизельной, где он занимается техническим обслуживанием станции.

— А почему он не заправляет генератор?

— А почему он не готовит вам манную кашу и не чешет спинку?

Андреев смутился.

— Он — не слуга, — смягчила тон Шилина. — И мы решили коллегиально, что забота о генераторе пойдет вам на пользу. Вы все-таки не на курорте. Притворитесь, что *нашего человека* нет. Вы *не должны* пересекаться. В идеале вы так и не увидите до понедельника. Но в случае форс-мажора, если понадобится медицинская помощь или вы по иной причине захотите выйти из проекта — просто постучите в пристройку.

Взгляд Шилиной будто говорил: малыш, по-твоему, мы бы бросили тебя, дурака, без надзора? Чтоб ты поджег склад или утонул?

— Надеюсь, этого не произойдет, — добавила Шилина.

— Прикольно, — сказал Андреев. — Мы с ним — как Эфраим и Томас Уэйк. «Свет только мой!»

Шилина раздраженно шевельнула бровью. Она не видела фильм Эггерса.

Озирая остров с двадцатипятиметровой высоты, Андреев представил своего «Уильяма Дефо» (в фантазиях сам Андреев, конечно, был Робертом Паттинсоном), представил угрюмого колченогого бобыля, таящегося в пристройке. Не скучно ему там? Он тоже смотрит кино? И разве «он», «человек», не может быть «ею», женщиной, сексуальной девушкой?

Андреев поймал себя на том, что, думая о «Дефо», он позабыл про работу и по экрану планшета бегут титры.

— Соберись, тряпка! — он включил девятый фильм.

* * *

Вторник, 21.00

— Привет, — сказал Андреев, — я — киноман. Я настолько киноман, что позволил отвезти себя на необитаемый остров и бросить здесь. Я — Монте-Кристо в мире киноманов, — он улыбнулся самой располагающей улыбкой, не вполне уверенный, что кто-то еще оценит юмор.

Он сидел на втором этаже, под прицелом камеры. Радиорубка, аппаратная, вахтенная мало отличались от прочих помещений сверху и снизу. Те же потеки, трещины, провода, доски, трубы и радиаторы, та же осыпавшаяся штукатурка плюс ящик с конденсаторами и веник.

«Исповедальня» (по выражению Шилиной) состояла из зеленого полотнища, припиленного к стене, и штатива. Полотнище украшал логотип фестиваля. Дважды в сутки Андреев должен был вести видеодневник. Он побрился и причесался, помня, что ролики разойдутся по Сети.

Было неловко обращаться к незримым слушателям, к белой хреновине на треноге. А если он будет выглядеть дураком? Если жестокая в своей анонимности публика засыплет дизлайками и ерническими комментариями? При мысли об этих злых комментариях, водопаде оскорблений Андреева мутило, как на моторной лодке. Последнее его публичное выступление состоялось двадцать лет назад — он играл роль пирата в школьной постановке «Острова сокровищ». Опозориться. Заикаться на пресс-конференции. Грохнуть в обморок перед Лядовой...

Андреев потер о резцы верхнюю губу, зафиксировал улыбку.

— Сегодня вторник. Мой счет к этой минуте — двенадцать фильмов, и на ночь я намерен глянуть еще парочку. Самочувствие отличное, очень вкусная ветчина, спасибо спонсорам. И сыр, — он подумал, что мелет чушь, заерзал. — Ладно, к делу. — Андреев полистал блокнот. — Начнем с фильмов, которые я оценил в три балла.

* * *

Вторник, 23.35

Волны шептались за толщей бетона. Твердили о чем-то, но Андреев слишком устал, чтобы расшифровывать послания. Отличный советский актер в идиотском капустнике окончательно добил, и Андреев клевал носом. Не было сил даже укрыться.

Он перевернулся на бок, лицом к дверному проему, едва различимому в темноте. Соскользнул iPad, потянулся проводок, поролоновая амбушюра наушника выпала из уха.

— Спокойной ночи, чайки, — пробормотал Андреев. — Спокойной ночи, Уильям Дефо. Спокойной ночи, я.

Маяк тихонько гудел, будто напевал колыбельную.

* * *

Среда, 3.05

Лестница заскрежетала под весом идущего. Он поднимался медленно, мимо бывшей радиорубки и помещения, служившего местом отдыха работникам «Японца» в период навигации. Металлическая конструкция поскрипела и затихла. Он — тот, кто поднимался, тот, кто бодрствовал, — вошел в спальню на четвертом этаже и застыл у кровати. И простоял так до рассвета, не шевелясь, пристально глядя на Андреева.

Иногда Андреев беспокойно стонал во сне.

* * *

Среда, 8.40

Учитывая, что большинство дверей маяка зачем-то сняли с петель, на острове был дефицит замков и замочных скважин. Шилина вручила Андрееву два ключа: чтобы он отпирал и запирали «Канаси» и чтобы имел доступ к автономной электростанции на цокольном этаже.

Свет проникал в полуподвал через окна под потолком. Пряжки загодя очистили от рухляди. Солнечные лучи падали на могучий генератор. Его канареечно-желтый цвет и наклейка с QR-кодом выглядели чужеродно среди облупившихся стен подземелья. Щербатые ступеньки, копия тех, по которым спустился Андреев, вели к железной двери в глубине дизельной. Нарисовав мысленно план здания, Андреев догадался, что в полуподвал можно попасть как из маяка, так и из пристройки, и вторыми ступеньками пользуется Дефо.

«Вот для чего нужно запирать станцию на ключ! Чтобы мы оба имели к ней доступ, но не сталкивались лбами. Пока я внизу, Дефо не выйдет из логова».

Андреев, обычно безразличный к техническим устройствам, получал определенное удовольствие, колдуя в дизельной. Он выключил и охладил двигатель, залил горючее в топливный бак. До отметки, не больше; дизеля хватит на двадцать четыре часа непрерывной работы. Теперь стартер! Откинув крышку, Андреев провернул ключ зажигания, вдавил кнопку на панели. Загорелся голубой экран контроллера. Агрегат покладисто загудел, пуская ток по проводам.

Андрей хлопнул дружески по желтому корпусу и салютовал запертым дверям.

* * *

Среда, 13.00

Андреев смотрел кино. Смотрел кино на диване перед монитором. Смотрел кино вприпрыжку, когда затекла нога. Смотрел кино, стряпая обед и поглощая макароны с тушенкой. Он не очень хорошо готовил; в целом единственное, что он умел хорошо, — смотреть кино.

Его мама любила «Шербурские зонтики» Жака Деми, а папа — боевики с Ван Даммом и Стивеном Сигалом. Папа ушел из семьи — Андрееву было одиннадцать. Маму убил рак — Андрееву было двадцать.

Он смотрел кино, сколько себя помнил. На видеокассетах, дисках, в «Синема парке» и «Киносфере». В каменный век интернета закачивал фильмы на болванки и щепетильно подписывал конверты фломастером.

Он смотрел немые фильмы, индонезийские фильмы, индийские фильмы, мюзиклы золотой эры Голливуда, новую волну, грайндхаус, «Шербурские зонтики», боевики с Ван Даммом и Стивеном Сигалом, комедии и вестерны.

В его жизни дважды случалось то, что называется «отношениями»: блондинке нравились современные блокбастеры, а шатенке — Вуди Аллен (она подарила ему канарейку и бросила, рыдающего, прошлой весной; он утешился просмотром фильмов).

Андреев ел арахис и смотрел кино в заброшенном маяке на почти пустом острове.

* * *

Среда, 13.02

Первый этаж смердел курятником. Было неясно, как чайки проникают в помещения аккумуляторной, но разохшиеся доски устилали перья пополам с прелой соломой. И дерьмо, птичье дерьмо всюду.

Андреев переступил раскрошившийся порог. Он слушал в одном наушнике диалоги персонажей, одним глазком поглядывал на экран. Пафосная спортивная драма не стоила внимания, но он запретил себе перематывать фильмы. Пусть об этом и не узнает никто, он — честный игрок.

Из пола торчали болты и крепления, оставшиеся от старых генераторов. Пылились электродвигатели, аккумуляторы солнечных батарей, похожие на канистры. Среди спагетти нарезанных резиновых трубок валялась табличка с надписью: «Кубовая». Такого слова Андреев не знал.

В соседней комнате царствовала кирпичная печь-развалюха с калошей, засунутой в шесток. «Чтобы запекать колбаски из помета», — подумал Андреев. Запах гуано закупоривал носовые пазухи. Андреев отпер ключом дверь и вышел на свежий воздух.

Чайки приветствовали его сварливым хором. Они болтали, курлыкали, охали, кричали и лаяли на каменном пятачке. В левом ухе гремели фанфары. Ветер утих, выкатилось солнышко. Андреев чувствовал себя комфортно в толстовке и дождевике.

Он обогнул пристройку из шлакоблоков, притулившуюся к основанию «Японца». Стихия не пощадила бывший продовольственный склад, обнажила рифленый каркас арматуры. Андрееву стало любопытно, чем занимается его таинственный визави внутри. Сколько ему лет, как он выглядит, какие жанры кинематографа предпочитает?

Иллюминаторы пристройки находились слишком высоко, чтобы посмотреть в них, не подтягиваясь. Вспомнив инструкции Шилиной, Андреев пошел вниз по обгаженному склону. На плечо тут же шлепнулась кучка дерьма.

Охотское море простиралось впереди, навевая мысли о затонувших кораблях, одуряя своей бескрайностью. Монотонный плеск волн вводил в транс. Буруны взбухали между булыг. Андреев заворуженно шагнул к воде, под подошвой хрустнуло. Ботинок угодил в гнездо.

Чертыхаясь, Андреев поднял ногу. С мыска сочилась вязкая субстанция. Он умудрился раздавить яйцо. Облепленный крапчатой скорлупой, в гнезде лежал эмбрион. Омерзительно розовый недоразвившийся «цыпленок». Андреев видел крошечные крылышки, слипшийся пушок. Из расплющенного черепа что-то вытекало. Андреев поборол рвотный спазм.

Он отбежал подальше от места преступления и зашаркал ногой, вытирая подошву о губчатый лишайник. Наушники волочились по камням. Вдруг осознав, что птицы умолкли, Андреев обернулся.

Чайки никуда не делись. Они покрывали берег серо-белой массой и пристально смотрели на человека. Их окантованные красными ободками глаза прожигали насквозь. Клювы отворялись, но птицы не издавали ни звука. Только шорох тел, только шелест волн слышал Андреев. Внезапный алогичный страх обуял человека. В памяти замелькали кадры документальной хроники (чайки, выедающие морским котикам глаза), Типпи Хедрен, улепетывающая от обезумевших птиц.

Словно коллективная пернатая мать сверлила детоубийцу ненавидящим взглядом.

— Кыш, — выговорил Андреев. — Я не нарочно.

Он посмотрел на маяк, как бы прикидывая расстояние, отделяющее от убежища. Солнце било из-за бетонного перста, ослепляло, но Андреев различил силуэт человека, стоящего на склоне. И посеменил ему навстречу под осуждающими взорами чаек.

Заготовленная речь («Нам нельзя встречаться, но раз уж...») не пригодилась. Человек пропал. Дверь пристройки была закрыта. Птицы снова кричали и метались над маяком.

* * *

Четверг, 1.15

Это скрипела лестница. Это гудел ветер. Это стонали волны. Тень скользнула в спальню на четвертом этаже, бесшумно легла в постель рядом с посапывающим Андреевым и огладила холодными пальцами его лицо.

* * *

Четверг, 7.11

— Что за черт?

Андреев поставил на паузу детектив, снял наушники и отложил бутерброд. Он отказался от традиционного омлета — один вид куриных яиц пробудил мерзкие ассоциации. Андреев выскребал из жестянки остатки красной икры и намазывал зернышки на галету. Тут-то он и заметил — за ночь кое-что поменялось.

Черточки, черт!

Позавчера он намалевал на кухонной стене шестьдесят черточек в шесть рядов. В понедельник и вторник он посмотрел четырнадцать фильмов, восемь фильмов вчера. Две картины — перед сном, их он не успел отметить, а значит, на стене должно быть два ряда крестиков.

Но крестиков было больше. Кто-то вычеркнул мелом лишний ряд. Отметки на бетоне напоминали маленькое кладбище.

«Дефо», — мелькнуло в голове Андреева.

Загадка для младших классов: на острове живут двое, Икс и Игрек. Если Икс не рисовал на стене, кто рисовал?

Игрек, черт бы его побрал, вы правы, дети.

Взволнованный Андреев мерил шагами кухню.

У Дефо есть дубликат ключа? Он нарушает правила? Оголодал? Изнемог от скуки?

Продукты в коробках и холодильнике выглядели нетронутыми. Так зачем загадочному соседу понадобилось нарушать покой отшельника? Это что, такая шутка? Или своеобразный флирт? Шансы мизерные, но Дефо по-прежнему мог оказаться женщиной. И конечно, лучше бы он был женщиной, чем Джеком Торрансом, сошедшим с ума в одиночестве.

Образ Николсона, крушащего топором дверь, подкинул другую, еще более тревожную мысль.

Теоретическому маньяку ничего не надо крушить. В спальне нет дверного полотна. Андреев совершенно незащищен.

Думать о Дефо как о женщине было куда приятнее. Пораскинув мозгами, Андреев решил, что не произошло ничего страшного. Баловство, дружеское подмигивание, и только.

Он включил фильм, рукавом рубашки стер несанкционированный ряд крестиков и реставрировал вертикальные линии, зачеркнув две из них. А дожевав бутерброд, добавил к художествам штрих: написал под частоколом черточек слово «привет!».

* * *

Четверг, 12.00

К полудню от фильмов устали глаза. Хотя ночью он спал как убитый, снова клонило вздремнуть. Андреев вышел из кинозала, на этот раз не захватив iPad. Киноленты сливались в безликий Фестивальный, с большой буквы, фильм, и следовало просвежиться. Он сказал себе, что двигается в отличном темпе, при желании финиширует воскресным вечером.

Пару лет назад он установил личный рекорд, посмотрев две тысячи фильмов за год. Тогдашняя работа позволяла бездельничать. Впрочем, вопрос, что тяжелее — кропать статьи о ремонте дорог или осилить все якутские малобюджетки.

Вялое течение мыслей врезалось в плотину. Скрипучие ступеньки вывели на смотровую площадку, и Андреев опешил. Он вертел головой, но не видел ни мыса, ни моря. Лишь здравый

рассудок и тоскливый плеск волн свидетельствовали, что море все еще там.

Пока Робинзон карябал в блокноте про нарратив и экспозицию, остров окутало туманом. Марево, густое, хоть намазывай на галеты, пожрало мир. Не было ни низа, ни верха, седьмой этаж вполне мог оказаться первым, и Андреев, перешагни он через перила, пошел бы по облакам.

— Офигеть, — констатировал Андреев. Он приняхался: испарения пахли сырой материей. Губы сделались солеными, как после арахиса. Ветерок обдувал щеки.

«Надо принести из кинозала планшет и сфотографировать это для потомков».

Но вместо того чтобы куда-то идти, Андреев выпростал руку, словно собрался покормить птиц.

Чайка вырвалась из тумана и врезалась в Андреева. Мокрое крыло хлестнуло по лицу. От неожиданности он потерял равновесие и ударился спиной о балку. Кожу на груди будто ошпарило кипятком. Андреев опустил ошарашенный взор, и в поле зрения всплыл раззявленный клюв, трепещущий язык — он никогда не видел чаек так близко и не планировал видеть. Птица вцепилась в толстовку, бесновато клекотала. Андреев запаниковал, попытался оттолкнуть тварь. Его повело вправо, бедро чиркнуло о перила, и те легко прогнулись под весом. Взвизгнув, Андреев уклонился, чудом устоял на ногах и не рухнул в бездну.

Новая порция боли обожгла ребра. Чайка вытягивала шею, метя клювом в лицо. Она устроилась на его груди, как младенец в бэби-слинге. Андреев шлепнул ладонью по птичьей голове, раз, второй... Тело опять кренилось к перилам. Он понял, что пропасть угрожает жизни куда сильнее, чем чайка, да, одержимая дьяволом, как Линда Блэр в фильме Фридкина, но обычная долбаная чайка. Сориентировавшись, он ввалился в помещение верхнего этажа.

Клюв отщипнул кусочек кожи с подбородка. Слезы выступили на глазах Андреева.

— Отстань! — Он вложил в удар все имеющиеся силы и освободился. Чайка прыгала среди механизмов.

«Это ее яйцо я растоптал», — подумал Андреев.

А птица расправила широкие крылья и выпорхнула за дверь, мгновенно сгнув в тумане.

— Сука! — выкрикнул Андреев. Сел на грязный пол, упершись спиной в катушки, и истерично рассмеялся.

* * *

Четверг, 19.00

— На меня сегодня напала чайка. Если хотите знать, со мной все хорошо, обделался легким испугом, — Андреев продемонстрировал камере заклеенный лейкопластырем подбородок. — Благодарствую за аптечку. Будни киномана полны опасностей. — Он улыбнулся, показывая будущим зрителям, что какая-то глупая птица не испортит ему настроение.

К вечеру он и впрямь воспринимал случившееся наверху как забавное и нелепое приключение. Благо, раны под изодранной толстовкой были не глубокими, так, царапины. Он обработал их перекисью и тоже залепил пластырем. Чайки-мстительницы, как и чайки-людоеды, существуют исключительно в кино. Но поверят ли фанаты студии «Гибли» или девчонки, к которым он подкатит, прославившись, что Андреев дрался с крылатой бестией?

— Что ж, спешу отчитаться. Я посмотрел двадцать шесть... нет, двадцать семь фильмов. Посмотрел бы больше, но, во-первых, тут неменяемые чайки, а во-вторых, кино про сталинские репрессии длилось два с половиной часа. Однако мой рабочий день не закончен, и тридцатку я сделаю. У-ху!

Он помахал в камеру блокнотом.

— Давайте подробнее.

* * *

Четверг, 21.15

На экране девушка, схожая с билетершей Юлькой, раздевала пьяненькую подружку. Девочки сплелись телами на расшитом ковре. Громкий стук вынудил Андреева подскочить.

«Птицы залезли в маяк, — шепнул внутренний голос, — тебе хана».

Андреев криво ухмыльнулся, встал и высунулся на лестничную площадку. Послушал, как воет ветер, урчит генератор, как шляются по старому зданию сквозняки. Стук не повторился. Андрей постоял минуту и вернулся в кинозал. Лесбийская сцена закончилась, а перематывать обратно было лень.

— Трупы, — сказал Андреев. Хотя подразумевал трубы.

* * *

Четверг, 23.10

Тетрадь Андреев нашел днем, бесцельно слоняясь по маяку с планшетом. Она валялась на втором этаже, в «исповедальне», придавленная стремянкой. По обложке бежали резвые побуревшие от влаги жеребцы, на некогда белом поле было выведено каллиграфическим почерком: «Судовой журнал».

Перед сном, насытившись российским кино, Андреев решил изучить находку. Он сидел по-турецки на кровати, лампочки ярко освещали спальню, но в дверном проеме тьма двигалась, как туман. Тень колонны уводила тропой в эту беспокойную темноту, будто бы указывая маршрут.

Андреев обругал себя за то, что прихватил в постель арахис, отпихнул подальше упаковку, но спустя мгновение, как наркоман за дозой, автоматически потянулся за орешками.

«Судовой журнал» оказался гостевой книгой. На ее страницах оставляли нехитрые весточки гости острова. Чернила местами расплылись, придавая тетради вид исторического документа.

«Потомки! Любите друг друга! Плодитесь, размножайтесь и предохраняйтесь. Влад, 01.08.2013».

«Маячок, ты прекрасен! Спасибо за эмоции. Лена из е-Бурга».

«Панки хой! Стас Цинк».

«Привет, мы Олег и Миша из Перми, 3 сентября 2015 мы вынесли из маяка мишок осколков. Будьте как Олег и Миша из Перми, не мусорте!»

«Пост» пермяков обзавелся небольшой веткой комментариев:

«Олег и Миша, добрые дела делаются молча! Хвастуны!»

«Мишок. Проверочное слово — Миша».

«Занес мешок осколков назад (Юра, Красноярск)».

«Задолбали меня таскать (Мишок Осколков)».

Андреев улыбнулся, высыпая в рот орешки. Расклеил слипшиеся страницы, полюбовался карандашным наброском. Некто Лиза Бельская (он представил красивую девушку с прической каре) нарисовала на развороте маяк «Канаси». Получилось здорово — имей Андреев доступ к Сети, отыскал бы аккаунт Лизы Бельской и поделился бы эмоциями.

Посещали остров и поэты.

Рекою самогонка — боже мой.

Закусывай печеньем — чем богаты!

Мы привезем из отпуска домой

Цирроз и сахалинские закаты.

За поэзией следовала проза от японских гостей. Бумагу покрывали иероглифы, выведенные красной шариковой ручкой. Символы заняли четыре страницы, причем если на первой они располагались аккуратными рядками, то ближе к концу автор выводил строчки по диагонали, вкривь и вкось, и рвал бумагу пером.

— Береги нервы, — посоветовал Андреев неизвестному автору. Перелистнул страницу, прочел два слова, многократно обведенные: «Ад здесь». Концентрические круги синей пасты расходились от фразы, заполняя все пустое пространство.

Под толстовкой, под пластырями зачесались царапины. Исполосованная ручкой страница выглядела неопрятно, отталкивающе. Андреев убрал ее — с глаз долой, — чтобы на следующей странице обнаружить те же круги, маниакально расползающиеся от центра и за края. Только фраза поменялась.

«Оно сморит».

Андреев захлопнул тетрадь и покосился на тьму в дверном проеме.

* * *

Пятница, 7.15

Привет

Привет

Привет

Привет

Привет

Андреев выронил пластиковый стакан, вода обрызгала обувь. Он таращился на кухонную стену, на послания, которые кто-то оставил ночью. Его вежливое «привет» продублировали мелом пять раз, причем все пять слов были написаны разным почерком. От элегантных прописных букв до размашистых печатных. От закругленных до угловатых. А в одном «привете» «р» и «в» развернулись неправильно, в другую сторону, словно ребенок писал.

Андреев вообразил пятерых незнакомцев. Они пришли в маяк под покровом темноты и выстроились на кухне. Берут по очереди мел и подходят к стене.

Мурашки закопошились под одеждой. Чужой, физически осязаемый взгляд уперся меж лопаток. Андреев резко обернулся; черное пятно ускользнуло в коридорную темень. Загромыхала лестница.

«Попался, который кусался!»

Не позволяя себе испугаться, Андреев кинулся за беглецом.

Лестничный пролет уже опустел, но конструкция вибрировала. Внизу хлопнула дверь. Андреев положил планшет на пол и поскакал по ступенькам. На первом этаже споткнулся об аккумулятор в деревянном корпусе. Покатилась по настилу бутылка с чем-то типа олифы. Ругаясь, прихрамывая на ушибленную ногу, Андреев вышел из маяка. И окаменел на миг.

Окружающий мир растворился в тумане. Точно облако приземлилось на остров. Или графические дизайнеры плюнули,

не дорисовав локацию компьютерной игры. У Андреева закружилась голова, он инстинктивно попятился, но слух уловил стук подошв — совсем близко. Андреев собрался с духом. Он пошел на звук, и мгла приняла его в объятия. Мельчайшие частички воды коснулись кожи, как паутина или шелк.

— Погоди! — позвал Андреев. — Давай поговорим!

Он осторожно переставлял ноги, шарил рукой в поисках опоры: слева должен был быть фасад пристройки. Но рука зачерпывала пустоту. Кисть истаявала в непроницаемом морозе. Он даже пальцев своих не видел, только культю.

— Да погоди ты! — туман искажил голос. Переиначил саундтрек острова. Казалось, плеск волн доносится из динамиков сипящей телефонной трубки. — Мы не скажем Шилиной!

Чайка вскрикнула рядом, у самого уха. Сбоку мелькнула тень. Нога Андреева поехала по осклизлому камню, и он плюхнулся на задницу, ойкнув от обиды. В сизом коконе, в фантастическом паучьем гнезде, он практически лишился зрения. Пучил глаза, но доступным максимумом были собственные руки, поднесенные к лицу. Словно он телепортировался в фильм Фрэнка Дарабонта. Или в фильм Джона Карпентера. Вскочив, Андреев похромал вслепую, осторожными шажками. Назад, в маяк! Но минуту или две спустя он начал сомневаться, что идет в правильном направлении. Разве «Канаси» там? И где вообще это «там», если вокруг все одно и то же? Он попробовал ориентироваться по шуму прибоя, но шум не отдалялся и не приближался. Он доверился рельефу, но под ногами, тонущими в эфемерном болоте, был плоский, ни о чем не свидетельствующий камень.

Как Николь Кидман в «Других», он бродил по каким-то замогильным пустошам, моля бога с жаром, порой собственным атеистам, встретить кого угодно: Уильяма Дефо или мужа, вернувшегося с войны.

Чайка крикнула над головой. Андреев всхлипнул. Он шел так долго, что уже трижды пересек бы остров. Страх сорваться с обрыва в бурлящую воду парализовал. Андреев встал на четвереньки, цепляясь за камни.

— Помогите, — прошептал он. И увидел абрис маяка.

* * *

Пятница, 9.20

Андреев постучал мизинцем по циферблату часов. Промокли? Или ударились о камень? Он валандался в тумане минут десять, двадцать от силы, но никак не два часа.

Как бы возражая, утих привычный гул, и электричество вырубилось. Генератор истратил горючее.

Шилина велела всегда носить с собой фонарик. Андреев нащупал в кармане ребристый цилиндр, луч пронзил темноту. Рука тряслась, и ключик долго не попадал в замочную скважину.

Он мог утонуть. Сломать шею. И все из-за глупых шуточек Дефо.

Бурча проклятия, Андреев спустился в полуподвал и обслужил станцию. Гудение двигателя было приятнее музыки. Лампочки разогнали мрак. График подгонял, но Андреев потратил еще четверть часа. Отыскал стул покрепче и заблокировал им входную дверь, а с помощью арматуры проделал тот же трюк с дверью дизельной. Отныне доступ в маяк для Дефо ограничен. Не хочешь по-хорошему, торчи в пристройке.

С ликующей улыбкой на устах Андреев поднялся в кинозал.

— Я буду смотреть фильмы! — объявил он теням и пылинкам. И почесал грудь, срывая пластыри.

* * *

Пятница, 23.30

Унылая песнь металлической конструкции выдернула из сна, в котором Андреев лобызал любовницу, то ли блондинку, то ли шатенку, то ли Шилину, то ли Юльку-билетершу. Он разлепил веки, щурясь от света. Засыпая, он оставил лампочку включенной, и спальня сделалась островком в океане мрака. Колонна простелила тень, как ковровую дорожку, к порогу, к скорбному скрипу в темноте.

Кто-то поднимался по лестнице.

Андреев сел, с трудом ворочая извилинами. Дефо нашел способ проникнуть в маяк. Но зачем? Чтобы обмазать компаньона зубной пастой? Чтобы задушить?

Какой в этом смысл?

Юные сыщики, на острове было двое негритят, Икс и Игрек. Игрек убит, угадайте, кто преступник?

«Ему не нужны причины, — подумал Андреев, холодея, — если он — псих».

Скрежет металла отзывался ноющим зудом под кожей. Андреев соскочил с кровати, посеял в соседнюю комнату, где, как он помнил, пылилась лопата. Скрип оборвался. Запахло ржой и палеными спичками. Андреев повернул голову.

То, что стояло в дверном проеме, лишь отдаленно походило на человека. Красное, цвета магмы, дрожащее и пузырящееся, оно протянуло к Андрееву скрюченные пальцы. Андреев завопил, а ночной гость метнулся через комнату и запечатал его рот мягкими руками.

* * *

Суббота, 9.17

— Сегодня пятница, — сказал Андреев, хмурясь. — Вчера я посмотрел восемь фильмов. Как и в четверг, в среду, во вторник. В понедельник фильмов было шесть. Я плохой математик. — Он провел пятерней по волосам. Шевелюра растрепалась — спускаясь в «исповедальню», он забыл причесаться. Андреев помассировал глаза — в уголках скопилась засохшая слизь. Болело горло. Болел затылок. Кости ломило, вероятно, после вчерашней пробежки во мгле. Мозг затуманило не хуже, чем этот сраный кусок камня в Охотском море, именуемый «Канаси». Андреев уснул в одиннадцать и беспорочно продрых до восьми, но чувствовал себя совершенно разбитым. Всю ночь снилась какая-то дрянь. — Шестнадцать прибавим к восьми. Четыре плюс шестнадцать — двадцать, плюс два, плюс шесть. Не может того быть. — Он посмотрел на свои пальцы. — Черт, — сказал он. — Я сейчас.

Подошел к треноге, выключил запись, привел себя в порядок за кадром насколько сумел. Зализал челку, протер глаза и снова нажал на «REC».

— Привет, — сказал, устраиваясь перед планшетом. — Я — киноман. Сегодня суббота. — Он кивнул, как бы подтверждая свои слова. — Вчера я посмотрел восемь фильмов.

* * *

Суббота, 13.00

На экране персонажи гуляли по Дворцовой набережной и никак не осмеливались поцеловаться. Черно-белое кино вновь было в моде. Длинноты имитировали многозначительность, а пляски камеры — интимность. Андреев не помнил, кто эти люди в кадре, как они познакомились и за что полюбили друг друга. Раздражало, что у персонажей не было имен, только фамилии.

Андреев тоже возил девушку в Питер. Шатенку, любительницу Вуди Аллена. Они обнимались у Александровской колонны. Или это было не в реальности, а в какой-то мелодраме?

«Мура», — записал Андрей в блокноте.

Придирчиво обнюхал ветчину. Мясо пахло серой. Как и сыр, и галеты. Андреев захлопнул холодильник, зубами вскрыл упаковку с арахисом и наполнил рот соленой массой.

— Как ты думаешь, — спросила героиня, глядя в Неву, — смерть — это конец?

— Надеюсь, да, — сказал ее кавалер.

Мышцы Андреева одеревенели.

— Иначе, — сказал Андреев в унисон с актером, — мне придется и после смерти ходить за тобой.

Андреев кликнул по дисплею, заткнул романтику пасть. Он уже смотрел эту дрянь, причем вчера. Как можно было забыть?

— Да потому что они все одинаковые! — воскликнул Андреев, плюясь пережеванными орешками.

Он вперил в стену гневный взгляд. Меловые полосы двоились. Мерещилось, там сотни, тысячи фильмов, и лишь

малая часть из них зачеркнута. Андреев сфокусировался. Всего два ряда из шести не имели горизонтальных полос. Двадцать картин. Если учитывать, что средний хронометраж фильма — полтора часа...

Мел заскрипел, выводя на столешнице цифры. Получился фильм длиной примерно в тридцать часов.

— Как два пальца об асфальт, — осклабился Андреев.

* * *

Воскресенье, 1.40

В полумраке экран озарял его лицо разноцветными всполохами. Там ехали танки, стреляли братки, новогодние комедии плавно перетекали в обличительные антисоветские агитки. Вынутые из проигрывателя диски Андреев ломал руками, и осколки серебрились на деревянном настиле вперемешку с пакетиками из-под арахиса.

«Конец!» — замигали буквы, стилизованные под неоновую вывеску.

— Сорок девять, — произнес Андреев заплетающимся языком.

Записал число в блокнот. Откинулся на спинку дивана, смежил веки и уже во сне водил кулаком с зажатой в нем ручкой, покрывая страницу концентрическими кругами.

* * *

Воскресенье, 9.10

Они хотели ему помешать, вот в чем дело. Выставить идиотом или сумасшедшим. А может, зрители прильнули к телевизорам, и уже седьмой день рейтинги бьет реалити «Придурок из заброшенного маяка». Андреев запомнил, кто конкретно играл роль продюсера в «Шоу Трумэна» — Эд Харрис или Джеймс Каан, но представил именно этого актера, потирающего потные лапы.

При мысли о скрытых камерах Андреев побледнел. Вчера, чтобы не отвлекаться, он мочился в соседней с кинозалом комнате. Это тоже попало в эфир?

Он сканировал взглядом углы, не заметив ничего подозрительного, пересек кухню.

Им — Шилиной, Дефо, сахалинцу с золотой фиксой — было мало испортить его блокнот. Проснувшись, Андреев обнаружил записи, которых абсолютно точно не оставлял. На каждой странице блокнота. «Ад здесь» — зловещее послание, окольцованное жирными кругами. Андреев был так изумлен, что минут пять таращился на ребро своей ладони, синее от чернил.

К проделкам на кухне он был внутренне готов и все равно рефлекторно схватился за голову.

Шестьдесят черточек на бетоне исчезли под мешаниной надписей. «Привет, привет, привет», — слова наползали друг на друга. От пола до потолка, сотню раз повторенное приветствие, так в кино нерадивых учеников заставляют выводить одни и те же строчки.

Сколько мела они извели! Сколько усилий приложили, чтобы имитировать разный почерк! Детские каракули, изящные волнистые линии, рубленые литеры с утолщениями от раскрошившегося мела.

— Да пошли вы! — зарычал Андреев. — Пошли вы все!

Он кинулся опрометью вниз и чуть не скатился по лестнице. Шатнулся к стене, пораженный обилием следов на ступеньках. Отпечатки подошв от мала до велика — он сомневался, что лестница выдержала бы такую толпу.

«Снова розыгрыш!» — в голове, как шум далекого прибоя, раздался закадровый смех.

Взяв себя в руки, Андреев слетел на первый этаж. Входная дверь, как и прежде, была подперта стулом, дверь дизельной — заблокирована арматурой. Андреев отшвырнул стул и отщелкнул ключом замок. Туман окутывал остров, но он потерял карпентеровскую плотность, обнажив неприглядный пейзаж: камни и только камни, омываемый волнами горб в море. Ан-

дреев собирался выйти, но едва уловимый звук в глубине аккумуляторной привлек внимание.

Источником шороха была полая колонна, в которой когда-то помещался маятник с грузом, а ныне висели оборванные трубки и тросы. Вырастая из центра комнаты, колонна уходила к вращающейся лампе сквозь этажи. В ее подножии зиял полуметровый люк. Андреев переступил через доски, приближаясь к колонне, будто сапер к мине.

Мина активировалась внезапно.

Из квадратной дыры вылезли руки — они ухватились за потрескавшиеся края и вытолкнули тело. Извиваясь, человек выбрался наружу, как дымоходный Санта. Противный звук царапнул барабанные перепонки Андреева, это сам Андреев, того не осознавая, скулил.

Человек-из-колонны разгибался. Он был нагим и болезненно тощим. Голова — обтянутый желтой кожей череп — клонилась назад, с трудом удерживаемая длинной шеей. Раскосые азиатские глаза бессмысленно пялились на Робинзона. В распахнутом неправдоподобно огромном рту шевелилось что-то серое, то ли язык, то ли птенец чайки. Ведь азиат так долго сидел в трубе, что птицы могли свить в нем гнездо и отложить яйца в его пасти.

У Андреева сжался сфинктер.

Азиат неуклюже шагнул вперед. Голосовые связки породили сип. Точно сквозь шипение транзистора проклюнулись отрывочные фразы, но Андреев не знал и не желал знать языка, на котором они были сказаны. Проигнорировав Андреева, человек побрел в сторону лестницы. Заскрипела металлическая конструкция. А Андреев дал деру.

Он бился в пристройку, колотил кулаками и ботинками, рискуя переломать пальцы ног. Он кричал и умолял остановить проект. Он прыгал, заглядывая в иллюминаторы склада, вновь атаковал вход и, расквасив до крови костяшки, понял, что дверь не заперта. Из расширяющейся щели ударил электрический свет. Андреев переступил порог.

Резкий железистый запах шибанул в ноздри. Стены, выкрашенные бурой краской, вибрировали: это голова Андреева

шла кругом от прилива адреналина. Зазвенела, откатываясь, кружка из нержавеющей стали. Андреев увидел опрокинутый монитор. Раскуроченную рацию. Увидел лопату с кусочками плоти, прилипшими к стальному полотну. Увидел Дефо.

То, что было человеком, обратилось в красные ломти. В свернувшуюся кровь. В осколки костей, в хрящи, в комья жира. Дефо расчленили и разбросали по всему складу; Андреев не смог понять, мужчиной был его компаньон или женщиной.

Он вышел из пристройки, помечая маршрут дорожкой рвоты. Желудок выворачивался наизнанку. Сквозь слезы Андреев различил людей, стоящих на почтительном расстоянии, странные деформированные фигуры, напоминающие сожженные спички. Среди валунов. На террасе. На берегу, где море вздыбливалось фонтанами и вскипало в рывках.

— Это не я! — завопил Андреев и закашлялся, поперхнувшись желудочными соками. — Собрались подставить меня, да? Но это не я!

Он ударил себя по щеке: думай!

«Скрытые камеры, — его лицо просветлело. — Они напичкали маяк камерами, записи докажут, что я невиновен! Все это время я был занят!»

— Алиби! — выдохнул Андреев.

Люди, аборигены этого острова, наблюдали издали.

Фильмы. Алиби Андреева — фильмы, нужно лишь посмотреть их все. И не отвлекаться на трюки. На клюквенный сироп, имитирующий кровь, на свиной фарш, выдаваемый за части трупа.

Нашли дурака!

Тонкие черные люди на террасе и на берегу наблюдали, как Андреев возвращается в маяк.

* * *

Воскресенье

Он съел восемь пачек арахиса и посмотрел восемь фильмов, прерываясь только затем, чтобы менять диски. Если было уместно, он смеялся; плакал, если ему делали грустно.

Потом вырубился генератор, и «Канаси» погрузился во мрак. Андреев поднялся в спальню, стараясь не замечать надписи мелом: сотню раз повторенное «привет» на стенах, ступеньках, на потолке.

У него был iPad, чтобы выполнять обязанности, сидя в кровати. Батареи хватит на фильм-другой. Лестница скрипела траурно, но он смотрел на экран остекленевшими глазами. Те, в дверях — их было много, — вежливо ждали.

Фильм сменялся фильмом, мысли парили далеко от «Канаси», от Сахалина, от Охотского моря. Но однажды планшет булькнул предупредительно и разрядился. И когда наступила окончательная тьма, люди окружили Андреева и накрыли его лицо ледяными руками.

Святослав Логинов

И СЕРЫЙ ВОЛК

ГЛАВА 1

Вот уж такого добра, как яблоки, в деревне что грязи. Все сады Михникова засажены яблонями, и по каждому Микшан по-хозяйски прошелся, яблок нагреб заплечный мешок, а потом расшвыривал их где придется. Жрать их, что ли, зеленые...

Влезть в чужой сад и надрать полный ранец яблок — дело принципа. Изю всех окрестных садов Микшан не бывал только в Евстихеевых посадках. И что замечательно, другие мальчишки тоже обходили стороной стоящий на отшибе сад. Идти туда далеко, а яблоки у Евстихея самые обычные — белый налив и старостино. На базар с такими выйти — никто и не купит, у каждого свои есть.

И тут кто-то из пацанов возьми да и ляпни, что Евстихей по ночам сидит в засаде с ружьем, караулит свои яблочки.

— И много он народу пристрелил? — презрительно поинтересовался Микшан.

— Так он не жаканом стреляет и не дробью, а крупной солью пополам с рубленой щетиной. Рана получается не смертельная, но ужасно болезненная и стыдная донельзя, вот никто и не признается, лечатся дома.

— Красиво врешь. Уж не тебе ли Евстихей соли в жопу запустил?

— Не. Я к нему и за деньги не полезу. Слышал небось, что про него говорят? Я не про ружье, двустволка у кого угодно есть. А дядька Евстихей — злой колдун. Откуда иначе он ще-

тину для зарядов берет? Кабанчика у него нету и никогда не бывало. Так откуда щетина?

— Щетку купил в магазине и стрижет, — нашелся неверующий Микшан.

— А ты его видел в магазине?

— Видел, и не раз.

— Все мужики водку в магазине покупают и сигареты, а дядька Евстихей — макароны и постное масло. Он что, баба? Нет, он колдун, и водка у него наколдованная.

— Ты еще что-нибудь придумай. Может, он первач из яблочек выгоняет, как тетка Клара. Называется кальвадос. Так ему паленая водка, которая в магазине, и в гробу не нужна.

— У тебя, я вижу, на все готов ответ. Почему в таком случае ты сам Евстихеев сад стороной обходишь?

— Кто его знает? — Микшан пожал плечами. — Вот недельки через две соберусь и слазю.

— А чего не сейчас?

— Сейчас интереса нет. Яблочки зеленые, даже белый налив, поэтому сад никто не караулит. Что я, за смородой полезу? Да и есть ли она там?

Так и получилось, что Микшан прошел мимо окраинного сада как бы между прочим, а на самом деле приглядываясь со значением. Евстихей он видел, тот сидел на лавочке и вроде бы ничем особым не занимался. Но его безразличный взгляд был очень похож на безразличный взгляд самого Микшана.

А это значит, что охота началась и война объявлена.

Яблочки в чужом саду наливаются быстро. По своему садику идешь, сорвешь яблоко, с виду румяное, куснешь, сморщишься и кинешь под куст. А у соседа — ох, какая вкуснотень! Спелым соком налилось, смотри не забрызгайся.

Наступило полнолуние. В такой период все огородное и садовое произрастание наполняется соком. Умный хозяин именно в эту пору собирает урожай. А похититель что, хуже? Ему тоже хочется самого сочного яблочка. Одно беда: в полнолуние, как ни ползи, тебя за сто шагов видно. Ползешь и подставляешь задницу под соль и щетину.

Была у Микшана одна маленькая хитрость, помогавшая удачно обчищать чужие сады. Другие пацаны идут на промысел часиков в двенадцать, в крайнем случае в час ночи, не позже. Вору, к вашему сведению, тоже надо выспаться. К часу ночи самые бессонные сторожа засыпают. А Микшан ходил за яблоками от двух до трех часов пополуночи, когда даже пехухи в курятнике спят. Школьный ранец, набитый яблоками, прятал в кустах у реки, утром раскочегаривал костерок, пек яблоки в золе, угощал своих менее удачливых подельников. Печеные яблоки получаются не хуже печеной картошки.

Проход в ограде Микшан присмотрел заранее. Сад был темен и тих, лишь в одном окне мерцал огонек: ночник или лампадка — не разберешь.

Микшан раздвинул ветки шиповника, заменявшего в этом месте забор, направился к яблоням, стараясь не наступать на грядки. Потому его не особо и ловят, что он приносит не слишком много вреда. Яблоку хозяину обычно не жалко, а начнешь ломать на яблоне ветви, тут тебе и присолят нужное место, да так, что солонинки уже покушать не придется.

Яблони казались черными пятнами, темное на темном, но для Микшана такой вид был привычен. Еще минута — и можно будет переключивать урожай в ранец. Но именно этой минуты судьба ему не подарила.

Микшан почувствовал, как ему заломили руку, и одновременно острая боль пронзила нос.

Микшану приходилось попадать в руки сторожам, и он умел вывернуться из самых цепких лап, но сейчас любая попытка дернуться на свободу оборачивалась чудовищной болью. И даже не заорать как следует, потому что крик, оказывается, отдается в нос. Оставалось тихонько подвывать и перебирать ногами, поспешая вслед за победителем.

Хлопнула дверь, под ноги легли ступеньки — бум! бум! бум! — каждая отзывалась лютой болью. В подвал его, что ли, тащат?

Вспыхнул свет, обозначив малую каморку без окон. Никак и в самом деле — подвал. Но вот диво, стены были каменными.

Не из кирпича даже, а из серого плитняка, какого в здешних местах еще поискать.

Но самой непредставимой, дикой, невозможной была ржавая, не слишком толстая мелкозвончатая цепь, которая тянулась от его носа к стене и скрывалась меж плит. На такие цепи навязывают на ночь коней, чтобы они ненароком никуда не убрели. Еще цепные псы сидят как раз на таких цепях.

Микшан ухватил двумя руками за цепь, дернул тот конец, что уходил в стену. Бесполезно, не выдрать. А в носу даже эта попытка отдалась острой болью, так что из носа выдирать цепку лучше и не пытаться.

Осторожно попытал изувеченную харю. Там обнаружилось кольцо, даже на ощупь тяжелое и ржавое. Кольцо прободило обе ноздри и носовую перегородку. Замочка на кольце не было, а о том, чтобы дергать за него, пытаюсь снять силой, не стоило и думать.

Микшан завыл — безнадежно, как собачонка, которую волокут к реке топить.

— Что, милок, кислые яблочки оказались? — послышался голос сзади. — Оскома замучила?

И не повернуться, не поглядеть на того, кто за спиной. Стой, уткнувшись в стену. Еще можно вниз глаза скосить. Там стол стоит, дощатый, некрашенный. Таких в деревне полно.

— Дяденька, пусти! — прогундосил Микшан.

— Ишь как запел! А как яблоки воровать, так героем был.

— Я же ни одного яблочка не сорвал. Хоть проверьте.

— Еще бы ты сорвал... Тогда не знаю, что с тобой надо было бы сделать. А так пришибить тебя до смерти — и дело с концом.

— Как это, ни за что, и пришибить? Меня искать будут. Милиция с собаками приедет.

— С собаками? Это интересно. Псина возьмет след и приведет проводника на берег реки, знаешь, где омут. А там найдется твоя сумка, с которой ты за яблоками ходил. След там и оборвется. После этого искать будут уже в реке. Может быть, выловят твой сандаль. Да-да, этот самый, не дрыгай ногой.

Разговор напоминал дурацкие пристежки, но ржавая цепь и острая боль в носу возвращали происходящее в русло реальности. А в реальности уже не подергаешься, так что остается ныть, как нашкодивший малец:

— Я больше не буду! Честное-пречестное!

— Ты еще перекрестись или честное пионерское вспомни.

— Чево?

— Видали, не помнит. А я вот помню.

— Дяденька, хочешь, я честное пионерское дам, что больше за яблоками по чужим садам лазать не буду?

— А зачем оно мне? К тому же ты не пионер.

Говоривший выбрался из-за спины Микшана на свет. Да, это был дядька Евстихей, тысячу раз виданный, в котором, кажется, ничего особого не было. Но почему-то от этого стало еще страшнее. Хотелось плакать, но не могло. Нос не позволял.

Живо вспомнилось, как старухи говорили про Евстихея: «Дьявол, колдун окаянный!»

Евстихей вытащил откуда-то стул, уселся напротив Микшана. Цепь небрежно сдвинул в сторону, заставив Микшана взвыть. Выложил на стол большое румяное яблоко и огромный шприц с тонкой иглой. Такие шприцы Микшан видел у ветеринара. Последней на столе явилась прозрачная склянка, украшенная изображением черепа и костей.

Евстихей наполнил шприц отравой и принялся вгонять иглу в румяный бок, негромко напевая:

— Яблочко, яблочко, соку спелого полно!

Микшан сидел замерев, только губы тряслись. Даже лomotная боль в носу мучила уже не так сильно.

— Ну, как, охота моего яблочка откусать?

— Не-е...

— Правильно. Напоено было ядом, знать, оно. Откуда стихи, знаешь?

— Не...

— Эх, ты, а еще пионер!

— Я и не пионер вовсе. Дяденька, пусти, больно же...

— Хочешь, чтобы не больно? Яблоко перед тобой. Кусай, через минуту сдохнешь, и больно не будет.

— Нет!.. Не надо!

— Тогда терпи.

— Дяденька, миленький, отпусти! Ну, что я тебе сделал?

— Что сделал? Если бы ты хоть до одного яблока дотронулся, враги меня сразу бы нашли. Спрашивается, как бы я от них отбивался? И если тебя, дурака, сейчас отпустить, они тоже, ни минуты не мешкая, меня найдут.

— Да какие у вас враги? Кто на вашу пенсию позарится?

— Хорошо. Интересы ради покажу, какие у меня враги, и послушаю, что ты потом скажешь.

Евстихей сунул руку за спину, вытащил оттуда большое фарфоровое блюдо с широкой голубой каймой.

— Как оно тебе?

— У нас дома такое же. Бабка как смокву делает, то потом на такую тарелку выкладывает.

— Правильная бабка. Потому ей нос и не защемило. Вот у меня смоквы нет, я так обойдусь.

Евстихей протер блюдо рукавом телогрейки, добыл откуда-то одно яблоко и запустил его по краю блюда.

— Яблочко, яблочко, спелое, румяное, покатысь по блюдечку с голубой каемочкой, беги весь белый свет, покажи, что есть, что нет. Кто на меня бедного, одинокого, незащитного, всякое зло умышляет, погубить хочет до самой смерти безжалостно.

Микшан смотрел, позабыв на время про боль в носу.

Яблоко накручивало на блюде виток за витком, молочно-белый фарфор насквозь просквозил солнечным светом, лишь небесно-голубая полоса оставалась прежней, а все остальное обратилось в подобие серебряного зеркала, в котором обозначилась комната и молодой человек в ней. Одет он был вполне современно, по-городскому. Встретишь такого на улице — глазом не покосишь, разве что девчонки могут заглядеться на блондинистого парня.

Где-то за кадром зазвонил телефон. Обычный звонок безо всяких музыкальных выпендрежностей. Микшан вздрогнул.

Он никак не ожидал, что яблочко не только картинку показывает, но и звук передает. Цепь больно рванула нос, призвав пленника к порядку.

— У аппарата... — нестандартно ответил блондин. — Что? Так... Это интересно. Хорошо, сейчас буду. Форма одежды, как я понимаю, парадная.

Парень скинул адидасовскую куртку, футболку огладил ладонями, и вдруг оказалось, что его облегает тонкая серебристая кольчуга. Под ней наверняка было что-то поддето, но Микшан не мог разобрать что. Куртешка надежно прикрыла боевой доспех. Кривые кроссовки отлетели в сторону, а на ноги парень натянул бежевые сапожки со скошенным каблукком. На последнем показе моды, которого Микшан не видел, такая обувь была названа новейшим взвизгом современного стиля.

Хотя Микшан показов моды не смотрел, но маменька так негодовала, что парням девчачьи сапожки рекомендуют, что в память Микшану они запали.

Джинсы удивительно хорошо подходили хоть к снаряжению витязя, хоть к современному наряду. То же и с лентой на лоб. Сегодня ее кличут хайратником, тысячу лет назад звали иначе, но суть от этого не меняется.

Напоследок парень снял со стены висящий над кроватью меч. Такие сабельки продаются в любой сувенирной лавке, но едва эта игрушка оказалась в хозяйских руках, она на глазах переменялась, обратившись в серьезное оружие.

Клинок поднялся на уровень глаз, разрубив мир на нижний и верхний.

— Чую, подглядывает за мной злобный враг, — произнес меченосец. — Подглядывай, тварь, мне скрывать нечего. А как встретимся, поглядим глаза в глаза. Вот тогда и выясним, чем дело кончится.

Меч опустился к перевязи и словно растаял в воздухе. Теперь в комнате стоял обычный, слегка мажористый парень. Он щелкнул выключателем и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Евстихей подхватил яблоко, прекратив его вращение. Волшебное зеркало погасло.

— Ч-что это было? — заикаясь, спросил Микшан.

— Сказок, что ли, не читал? Наливное яблочко на блю-
дечке с голубой каемочкой. Катается, покатывается, белый
свет показывает.

— Я про мужика...

— Тогда не что, а кто. Вопросы задавай правильно. В делах
волшебных от неверного вопроса можешь так залететь, что
приколоченным носом не отделаешься.

— Ну, подумаешь, кто...

— Вот именно, думаешь. Теперь сиди на привязи,
думай. А добрый молодец, которого мы сейчас видели, это
светлый рыцарь Патр. Во всяком случае, так он сам себя на-
зывает. В паспортном столе по месту жительства у него, ко-
нечно, другие имя и фамилия и даже отчество, но нам их знать
не обязательно и даже опасно. В бюрократии на нашего брата
самые липкие ловушки расставлены. Только попробуй какую
справку взять, мигом увязнешь. Касается это и черного на-
родца, и белых магов. На самом деле мы видели белого мага
Патрикея, рыцаря он из себя только корчит.

— Тогда я знаю, кто ты! — возгласил Микшан, на мгно-
вение забыв о своем бедственном положении. — Ты Кощей
Бессмертный!

— Попал пальцем в небо, да и то на полметра мимо! —
Евстихей усмехнулся. — Я, мой милый, имен не меняю. Меня
Евстихеем зовут и всегда так звали, когда было кому звать.
А что касается бессмертия, то позволь спросить: ты фило-
софию изучал? Николая Кузанского читать доводилось или
хотя бы Пьера де Шардена?

— Чево?

— С тобой все ясно. Ведь это о тебе сказано: Аще кто ти
речет: веси ли всю философию? — и ты ему рцы: Еллинских
борзостей не текох, риторских астроном не читах, с мудрыми
философы не бывах...

Микшан слушал, не пытаясь вникнуть, понять и запомнить.
Звучит себе и пусть звучит, вроде как училка в школе. Куз-
нечики в траве тоже звукотят, но их слушать не обязательно.
Старался только шнобель поберечь от ненужных испытаний.

Вообще-то нос у Микшана был невелик, нормальный такой ноздредыр, но, познакомившись со ржавой цепью, он распух и вполне соответствовал названию: шнобель.

— ...так вот, — продолжал Евстихей, — поясняю для дураков. — Все, что имело начало, непременно будет иметь конец. Заруби это себе на носу.

— Куда еще?.. — пробубнил Микшан. — И без того больно.

— А что делать, если иначе ты не понимаешь? Кто еще тебя научит, если не я?

— Век живи, век учись, дураком помрешь, — угрюмо сказал Микшан.

— Похоже, к тому идет, — согласился Евстихей. — Но я тебе так скажу: всяких бессмертных, кощеев разных и прочей шелупени на моей памяти было что мух над навозной кучей. Всякий о своем величии жужжал. И где они теперь? Самая память о них простыла, одно имя собирательное осталось. А я, как видишь, живу. Хотя и не бессмертный. Просто понимаю, что все мое долгожительство временно, и стараюсь, чтобы продлилось оно подольше, потому как еще не надоело жить.

Микшан понимал, что нельзя противоречить колдуну, но тянули-то его за нос, а не за язык. Потому не утерпел, чтобы не сдерзить:

— Подумаешь, какой ты ни будь крутой, а Белый Рыцарь тебя прикончит.

— Ну-ка, ну-ка... Это уже интересно. С чего ты взял, что Патрикей меня уничтожит?

— С того, что он светлый рыцарь, а добро всегда побеждает зло.

— Предположим, что колдун Патрикей действительно светлый рыцарь. Во-вторых, предположим, хотя в это трудно поверить, что добро всегда побеждает зло. Но с какого перепуга ты решил, что, если рыцарь светлый, он непременно является представителем добра?

— Как же иначе? Раз светлый, значит, добро.

— Выходит, что бледная спирохета тоже добрая. А смерть, что тебя с минуты на минуту ждет, еще добрее. Вот веселуха

с тобой, обхохочешься! — Евстихей говорил совершенно серьезно. — Ты хоть русские сказки читал?

— Нет, — с некоторой гордостью ответил Микшан.

— А что ты вообще читал?

— Ничего. Меня в пятом классе на второй год оставили, гады...

— Видали? Еще и лыбятся. Я бы тебя не только на второй год оставил, но и розгами вспрыснул, солеными, да на воздушных!

— Вы и так на цепь посадили и мучаете ни за что!

— Цепь сама по себе, а шелепы воспитательные — отдельно. Я, милок, принцип поглощения меньшего наказания большим не исповедую. За школьное безделье получи розги. Да не дергайся ты, это я так, к слову. Задницу тебе пороть — не мое дело. За попытку влезть в чужой сад цепь полагается. Вот ты и сидишь и никуда не денешься, пока я цепь не сниму. А самое большое наказание за то, что хотел волшебное яблочко скрасть. И не одно, целый мешок приготовил. За это — смерть неминуемая. Отсидишь свое на цепи, а там и приступим.

— Ты чо вытворяешь, злодей?! — закричал Микшан, не замечая, что сам начал выражаться на сказочный манер. — Убьет тебя добрый рыцарь, а меня ослобонит!

— Если и убьет, то не сейчас. Время терпит, побеседуем о доброте. Сказок ты не читал, но ведь кое-что слышал краем уха. Вот, скажем, Иван-Царевич, ни дать ни взять — белый рыцарь. А если копнуть поглубже?

Евстихей сунул руку за спину и вытащил оттуда картину Васнецова «Иван-Царевич на Сером Волке».

— Ну, как? Это твой Светлый Рыцарь?

— Он. Только одет по-другому.

— Переодеться и я могу. Дело нехитрое. Ты на царевича смотри. Прежде всего это не человек, а кадавр.

— Кто?

— Кадавр. Оживший мертвец.

— Зомбак, что ли?

— Тьфу на тебя! Зомби — понятие психологическое, он может быть восставшим из могилы мертвецом, а может и не быть. Ты бы меньше ужастиков смотрел. Главное, что зомби

лишен своей воли и делает, что ему прикажет хозяин. А кадавр — ожил и действует сам по себе.

— И где тут кадавр? Парень как парень.

— Его же братья убили! А Серый Волк sprыснул раны мертвой водой, они закрылись, стал обычный человеческий труп. Следом в ход живая вода пошла. Побрызгали ею, труп ожил. Вот тебе и кадавр.

— Да ну...

— Не ну, а так и есть. Он, может, и не помнит ничего, а мертвечиной от него несет. Но это еще не все. На ком твой добрый рыцарь скачет?

— Я почему знаю?

— А думать кто будет?

— А-а-ай! Нос не дергай!

— А ты на картину гляди и думай, когда тебя спрашивают.

— На волке скачет, сам будто не видишь.

— В том-то и дело, что вижу. Не на волке он едет, а на волкулаке. Это волк-оборотень. Разговаривает по-человечески и может перекидываться хоть в богатырского коня, хоть в Елену Прекрасную. Паладины света так не поступают.

— Ну, чего ты ко мне пристал?

— Я пристал? Это ты пристал. А я тебя уму-разуму учу, хоть тебе уже и не пригодится. Вспоминай, с кем еще наш добряк дружбу водит? Не помнишь?.. Так я подскажу — с Бабой-ягой.

Она, между прочим, ведьма и людоедка. Но Ивана с ходу за своего признала: напоила, накормила, в баньке попарила. Но главное, верную дорогу указала. Прелестный коллектив подбирается. Ты, между прочим, не подумал, куда наш рыцарь намылился? Нет, конечно, пока тебя за нос не потянешь, ты думать не начнешь. В этой сказке целью квеста является грабеж. Жар-птицу Иван с волком украли и клетку спереть не побрезговали, златогривого коня угнали, даже Елену Прекрасную уводом свели. Скажешь, доброта и честность раздельно живут? А по-моему — нет. Зато сейчас светлый рыцарь идет кого-то убивать: не то меня, не то тебя, не пойму. Мы с тобой двое безоружных людей: старик и мальчишка, а он, заметь, как со-

бирается: шелк не рвется, булат не гнется, красно золото не ржавеет. Меч-кладенец у него на поясе, шапка-невидимка на темени, сапоги-скороходы на ногах, и кольчужная броня по самые яйца свисает. Не воин, а танк на ножках.

— А ты!.. — закричал Микшан, забыв всякую осторожность. — Ты картину в музее спер!

— Какую еще картину?

— Вот эту, вот! Откуда она у тебя?

— Ты, братец, окончательно разумом подвинулся. Где ты видишь картину? Это даже не копия, а репродукция. Подлинник картины в музее висит.

— Все равно — спер. Пусть репродукция, но спер!

— Тьфу на тебя! Дурака не переспоришь. На цепи ты свое отсидел, пора переходить к следующей части марлезонского балета.

Евстихей хлопнул ладонью по столу, цепь с громким бряком упала вниз.

Микшан в ту же секунду вскочил и бросился к дверям. Щелястая дверь из неструганных досок спружинила и отбросила Микшана под ноги его тюремщику.

— А ты молодец, — похвалил Евстихей. — Прыти не растерял. Но думать так и не научился. Мог бы сообразить, что дверь заговоренная. Вот отдам тебя ей на растерзание, тогда поймешь. Что она пинки давать умеет, это полбеда, а вот занозы...

— Что же мне, ждать, пока вы меня до смерти умучаете?

— Тоже правильно. Не ждать, но и не бегать, как мышь по стерне. Но пока не поухаживаешь ли за старым человеком? Видишь дверь? Там кладовочка. Не переживай, выхода из нее нет. Что там на полках лежит и на стенках развешано, лучше не трогай — целее будешь. Отнеси туда отравленное яблочко и положи на полку от всего отдельно. Еще при входе лукошко стоит. В нем тоже яблоки сорта шафран. На эти я никакой ворожбы не накладывал, их есть можно. Принеси мне одно и себе можешь парочку.

— Да мне неохота.

— Понятно. Должно хотеться, но не хочется. Когда яд по фруктовой мякоти расходится, яблочный аромат стократ усиливается и очень хочется это яблоко съесть. А у тебя нос более важными делами занят был, вот ты и не учуял.

Микшан, с трудом подавив невольный стон, шмыгнул носом и, прихватив отравленное яблоко, отправился в кладовку.

Что он ожидал там увидеть? Сабли, шпаги, пистолеты? — их не было. Парадные портреты и старинная одежда отсутствовали. Были мутные фотографии и почетные грамоты времен царя Гороха. На полках причудливые камни и деревья, на стенах — ремешки и веревочки. Это — вроде уздечка, а это и вовсе намордник. Вещи все неинтересные и в деревенской жизни встречающиеся. Сказано их не трогать, так и не больно хотелось.

Корзинка с яблоками, как и было обещано, стояла у самой двери. Все яблоки неотличимо румяные и словно калиброванные по размеру.

Микшан, не выбирая, взял два яблока, молниеносно крутанул их в пальцах и одно яблоко положил на полку, куда было сказано поместить смертельный плод. Затем спокойненько вышел из кладовки.

— Чего два яблока принес? — спросил Евстихей.

— Может, вам еще захочется. Что мне, два раза бегать?

— Логично. А ты вот о чем подумай. Откушу я сейчас от этого яблочка и содохну в корчах, потому что ты яблоко подменил. Буду лежать, разлагаться, вонять хуже, чем твой любимый Белый Рыцарь. А ты что станешь делать? Из подвала тебе не выбраться, примешься околевать со мной в обнимку.

Микшан трясся крупной дрожью, прикрывая двумя ладонями нос. Упавшие яблоки валялись на полу, какое из них отравлено, Микшан и сам уже не мог определить.

— Теперь к делу, — произнес Евстихей. — Кончай трястись и слушай внимательно. Повторять не буду, а если с заданием не справишься, никто тебя на второй год оставлять не станет. Тебе поручается найти и уничтожить светлого мага Патрикея. Как именно ты это сделаешь, меня не интересует.

— Я не могу!.. — визгнул Микшан. — Ты с ума сошел! Я же не убийца!

— А кто только что мне отраву подсовывал? — ласково спросил Евстихей.

— Ты меня мучил, — пробурчал Микшан.

— Не знаешь ты, какие муки бывают. Отдать бы тебя на правеж Патрикееу, вот у него мучения так мучения. У меня в сравнении с ним — материны ласки.

— Как я этого рыцаря найду? Где он живет? Чем его победить можно?

— Это не мое собачье дело. Это твое собачье дело. В общем, забирай два яблока, какие вслепую выбрал, — и в путь!

— Какие хоть яблоки, что с ними делать можно?

— Я откуда знаю? Ты выбирал, не я. Одно яблоко ядовитое, это известно. А второе... может быть, молодильное, их у меня много, а быть может, яблоко раздора. Может статься, что это одно из трех яблок Гесперид; я сам не знаю, какие чудеса они таят. Еще бывают яблоки Вильгельма Телля. Яблони такой нет, а яблоки попадают. Они хоть на черешне могут вырасти. Волшебной силы в нем не заметно, но если его при себе держать, то самый никудышный стрелок непременно будет бить в цель, ни за что не промажет. Конечно, больше всего вероятность, что это яблочко, которое по блюдцу с голубой каемочкой катается и весь мир показывает. Самое крутое яблоко, это плод познания, но тебе от него пользы не много, ты и познание — вещи несовместные. А кроме того, может быть...

— Хва-а-тит! — Микшан так взвыл, словно привязь на нос вернулась, да не просто, а принялась мотаться из стороны в сторону. — Ты хуже классной изгаляешься: то учи, это запомни! Как-нибудь обойдусь.

— Не хочешь — не надо. Никто не неволит. Забирай свои яблоки, и вперед, на мины! Только учти, сбежать от меня не получится, я за тобой присматривать буду. Цепь стала невидимой и почти неощутимой, но кончик ее у меня в кулаке, а кольцо у тебя в носу, никуда не делось. Не переживай, ты

не один такой. Даже нашего брата колдуна и то порой на привязи держат. Ну-ка глянь на скраденную репродукцию, что там у Ивана-Царевича в ухе?

— Ну, серьга. Сейчас все так ходят.

— В том-то и беда, что все. Ведь это не игрушка, а начало цепи, на каких твоих рыцарей водят. Хорошо хоть не за нос, а за ухо, хотя последнее время и такие появились. Сам этот серьгатый кадавр уже ничего не может.

— А как же бабы? Уж они и прежде, и сейчас без сережек не обходятся и меняют их, как мы рубахи. Их что, то один кто-то тянет за ухо, то другой?

— Запросто. А если серьезно, то я не знаю. Спроси у кого поопытней, а я холостяк, полюбовниц у меня не бывало, и чужих невест я не крал. Вроде как все тебе рассказал. Хотя погоди, еще в зеркало надо посмотреться, чтобы не удивляться потом.

— Опять чудо-зеркальце?

— На этот раз простое.

И в самом деле, нашлось зеркало. Когда Микшана в подвал на цепи тащили, никакого зеркала он не заметил, не до того было, а теперь оно обнаружилось. Микшан глянул в стекло и попятился. Не было там Микшана, двоечника и второгодника, а смотрел парень лет семнадцати, ладнехонький, как говорили на деревне, высокий, так что прежний Микшан у него под мышкой мог пройти. На верхней губе незнакомца пробились вполне заметные усики, а в носу красовалась серьга, причем продетая не через ноздрю, а сквозь хрящ в перегородке носа.

В зеркало Микшан смотрелся редко и представлял себя плохо, потому изменения воспринял относительно спокойно. Вот только кольцо... не ржавое уродство, конечно, а штучка ювелирная, но все же Микшану она не приглянулась.

— Это еще зачем?

— Это, — любезно сообщил Евстихей, — пирсинг септума. Кстати, не пытайся снимать. Хорошо, если просто без носа останешься, а то может быть хуже.

— Так ведь мальчишки задразнят...

— С мальчишками тебе больше дела не иметь. И к родителям тоже не вздумай соваться. Не признают. И вообще твоя мамаша сыночка в омуте ищет. Ранец твой там, на берегу, лежит и сандалетка в воде плавает.

— Куда же мне теперь податься?

— Это твое собачье дело. Во-первых, можешь отправиться куда глаза глядят, во-вторых, пойти туда, не знаю куда, а в-третьих, если тебя устраивает роль светлого рыцаря, топай за советом к бабе-Яге.

— Откуда я ее возьму?

— Нешто в вашей деревне своей бабы-Яги нет? Их сейчас развелось что собак нерезаных. Но я к этим дамочкам ходов не знаю и знать не хочу.

— Да ладно тебе. Ты все-таки скажи, куда мне идти. Только без этих твоих сказочек.

— Нет, миленький. Сказочка только начинается.

— Но я же не знаю, куда идти!

— Вот и иди туда, не знаю куда.

ГЛАВА 2

Хорошо тому, у кого есть по жизни прочный тыл, родной дом. Там могут, если заслужишь, и по жопе ремнем отходить, но потом непременно накормят, напоят и спать уложат. Могут даже баньку истопить, если есть она при доме. Обслуживание что у бабы-Яги. Но ни в коем разе не подскажут, куда направиться и что предпринять, чтобы сжить со свету белого рыцаря Патра. И неважно, какого он цвета, но раз он собрался меня убивать, значит, он зло. А мать считает, что все убийства понарошку, как между мальчишками, никакого совета не даст, и помощи от нее ждать не следует. Значит, надо управляться самому и прикончить Патра раньше, чем он меня. Только в этом случае окажется, что Микшан стоит за добро.

Единственное, что совершенно точно понятно: Патр живет в городе, и, значит, надо искать его там. Но как можно без денег, без документов и жизненного опыта попасть в город, понять, что это тот самый город, что ему нужен, и сыскать

рыцаря. Впору сесть и зареветь в голос, не в полицию же обращаться с таким вопросом.

Микшан шел знакомой улицей мимо знакомых домов. Тетки, знакомые все до одной, стояли возле калиток, обсуждали последнюю новость: Микшашка Евпатин потонул в омуте, один ранец на берегу остался. Спасатели из города приехали, будут реку прочесывать, утопленника искать.

От таких разговоров щекотно внизу живота. Эх я их всех обманул! А с другой стороны, шуточка задалась незавидная. Это уже не других обманул, а сам обманулся.

Попробовать, что ли, упасть на хвост спасателям, чтобы подкинули до города, когда назад поедут? Да ну их, они ведь тоже из полиции, можно так нагореть, что потом не расхлебашь. Лучше спросить у тетки Клавы, у нее завсегда тьма народу толчется, которым самогонки надо.

Дом тети Клавы стоял на отшибе, что очень удобно, учитывая ее бизнес. В администрации тетю Клаву звали кормчицей, что ей очень не нравилось. «Что я там корчую? — ворчала она. — Нонеча на лесоповал таких, как я, не отправляют».

Свои звали Клавку самогонщицей, что злило ее пуще того. Саму себя тетя Клава величала шинкаркой, хотя последнее прозвище никак не желало прилипнуть.

Клава своего промысла не стеснялась.

— Я для людей чистый продукт гоню, не чета Лариске Кабатчице из Обухово, которая в автомагазине омывайку берет и перепродает мужикам, будто это казенная водка. Ее стараниями в Обухово половина народа перемерла. Я гоню из яблок, а когда по загложшим садам урожай сливы, то и слива в дело идет. А покупные у меня только дрожжи.

Во всяком случае, Клавкиным продуктом народ травился реже, чем Ларискиным, а среди мужиков бытовали импортные термины: кальвадос и ракия.

— Здравсьте, тетя Клава, — произнес Микшан при виде шинкарки.

— Здравствуй и ты.

Клава ничуть не была удивлена. При ее профессии с ней порой здоровались совершенно незнакомые люди.

— Что я хотел, — решился Микшан. — В город мне надо.

— Автобус ходит дважды в неделю. Сегодняшний еще не проходил.

— Так денег ни копья.

— Тут я не помощница. В долг брать охотников много. На трассу иди голосовать, может, кто подкинет.

— Кто же меня подкинет? И не притормозит ни один.

— Отчего же, могут и взять. Совхозная развозка, а всего лучше — большегруз: лесовоз или контейнеровоз. Эти, если согласишься шофера разговорами развлекать, чтобы он не уснул за рулем, могут и до Москвы довезти, и до польской границы.

— А что, и в самом деле. Попробую. — Микшан малость подумал и добавил: — Спасибо.

— Спасибо не булькает. Булькает мой товар.

— Нет у меня ни копеечки, — напомнил Микшан.

— Это я так, к слову, чтобы привычки не потерять. Ты вот скажи любопытной старухе, каким ветром тебя занесло в нашу глухотень?

— Мы с ребятами приехали на бережку потусить. Шашлычок, то да се, а ребята вскинулись и меня тут бросили. Сговорившись, наверное, пошутить захотелось. Дайте срок, я над ними тоже подшучу.

— Красиво... Врать ты любишь, но куда не умеешь. Какой тебе шашлычок-пикничок? Не было ничего, никто на берегу не останавливался. А вот мальчишка озорной этой ночью в реке утоп. Ищут его. Так и твоих приятелей давно бы нашли. Живо рассказывай, как оно было!

— Все как есть рассказал, — уперся Микшан, отлично знающий, что, когда тебя допрашивают, последнее дело менять одно вранье на другое, того худшее.

— Что же, поверим на первый раз. Значит, приехали вы на бережок, увидели, как мальчуган тонет, и решили от греха подальше сделать отсюда ноги. А может, и сами, шутки ради, помогли мальчугану в омут нырнуть. Это же так просто: шутили над мальчишкой, макали в воду смеха ради, а он взял да и утоп. Тут вы и решили от греха подальше умотать, пока целы.

А может, и без шуток помогли ребенку в омут нырнуть. Мало ли что он у вас увидел непригожее.

— Не было ничего! — закричал Микшан.

Что за невезуха! Сначала с яблоками, будь они неладны, а теперь лепят ему убийство, да не просто убийство, а убийство себя самого, хоть и в другом обличье. Если сейчас рвануть в бега, то точно поймают, и уже ничего не докажешь.

За оградой зарыдала сирена.

Вот, пожалуйста, ментовка тут как тут. Был Микшан, нет Микшана. Эти не отцепятся.

— Ишь, милый, как тебя задержало... Отвечай быстро и врать не вздумай. Что делал на берегу?

— Ничего! — отстрелил ответ Микшан. — Я и вовсе там не был.

— О, как хорошо! Я так понимаю, что и парней, которые тебя бросили, тоже не было. А кто был? Впрочем, можешь не говорить, сама догадаюсь. Ты лучше скажи, сколько тебе годочков?

— Что вы все пристали? Сколько есть, все мои.

— Это уже ответ. Все, говоришь, пристали. Первая это я, а кто еще? И опять же можешь не отвечать, догадаюсь сама. И все-таки, сколько тебе лет?

— Двадцать.

— А за вранье знаешь что бывает?

— Все равно двадцать.

— Пусть двадцать, хотя, на мой взгляд, не больше семнадцати, а по поведению судя, и вовсе двенадцать. Но давай тем временем я тебя ужином накормлю, а там и в город отправлю.

— Да я не хочу есть. И вообще, какой ужин? Утро еще.

— Не хочешь — не ешь. Была бы честь предложена. Только учти, может, сейчас и утро, но завтракать ты сегодня не завтракал. Обед тебе тоже не светит, от ужина ты только что отказался. А будет ли что покушать завтра утречком — вопрос гадательный. Я так полагаю, что завтра тебе опять же сидеть впроголодь. Так что не побрезгуй моими харчишками, а там, глядишь, и оказия до города объявится.

Жрать вообще-то хотелось. К тому же тетка обещала какую-то оказию до города. Тревожило другое. Уж больно напевно говорила тетка Клава, не говорят так деревенские бабы. Не скрывается ли здесь какая сказочность, не читанная в младших классах и таящая урок добрым молодцам. Хотя если потащила тебя судьба за нос, иди и не рыпайся.

— Давайте ужинать, — безо всякого энтузиазма произнес Микшан.

Клава быстро достала тарелки, пожелтевшие от времени, ставшие словно не фаянсовыми, а костяными, приволокла из-за печи большую кастрюлю.

— Тут я меня картопельная каша, а по-вашему, по-городскому, — пяре.

Навалила на тарелки от души картопельной каши, полила топленным маслом.

— А хорошо было бы к этакой пяре мясца побольше, гусочку жареную. Гусочку бы мы поприели, кости в миску сложили, полили жирком, что из гуськи вытопился, и снесли в хлев. А наутро: глядь-поглядь, в миске гусочка сидит, живехонька-здоровехонька. Хоть снова ошипывай — и на сковородку. Как тебе такое?

— Сказки... — проворчал Микшан, чей нос с некоторых пор сказки чуял за полторы версты. — Не гусочка это, а кадавр.

— Не любишь сказки... Теперь я вижу, что тебе и впрямь двадцать лет. Значит, перед ужином тебе капелюшечку принять можно. Не буду врать, будто я тетка законопослушная, но малолеток спаивать не стану.

На столе во мгновение ока появилась миска с малосольными огурцами, бутыль зеленого стекла, что у мужиков носит название «бомба», и два граненых стаканчика, которые Клава тут же наполнила всклень.

— За знакомство, что ли, выпьем?

Водку Микшану пробовать приходилось. Ему десяти не было, когда он спер у отца, еще не ушедшего из семьи, недопитую поллитру и, гордясь собой, высосал досуха. Когда

вытрезвился, узнал, зачем в сених на стене висят старые вожжи, хотя лошади в хозяйстве не было уже много-много лет.

Тем не менее навсегда отбить охоту к спиртному отец не сумел. А тут еще тетка сама предлагает.

Жидкость огненным потоком скатилась в желудок. Насколько Микшан помнил, водка так не жгла.

— Что это? — просипел Микшан, впившись зубами в огурец.

— Никак, проняло? — засмеялась тетка Клава. — Это, мил-друг, яблочная слеза, а по-вашему, кальвадос. Понял теперь? У меня без обмана, спичку поднеси — горит!

Тетя Клава похрустела огурчиком и вновь потянулась за бутылью.

— От первой маловато забирает, вторую вдогон надо, тогда и будет дело. Первая колом, вторая соколом.

Так и вышло, хотя пожар в желудке разгорелся нешуточный. Микшан торопливо заскреб ложкой, выбирая с тарелки пюре, отломил кусок от буханки, на которую поначалу не обратил внимания, и выбрал в миске второй огурец.

— Слаб ты, мастер. Со ста граммов тебя так повело. А давай-ка по третьей...

Микшан осознал себя в этой же комнате на диванчике. На удивление, не было никакого похмелья, только живот бурлил, словно переел недозрелых яблок. На столе царил постпиршественный разгром, только зеленая бутыль была убрана незнамо куда.

Болеет бок, и лишь потом Микшан сообразил, что спал, навалившись на яблоки, полученные от Евстихея. По уму, яблоки должны были раздавиться или по меньшей мере сильно помяться, но с ними ничего не случилось, они оставались свежими, словно только что с ветки. Так и хочется впитаться в румяный бок, но останавливает мысль, что одно из яблок отравлено и никак не угадать — какое.

За стеной заливисто храпела Клавка. Интересно, зачем ей понадобилось его поить? Ясно, что она имеет на него какие-то планы. Значит, пора делать ноги и ловить попутку до города.

Микшан поднялся, качнулся к столу. Кастрюля была пуста, огурцов тоже не осталось. Хорошо он вчера поспраждал. Хотелось бы знать, в честь чего праздник? Тетя Клава это не Баба-яга, она даром кормить не будет.

Микшан поскоблил пальцем тарелку, не глядя, взял одно яблоко. Как там Евстихей говорил: катись, яблочко... куда?.. или к кому? Мальчишки пели: к сопливой девочке, но это явно не то. В общем, катись и покажь, что надо.

Яблоко крутанулось по немытой тарелке, и та полыхнула непредставимым черным светом. Отчетливо запахло жженой резиной. Этот запах был отлично знаком Микшану; вместе с другими мальчишками он не раз поджигал кинутые вдоль трассы изношенные покрышки. В черной глубине обозначилось пламя, не то далекий пожар, не то просто не пойми что. А потом на фоне этого огня поднялось пепельное видение: звериная морда оскалила зубы, громовой рык ощутимо ударил Микшана в грудь, заставив отшатнуться.

Падая, Микшан успел сбить яблоко с расширяющегося черного диска. Траурный свет погас, рычание смолкло.

— Ни хрена себе шуточки... — пробормотал Микшан.

Однако шуточки только начинались. Дикая, стократ большая, чем прежде, боль пронзила его нос. Микшана подняло и поволокло к мутному зеркалу, висевшему на простенке меж окнами. Там в неясной глубине обозначилось взбешенное лицо Евстихея.

— Ты что творишь, стервец? — прошипел чародей. — Отравленное яблоко вздумал по блюдцу пускать? Знаешь, что оно тебе показало? Лучше не знай. А ты еще блюдце взял без каймы. Каемка на блюдце — это грань мира. Без границы всякая потусторонняя дрянь к нам ползет. Как ты с ней управляться будешь и вообще что теперь делать?

— Н-не знаю... — мямлил Микшан, более озабоченный судьбой носа.

— Не знает он... А кто знает? В общем, так: день тебе на все про все. Не управишься с Патрикеем, я с тобой быстро управлюсь. Будем надеяться, что раз ты еще жив, то потусторонние силы разбудить не успел. Действуй!

— Как?

— Энергично!

Многострадальный нос энергично дернуло, изображение Евстихей исчезло. В комнату, позевывая, вошла тетя Клава.

— Проснулся? Молодец... — Клава потянула носом. — А что гарью пахнет?

— Не знаю. Может, с улицы?

— Врать ты любишь, но не умеешь. Ладно, покуда ври, тренируйся. Но не вздумай соврать в делах денежных. О тебе я все знаю, и что денег у тебя нет и взять негде, и что документы не то потеряны, не то и не получены. Дома своего нет, родными и близкими не обзавелся. Откуда такой взялся? Не иначе — детдомовский. Никому ты не нужен, и приткнуться тебе некуда. Оно и хорошо, мне как раз такой работник нужен. Слышь, я тебя на службу беру. Будешь в моей фирме экспедитором. Знаешь, что это значит?

— Ну.

— Не ну, а уважаемая Клавдия Ивановна, объясни мне, дураку, мои обязанности. Куда надо бегать, что там делать.

— Я, может, еще не пойду к тебе в батраки.

— Да куда ж ты денешься? Ты мне вчера по пьяни много чего наболтал. Как ты думаешь, откуда я знаю, что денег у тебя ни полушки, паспорт то ли потерял, то ли не получал. Прописки никакой, знакомых ни единой души. Откуда ты такой взялся. Эмигрант, что ли? Так и у тех есть за кого зацепиться. А тебе, кроме как за меня, цепляться не за кого. Так что слушай и вникай. Сейчас придет машина. Вдвоем с Ромкой загрузитесь и поедете в город. Развезете товар, Ромка знает кому. Я тебе бумагу дам, сколько кому сгружать. Товар сгрузишь, получишь деньги. Никаких расписок не надо, у нас по-честному. Деньги большие, но не вздумай попользоваться или вовсе сбежать. Я баба деревенская, но найду тебя в полчаса, хоть бы ты в Москву умотал или на Дальний Восток. Знаешь, что тогда будет?

— Догадываюсь.

— Нет, ты о таком не слыхивал. А впрочем, пора. Ромка гудит. Завтрака тебе не будет, с утра есть — живот мучить.

Вернешься к обеду. Тогда и денег тебе твою долю отслюню. Не бойсь, не обижу. Все понял? Тогда — пошел.

— Погодь, — тормознул Микшан. — Товар-то какой?

— Ну, ты простота! Пил ты вчера что? Это товар и есть.

— Понял. А если полиция?

— Так ты не попадайся. За то и деньги плачу. Но ежели что, вали все на Ромку, мол, он подрядил тебя ящики грузить, а больше ты знать ничего не знаешь. Но учти, Ромка будет на тебя валить. Сумеете ментам головы задурить — отлично! Не сумеете — пойдете под суд. Но обо мне ни в коем случае ни полслова, иначе припаяют вам групповуху, и загремите далеко и надолго.

— Что-то мне неохота в это дело ввязываться, — прогундосил Микшан.

— Так никто тебя не спрашивает. Да ты не бойсь. Не на грабеж тебя посылаю, на честную работу.

Ромкин фургончик ожидал у сарая. Обычный крытый грузовик, в таких развозят продукты по магазинам. По извечной шоферской привычке Ромка дремал за рулем.

Засоню быстро пробудили, в фургон загрузили восемь десятков ящиков, в каждом из которых позвякивало двадцать четыре закупоренные поллитровки с драгоценным напитком.

Клава вынесла бумаги: неразборчиво заполненный путевой лист для Ромки, а для Микшана и вовсе не пойми какую бумажонку с неформальными пояснениями: Сережик, Антонина и тому подобными. Никаких цен и адресов не было, ящики и бутылки считались оборотной тарой: сколько увез, столько и привезти обязан, только бутылки увозились полными, а возвращаться должны были пустыми. Короче, дело у Клавы было поставлено на поток.

— Деньги будешь получать по счету, но без расписок, — внушала хозяйственная тетка. — У нас все по-честному, не как в сельмаге.

Наконец тронулись в путь. Микшан смотрел, как убегает встречь машине недавно отремонтированная лента шоссе, и думал, что дело, кажется, оборачивается неплохо. Евстихей до города, поди, не достанет, от Клавы тоже можно сбежать,

да еще с деньгами. Грозить она, конечно, может, но не в полицию же ей обращаться, самогонщице. Еще бы паспортом разжиться, и совсем было бы отличненько. Но и так нормуль.

В городе Микшан бывал, когда его с классом возили туда на экскурсию. Тут любой поймет, что шляться на экскурсии — самое безнадежное дело. С городом так не познакомишься.

Зато фургончик петлял по каким-то закоулкам, шикарные проспекты лишь изредка пересекал, у питейных заведений останавливаясь лишь возле заднего входа. Сгружали один-два ящика и отправлялись дальше. Сережик с Клавиной цидульки оказался лощеным барменом из сияющего ресторана, а Антонина — потрепанной бабкой из пункта приема пустых бутылок. Зато Сережик взял один ящик кальвадоса, а Антонина — семь. Пачка денег в Клавиной сумке ощутимо толстела, и все притягательней становилась мысль, что тут хватит на целый месяц роскошной жизни. О том, что будет через месяц, как-то не думалось.

Последняя точка была, на Микшанин взгляд, странная. Вход с проспекта, резная парадная дверь, вывеска с золочеными буквами, все как в приличном заведении. «Досугово-оздоровительный центр» — не какая-нибудь забегаловка, но дверь ведет в крошечную пристроечку, в какой и забегаловке стыдно быть. Пристроечка даже не одноэтажная, прикрывает ход в подвал того дома, к которому она прилепилась.

В этот микроцентр следовало доставить десять ящиков кальвадоса и единственный ящик ракии. Слива давно отошла, и ракия у Клавы заканчивалась.

Ромик на этот раз особо помогать не стал, скинул ящики на тротуар и полез в кабину.

— Внутрь занесешь сам, а я поеду. Мне еще кой-куда надо. А ты товар сдашь и в деревню вернешься своим ходом. Автобусный билет Клавке сдашь.

Дверь в центр была не заперта, отремонтированная лестница и впрямь вела в подвальное помещение. Несмотря на низкие потолки, там также были порядок, уют и красота. На стенах под стеклом висели большие фотографии, на которых красовались парни в кольчугах и с мечами в руках. Очень эти

фотки не понравились Микшану, слишком уж они напоминали светлого рыцаря... забыл, как его звали...

Микшан подошел ближе, прочитал подпись под одной из фотографий: «Слет реконструкторов в...» Название места, где был слет, оказалось каким-то дурацким, его Микшан читать не стал.

В помещении центра не было никого, дверь в глубь подвала оказалась заперта.

Что делать прикажете? У реконструкторов, что бы это слово ни значило, можно было бы поспросить о светлом рыцаре, жаль, забыл его имя. Хотя если они из одной банды, то от них следует держаться подальше. Вот только деньги кто будет платить? Одиннадцать ящиков самогона, не кот чихнул.

В зальце стоял письменный стол и больше никакой мебели. Микшан присел на крайний ящик. Бутылки стеклянные, что им будет... В носу свербило, напоминая, что в любую минуту может ожечь болью. Видать, не удалось накрепко избавиться от Евстихеевой цепи. Вроде и свободен, а в носу свербит. Слово это любила повторять мамка. Она сразу чуяла, если Микшан затевал какую шлоду, и тут же спрашивала: «Что, в носу засвербило? По крапиве соскучился? Она тебе разом и нос, и жопу прочистит».

Эх, почему маманя не остановила его, когда он в проклятый сад полез? Хотя он бы все равно не послушался.

Запертая дверь в глубине зала беззвучно отворилась. Вошел... ну, кто еще мог войти в помещение, украшенное фотографиями вооруженных реконструкторов? Высокий шлем, ладная кольчуга, меч на поясе. И даже имя, которое минуту назад начисто вымело из памяти, немедленно вспомнилось.

Белый рыцарь Патр собственной персоной стоял перед Микшаном.

И вот его надо убивать... Чем? — проткнутым носом? Или отравленным яблоком, которое еще не отличить от съедобного?

— Я... это... — проямлил Микшан. — Я товар привез, а тут никого. Не знаю, кому сдать и деньги получить.

— Товар, значит, — проскрипел рыцарь. — В обход сухого закона, который у нас в клубе. У нас дозволено медоварение, а ты что приволок?

— Кальвадос, — быстро ответил Микшан. — Он не хуже медовухи. У нас без обмана.

— Проверим... — Патр шагнул ближе, но вдруг остановился. Глаза его недобро блеснули. — Эге, да ты парень непростой. На ловца и зверь бежит. Придется тебе голову срубить.

— Не надо! — всполошился Микшан. — Я хороший, я же за вас!

— Ничего, вскрытие покажет, за кого ты.

Патр положил ладонь на рукоять меча.

— Это нечестно! — завопил Микшан. — Хорош светлый маг, на безоружного налез, а у самого меч волшебный и кольчуга тоже небось волшебная...

— Мифриловая, — подсказал Рыцарь.

— Во-во, эта самая. А у меня ничегошеньки.

— Ты, я вижу, хитрей амбарной мыши. Хочется, значит, чтобы я тебе меч-кладенец отдал и кольчужку непробиваемую? Так ты ими пользоваться не умеешь. А я тебя и голыми руками в фарш перекручу. Только неохота, чтобы ты грязными лапами благородное оружие марал. Опять же, оторву я тебе дурную голову, а дальше что? Вот если я тебе башку в честном поединке снесу, то она мне потом все расскажет: откуда ты явился, кто тебя послал и где он прячется.

— Да я и так все расскажу!

— Слаб ты, воин. Мне тебя допрашивать неинтересно. Я все твои тайны у тебя вместе с зубами вырву. Вот тебе ножик засапожный, разбойничий, изволь сражаться.

Патр выдернул из-за голенища широкий и явно тяжелый нож и метнул его в сторону Микшана. Нож с тупым звуком вонзился в стенную панель у самого Микшанова уха. Патр отошел в дальний конец зала, опустил меч к ноге, глумливо усмехнулся.

— Ну что, герой недоделанный, нападай.

Легко сказать: нападай — а как? Яблоком в него запустить, что ли? Мол, покушай отравы, а меня не тронь. Так, может, яблоко не ядовитое... кто его разберет.

— Считаю до трех, а там милости прошу на тот свет, — предупредил безжалостный рыцарь. — Раз!

— Стой! — закричал Микшан. — Это не я! Это все Евстихей, колдун проклятый. Ему и голову руби...

— Знаю. А где тот Евстихей засел, сказать можешь?

— Он у себя дома. В подвале сидит.

— Точно. Предать ты всегда готов, но и этому не научился. Поди туда, не знаю куда, на деревню дедушке. Нет уж, мне нужен верный путь. Отрублю тебе глупую голову и по цепочке, что из твоего носа тянется, выйду прямо к Евстихею. Так что... Два!

— Нет!.. — Микшан, едва не повиснув на рукояти ножа, с трудом вырвал его из стены и что есть силы швырнул в противника.

Мальчишки часто соревнуются в метании ножа. Микшан в этом занятии был одним из последних. Начнут парни метать ножи в березу, у Микшана из десяти бросков пять вообще мимо ствола идут, а из попавших в дерево четыре ударяются рукояткой или еще чем и отскакивают в сторону.

Патр вскинул меч, готовясь отбить летящий резак, но тот уже вонзился ему в правую глазницу, войдя по самую рукоять. Патр взмахнул руками и повалился набок.

Микшан и сам был готов упасть замертво. Вот это бросок! Ни во сне, ни в мечтах Микшан так ножом не кидал. Но нонеча не то что давеча. Приперла нужда, так и кинул.

Микшан метнулся к труп, схватил упавший меч, взвесил на руке.

Ничего, вещица закенная! С такой не пропаду. Только надо ноги живо уносить, пока никто на трупака не наткнулся.

Ничего предпринять Микшан не успел. Боль, стократ сильнее прежней, пронзила нос. Микшан покатился по полу и очутился в знакомом подвале, где хозяйничал Евстихей. Сам колдун сидел за столом и то ли завтракал, то ли колдовал, неподготовленному человеку трудно различить два этих занятия.

На столе стояло большое блюдо с разрезанным пирогом, а вокруг были расставлены свечи, разумеется, зеленые вперемишку с черными; какие еще свечи могут понадобиться для чародейных дел?

— А вот и наш рабочийк! — приветствовал Микшана Евстихей. — Молодец, умница, хоть и дурак. Ловко управился с поганцем Патрикеем. Ты хоть знаешь, что там произошло?

— Нож ему в глаз попал, — ответил Микшан.

— А как? Он же тебя, дурня безоружного, убить не мог, только попугать слегка. Запрет на него такой наложен. Потому и я оружия не ношу, чтобы на светлого мага ненароком не напороться. А тебе он ножик подкинул, чтобы с полным удовольствием отчекрыжить тебе голову.

— Неправда! Я сам сказал, что нельзя на безоружного нападать!

— Ты еще скажи, что сам кинжал в глаз Патрикеею вогнал.

— А что, не сам, что ли?

— Получается, что не сам. У тебя было два яблока. Одно — отравленное, с ним все понятно. А второе? Кстати, где оно?

— Не знаю. Вывалилось, наверное.

— У такого матерого яблочника — и вывалилось? Нет, братец, оно израсходовалось. Это, да будет тебе известно, было яблоко Вильгельма Телля. У кого это яблоко в руках, тот не может промахнуться или слабо попасть. Вот и весь секрет твоего чудесного удара. Понял теперь?

— Понял, — уныло согласился Микшан. — Но ведь светлого колдуна я все равно убил. Теперь меня расколдовать надо. Набегался я с цепью в носу.

— С чего ты взял, будто я тебя отпущу? Я обещал тебя убить за то, что ты в сад влез. А пощады я тебе не обещал.

— Это нечестно! — закричал Микшан.

— Почему же? Ты влез в мой сад, за это тебе положена смертная казнь. Ты разузнал много вещей, которые тебе знать не положено. За такое тоже смерть без пощады. Но за то, что ты расправился с белым магом Патрикеем, тебе положена награда, и ты ее получишь. У тебя было два яблока. Одно ты ис-

тратил, а второе... Ты знаешь, что это за плод. Кушай яблочко, мой свет, и ты умрешь быстро и совершенно безболезненно.

— Не-е! Нет такого закона, чтобы убивать! У нас смертную казнь отменили!

— А кто Патрикея убил? Милиция смотрит и ужасается. Но не хочешь отравы, можно и по-другому. Но это будет больно.

Микшан вытащил из-за пазухи второе яблоко. Теперь нет и тени сомнения — это то, которое отравлено. Вот так просто: откусил кусок и умер. Навсегда. И ничто и никто не поможет; никакие подвиги, ни мамино заступничество. Мама частенько, как он что-нибудь натворит, ругалась: «Чтоб ты сдох, ока-янный!» Теперь, небось, рада будет. Ей радость, а ему поми-рать. И не понарошку, а на самом деле. И искать никто не станет, для всех он потонул еще вчера.

— Не буду! — выкрикнул Микшан.

— Ну, как знаешь. Тебе предлагали покончить с собой быстро и легко. Не захотел. Теперь не обессудь.

Евстихей потянул за цепь. Та, только что невидимая, обозначилась и натянулась, причинив новый приступ боли. Микшан взвыл и рубанул мечом по этой мучительской цепи. Цепь перерубалась легко, словно и не железная была.

— Зарублю гада! Живо кольцо в носу расколдовывай! Я не шучу, мне после Патрикея тебя порубить — раз плюнуть!

— Ох, чем напугал! — Евстихей расхохотался. — Волшебным мечишком! У меня таких кладенцов в задней коморке десять штук на стенке висит. Будет и одиннадцатый.

Обрывок цепи оттягивал нос, мешая двигаться. Евстихей так напротив, поигрывал своим концом цепи, словно кну-тиком. И было сразу понятно, что бесполезно рубить чародея — увернется, а взмах цепи пощады не знает.

В отчаянии Микшан швырнул последнее яблоко на блюдо с недоеденным пирогом.

— Яблочко, яблочко, покажь, кто может окаянного Евстихея победить, а меня от цепи избавить!

— Что ты наделал, кретин! — Евстихей взвизгнул, схватил яблоко и отпрыгнул в дальний угол подвала. Но было поздно,

из блюда плеснула тьма, напоенная всполохами адского пламени. Послышался громовой рык. Пепельное страшилище поднялось там, оскалило зубы и полезло в подвал, раздирая непрочную границу миров.

— Прочь, прочь! — кричал Евстихей. — Я тебя не звал! На вот, жри!

Яблоко полетело в морду зверя. Зубы клацнули, серый проглотил отраву.

Что может сделать человеческий яд потустороннему чудовищу?

Пасть вновь приоткрылась и сомкнулась, проглотив Евстихея, не успевшего дочитать какое-то заклинание.

— Так его! — закричал Микшан.

Серая башка повернулась, Микшан вслед за своим мучителем очутился в пасти. Зубы сомкнулись. Серый Волк принялся жевать, как никогда не жуют не только волки, но и вообще никакие хищники. Сплюнул обрывок цепи с кольцом на конце, положил голову на скрещенные лапы и закрыл глаза.

Дмитрий Казаков

КРЫЛЬЯ

С благодарностью всем,
кто принял меня как наставника

Мир падает к моим ногам и разбивается. Рушится мироздание, громадное дерево, усеянное хрустальными сверкающими плодами, ветки пожирает огонь. С мягким звоном лопаются стеклянные сферы, полные зеленых, синих и желтых искр, осколки иглами льда летят в стороны, рвут в клочья мое сердце, теплая кровь струится из ран.

— Ты, Седой, лгал мне! — повторяет Янтарь, и голос его дрожит готовый лопнуть струной, голос обиженного ребенка. — Ты говорил, что тебе ведом секрет бессмертия, но это... — он замолкает, но только на миг, чтобы набрать воздуха, — ...лишь слова, слова, слова!

В моей шевелюре нет ни единого седого волоса, но прозвище Седой намертво приросло ко мне в этой жизни.

Звался я Странник, звался Источник, звался Двуликий... а теперь я Седой.

— Подожди! — восклицаю я, и эхо отдается под высокими сводами библиотеки, слоняется меж длинных стеллажей резного дуба, забитых древними фолиантами, свитками, печатными книгами и глиняными табличками: «Подожди,жди...», все тише и глуше. — Слова — это единственное, что даровано нам! Они дают божественную силу таким, как ты!

Янтарь — лучший из учеников, посланных мне судьбой за много веков.

В прошлый раз, в кипящем водовороте марсианской колонизации, среди роботов-пауков и киберлюдей, я учил рыжую девчушку с упрямо вздернутым носиком и россыпью веснушек на щеках, плакавшую от осознания собственного дара и от невозможности его воплотить...

В позапрошлый, в кибитках, среди огромной степи, где мое жилище располагалось в большом цветастом шатре, я наставлял угрюмого мальчишку с узкими глазами, пастуха и охотника, боявшегося создавать новое, желавшего лишь повторять песни, сочиненные предками...

Теперь, в мегаполисе гаджетов и нейросетей, со мной бледный юноша с шапкой русых волос и пылающим взором.

Он учится жадно и неистово, и талант бьется в нем неистовым жаром, на котором можно выплавить не один мир, и эти миры будут прекрасны и грандиозны, и, читая их, люди ощутят дыхание теплого ветра, и скованные льдом эгоизма души оттают, пусть на мгновение, но этого будет достаточно, чтобы человечество стало лучше. Может он достичь славы и силы Пушкина, Гомера, Вальмики и даже Аиши Саллахи... сделаться настоящим богом, не тем, кому поклоняются, а тем, кто творит истинное, вечное из тленного, иллюзорного, переменчивого, кто с помощью слов и текстов определяет жизни стран и поколений.

Крылья Янтаря почти готовы, они вот-вот развернутся, вот-вот...

И в этот момент — бунт?

Нет!

— Что мне с тех слов? — Янтарь щурится; он так делает всегда, когда у него что-то не получается. — Если они не дают мне проявить себя, вяжут меня же по рукам и ногам? Хватит! Я ухожу!

— Стой! — кричу я, и на этот крик отзывается уже не только библиотека, а весь дом, дрожь проходит по стенам, ежится крыша, и под ногами, я это чувствую, корчится фундамент, которому тоже больно, ведь он испытывает то же самое, что и я, поскольку мы едины, я и мое обиталище, моя скор-

лупа, что перерождается со мной из жизни в жизнь, меняющее облик, но всегда одинаковое.

— Почему я должен тебе повиноваться, Седой? — спрашивает Янтарь. — Твоим приказам? Ты заставил меня изменить свою жизнь, набил трухлявым знанием, годным лишь на помойку! Почему ты сам ничего не можешь сделать с его помощью? Почему ты бесплоден?

Слыша это, я ощущаю, что заполнен до отказа гнилью и отбросами, как внутри ползают мокрицы, копошатся тараканы и черви.

— Ты всегда заставлял меняться меня! — продолжает он, и блестит у него в ухе сережка, которой я раньше не видел, — крохотный листочек омелы, ярко-зеленый, почти живой. — Только ни разу ты сам не изменился ради меня! Поэтому я ухожу!

Губы мои шевелятся, но слов нет, голоса нет, дыхания нет, и тепла на лице тоже нет.

Я вел Янтаря по ступенькам мастерства, не скрывал от него ничего, отвечал на вопросы. Я делал то, что умею лучше всего, — учил, воспитывал его, превращал из простого смертного в почти божественное существо, наделенное могуществом демиурга, властью созидать и сокрушать, возводить и губить, растить и выпалывать.

Не жалел времени, щедро лил силы на благодатную почву.

И теперь он говорит такое?

Уже не говорит, идет к выходу из библиотеки, и я с постыдной суетой бегу следом. Под ногами грохочут ступени, широкие, мраморные, ведущие в холл на первом этаже, туда, где под стеклянным куполом потолка неумолимо тикают, нарезая время на ломтики, исполинские часы — деревянная башня корпуса, громадная крона-корона из ветвей, черный зрачок циферблата, длинные золотые копыя стрелок, летающие солнышки маятников.

Кто и когда создал их, я не знаю, но эти часы постоянно со мной, их суть, не облик.

Иногда они предстают набором причудливо соединенных клепсидр или воткнутых в песок палок, иногда конструкцией

жидких кристаллов, плавающих в антигравитационном поле, в этот раз простым механическим устройством. Однако всегда в них кроется не только время, но и пространство, все измерения, что только можно представить, все миры и соединяющие их дороги.

Под часами, в тайнике, скрыт Ключ, величайшая ценность, о которой и думать не стоит лишний раз...

Мы пробегаем мимо высокого, под потолок, зеркала в тяжелой раме из позеленевшей меди, в темной липкой глубине отражаются искаженные фигуры.

— Стой! — хриплю я, когда Янтарь оказывается у двери.

Я прекрасно знаю, что такое — лишиться ученика таким образом, знаю, что происходит со мной потом.

Это я помню из прошлых жизней лучше всего.

Я теряю часть себя, перестаю быть собой, лишаюсь возможности нормально дышать, ходить, думать, у меня словно отнимается правая рука, из головы пропадают самые важные части мозга, и остается убогое, тупое наследие даже не приматов, а древних рептилий. Превращаюсь в ковыляющее изо дня в день растение, гриб в форме человека, не способный на радость, творчество, веселье, обреченный на вечную тоску, неутолимый голод и негасимую боль.

До самой смерти... а та может прийти через десятилетия.

А еще я обречен смотреть, как человечество, лишенное нового бога, о котором оно и не подозревает, отдается ледяным ураганам эгоизма, с хрюканьем деградирует, ныряет в грязь и жестокость. Играется-пачкается с мирами, где оправданны ненависть и геноцид, безудержное разрушение и тотальная ложь.

И мне мучительно видеть такое, поскольку я в этом виноват.

Каждый мой успех — это небольшой шаг вверх для миллиардов разумных существ. Каждый мой провал — несколько ступеней вниз для них же, отступление от света во тьму, смрад и скрежет зубовой.

— Ты больше не учитель мне, — бросает Янтарь через плечо и тянет за ручку двери.

Скрипят петли, и в холл проникает хмурый вечерний свет — снаружи облака, густой туман, где тонут не только останки дня, но и обломки рухнувшего сегодня мира, погружаются в серую хмарь, в безмолвно кипящую бездну, ту самую, из которой некогда возникла вселенная и куда она обречена вернуться.

Дверь с грохотом закрывается, и я остаюсь внутри, дрожащий, жалкий, раздавленный. Ученик покидает меня, отказывается от обучения, крылья его не раскрываются... и это значит, что я должен вернуть беглеца — часы в холле пока еще не забили насмерть отпущенное мне время, но осталось этого времени не много.

Не обучая, то есть не будучи собой, я могу пребыть собой около суток.

* * *

Луч находит меня в черной пещере кухни, где я варю глинтвейн в медном ковшике, помнящем гордых царей Ассирии. Над маленькой дровяной печкой из кирпича поднимается пар, витают запахи корицы, меда, апельсиновой цедры и эстрагона, но даже через эту симфонию пробивается явившийся с гостьей свежий аромат яблок, спелых, огромных, розовеющих на летнем солнце.

— Это я, — говорит она, как будто сюда может явиться кто-то еще.

Я киваю, не поворачиваясь.

Луч подходит, обнимает сзади и кладет голову мне на плечо, трется, словно огромная кошка. Я ощущаю исходящее от нее тепло, но это тепло не проникает в меня, в холодный монолит из отчаяния, разочарования и злости, под которыми все еще бьется сердце, едва-едва, все слабее, в один ритм с часами, считает оставшиеся секунды.

— Что-то случилось? — спрашивает она.

— Янтарь ушел, — отвечаю я.

Луч вздыхает, щекочет мне ухо прядь ее волос, светлых, будто лен, и пушистых, точно брюшко пчелы.

— Он ушел, и к этому все шло давно, — голос ее звучит напевно и ласково.

— Ты о чем? — Я поворачиваюсь слишком резко, я отпихиваю Луч, и она делает шаг назад, синие глаза мокро блестят, губы обиженно поджаты, но я не обращаю на это внимания. — Ты хочешь сказать — я виноват? Что это не просто выходка самовлюбленного мальчишки?

Кухня нависает над нами склепом для великана, темная, пустынная и неуютная. Камень пола и стен, печка, ниша для очага, где можно зажарить быка, и длинный деревянный стол человек на двадцать, не меньше, да еще с лавками по бокам — зачем он тут, где редко случаются и двое, где не гремят здравницы и не звенит смех, где царствуют тишина и одиночество?

Кухня тоже переносится со мной из жизни в жизнь, меняя внешность, сохраняя суть, и она всегда такова, даже когда выглядит клетушкой с кострищем в центре.

— Посмотри на себя, — произносит Луч. — Ты на грани того, чтобы обвинить Янтаря. Ученик всегда предает учителя, и это нормально, ученик отрицает старое, рвется к новому. Но если учитель предает ученика...

— Хватит нравоучений! — перебиваю я, и ковшик сердито булькает.

Глаза ее не просто блестят, из них текут слезы, безмолвные, прозрачные, точно жемчужинки, одна за другой скатываются по гладкой блестящей коже, и запах яблок становится сильнее.

— Истинное обучение — готовность отдавать, — голос Луч звучит тихо, мягко, но слова вонзаются в меня словно кошачьи когти. — А ты не отдаешь. Не жертвуешь ничем из своего. Никогда. Даже от горячего вонючего пойла не готов оторваться ради того, чтобы просто обнять меня.

Мне хочется закричать в ответ, сказать, что она давно хочет приручить меня, заполучить в мягкие лапы, подчинить и сделать частью себя, и что она называет это подчинение любовью. Хочется в очередной раз воскликнуть, что я не могу ответить ей тем, чего она желает, я не в силах почувствовать, что ей надо, что ее усилия бесплодны, она зря сюда ходит, что

я такой, какой есть, и не изменюсь, не стану таким, каким ей нужно.

Но я молчу.

Луч читает ответ в моих глазах, видит невысказанные слова, она отшатывается, будто ее ударили по лицу, и выскакивает из кухни.

А я поворачиваюсь туда, где выкипает на чрезмерно сильном огне мой глинтвейн.

Запах горелого становится слишком уж назойливым, волна жара бьет в спину, рев пламени звучит оглушающе, того пламени, которое никогда не навещало здешний очаг, но сейчас полыхает там, не нуждаясь в дровах. И высится на его фоне черная фигура, вырезанный из тьмы мощный человеческий силуэт.

Хотелось бы верить, что лишь из той тьмы, что всегда со мной, плещется в левой глазнице, отсекает от меня половину мира. Но нет, это не порождение моего утасяющего мозга, это незванный гость, слишком хорошо и давно мне знакомый.

— Неужели ты не рад меня видеть? — спрашивает Черный с издевкой, и пламя за его спиной гаснет, зато глаза вспыхивают двумя углями.

Я снимаю с печи ковшик, на дне которого плещется мерзкая густая жижа. Действительно «пойло», Луч права.

— Я был очень рад, когда Янтарь пришел ко мне час назад, чуть не на коленях приполз, — продолжает Черный, и я не могу удержаться, вздрагиваю.

Двуязыкий — одно из имен его, и Паук Лжи — другое, но в этот раз он не врет.

— Для чего ты столько сил потратил на него? Чтобы он сбежал ко мне вот так? — насмешливый, резкий голос царапает уши. — На что ты годишься в этом случае, Седой? Неужели ты и правда состарился? Ни на что больше не способен? Может быть, пора, а? — Гость делает шаг ко мне, поднимает руку. — Пора наконец признать мою правоту и сдаться? Убедиться, что я предлагаю им то, что не в силах предложить ты!

— Я дарю им бессмертие! — восклицаю я.

— В словах, которые будут повторять другие? — Огненный смех рокошет у него в глотке, точно лава в жерле вулкана. — Я же даю им жизнь, полную славы, денег, удовольствий. Всего. Просто полную. И кто учит по-настоящему?

Я стискиваю зубы, пытаюсь вспомнить, когда мы сходились с ним вот так, лицом к лицу... три жизни назад, или пять, или вовсе десять, в кругу каменных идолов на острове посреди Тихого океана? Тысячи лет Черный рушит то, что создаю я, извращает все, чего касается, делает чистые зеркала мутными и строит для учеников прямые дороги в ад.

Но сам я всегда ли правдив? Или позволяю себе обман ради блага тех, кого учу?

— Ты возишься с ними, как с детьми, которых у тебя никогда не было и не будет, — говорит он монотонно и уверенно. — Они вырастают, отбирают у тебя все, и тебе приходится корчиться и страдать, глядя, как они извращают твои мысли, портят твои задумки. Зачем? Разумнее превращать их в рабов, в тех, кто отдаст все ради тебя, кто будет мучиться вместо тебя, если понадобится! Пользоваться их трудом, а не отпускать на свободу!

— Но иногда они летают, — возражаю я. — Добираются до высот, которых не достичь мне... не достичь мне... мне...

Последнее слово я не могу произнести, не хватает решимости довести фразу до конца — «мне, бескрылому».

Черный улыбается, показывая зубы как обсидиан, и мелькает среди них алый язык. Знает, конечно, знает этот лжец то, что причиняет мне величайшую боль, что сидит ядовитым червем в моем сердце, ведь мы с ним — не разлей вода, не было ни одной жизни, чтобы я пришел в этот мир в одиночку, без него. Снаружи атакует он меня, но изнутри тоже звучит его голос, и где мой вечный соперник на самом деле бьет сильнее — трудно разобрать.

Сегодня он пришел, чтобы излить злобную радость, показать силу — ведь до этого поймал ценную добычу, талант уровня Янтаря рождается не каждый век.

— У меня они тоже летают, — говорит он. — Невысоко, но зато туда, где есть много меда. Не твоего, жидкого и про-

зрачного, а настоящего, темного, сытного, который дарует не боль, а радость. И я научу Янтаря так, что он полетит — так, как я ему велю, и туда, куда прикажу. Не сомневайся, ты это обязательно увидишь.

«Нет!» — колоколом бьется в голове.

А Черный отступает в ревущее у него за спиной пламя, исчезает с шипением огня, залитого водой. Я остаюсь в одиночестве посреди кухни, держу ковшик, смердящий горелой травой и пожаром, и пытаюсь смириться с мыслью, пахнущей свежей кровью и распрей.

Мне придется не просто вернуть Янтаря, а вырвать его из лап своего злейшего врага...

* * *

Луч возвращается.

Она всегда возвращается, несмотря на мой холод, на неспособность ей ответить. Наверняка она на самом деле любит меня... из жизни в жизнь, из эпохи в эпоху, без шансов на взаимность, без смысла и цели.

Может быть, это и есть настоящая любовь?

— Он приходил? — Она замечает все — и сажу на потолке, и свежие угли в очаге, и во что превратился глинтвейн.

Я киваю:

— Янтарь у него.

— Что будешь делать? — спрашивает Луч, а я смотрю на нее, на прекрасные синие глаза с вертикальным кошачьим зрачком, на стройную фигуру под серым платьем, на белые руки.

Умею ли я любить так, как она? Готов ли я жертвовать собой так, как это делает она? Ради учеников, ради своего долга, будь он проклят?

— Может, пусть он его забирает? — спрашивает она. — А мы останемся вдвоем, с тобой. Только вдвоем, вместе. Моих сил хватит, чтобы уберечь тебя.

Да, я могу не учить, отказаться от того, ради чего возрождаюсь снова и снова, прихожу на эту землю взрослым,

полным знаний, живым источником под корнями великого древа. Правда, в этом случае меня ждет гниение и разложение вроде того, что бывает после потери ученика, только еще хуже, лишение части сил, знаний, навыков, которое неизбежно придется наверстывать в следующей жизни.

И Луч думает, что способна уберечь меня от такого? Неужели правда может?

Или пахнущая яблоками просто готова пожертвовать кем угодно, Янтарем, даже моей сутью, ради своей любви? Может, ей лучше получить меня неполноценного, чем не получить вовсе? Что я могу знать о землетрясениях, бушующих в ее душе, о вздымающихся там цунами, о ее безднах и высотах?

— Прости, Седой. — Она отводит взгляд, и щеки ее розовее обычного. — Я не подумала. Предложила ерунду... Ты должен сражаться! Должен вернуть Янтаря!

Луч опять смотрит на меня, и теперь глаза у нее совсем другие, холодные и решительные, блестят не влагой, а сталью клинка... И слышу я леденящие разум крики с небес, откуда несутся, пикируют на поле боя крылатые девы, готовые вырвать окровавленную душу героя из еще трепещущего тела... И мышцы мои раздуваются от напора крови и силы, а кулаки сжимаются.

Я иду к очагу, беру из пепла горсть углей, и обугливается плоть на ладони.

Черный пользуется своими дорогами, у меня есть свои, и похоже, он забыл об этом. Самое время нанести ему визит и посмотреть, что он пытается сделать с моим учеником... да, моим!

— Жди меня, — говорю я Луч и мну угли, не обращая внимания на боль.

Мое жилище исчезает, и под ногами содрогается Радужный мост, тонкий, как лезвие, острый, как лезвие, безжалостный, как лезвие. С него я могу если не видеть подобных себе, то хотя бы прозревать следы их действий, как рябь на воде, оставленную прошедшей в глубине рыбиной... один водит кистями в руках начинающих живописцев, другая ставит ножки

юным танцовщицам, третья нашептывает мелодии тем, кто станет богом музыки.

Мы вечно рядом и всегда отделены друг от друга, живем в разных мирах, хоть и делаем примерно одно дело: летать не умеющие, мы ставим на крыло тех, кто к полету способен, бессмертные во плоти, мы пытаемся взрастить тех, кто победит смерть в духе, в памяти людской, в свете истинном.

Угли в руке ведут меня туда, где я бывал ранее, целую бездну времени назад, — в логово Черного. Оно всегда помпезно, оно всегда роскошно, олицетворение силы, власти, богатства — всего, что он считает нужным и важным, к чему он стремится, шагая по телам и душам собственных учеников.

С Радужного моста оно выглядит крепостью из серой мерцающей паутины.

Я ныряю в нее, чувствую мерзостное скользкое прикосновение по всему телу, и по глазам бьет яркий свет. Если у меня темно и просторно, то здесь ярко и тесно, но не из-за нехватки места, а из-за того, что пространство забито тем, что Черный натащил в свою нору.

Коридор не коридор, длинная комната или широкий проход с тремя окнами, распахнутыми на умирающий закат — оранжевое пламя за пирамидами и столбами небоскребов. Но к окнам не подойти, вдоль них столы, заваленные барахлом — обгорелыми костями, пушечными снарядами, мотками колючей проволоки, лезвиями каменных топоров. Вдоль другой стены тянутся шкафы, забитые точно лавка безумного старьевщика — окровавленные тряпки, бывшие некогда роскошной одеждой, мешки с грязным бельем, потрескавшиеся уродливые маски из черного дерева, наборы пыточных тисков и сверл в засохшей крови.

Все это Черный использует для создания собственных миров — и для обучения тоже. Заставляет учеников копать в грязи и отбросах и из этих же материалов лепить сюжеты, строить из них вселенные, крошечные и убогие, но красивые на первый взгляд, создавать блестящую мишуру, под которой спрятан острый крючок.

Помещение кажется знакомым, словно я бывал тут не раз, ходил по нему, рылся в шкафах, приносил барахло и складывал на столы.

— Что ты тут делаешь? — полный тревоги фальцет хлещет по спине точно плеть, и я поворачиваюсь.

Янтарь смотрит на меня прищурившись, и вид у него испуганный.

Мы не виделись несколько часов, но мой ученик изменился, его одежда выглядит потрепанной, под глазами лежат синие тени, сам он бледен, зато листок омелы в ухе кажется больше, он словно клоп, насосавшийся крови, блестит от ложной свежести.

— А ты что здесь делаешь? — спрашиваю я.

— Учусь! — запальчиво восклицает он. — Тому, чему не мог научиться у тебя!

— Вот этому? — я указываю на ближайший шкаф, забитый ночными горшками, судя по резкому запаху мочи — долго бывшими в использовании и никогда не мытыми.

— Тайнам! — в голосе Янтаря бьется желание доказать мне — и себе, — что он прав. — Мастерства! Как открывать души людские! Как извлекать помыслы! Вкладывать желания!

Открывать души? Неужели Черный осмелился?

Девять Ключей от Предела Высокого, Девять Замков на ветвях Древа Вечного, девять.

Прячу я свой глубоко во тьме подпола, не трогаю, не прикасаюсь, не смотрю на него. Каждый из подобных мне владеет единственным, хранит его, носит в себе, не вспоминает, бережет до Битвы Последней, когда не обойтись без них, когда не устоять без них.

Но Черный, похоже, вытащил свой и наделяет учеников отражениями Ключа!

— Ты скрывал это от меня! Почему?! — продолжает кричать Янтарь, наступает на меня, а я смотрю на его руки, перемазанные черным и рыжим, углем и ржавчиной.

Извлеченный Ключ дает силу, но он же делает хозяина уязвимым.

Слишком давно я не касался этой темы, слишком мало помню, но это я знаю точно. Еще знаю, что один Ключ можно применить для уничтожения другого, если тот обнажен и используется в открытую.

Но в этом случае пострадают они оба и возродятся только в следующей жизни, придут вместе с хозяевами, и какое-то время мир без них будет уязвимее обычного...

А Ключ держит на себе мое жилище, на него заперты своды кухни, полки библиотеки, аскетизм спальни, роскошь холла. Готов ли я пожертвовать этим, расстаться с привычным, обычным, комфортным, стабильным, и все ради того, чтобы вырвать одного-единственного ученика из лап Черного?

Да, готов.

Не слушая обвинений и угроз Янтаря, я поворачиваюсь и возвращаюсь на Радужный мост...

* * *

Стол посреди библиотеки — как остров в бушующем море из бумаги и пергамента.

Стол посреди библиотеки — как остров, куда слетаются белокрылые и желтокрылые безмолвные птицы, безропотно трепещут под пальцами того, кто призвал их сюда, кто потрошит их ради знаний.

Я один в доме, Луч ушла, и это хорошо, поскольку затеянное мной опасно.

Ключ, извлеченный из тайника под часами, словно меч, воткнутый в воздух.

Ключ, извлеченный из тайника под часами, словно капля расплавленного серебра, он колышется, меняет форму, то растекается лужицей, то собирается в длинный клинок, его невозможно держать руками, только лишь разумом, и он парит над столом, освещая разбросанные книги.

Слово от слова дело рождало...

Дело от дела свершение рождало...

Я читал все книги в библиотеке, для этого хватило бесчисленного количества отведенных мне жизней. Сражались

мы с Черным, сражались зоны, и если он брал силой и напором, неистовством и коварством, то я знанием, пониманием. И было так, что он превращал меня в выдох на ветру, случилось и такое, что мне удавалось дожить его в пепел.

Но Ключей мы до сих пор не касались.

Я склоняюсь к очередному фолианту, тру начавший слезиться от усталости правый глаз. Левый, как обычно, мертв, а сегодня еще и закрыт повязкой, чтобы тьма внутри меня не видела, чем я занят. Мир за стенами дома корчится в тисках глухой, тяжелой ночи, и наверняка смертных по всей земле терзают кошмары.

Начало для слова, начало для дела...

Я прикасаюсь к Ключу указательным пальцем, и он оживает, дергается подвешенной в воздухе змеей. Я знаю, что трепещет сейчас Радужный мост, трясется Великое Древо, из холла доносится скрежет, это мои часы пытаются идти сразу вперед и назад, связать то, что связать невозможно.

Передо мной не один Ключ, а восемь — Черный и семь его учеников, получивших отражения.

Теперь...

Я не успеваю ничего сделать — на меня рушится ледяной цветастый водопад. Мелькают лица — гневные, удивленные, испуганные, незнакомые, — а вот и Янтарь, рот раскрыт, глаза распахнуты, в них нет прежней живости, любопытства, легкости, в них плещется замешанная на огне смола, на меня смотрят два жадных водоворота.

На крышу обрушивается удар такой силы, что дом содрогается, судорога треплет меня от пяток до макушки, во рту появляется вкус крови.

— Ты осмелился дотронуться до чужого Ключа? — голос Черного звучит и внутри, и снаружи, он везде, и он рвется дальше, вглубь, прошибая черепицу на крыше и разбивая скорлупу на моем сердце.

Его выкорышки — включая Янтаря — видят это, они свидетели, им не отвести взора, даже если возникнет такое желание.

— Ты осмелился дотронуться до чужого ученика? — отвечаю я.

Вихрь поднимает меня над полом, хотя я стою на месте, от шагов моего врага сотрясается земля, и пламенный меч длиной с секвойю рушится на мой дом, ломается о конек крыши. Но тот трескается, стены оседают, и вместе с ними оседаю я, горячее шершавое щупальце уже в сердце, он здесь, он торжествует, он смог, он пробился.

Мой Ключ звенит тысячей струн, и низким басовитым гудением отзывается Ключ Черного. Ворочаются в тайных укрытиях другие семь, прислушиваются, не настал ли их час, День Мечей и Секир, День Убийства Братьев, не порвал ли Волк привязи, не всплыл ли из моря Змей, не отчалил ли корабль из ногтей мертвецов, не готовы ли восстать на битву люди, которых мы учили все эти жизни?

Ибо только они, крылатые смертные боги, — шанс этого мира на спасение, шанс всех миров на спасение, шанс человечества на спасение.

— Я уничтожу тебя! — ревет Черный, и руки отказываются мне повиноваться, ими завладевает чужая воля, огненная и темная.

— А я тебя — нет, — говорю я.

Я разжимаю свой разум, и Ключ падает на стол, разлетается серебристой пылью.

То же самое происходит и с Ключом Черного, только тот распадается на оранжево-черные кристаллы.

— Что ты сделал, Седой? — звучит у меня за спиной, и поскольку мое тело снова мое, я поворачиваюсь.

Ученики больше не смотрят на нас, мы только вдвоем, едины в едином пространстве. Я посреди библиотеки, у стола, в окружении разбросанных книг, и Черный — тут, рядом, вокруг, в каждой изломанной тени на стене, в щелях на потолке и полу, всюду мерцают его гнилушки-глаза, всюду течет, змеится его мрак, пойманный, бессильный, не способный вырваться, угодивший в ловушку.

Но мое жилище и я — мы основательно пострадали в битве.

Трещины в стенах и потолке, разошедшиеся половицы, покосившиеся рамы, через них тянет ночной сыростью, на чердаке свищет ветер, фундамент осел; и сам я двигаюсь с трудом, суставы заедает, кости ломит, голова трещит, ребра болят, словно по ним били ногами. Но я радуюсь, поскольку Янтарь свободен от Черного, и мой ученик вернется, несмотря на обиду, на злость, на разочарование во мне.

И я отправляю ему зов.

* * *

Она врывается на кухню, словно буря, несущая запах цветущих яблонь...

Она врывается, точно метель в сплетении белых волос, в сверкании голубых глаз...

Она врывается... я не вижу это, а чувствую.

— Что ты наделал?! — кричит Луч. — Ты достал Ключ? О нет!

Она не одна из нас, девяти, но в мире, в мирах много разных сил, много разных существ, и не все из них люди, не все из них боги, не все исполины, не все карлики, не все чудовища или порождения туманной Смерти.

И Луч знает многое.

В медном ковшике на печке снова варится глинтвейн — зира и грецкий орех, лимонник и горная вишня.

— Я пленил Черного, — отвечаю я, не оборачиваясь, я жду, что она подойдет, как всегда, обнимет меня.

Но Луч остается у двери.

— Ты достал Ключ! Ты едва не повредил его! — в голосе ее кипит расплавленное золото, бушуют вихрем осенние листья, бурые и алые, и мех на тяжелом сером платье колышется, по нему бегут крохотные волны, темная-светлая, темная-светлая, темная-светлая.

Мне не нужно смотреть, чтобы это видеть.

— Я вернул Янтаря, — говорю я.

— И чуть не уничтожил Ключ Черного. — Луч смотрит на меня с ужасом, с осуждением. — Гор корни, жен борода,

слезы железа, кошачьи шаги, все вместе сплети, и получишь ты узы, крепче которых под солнцем не видели... Но только не трогай Ключей ты заветных, но только не трогай опор ты всесветных, не трогай, не трогай ты их никогда! До часа последнего.

Тени в углах кухни сгущаются, набухают тяжестью, жидкость в ковшике не бурлит, а шипит, словно в посудину влезла змея.

Янтарь входит, сгорбившись, и я не узнаю его, он кажется старше на десять, на двадцать лет. Волосы неопрятными сосульками висят на лбу, щеки покрывает сетка морщин, он ковыляет, спотыкаясь, плечи обвисают и руки трясутся, весь он бело-серый, ночной, цветет лишь изумрудная серьга, лист омелы.

— Что... ты... сделал... со мной, Седой? — хрипит он. — Зачем притащил обратно? Набросил аркан, задушил мою волю... Не ты ли говорил, что свобода превыше всего?

Луч отступает к стене, прижимает ладони к побледневшим щекам.

— Ты пришел сам, — я делаю шаг к Янтарю, и он отшатывается, пытается отступить, но не может, что-то ему мешает.

Я поднимаю руку, чтобы положить ученику на плечо, ободрить его.

Теперь...

Я не успеваю ничего сделать — в очаге с грохотом распахивается огненная глотка, змеистые тени прыгают со всех сторон, впиваются острыми клыками в шею, запястья, колени и спину. Черный вырастает посреди кухни, словно выныривает из моего левого глаза, более не закрытого повязкой, под ногами трескаются каменные плиты, их сестры в стенах начинают выпадать с надрывным карканьем, одна разбивается о печку, другая бьет меня по голове и разлетается на осколки.

Луч с жалобным вскриком исчезает.

— Что, Седой, думаешь, ты пленил меня?! — голос этот отдается громом у меня в голове. — Нет, не сковали еще цепи для пламени!

Он прыгает на меня, как лавина из тьмы, я вскидываю руки, закрывая лицо... и обнаруживаю, что мы на кухне вдвоем: я стою на коленях, а Янтарь, молодой и прекрасный, как раньше, смотрит на меня от двери. Сверху больше нет крыши, через кривой пролом заглядывает любопытными глазами звезд черное небо, и на полу блестят разбитые стекла, точно замерзшие слезы.

Я каждой жилкой тела ощущаю, что дом держится из последних сил, что целых окон в нем не осталось, стены покосились, углы разошлись, мебель сделалась трухой под зубами древоточцев. От забытого, обуглившегося ковшика тянет злой гарью, и все вокруг перемазано сажей, даже пол совершенно черный.

Ключ висит в воздухе, истощенный, погасший, но вижу его только я.

— Ты слаб, и ты проиграл, — говорит Янтарь, но в голосе его, что странно, нет прежнего ожесточения.

Он осматривается, и гладкий лоб идет морщинами, словно танцуют на плоти, рисуются на коже языки погребального костра, куда воздвигли громадную ладью, и горюют вокруг, оплакивают уходящего в Туманный мир живые существа со всего света...

— Я ухожу, — он будто уговаривает себя.

В первый раз Янтарь произносит эту фразу, когда чертог мой высится во славе и силе, служит для меня надежным приютом, и волчьим воем гремит она, вызовом на смертный бой. Повторяет Янтарь ее, когда жилище мое не крепость и не храм, а руины, приют тоски и горечи, но теперь она звучит мольбой о возвращении.

Что-то изменилось в нем.

В нем? Или во мне? В нас?

И я осознаю — чему я его никогда не учил, о чем я никогда не говорил, поскольку сам этого не понимал. Решимость поднимается во мне как заря, рассвет над истерзанным, но еще живым миром — нас ждет последний, главный урок, и я проведу его, я заплачу, хоть цена и высока.

— Следуй за Черным, следуй путям его, не отставай от него, — я ободряюще киваю, и он смотрит на меня непонимающе, с детским изумлением; то, что истинному творцу тоже нужно постигнуть дороги тьмы, он поймет значительно позже.

— Иди, — настаиваю я, и Янтарь уходит, нехотя, медленно.

Я же повторяю его недавнее движение, верчу головой, изучаю кухню, мысленным взором озираю жилище свое. Вдыхаю полной грудью, переживая в очередной раз его запаха — старое дерево, кофейные зерна, чайный лист, изюм, кунжут.

Чтобы обрести, нужно лишиться.

Это всего лишь маленький личный мир... но если я спасу Янтаря, если за его спиной раскроются не черные, куцые крылья, годные лишь для сбора нектара со вскрытых человеческих душ, а хрустальные, огромные, способные поднять их обладателя до невероятных высот и вытащить из неизмеримых глубин, то он создаст множество других миров, и в одном из них, а может, и не в одном найдется место и для меня.

Звался я Источник, звался Дзуликий, звался Седой... и как назовусь?

* * *

Радужный мост под ногами трепещет, вырваться хочет, сбросить меня, в пятки ужалить, разрезать подошвы, тонкий, как лезвие, острый, как лезвие, полезный, как лезвие. Паутину я рву со звоном стеклянным, и в залы вступаю, богато украшенные, огнем освещенные, пышно обставленные, из тьмы и пламени сплетенные, враждою пылающие.

— Седой, ты сошел с ума?!

Запреты я нарушаю, законы от века, никем не рожденные, никого не родившие...

Крушу все, до чего только могу дотянуться, крушу всем, что только осталось, — холодной силой урагана, влажным сплетением вихря, горячими уколами муссона, пылающим крошевом самума.

Черный атакует в ответ — и на этот раз не сдерживается.

Я преступил границы, и он в своем праве, он может уничтожить меня.

Рушится сверху клинок мрака-пламени, открывается щель-путь на мост-Радугу, бросает меня чрез вой-шелест немислимый... все смотрят на нас, все, кто видеть способен, кто дело творит, подобное нашему, но тихо и скрытно, как духи подземные, кто жизнь проживает одну среди множества.

Я выпрямляюсь и перевожу дыхание уже у себя дома, в холле.

Теперь...

Я не успеваю ничего сделать — удар настигает меня и здесь, струя огня вонзается в макушку, разрывает каждый сустав по отдельности, потрошит кишки и нарезает на ломтики печень, льет кислоту в желудок и терзает мошонку укусами; рушится то, что осталось от дома, с рокотом крошатся стены, уцелевшие фрагменты крыши уезжают в сторону, обнажают начавшее светлеть небо.

Мгновение... или час?... или век?... или эру?... я мертв.

Приводит меня в чувство запах яблок, и я вижу над собой Луч, ее прекрасное лицо. Только двоятся оно, поскольку меня теперь двое, огненный меч Черного разрубил меня пополам, и черное, левое, мертвое лишь лохмотьями жалкими сшито с блистающим, правым, живым, один-двое, один-двое.

— Отступись! Ты умрешь! Ты покинешь меня! — молит Луч; она снова плачет, и слезы ее кажутся огромными, они падают на меня сверху точно глобусы из воды, прозрачные и блистающие, зародыши новых миров.

Я улыбаюсь, и странно ощущать, что от одной мысли раздвигаются два рта.

— Нет. Время последнего урока.

Услышав это, Луч стонет и исчезает.

А я поднимаюсь, с трудом, цепляясь за разум, за память, за знание...

— Седой!! — Черный предо мной, грудь раздувается, в ручище клинок, что длиннее страдания, пылают глаза на лице

мрачно-угольном, и плещется тьма, тьма гуляет по лезвию, сливается в месиво с бликами пламени.

Янтарь в дверном проеме, шевелюру его треплет ветер, глаза широко распахнуты, чистые, любопытные, одного цвета с рассветом, что за спиной его теплится, пытается выбраться из чрева подмирного. За спиной часы мои тикают мертвенно, жуют себе время, качают маятником и прячут в себе все миры-направления, и Ключ под собой укрывают надежно.

В темной липкой глубине зеркала стоят две фигуры... или три, поскольку моя двоятся.

И я впервые понимаю, насколько мы с Черным похожи — не только внешне, но внутри. Двуликий и Двухязыкий, наставники слова, и каждый уверен, что путь его правильный, и учит тому он, что людям положено... я ничем не лучше, ведь крылья, растущие у моих учеников, способны причинить хозяину невероятную боль, повергнуть его в пучину мучений на долгие годы, они так легко ломаются и ломают того, кто летал, но более не может! Пьяницы, наркоманы, безумцы — вот они, те, кто был моей гордостью, кто силу обрел божественную, но удержать ее не сумел.

— Седой, я разрубил тебя пополам! Тебе мало? — рычит Черный. — Сдайся! Отступи!

Я не отвечаю, я знаю, что этого и правда мало.

Что кое в чем мы все же отличаемся — он приносит других в жертву себе и никогда не пожертвует собой. Ну а я готов принести в жертву себя, и не ради своего долга и самолюбия, а ради ученика, готов впервые за бесчисленные жизни, многие тысячелетия, ведь теперь моя внутренняя тьма отделена от не-тьмы.

Мой внутренний Черный отрезан от меня... спасибо мечу Черного.

Сам бы я не справился.

— Шагни влево, стань таким, как я, — упрашивает он. — Вдвоем мы покорим этот мир! Сделаем его нашим!

Сделаем.

Только этот мир не устоит, когда придет День Последний и некому будет выйти на битву с Волком и Змеем, встать на

пути лезущей отовсюду мертвечины, воспользоваться силой Ключей. Никто не развернет сверкающие крылья в вышине, не сотворит красоту, способную остановить и сокрушить всех чудовищ вселенной.

Если шагаю влево, сливаюсь со своим Черным, становлюсь таким, как он...

Если шагаю вправо, остаюсь Седым, лишенным сил, и Черный убивает меня...

Но я могу шагнуть назад.

Я слышу далекий, полный отчаяния женский крик, и стрелка часов хрустит, когда я отламываю ее от циферблата. За спиной Янтаря из-за горизонта выглядывает краешек солнца, острый луч бьет у моего ученика под мышкой, прямо мне в руки, и остроконечный кусок металла растет, наливается золотом, превращается в копье.

— Что ты... — Черный идет ко мне, бежит, но пол струится у него под ногами, ведь это мой дом, и кое-какая власть над ним у меня осталась.

Черный не успевает.

А я вонзаю копье себе в левое подреберье, не обращая внимания на дикую боль. Насаживаю на древко тело, как осу на булавку, и втыкаю острие в корпус часов, прижимаюсь к ним спиной, чувствую их содрогание, поворот колес, движение соков внутри, вокруг меня колыхнется лишенная листьев крона.

Янтарь хрипит, запрокидывает голову, тело его изгибается дугой.

Я знаю эти симптомы — это режутся крылья, незримые, но жесткие, рвут кожу, вырастают в плоть, меняют хозяина.

Мы мучаемся вместе, как две роженицы, пытающиеся вытолкнуть в этот мир новое. Чувствуем одно и то же, но только ему в любом случае жить, а мне...

— Ах ты... — Черный оборачивается и замирает.

Мы смотрим.

Крылья могут оказаться громадными, хрупкими и прозрачными, и тогда родится истинный творец, настоящий бог. Или могут оказаться короткими, плотными и черными, и тогда

в мир явится тот, кто будет этот мир пожирать, пачкать и портить, думая только о себе, мечтая не о чистоте меда, а о его количестве.

И моя жертва окажется напрасной, пустым спектаклем.

Янтарь кричит, раскидывает руки, с уха его планирует, теряя цвет, крохотный лист омелы. А за спиной, на фоне оранжевого утреннего солнца, разворачиваются два громадных крыла, две хрустальные радуги отсюда и до горизонта, за горизонт, за горизонты всех представимых миров.

Черный пропадает, остается грязное пятно на полу.

Я не ощущаю боли, тело немеет, выталкивает последние ошметки жизни, что струятся по золотому копьё-стрелке, каплют на пол, часы, ставшие со мной единым целым, тикают все медленнее, с мягким шелестом набухают на кроне почки.

Луч передо мной, берет мое лицо в ладони, целует, но я не чувствую прикосновений.

Мир падает к моим ногам, раскрывается, и вместе с ним раскрывается и мое сердце, как огромный алый цветок, как фонтан до небес, как раковина, наполненная песнями, и уносит меня в рождающую тьму...

В этот раз последний урок оказался жестким.

В следующий будет проще.

Наверное.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сергей Лукьяненко</i>	
Электорат	5
<i>Эльдар Сафин</i>	
За пределом дозволенного	17
<i>Юлия Зонис</i>	
Дети нейросети	41
<i>Вадим Панов</i>	
Яр(к)ость	90
<i>Людмила и Александр Белаш</i>	
Депозит	162
<i>Алексей Гравицкий, Дарья Зарубина</i>	
С другой стороны	199
<i>Евгений Лукин</i>	
Отморозок	218
<i>Андрей Щербак-Жуков</i>	
Молодой бог, или Чудовище после завтрака	229
<i>Ульяна Волина</i>	
Точное будущее	243
<i>Максим Кабир</i>	
Японец	265
<i>Святослав Логинов</i>	
И Серый волк	297
<i>Дмитрий Казаков</i>	
Крылья	328

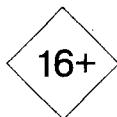

Литературно-художественное издание
эдеби-көркем басылым

КНИГИ СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

**ТОЧНОЕ БУДУЩЕЕ.
ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА — 2024**

Сборник повестей и рассказов

Редакционно-издательская группа «Жанровая литература»

Зав. группой *М. Сергеева*
Ведущий редактор *А. Клемешов*
Выпускающий редактор *Ю. Степанова*
Верстка *В. Брызгаловой*
Корректор *Н. Лин*

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 - книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2024 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

ООО «Издательство АСТ»
127006, г. Москва, Звездный бульвар,
д. 21, строение 1, комн. 705, пом. I, 7 этаж
Наш электронный адрес: ask@ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжаймыз: www.ast.ru
E-mail: ask@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дуken: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий в
Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.
Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында
наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл — «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы., Домбровский көш., 3 «а», Б литері офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91, факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz
Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2024
Өнімнің жарамдылық; мерзімі шектелмеген.

Подписано в печать 27.09.2023. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Literaturnaya». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 2500 экз. Заказ № 4708.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ООО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

